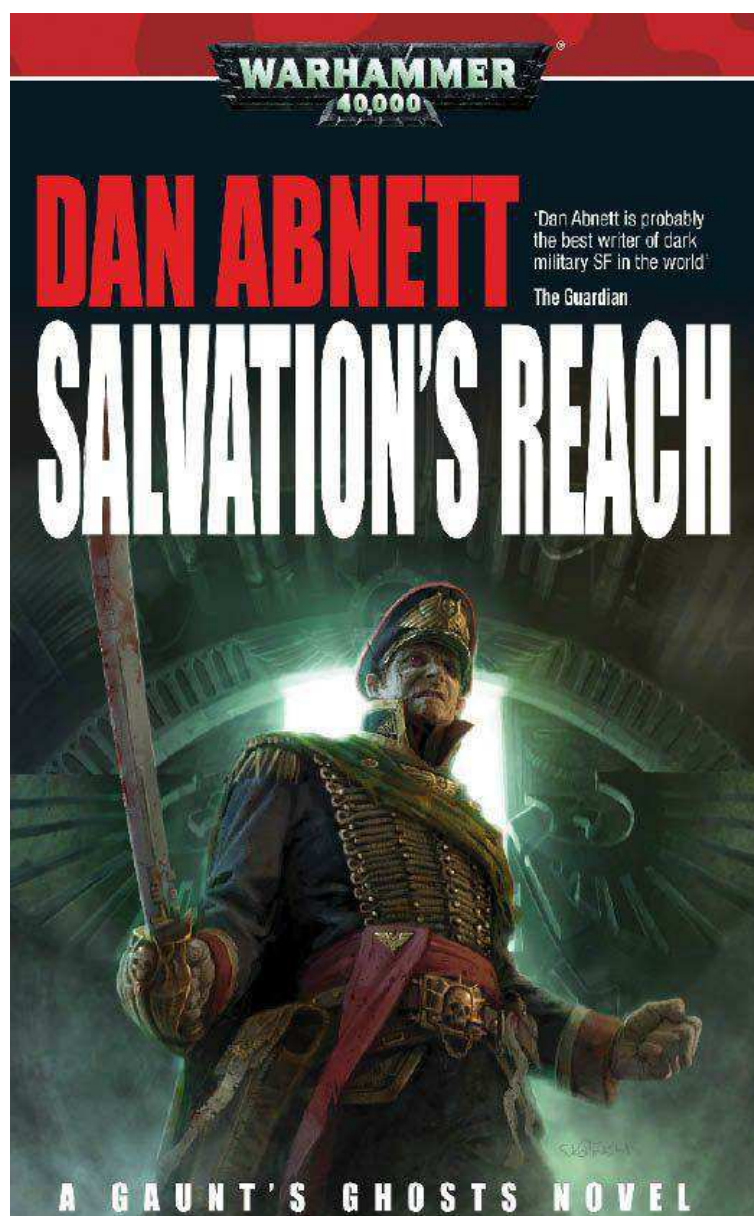

Gaunt's Ghosts - 13

Salvation's Reach

Призраки Гаунта

Предел Спасения

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империиума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

*Пришел тогда он, пленник, в
Дом Демона, и он был связан
и помазан, чтобы его жизнь могла быть
взята в обмен, как по обычаю.*

Но он выскользнул из своих оков, и зажег огонь

*внутри Дома Демона,
и сжег его он изнутри,
и таким образом Демон это был, который
сгорел и был уничтожен.*

- из Кинебрахского мифа о Рафе и Герое

«На всем протяжении 781.М41, основные боевые группы Магистра Войны Макакота оставались в безвыходном положении на границах Группы Эриний, несмотря на его энергичные усилия пробиться силой. Главные силы крестового похода Макакота сдерживались обширной защитной линией, составленной из войск Архонта Гора, оверлорда Архиврага.

В то же самое время, второстепенная боевая группа Магистра Войны неоднократно потерпела неудачи в изгнании легионов Магистра Анакванара Сека, наиболее талантливого лейтенанта Гора, из Системы Кабал. Старшие советники уговаривали Макакота оторваться от своей упрямой войны на Линии Эриний и сосредоточиться на уничтожении Сека в Мирах Кабала. Когда угроза от Сека будет ликвидирована, советовали они, Крестовый поход сможет безопасно возобновить свой штурм на позиции Архонта. Но Макарот отверг эту точку зрения, заявляя, что это может дать Архонту достаточно времени – возможно, два или три года – чтобы восстановиться и окопаться до такой степени, что Линия Эриний станет неприступной.

Разделенный между этими двумя средоточиями сопротивления, Крестовый Поход Макакота терял значительные силы и материальные ресурсы. Крестовый Поход стал двумя крестовыми походами, и даже огромные военные десятины Макакота, и огромная поддержка от лордов сектора, не могли поддерживать его амбиции. К тому же, был повсеместный и нарастающий страх того, что скоординировавшись должным образом, войска Сека и Гора смогут сработать с таким эффектом, что силы Крестового Похода в Миры Саббат будут, фактически, уничтожены.

Во время этого критического периода, были спланированы и осуществлены серии тайных операций в ключевых точках Миров Саббат. Наиболее критическая, и единственная, от которой зависели все остальные, была предпринята в Пределе Спасения в отдаленном Приграничье Римворлда. Видимая, как огромная авантюра, и с ужасающими шансами на успех, миссия была одобрена Макаротом на основании того, что, если она будет каким-то чудом выполнена, это сможет полностью изменить баланс в войне.

Это был двадцать шестой год Крестового Похода в Миры Саббат, и Макарот все больше выглядел, как человек, готовый попробовать все, что угодно, и рискнуть всем, чем угодно, чтобы обеспечить победу.»

- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ОДИН

Короли-Самоубийцы

Что-то, возможно год выживания на оккупированном Гереоне, или просто тот факт, что он был рожден хитрым и жестоким сукиным сыном, придало Майору Роуну из Танитского Первого определенную заточенность.

Он, обычно, мог чутать приближение проблемы. Этим утром, он мог *определенно* чутать приближение проблемы. Как и у режущих кромок, его была такой же тонкой и острой, как и вдоль лезвия его серебряного боевого ножа.

На рассвете, когда двойные солнца начали прожигать нефтехимический смог вдоль городского залива, он покинул расположение полка и спустился вниз, к рокритовой пустоши покрытия берега залива. Там, он прогулялся до перемычки, и пересек ее по понтонному мосту перед караульным помещением острова.

Понтонный переход издавал глухие звуки под ногами. Смотри вниз сквозь решетку, он мог видеть воду, ядовито коричневую и покрытую пеной. Огромные гальванические заводы вдоль залива, постройки Адептус Механикус, которые питали и оживляли центральные системы города-улья, только что опустошили свои теплоотводы и наполнили береговую линию утренней дозой радиоактивных сточных вод. В воздухе был пар, пар, который вонял серой и катился, как полоса тумана, белый в свете солнц. Воды залива и дельты реки были кислотными сотни лет. Было оптимистично думать, что в них все еще что-нибудь живет.

Однако, твари жили. Прямо под поверхностью воды, они двигались и извивались, с пиявочными ртами, медленные и скользкие, с расположением зубов, похожим на забитые подушечки для булавок и глазами, похожими на слизь. Роун мог их видеть, следующих за ним под поверхностью; темная, извивающаяся масса. Что придало им их заточенность? Был ли это звук его шагов, проходящая мимо тепловая сигнатура его тела? Феромоны? Его тень на воде?

Они были выжившими. Они адаптировались к своей окружающей среде вместо того, чтобы позволить ей убить себя. И они убивали все, что угрожало им.

Прямо, как он.

Трое Урдешских солдат комплектовали караульное помещение. Они не знали его, а он не знал их. Они его не интересовали. Он выбрал это особенное утро, потому что это был, весьма вероятно, последний шанс, которым он собирался воспользоваться до того, как полк отбудет. Точка невозврата была достигнута.

Тем не менее, был ноющий дискомфорт у его заточенности. Что-то было не так. Что-то было неправильно. Он выбрал неправильный день, чтобы попытаться это сделать. Может быть, солдаты заподозрили его в чем-нибудь, может быть, они по какой-то причине на нервах. Может быть, что-то выдало его истинное намерение.

В обычных обстоятельствах, сомнения было бы достаточно, чтобы заставить его остановиться, повернуться, и пойти домой. Неуверенности было бы достаточно, чтобы послать все и попытаться снова в другой день, когда обстоятельства будут более благоприятными.

За исключением того, что больше не будет никаких *других дней*. Сейчас или никогда. Не было больше других шансов. Монстр, *тот монстр*, должен был быть уже давно мертв. Правосудие и порядочность требовали этого, и только самоотверженные усилия хороших людей, которым следовало подумать получше, обеспечивали спасение монстра.

Верность. Роун всегда обладал способностью оценивать меру верности. Он понимал, что было правильным, а что нет. Он понимал, когда приказ был плохим, и его нужно было игнорировать. Он знал, что иногда человеку нужно было быть алогичным. Человеку нужно было сделать то, что выглядело, как плохая вещь, чтобы все остальное было хорошим в конце.

Монстру было судьбой уготовано умереть. На его смерть предъявляли требования. Попытки уже были предприняты, больше, чем одной заинтересованной группой. Роун не мог стоять в стороне и позволить вещам продолжаться.

В конце концов, Роун был человеком серьезных убеждений. К счастью, все они были стерты из его дела в тот день, когда он присоединился к Имперской Гвардии.

Урдешцы наблюдали за ним, пока он подходил. Что они подозревали? Понимали ли они, для чего он, на самом деле, пришел?

Он остановился у внешних ворот. У Урдешских солдат были черные металлические значки, которые указывали на то, что они были прикомандированы к Роте S Комиссариата, подразделению личной охраны. Они спросили его имя и цель его прихода, и изучили бумаги, которые он передал через металлический ящик. Одному из них потребовалось много времени с документом «Разрешение на Контакт», подписанным командующим офицером Роуна, как будто у него были проблемы с грамотностью.

Они впустили его. Они проверили его Идентификационные жетоны. Они с презрением смотрели на его татуировки. Он был каким-то фермером-язычником с сельскохозяйственного мира, варваром, а не приличным бойцом из такого цивилизованного места, как Урдеш. Только его звание сдерживало оскорбления.

Они забрали его пистолет, положили его в шкафчик караульного помещения, и заставили его за него расписаться. Затем они хлопали его сверху донизу.

Урдешцы до этого момента делали все тщательно, но теперь начали проявлять себя длинная ночь и головные боли от кофеина. В свое время Роуна хлопывали гораздо лучше. Он точно знал, как изогнуться или повернуться, невинные движения, которые выглядели, как сохранение равновесия, так что даже кто-нибудь, кто хлопывает всерьез, мог быть обманут и уведен в другую сторону. Роун держал руки поднятыми. К тому времени, как они закончат, они будут верить, что методически проверили везде, хотя, по факту, он держал их подальше от пары зон.

Они нашли нож. Танитский боевой нож, серебряный клинок, пристегнутый к его правой голени.

«Что это?» спросил один.

«Страховка,» ответил Роун.

Они забрали его, заставили его за него расписаться.

Он хотел, чтобы они нашли его. Это была приманка. Люди верят, что они проделали все тщательно, если что-нибудь находят. Обычно, в этот момент люди прекращают обыск.

«У вас тридцать минут,» сказал один из охранников. «Это разрешенное время, согласно вашим бумагам. Вы вернетесь сюда через двадцать девять минут. Если нет, мы пойдем искать вас, и вы будете считаться обоснованной целью.»

Роун кивнул.

Они открыли внутренние ворота. Цепной подъемник ворот загремел. Он прошел через караульное помещение и вышел на внутренний понтонный мост. Прилив явно был пойман здесь между огромными каменными пирсами острова. Здесь была отчетливая резкая вонь серы, и масса разлагающегося мусора, прибитая к липким стенам залива.

Он сошел с понтонного моста и забрался по каменным ступеням, которые привели его под арочный вход. Остров был искусственным атоллom из камня и рокрита, построенный, чтобы поддерживать низкую и широкую, жуткую башню маяка. Мост, который изначально соединял атолл с берегом, давным-давно сгнил. Он был заменен металлическими понтонами.

Маяк давным-давно не горел. Темные и запущенные, толстые стены и недоступность башни использовались в других целях.

Как только он был вне зоны видимости с караульного помещения, Роун зашел в тени. Он потянулся к икре левой ноги, и достал другой Танитский боевой нож. Он привязал его к голени шнурками. Тот, который он отдал, был Мерина. Роун забрал его без разрешения. Возможно, Мерин уже обыскивает свою комнату в поисках него. Это добавило к удовольствию Роуна от всего предприятия мысль, что, чтобы еще не случилось, Мерина, в конечном счете, обвинят в потере своего полкового кинжала.

Роун полагал, что ножа, возможно, будет достаточно. Этого, определенно, должно было быть достаточно для любого уважающего себя Танитца, чтобы сделать дело. Но он хотел учесть все переменные.

Сбоку низкого арочного прохода был темный каменный резервуар. Это когда-то был слив из уборной, или дренаж, построенный, чтобы совладать с подъемом воды при шторме. Лезвие его боевого ножа, ловко приложенное, приподняло край деформированной железной крышки. Роун подцепил пальцами крышку и поднял ее. Внизу был сырой каменный колодец, с водой, скрывающейся внизу в темноте.

Другие вещи тоже скрывались внизу, твари с деснами, напоминающими подушечки для булавок и глазами, цвета яичного белка. Он мог слышать, как они весело плещутся и извиваются, как будто развлеченные его хитростью.

К крышке снизу была привязана веревка, и она свисала в колодец под весом вощенного вещевого мешка на конце. Он вытащил веревку и мешок вместе с ней, открыл его и вытащил тяжелый предмет, завернутый в мягкую ткань.

На самом деле, это была группа предметов, плотных и тяжелых. Обработанные металлические компоненты. Роун разложил ткань на каменном полу рядом с дренажом, и разложил на ней предметы. Он соединил их вместе, быстро и умело. Он проделывал такое раньше тысячи раз. Он смог бы сделать это вслепую. Каждая часть со щелчком вставала на место. Запах оружейной смазки был сладким и сильным.

Стандартный лазерный пистолет, выпущенный Муниторумом, модель с Хулана V. Это был один из первых новеньких пистолетов, отштампованных и доставленных с Хулана на оружейные склады Танита, прямо перед Основанием. Рукоятка была заменена на сделанную вручную из дерева нала, и годы и использование придали внешнему виду большую красоту, чем этого можно было достичь с помощью какого-нибудь лака.

Пистолет тайно проносили на маяк неделями, по одной части за раз. В нем не хватало энергетической ячейки, боковых накладок и пламегасителя. Роун залез в поясную сумку. Внутри были две сигары, закатанные в черную лакричную бумагу. Охранники Роты S брали их, нюхали, и отдавали назад. Каждая сигара была в своем маленьком жестяном футляре. Если не считать, что это было не так. Один из жестяных футляров был, на самом деле, пламегасителем. Роун вытряхнул остатки табака и накрыл пламегаситель на конец ствола.

Урдешцы так же провалились в том, что не заметили, что на нем четыре жетона, а не два. Роун снял две пластинки с тонкой цепочки, засунул жетоны назад под одежду, и поставил боковые накладки на места.

Затем он воткнул кончик ножа в каблук, и оторвал его от ботинка. Силовая ячейка была в полости каблука, которую он сделал. Роун поставил каблук назад, топнув, а затем воткнул ячейку в оружие. Он щелкнул переключателем и привел оружие в

боевую готовность, получив крошечный зеленый огонек на рукоятке прямо над большим пальцем. Он почувствовал гудение заряженного лазерного оружия.

Он опустил назад крышку дренажа, засунул нож за пояс, и пошел вверх по ступеням от арочного прохода, держа пистолет сбоку в правой руке.

Дальше было полукруглое каменное помещение, большое и наполненное эхами. Бронированные окна выпуска Муниторума были прикручены или приварены в широких каменных гнездах. Роун прошел дальше в еще большую каменную камеру, полностью круглую и высотой в три или четыре этажа. Это был центр маяка. В основании, в центре, стояла какая-то старая лампа, огромное хитрое изобретение из меди с фитилем, поворотными рукоятками, и резервуаром, питаемым от колодца с прометиумом внизу. Ее окружал массивный каркас с шестернями и цепями, чтобы поднимать лампу в верхнюю часть башни, как только ее зажгут.

Медная лампа была черной от времени, а цепи заржавели. Шестерни и поворотные рукоятки были такими ржавыми, что замерли, испещренные зеленым и белым, и никогда больше не повернутся. Десятилетия пыли накопились на черной от копоти лампе и на фитиле в таком количестве, что это выглядело так, словно какое-то экзотическое животное с густым мехом выставили напоказ.

Роун пошел по лестнице, которая шла вверх вдоль стены помещения. Здесь не было перил, и он не производил ни звука, хотя последнее и не было даже спланировано. Как и многих Танитцев, его научил великий учитель, жизнь, не выдавать себя.

Он чуял кофеин и безошибочный аромат жареных питательных волокон. Плитка, главный продукт обычной пищи гвардейца, краеугольный камень Гвардейского рациона.

Роун достиг площадки. Впереди была дверь. Охранник, еще один Урдешец, сидел рядом с дверью на стуле, позаимствованном в другом здании. Роун держал лазерный пистолет рядом с бедром так, чтобы человек не смог сразу его заметить. Он продолжал идти. Все было основано на уверенности. Уверенность была ключом ко всему. Воспользуйтесь достаточным ее количеством и сможете повернуть любую аферу, выиграть любую битву, или уложить в постель любую мамзель. Чем больше вы действуете так, что в вас абсолютно уверены, что вы что-то делаете, тем меньше

шанс, что кто-нибудь спросит, какого черта вы *делаете*, пока не станет слишком поздно, и они становились – в зависимости от обстоятельств – в плохом финансовом положении, мертвы, или неожиданно обнажены.

Охранник не удостоил его взглядом. Роун прошел мимо него, и вошел в дверь.

Комната первоначально была комнатой начальника башни. Она была с голыми досками и зарешеченными окнами, а спиральная лестница поднималась на верхние уровни башни. В настоящее время в комнате была тяжелая деревянная кровать, маленький стол на колесиках и старый деревянный стул.

Кровать была аккуратно заправлена, одеяло и постельные принадлежности лежали так, как при инспекции казармы. На столе была маленькая люминесцентная лампа, несколько книг и поднос. На подносе была жестяная кружка и фляжка с кофеином, солонка, грязная тарелка с остатками порции плитки, твердых бисквитов и бобовой пасты, и потерянная металлическая ложка. Роун был удивлен, что они разрешили ложку. Этот человек мог превратить ложку в оружие. Он мог заточить ее о камень, нанести ей удар. Если у него не было времени заточить ее, он мог импровизировать. Даже тупой, она могла нанести повреждение глазу или горлу, если приложить достаточную силу.

Может быть, дело во мне, подумал Роун. Может быть, я просто вижу оружие во всем. Может быть, для других людей это просто ложка.

Все книги были Имперскими трактатами и миссионерскими памфлетами, отпечатанными на коричневой, низкого качества, бумаге. Это было все, что монстр, казалось, читал. Он говорил, что они помогают ему успокоиться и укрепить свое решение.

Монстр сидел на стуле за столом, читая один из трактатов, пока переваривал свой завтрак. На нем была черная, без отличительных знаков, одежда, ботинки и коричневая куртка. Его бритый скальп и лицо были покрыты ритуальными шрамами, старыми и морщинистыми, но руки, держащие миссионерский трактат, были мягкими и неотмеченными.

Монстр осознал приближение Роуна. Он прекратил читать и поднял взгляд.

«Майор Роун,» сказал он. «Я не ожидал увидеть вас этим утром.»

Как чертовски вежливо. Прямо, как настоящий человек.

«Фегат,» ответил Роун.

Монстр секунду выглядел испуганным. Не просто из-за того факта, что его назвали *предателем* на его родном, нечеловеческом языке. Это из-за плавности сказанного. Время, проведенное Роуном на оккупированном Гереоне, позволило ему овладеть разговорным языком Архиврага. Он не просто знал слово для *изменника*, он мог донести его с разговорной аутентичностью. Это было так, словно часть старой жизни монстра вернулась, чтобы угрожать ему.

Монстр увидел оружие. Он увидел, как Роун поднимает лазерный пистолет из-за бедра.

«Майор--» начал он.

Роун ничего не сказал. Он прицелился и выстрелил.

Треск разряда прошелся эхом по комнате. Роун услышал, как морские птицы, гнездящиеся в верхних частях маяка, рванули в воздух при звуке выстрела. Больше ничего.

Шаги. Должны были быть шаги. С какой стороны они должны были быть? Какой угол ему нужно прикрывать?

Роун посмотрел на монстра. Монстр, Маббон Этогор, посмотрел в ответ на него.

«Идем, или ты труп,» сказал Роун.

Маббон встал со стула. Выстрел Роуна разнес тяжелую железную цепь, которая соединяла кандалы этогоора с массивным штырем в полу. Он обмотал оставшийся конец цепи вокруг правой руки.

«Я не понимаю,» сказал Маббон.

«Нет времени объяснять,» ответил Роун.

Это собиралось появиться справа.

Окно взорвалось брызгами фрагментов бронированного стекла. Снаружи был человек, на наружном мостике маяка.

Роун схватил Маббона и опрокинул его на пол за стол на колесиках и кровать. Еще три лазерных заряда провизжали сквозь взорванное окно и прожгли дыры в противоположной стене. Распластавшийся, Маббон посмотрел на Роуна.

Роун жестом показал ему лежать.

Стрелок снаружи переключил свою лазерную винтовку на полный автоматический режим стрельбы и выпустил ураган зарядов в комнату. Несколько попали в край тяжелой кровати, расщепляя дерево и отодвигая каркас. Несколько попали в стол на колесиках и опрокинули его. Несколько пронзили спинку старого стула и наполнили воздух пылью и плавающими волокнами шерсти животного.

Тишина. Пыль и дым плавали в солнечном свете. Маббон выглядел готовым двигаться. Роун, все еще лежа на животе, потянулся и взял солонку, которая упала с подноса. Он использовал ее, как перо, и написал на каменном полу солью. Белые линий формировали символ 'притвориться мертвым'. Символ *Кровавого Пакта*. Некоторые говорили, что Роун научился на Гереоне гораздо большему, чем это было хорошо для него.

Маббон посмотрел на символ и кивнул.

Стрелок был осторожным. Он убил охранника у двери до прибытия Роуна: перерезал ему горло и оставил сидеть на стуле. Затем он вышел на мостик и обошел, возможно, намереваясь подняться выше и выстрелить в Маббона сверху. Шум от выстрела Роуна заставил его сыграть раньше, чем он намеревался.

Прошла минута, целая минута. Это ощущалось, как год для двух мужчин, лежащих на полу позади кровати, пока они старались не двигаться или дышать. Вторая минута почти закончилась, когда что-то двинулось напротив света, и фигура вошла внутрь через взорванное окно.

Солдат Урдеша, по его одежде и лазерной винтовке; униформа и Гвардейское оружие могло быть украдено. Ботинки захрустели по битому стеклу.

Роун позволил ему пройти метр или около того по комнате, а затем выстрелил из-под кровати. Лазерный заряд оторвал левую ступню человека, и он с воплем упал. Роун тотчас вскочил, перепрыгивая через побитую кровать, чтобы все закончить. Он надеялся взять человека живым для допроса, но он, так же, был полностью готов пристрелить его, если потребуется.

Он почти проскочил середину кровати, когда сверху полетели выстрелы. Второй стрелок стрелял сверху внутри башни, расположившись на спиральной лестнице без перил.

Роун приземлился на первого стрелка. Это было случайно, но он справился с этим. Человек отбивался. Роун увидел его лицо, вблизи, и узнал его. Они боролись. Выстрелы сверху ударили в пол рядом с ними. Человек держал запястье Роуна. Роун не мог навести пистолет. Лазерная винтовка человека, на ремне вокруг его торса, была между ними.

Роун нанес удар сбоку. Он не мог навести пистолет, поэтому он ударил им. Рукоятка столкнулась с щекой человека и резко отвернула его голову в сторону, но столкновение вырвало пистолет из хватки Роуна, и он заскользил по полу.

Еще больше выстрелов сверху ударили в пол вокруг них. Роун тяжело перекатился, таща своего оглушенного противника с собой, как будто кувыркались двое любовников. Он не мог оторвать лазерную винтовку от стрелка из-за ремня, но он смог схватить правой рукой ствол, чтобы направить его, и протянул левую руку вниз, чтобы нажать на спусковой крючок.

Оружие все еще было на полном автоматическом режиме. Лазерные заряды залили маяк, отражаясь от изогнутой стены, выбивая куски кирпича и камня. Это не было самой прицельной стрельбой, которую Роун когда-либо делал, но он умудрился протащить дикую стрельбу по секции лестницы, где присел второй стрелок.

Подстреленный, возможно не смертельно, второй стрелок вскрикнул и упал. Он прокувыркался вниз дюжину ступеней, откалывая каменные края, а затем задел изгиб стены и полностью слетел с лестницы. Он пролетел восемь метров, прямо вниз, на деревянный стул заключенного, который разлетелся на куски и пыль от удара.

Роун уже был на ногах. Времени для передышки не было. Появился третий убийца, ворвавшись главную дверь. Как и двое предыдущих, он был одет, как солдат Урдеши. У него была лазерная винтовка с прикрепленным штыком. У него, тоже, было лицо, которое знал Роун.

Пистолет Роуна был вне досягаемости. Лазерная винтовка была прикреплена к телу первого стрелка на полу. Вместо этого, Роун рванул на третьего нападавшего, сокращая расстояние между ними так быстро, как мог, выхватывая свой боевой нож.

Третий убийца выстрелил, но серебряный клинок Роуна уже отразил его штык и повернул дуло в сторону. Выстрелы пролетели через разбитое окно. Убийца пытался снова прицелиться, но Роун снова махнул своим клинком и отразил штык, поэтому остальные выстрелы ушли вверх, в башню.

Убийца попытался нанести Роуну удар винтовкой. Роун развернул свой боевой нож, чтобы рукоять была у его большого пальца, а затем ударил клинком сбоку. Удар прошелся по горлу убийцы, слева направо. Кровь хлынула в воздух, как будто кто-то бросил стакан с красными чернилами. Роун резанул с противоположном направлении, и нанес следующий порез вдоль торса человека, справа налево. Убийца упал на колени мертвым грузом, его кровь покидала тело через два огромных разреза. Он упал на лицо.

Роун отступил назад, развернув боевой нож в руке, а затем развернулся, потревоженный звуком позади себя.

Первый стрелок уже поднялся со своей покалеченной ногой, и поднимал винтовку к своей разорванной щеке, чтобы выстрелить Роуну в спину. Но Маббон схватил его сзади. Разбитые кандалы этого человека были вокруг горла человека, выдавливая из него жизнь. Лицо Маббона абсолютно не выражало эмоций.

Человек боролся и производил трескучий задыхающийся звук. Маббон ударил его лицом по каменной кладке вокруг разбитого окна, а затем ослабил цепь, позволив труп упасть на пол.

«Время вашего прихода было весьма удачным,» отметил он.

Роун кивнул, поднимая винтовку третьего убийцы на случай еще каких-нибудь сюрпризов.

У всех троих мертвых убийц было одно и то же лицо.

«Райм хочет, чтобы вы умерли,» сказал он.

«Половина сектора хочет, чтобы я умер,» ответил Маббон.

Роун пожал плечами.

«Значит, вы получили какое-то предупреждение, что Райм пошлет за мной своих Сирклов сегодня?»

«Нет,» сказал Роун. «Это было совпадение. Я пришел сюда, этим утром, чтобы доказать точку зрения.»

«Какую точку зрения?»

«Что Танитский Первый сможет защитить вас лучше, чем подразделения Роты S, которых Комиссариат приставил к вам. Мы все использовали свои визиты за последние несколько недель, чтобы проверить безопасность, чтобы выследить слабые точки, чтобы пронести вещи внутрь. Сегодня, я собирался продемонстрировать то, что если мы можем пронести оружие внутрь, то это сможет кто угодно, и, следовательно, убедить Комиссариат назначить обязанности Роты S моему взводу, чтобы мы смогли избавиться от шутов, которых они используют, чтобы присматривать за вами.»

«Потому что Гаунт, в таком случае, будет счастливее, потому что он верит, что свои сделают работу должным образом?»

«Что-то типа того,» сказал Роун. «И для вас он – Полковник-Комиссар Гаунт.»

«Мои извинения,» сказал Маббон.

Роун посмотрел на тела. Снаружи, он мог слышать приближение людей и начавшуюся звучать тревогу.

«Тем не менее,» сказал он, «это достаточно хорошо доказывает, как прошла демонстрация.»

«Я польщен, что моя безопасность будет вашим делом в остаток моего пребывания здесь, майор,» сказал Маббон.

«Короли-самоубийцы присмотрят за вами,» сказал Роун.

«Короли-самоубийцы? Как в карточной игре?»

«Забудьте. Это личная шутка,» сказал Роун. «В любом случае, остаток пребывания продлится не слишком долго. Вот почему мне нужно было сделать свой ход сегодня. Так же, как Райму пришлось сделать свой ход. Это предполагает, что у него хорошая разведка.»

«Вы перевозите меня. Мы, в конце концов, собираемся начать?»

«Пришло одобрение,» сказал Роун. «Миссия была одобрена. Мы отправимся завтра ночью.»

«Я так понимаю, что когда мы отправимся, то будем на пути к Пределу Спасения?» спросил Маббон Этогор.

«Это засекречено,» сказал Роун.

ДВА

Элоди на Берегу

За день до отправления, Импровизированная Ярмарка шла полным ходом.

Это все было внове для Элоди, конечно же. Все было новым, даже ее фамилия. Дютана. Элоди Дютана. Это была фамилия семьи ее матери, фамилия, которая принадлежала ей, но которую она никогда не использовала. Она оставила несколько временных профессиональных фамилий на Балгауте, и взяла фамилию матери, чтобы помочь себе освободиться от старых воспоминаний и неподходящих ассоциаций.

Она была Элоди Дютаной, и она была частью полковой свиты, и она была спутницей храброго и красивого офицера Имперской Гвардии. Это была новая жизнь, и она ей нравилась, и она намеревалась максимально это использовать.

Она уже однажды проходила весь процесс посадки, на Балгауте, но это было размыто в памяти, и она не принимала в этом большого участия. К тому же, они отправлялись к тому, что Бан Даур описал, как 'точка распределения', а не боевая зона. Тогда не было мрачного предчувствия.

Теперь оно было. Точкой распределения был город под названием Анзимар на планете под названием Меназоид Сигма. Понадобилось шестнадцать недель на вонючем транспортном корабле, чтобы добраться сюда с Балгаута, и они находились здесь уже одиннадцать месяцев.

Балгаут, где Элоди провела свою жизнь, было местом возвышающихся, величественных городов. Это было место Знаменитой Победы, и хотя раны от войны все еще залечивались за ее жизнь там, и все еще было возможно прогуляться мимо пустых участков земли или оболочек зданий за время дневных дел, казалось, что Балгаут сохранял свой дух собственного достоинства и значимости.

У Меназоида Сигма, из того немногого, что она увидела на нем, было мало и того и другого. Анзимар был грязным и индустриальным, и располагался у загрязненного залива, где гальванические реакторные заводы наполняли воздух смогом. Здесь были двойные солнца, что тревожило. Все было шумным и грязным. Везде пахло

химикатами. Элоди не была уверена, что транспортный корабль не был более предпочтительным местом.

Все говорили то же самое. Это было мрачное место, и плохое место для службы. Они здесь были только на время, в ожидании приказов на перемещение. Меназоид Сигма был просто местом, где остановится и пополнить запасы, местом, чтобы подготовиться. Некоторые из Танитцев, те, кто дольше всего служил в полку, рассказывали о Меназоид Эпсилон, который был, очевидно, в соседней системе, где они сражались много лет назад. Не было совсем никакого ощущения, что они рады вернуться в эту часть кластера Миров Саббат.

Она стала частью общества, прикрепленного к Танитскому Первому. Здесь было, по меньшей мере, столько же прихлебателей, следующих за полком, сколько и служащих пехотинцев. Элоди все еще привыкала к своему статусу, своей роли, своим возможностям. Она все еще изучала, кто кем был. Одиннадцати месяцев, даже одиннадцати месяцев, проведенных в такой вонючей дыре, как Меназоид Сигма, стало достаточным временем, чтобы послужить в качестве обучения.

Она была, в сущности, женой офицера. Ее мужчиной был Капитан Бан Даур, командир Роты G. Как и многие в полку, он был с индустриального мира - Вергхаста. Он был хорошим человеком. Элоди быстро обнаружила, что ее впечатление от него разделяли многие: Даур был неподдельно хорошим человеком. Он был красивым, умным и принципиальным. Люди его не любили, но им восторгались за его честность и решимость. Он был честным, и на него можно было положиться. У него были шансы на повышение, и их нисколько не оскорблял тот факт, что, в отличие от большинства Вергхастцев, служащих в полку, он был из хорошей семьи из среднего улья. У него была родословная. Он не был каким-то скромным шахтером или из рабочего класса. Юнипер говорила, что он был хорошим уловом.

Ничего из этого не было тем, почему Элоди была с ним. Она была с ним, потому что он был тем самым, и она поняла это с того самого момента, когда впервые увидела его в тот день в Клубе «У Золандера» на Селвайр Стрит.

Они не были официально женаты. Этот вопрос, на самом деле, не обсуждался. Женитьба была разрешена, и просто требовались определенные документы и

сертификаты, которые должен подписать командующий офицер. Не было никаких причин полагать, что командир Даура откажет в его просьбе.

Но они не дошли до этого. Всего лишь несколько недель, проведенных с полковым кортежем, показали Элоди, что официальные узы были излишни. Солдаты понимали верность, а верность была клеем, который держал все вместе. Она была женщиной Бана, и все уважали это. Им не нужен был клочок бумаги, доказывающий это.

В качестве женщины офицера, Элоди вошла в окружающее общество на сравнительно высоком уровне. У нее автоматически появились определенные привилегии. Ее статус заслужил ей уважение от других женщин. Она должна была украшать руку Даура на определенных полковых ужинах. Офицеры были вежливы с ней. Звание Даура часто закрепляло за ним его собственную комнату вместо общей казармы, и она разделяла ее. Он была, она это понимала, предметом зависти для некоторых. С этим она ничего не могла поделать. Юнипер называла ее трофеем, что бы это не означало.

Полковая свита была необычным обществом. На самом верхнем уровне были жены и женщины, няньки и дети. Полк всегда производил потомков. Здесь были девочки для удовольствий и маркитанты, женщины, которые не были прикреплены к полку по крови, как жена или мать, но по доверию. Их существование зависело от полка, поэтому им приходилось следовать за полком, куда бы он не отправился. И прямо так, как их существование зависело от полка, так же зависели существования штопателей носков, производителей пуговиц, дантистов, точильщиков, прачек, артистов, музыкантов, портретистов, поваров, собутыльников, трактирщиков, посыльных, точителей ножей, мастеров и наладчиков, полировщиков, сапожников и всех остальных, большинство из которых привели свои собственные семьи. Это было неуклюжее, паразитическое бытие, которое существовало, чтобы могло существовать их войско, и следовало за ним везде, две части, зависящие друг от друга ради выживания.

Она проводила большинство дней в лагере свиты, разговаривая с другими женщинами. Некоторые, как Юнипер, стали ее друзьями и наперсницами. Они помогали ей найти свой путь. Юнипер учила ее забирать некоторые обязанности у адъютанта Даура. Работа с униформой была одной из хороших. Она могла бы чистить

ее и чинить, готовить правильную для него. Она могла бы узнать, куда пойти, чтобы достать подходящую пуговицу на замену или кусок тесьмы, кого спросить о подходящей медной пасте, куда отнести пару ботинок для смены подметок. Даур сначала возражал, говоря, что ей, что у нее не то положение, чтобы стирать его одежду. Что он не привел ее с собой, чтобы она чистила его ботинки. Она настаивала, что хочет этого. Что она нуждается в высшей цели, чем хорошо выглядеть на его руке под светом канделябров. Женщина офицера и его адъютант часто обнаруживали элегантное сотрудничество. Адъютантом Даура был мужчина по имени Мор. Он мог посоветовать ей, тайно, по ожидаемым нормам одежды, или послать ей записку, если что-то требовалось из комнаты Даура. В ответ, Элоди оставила служебные дела Морю и убеждалась, что она не ошивается поблизости или, что еще хуже, раздетой, в комнате Даура, когда адъютант проводит дневной брифинг. Иногда, она даже осведомляла Мора о настроении Даура в начале дня, учтивость, на которую Мор взаимно отвечал в конце дня.

В это утро не было никаких вопросов о том, какого рода будет день. Перед рассветом зажгли костры и начали появляться музыканты. Импровизированная Ярмарка была фестивалем, карнавалом, который обозначал отбытие полка со своего местоположения. Как только начали распространяться слухи, что полк готовится к отбытию, началась ярмарка. Все типы торговцев пришли на берег и поставили лавки, приведя за собой уличных артистов, попрошайек, шлюх и, неизбежно, воров. Это был последний шанс для солдат удовлетворить свои желания перед отбытием, последний шанс для свиты приобрести вещи до следующей остановки, последние шанс для городской толпы заработать деньги на приезде войске.

Элоди все это казалось опьяняющей праздничной ярмаркой, которая предваряла главный праздничный день на Балгауте. Было шумно и дерзко и радостно, и были развлечения и соблазны. Но, так же, в этом был безвкусный, предвещающий конец, дух. Полк отправлялся на войну. Никто еще не знал, куда, или какого рода война, и никто даже точно не знал час, когда они отбудут. Такие вещи были засекречены. Хотя, безусловно, они не покинут Меназоид Сигма так, как они покинули Балгаут. Они не направляются в точку распределения или на пункт ожидания. Это была реальность, и некоторые из тех, кто уедет, никогда не вернутся назад, ни сюда, ни куда-либо еще.

Она рано встала. Были вещи, которые нужно сделать. Даур не говорил ей специально, но это был, возможно, последний день на берегу. Она поцеловала его, пока он брился у зеркала, и покинула их жилище. Ему был нужен его первоклассный мундир к обеду. Там был какой-то прием. Она оставила мундир у портного на пятом ряду предыдущей ночью, и ей нужно было забрать его.

Все еще было рано, солнца только поднимались в смоге, но уже была суета. Берег суетился вокруг нее. Из-за того, что лагерь Гвардии у Анзимара был, буквально, на берегу, Элоди предполагала, что именно это 'берег' и означал. Лагерь был большим городом из сборных домов, рокритовых казарм и зданий, в настоящее время занимаемых шестью различными полками, включая Танитский. С одной стороны он был рядом с территорией города, а с другой рядом с обширной рокритовой окраиной, огромными, покрытыми сажей платформами, где ожидали массивные транспортники с открытыми грузовыми люками, чтобы поглотить полк и переправить его на корабли на высоком орбитальном якоре. Транспортники были огромными, монолитными. Посадочная окраина встречалась с линией берега и, с их открытыми люками и водами залива за ними, они выглядели, как океанические монстры, которые выбрались на берег, чтобы погреться и поесть.

Элоди узнала, что 'берег' был просто сленгом Гвардии для любого лагеря, который они занимали до отправления. Берег был временным присоединением гвардейцев к миру до того, как они переправятся на следующий. Иногда, берег был реальным берегом, как это было на Меназоид Сигме. Иногда, это была вершина улья, или пустынная платформа, лесной город или островная база. Иногда это была орбитальная станция, иногда это была ошеломительная столица.

Еще одна вещь, которой нужно научиться. Всегда была еще одна вещь, которой нужно научиться.

На ней было простое платье, шаль и пара старых военных ботинок. Было холодно, но температура поднимется, когда солнца взойдут, а холодная вонь от химикатов обзаведется жгучим привкусом. Перья коричневых выбросов тащились от пиков гальванических реакторов вдоль залива. На воде был туман.

Ярмарочный лагерь был временным базаром из палаток и торговцев, который вырос между казармами у посадочных окраин. Яркие, нарисованные вручную знаки

отмечали ряды и проходы, чтобы направлять людей. Толпы уже возрастали. Здесь были акробаты, люди, торгующие листками с гимнами и песнями, тележки, торгующие горячими пирогами и бисквитами, запах кофеина и сакры и дым сигарет с лху, стук жестянщиков и сапожников за работой.

Безделушки были самыми обычными покупками окружающей толпы, прощальные подарки и подарки на память и подарки не-забывай-меня. Гравировщики в маленьких палатках работали, чтобы нанести имена на дешевые украшения и медальоны. Экклезиархи и миссионеры продавали охранные талисманы и четки; предохранение от ран, вечная защита Бога-Императора. Они, так же, раздавали памфлеты и трактаты для поднятия духа во время путешествия. Доступны были благословения, так же, как и проповеди, доносимые с переносных кафедр. Венки и букеты продавались в огромных количествах, а трактирщики и продавцы с черного рынка были заняты продажей продуктов питания, выпивки и курева, и продажи желаний на последнюю ночь на берегу или для долгих ночей в пути.

Толпа разошлась, и появился шут, в маске клоуна, бегущий на ходулях. Позади него появилась толпа смеющихся детей, большинство из которых были отпрысками полка. Элоди узнала многих из них. Некоторых она знала по имени. Вон та маленькая девочка была Йонси. Она была одной из тех, за кем присматривала Юнипер, поэтому Элоди заходила, чтобы послушать эту историю. Какое-то время за Йонси и ее братом присматривала женщина по имени Алекса, но Алекса умерла, и Юнипер стала заботиться о них. Дети были сиротами с Вергхаста, и их взяла под свою опеку Тона Крийд, женщина-офицер, которая нашла их на поле битвы. Позже оказалось, что их отец совсем не погиб. Им был Майор Гол Колеа из Роты С. Он не хотел снова перевернуть их юные жизни, забрав от приемной матери, поэтому остался в стороне, и просто присматривал за ними через Алексу. Сейчас мальчик, Далин, был солдатом, адъютантом Роты Е, а девочка становилась совершенно большой. Полк стал их семьей и обеспечивал их.

Тем не менее, они многое испытали и потеряли. Трагедия отметила их жизни. Это можно было видеть по ним, особенно по маленькой девочке. С того самого момента, когда она впервые увидела ее, Элоди заметила самую пугающую печаль в глазах Йонси.

Хотя, девочка была милейшим созданием. Она бежала за клоуном на ходулях, махая Элоди рукой. Позади нее, позволив ей бежать одной, шел ее брат, Далин. Он был в форме, красивый молодой человек, смотря на радость своей сестры с улыбкой. У него оставался последний час на берегу до начала служебных обязанностей. Он купил маленькую медаль Святой на ленточке, без сомнения для своей сестры.

Он увидел Элоди.

«Мэм,» сказал он.

«Далин,» ответила она.

«Хороший день,» сказал он.

«Я бы сказала, что почти любой день хороший, чтобы покинуть Анзимар,» ответила она.

Он рассмеялся.

Элоди пошла дальше, мимо ларька с бутылками. Она увидела двух Танитцев, покупающих бутылки с амасеком. Один из них увидел ее и внезапно стал выглядеть виноватым. Он поспешно поставил назад бутылку, которую изучал.

«Как вы сегодня, мэм?» спросил он.

«Отлично, солдат,» сказала она. Его звали Костин. Она знала это, потому что Даур указал на него, как на человека, известного своими большими проблемами с выпивкой за последние годы. Он смутился, потому что женщина офицера увидела, как он покупает ликер.

«Я намеревался сделать подарок,» сказал он. «Моему хорошему капитану, Домору, чтобы отметить это перемещение. В противном случае я бы не притронулся к этому.»

«Тебе не нужно оправдываться, солдат,» сказала она.

Впрочем, возможно, он это сделал. В качестве хостесс в клубах Балгаута, Элоди многое повидала в отношениях между людьми и их отравами. Костин был, без сомнений, алкоголиком. Краснота его лица сказала это ей. Он пил количество, а не качество, или его Гвардейского жалования не хватило бы, чтобы покрыть его

привычку. Он был тем типом человека, который варил бы свою собственную сакру, чтобы обеспечивать себя дешевым снабжением.

Так почему он покупает бутылку отличного амасака, которая должна быть заперта в серванте полковника? Был ли это, по-настоящему, подарок, как он сказал? Где такой человек, как Костин, достал столько денег?

Он дошла до лавки портного на пятом ряду и встала в короткую очередь, которую развлекал глотатель огня. Шестнадцать штурмовых транспортников, Валькирий, провыли над головой в боевом порядке.

Элоди смотрела на артиста, покрытого маслом и гибкого, скачущего, когда выдувал конусы огня с горящих палок.

«Тот еще трюк,» произнес голос позади нее. «Я пытался когда-то ему научиться, в надежде, что это сможет впечатлить мамзелей.»

Она повернулась и увидела Комиссара Бленнера, стоящего в очереди позади нее. Он улыбнулся и снял свою фуражку.

«Доброго дня, Леди Даур,» сказал он.

«И совсем еще не леди, сэр.»

«Вы должны позаботиться от этом,» ответил он.

«Серьезно?»

«Да, до того, как--»

Бленнер сделал паузу, как будто он сожалел, что зашел на эту территорию.

«Я всегда думал,» сказал он, меняя тему, «что здоровое снабжение – это самая лучшая защита от превратностей войны.»

«Я запомню это, сэр.»

«Пожалуйста,» сказал он, «даже слепой сможет увидеть, что вы не солдат, поэтому нет нужды так ко мне обращаться. Вэйном, я настаиваю.»

Комиссар Бленнер, как и она, присоединился к полку на Балгауте. Он был, рассказал ей Бан, старым другом командира, и был введен, чтобы пополнить комиссарскую власть в Танитском Первом теперь, когда работа Комиссара Харка стала такой специализированной.

Элоди сталкивалась с Бленнером на нескольких официальных обедах. Он не выглядел, как солдат. Он казался слегка толстым и нездоровым, обрюзгшим от легкой жизни в бездействии. Он выглядел, как клерк Администратума, одетый, как солдат. Он, возможно, был когда-то красивым, но больше он не был таким красивым, каким он думал, он был, а его шаловливое поведение было слегка неприятным. Элоди встречала людей такого типа множество раз в клубах Балгаута. Привилегированный, сладкоречивый, достаточно обаятельный, чтобы понравится. Но всегда надо было думать, на что он собирался наложить свои руки.

«Вы здесь к портному?» спросила она.

«Точно,» сказал он. «Шьют мой плащ. Мне нужно влиться. Долг зовет нас всех.»

Ее очередь подошла. Она взяла мундир Даура у портного, проверила работу, и заплатила.

«Хорошего дня, сэр,» сказала она Бленнеру. «Да переместимся мы все в целости.»

«Император защищает, дорогая леди,» ответил он. Он смотрел, как она уходит. Вид того стоил.

«Ладно, где мой чертов плащ?» сказал он портному.

Бленнер надел свой плащ, пока шел сквозь толпу. Никто, даже приставы из сил правопорядка, обеспечивающие безопасность на ярмарке, не вставали у комиссара на пути. Он пересек маленький двор, где люди играли в мяч, и вошел в лазарет.

Внутри, большой Танитский головорез был раздет до пояса и сидел на деревянном стуле, пока один из санитаров, тощий парень, на котором все еще был его медицинский халат, наносил татуировку на его лопатку очень большой иглой. Бленнер мгновение стоял, смотря с восхищением. Человек был большим и волосатым, и вонял жидким прометиумом. Это не была его первая доза чернил.

Новая татуировка, наполовину сделанная, представляла собой игральную карту, Короля Ножей. Цвета будут добавлены позже.

«Это, на самом деле, подходящее использование медицинского оборудования?» спросил Бленнер.

Санитар подпрыгнул, осознавая, что здесь Бленнер. Его халат был чистым, но его пальцы были испачканы синими чернилами. У него была кружка, полная иголок. Человек, которому наносили татуировку, повернул свое большое, бородатое лицо и посмотрел через плечо на Бленнера. Он не показал никакой попытки встать или выказать уважение.

«Простите, сэр, у меня выдался момент,» сказал санитар.

«Ты это делаешь?» спросил Бленнер, пристально смотря на татуировку.

«Я всегда это делаю, сэр.»

«Он хорош с иголками,» сказал здоровяк.

«Как тебя зовут?» спросил Бленнер.

«Лесп, сэр,» сказал санитар.

Лесп. *Лесп.* Так много новых имен и лиц, чтобы запомнить.

«Что это?» спросил Бленнер, указывая на татуировку.

«Король Ножей, сэр,» сказал Лесп.

«Король-Самоубийца,» прорычал здоровяк.

«А тебя как зовут?» спросил Бленнер.

«Бростин,» сказал он.

«Знаешь что, Рядовой Бростин?» сказал Бленнер. «Я думаю, что ты должен оторвать задницу и показать мне некоторую вежливость.»

Бростин встал. Он посмотрел вниз на Бленнера. Он вонял смазкой.

«Вам не нравятся мои чернила?» спросил он.

«Мне не нравится твоя позиция,» ответил Бленнер.

«Жизнь полна разочарований,» сказал Бростин. «Сэр,» добавил он.

«Что это означает, Король?» спросил Бленнер.

«Это то, чем я собираюсь стать, разве не так?» сказал Бростин. «Рота Б, первый взвод. Мы собираемся стать Королями-Самоубийцами.»

Рота Б, подумал Бленнер.

«Ты один из парней Роуна?»

«Я принадлежу Роуну, и я принадлежу огню,» сказал Бростин. «Я принадлежал до того, как стал принадлежал Гвардии.»

Бленнер посмотрел на Леспа.

«Это не подходящее место, чтобы делать такие дела,» сказал он.

«Сэр.»

«Мне бы следовало вас обоих поместить под чертов арест.»

«Есть проблемы?» спросил тихий голос.

Бленнер повернулся и обнаружил, что стоит лицом к лицу с новым медиком полка. Человек присоединился к подразделению на Балгауте, прямо, как Бленнер. У Бленнера не было много времени, чтобы с ним познакомиться. Человека звали Колдинг, гражданский, завербованный Гаунтом. Он был альбиносом, с чем у Бленнера были небольшие проблемы. Это было обескураживающим. Кожа Колдинга была бледной, а его глаза всегда были скрыты за темными очками. Его голос был мягким, но, так же, бесцветным.

Главной проблемой Бленнера насчет Колдинга было то, что он был доктором-смерть, гробовщиком, осматривателем трупов. По огромному мнению Бленнера, Колдингу не было места в работе над живыми. Бленнер не мог понять, что Гаунт разглядел в человеке.

«Я пришел сюда,» сказал Бленнер, «и обнаружил, что тут такое происходит. Это совсем нехорошо.»

«Почему?» тихо спросил Колдинг.

«Потому что--» начал Бленнер. *«Потому что.»*

Доктор Керт вошла в комнату позади альбиноса.

«Лесп - один из наиболее известных татуировщиков полка, комиссар,» сказала она.

Доктор Керт вошла, держа поднос из нержавеющей стали с чистыми инструментами. Она пристально смотрела на него. Бленнеру она нравилась. Она была красивой, стройной женщиной. Он часто представлял, что она смотрит на него с такой энергией. За исключением того, что сейчас это ощущалось не по себе, как будто можно было подумать, что она решает, где сделать надрез.

«Это непристойно и неразрешено, доктор,» сказал Бленнер.

«Я разберусь с этим, доктор,» сказала она Колдингу, который кивнул и вышел из комнаты.

«Давайте поговорим насчет этого там,» сказала Керт Бленнеру. Она бросила взгляд на Леспа и Бростина, и сказала, «Вы двое, идите. Закончите позже.»

Она провела Бленнера в свою маленькую приемную комнату.

«Лесп – художник. Чернила важны, особенно для Танитцев, хотя Вергхастцы и Белладонцы тоже прикипели к этому.»

«Это вопрос кодекса об униформе--»

«Определенные нормы всегда игнорировались, когда это касается Танитцев и их чернил,» сказала она. «Есть давно установившийся прецедент. Поставить сейчас этот дисциплинарный вопрос будет неблагоприятным.»

«Это вопрос здоровья,» ответил он. «Чернила и иглы... Предполагается, что это санитарная зона.»

«Я не могу представить себе лучшего места, где содержатся стерильные инструменты, а вы?» спросила она. «Я бы предпочла, чтобы они делали это здесь, где иглы могут быть продезинфицированы, а татуировки перевязаны, чем лечить людей от инфекций, подхваченных в грязных подвалах.»

Бленнер открыл рот, а затем снова закрыл.

«Я... вижу, что я еще много чего должен узнать о делах в этом полку, доктор. Могу я звать вас Аной?»

«Нет, комиссар. Это будет неподобающе. А теперь, как я могу помочь вам?»

«Я просто заглянул на минутку.»

«Вы выглядите напряженным. Озабоченным.»

«Это медицинское заключение?»

«Я только такое и могу дать.»

«Я надеялся увидеть доктора.»

Керт замешкалась и поджала губы.

«Я – доктор, комиссар.»

«И самый благоухающий, которого я когда-либо видел,» сказал он. «Но я хотел проконсультироваться с доктором-мужчиной. В частном порядке.»

Керт кивнула. Она не была удивлена, особенно такой рептилией, как Бленнер. Она, искренне, не могла понять, почему Гаунт терпел его. Ему, без сомнения, нужен был порошок от какой-то сыпи, которую он подцепил, и ему было слишком стыдно позволить ей проверить его жалкие гениталии.

«Доктор Колдинг--»

«Доктор Дорден,» твердо сказал Бленнер.

«Я, на самом деле, не хочу беспокоить Доктора Дордена,» сказала она.

«Я хочу,» ответил он.

Керт вздохнула и встала. Она пошла к комнате Дордена и постучала.

«Комиссар Бленнер хочет вас увидеть», позвала она.

«Момент. Я только что собирался выйти.»

«Он говорит, что это будет недолго», сказала Керт. Она посмотрела на Бленнера, который согласно кивнул.

«Пригласи его внутрь.»

Дорден, старший медик полка, сидел за столом, проглатывая, с помощью стакана воды, последние шесть таблеток, которые он принимал каждые два часа. Больше не было нужды маскировать потерю его веса и выпадение волос. Его болезнь не была секретом, но она не обсуждалась. Все, что знал Бленнер, человек уже пережил все прогнозы.

Бленнер закрыл за собой дверь.

«Как я могу вам помочь?» спросил Дорден.

«Я бы хотел, чтобы вы мне кое-что дали», сказал Бленнер.

«Что именно?»

«Тоник, сэр, средство.»

«От чего, комиссар?»

«От того, что тревожит меня, доктор», Бленнер выдавил оживленный смех.

Дорден не улыбнулся.

«У меня нет целого дня», сказал Дорден. «Ну, я надеюсь, что есть, но я не знаю, сколько еще дней будут после этого. Поэтому, могли бы вы выразиться точнее.»

Бленнер прочистил глотку.

«Я боюсь», сказал он.

«Мы все боимся. Трон, я знаю, что боюсь.»

«Простите меня, но я серьезно. Я совершенно не могу справиться с этим.»

«Так усильте хватку.»

«Доктор, мне нужно вести этих людей.»

«Вы уже вели людей раньше,» сказал Дорден. «У вас долгая карьера. Кто там был с вами перед нами? Грейгориацы? Вы повидали боевые действия.»

«Слушайте, только между нами,» сказал Бленнер, садясь напротив Дордена и наклонившись вперед, «жизнь с Грейгорианцами была весьма очаровательной. Я имею в виду, Трон! Это было церемониальное подразделение. Мы маршировали и суетились и муштровались. Это была чертовски роскошная жизнь!»

«Я слышал, как вы рассказывали, детально, о ваших подвигах под огнем,» сказал Дорден.

«Да, ага. Я рассказываю хорошие истории.»

«Гаунт об этом знает? Он привел вас в наше подразделение.»

«Он должен знать. Трон, я не знаю. Он знал, на что я был похож, когда мы были в школе. Я не изменился. Он должен знать.»

Дорден сцепил свои тонкие белые пальцы.

«Вэйном,» сказал он, «мы в преддверии отправления на миссию, которая настолько важная, что нам еще не рассказали ее детали. Все тревожатся. Это абсолютно естественно.»

«Но--»

«Вэйном, чего вы боитесь? Смерти?»

«Трон, я не готов умереть!» залепетал Бленнер. «Я еще не пожил! Возможно, вы смирились с этим, но я, определенно--»

Он остановился и посмотрел на доктора.

«Я сказал ужасную вещь. Мои извинения.»

«Нет нужды. Вы правы. Я готов. Мы отправляемся к тому, что меня совершенно не пугает.»

«Ну, тогда, я бы хотел немного того, что у вас есть,» сказал Бленнер.

«Это можно устроить,» сказал Дорден. «Смотрите, Вэйном, я думаю, что это, на самом деле, не связано со смертью. Я полагаю, что вы, на самом деле, боитесь, что все выяснится. Я полагаю, что вы боитесь выйти на линию огня и подвести его.»

Бленнер вздохнул.

«Черт,» произнес он. «Я даже не рассматривал это. Я все еще висел на части смерти.»

Дорден улыбнулся. Он поднялся и взял маленькую коричневую бутылочку с забитой полки. Он дал ее Бленнеру. Она была наполнена маленькими овальными таблетками.

«Одну каждый день, или когда вы чувствуете себя взволнованным. Это улучшит вашу силу духа или поможет вам ясно мыслить. Приходите ко мне, когда вам будет нужно еще.»

«Спасибо вам, доктор,» сказал Бленнер. «Теперь слушайте. Я не хочу, чтобы это--»

«Я могу заверить вас, что то, что только что было между нами, останется в тайне.»

«Спасибо вам.»

«И последнее, комиссар. Если вы, на самом деле, хотите укрепить себя, вы должны делать то, что я собираюсь сделать.»

«Да?» сказал Бленнер.

«Молитва и почитание, комиссар. Я стал регулярно посещать часовню. Я думаю, что это позволяет мне жить дольше, чем любые лекарства. Присматривайте за душой, и она отблагодарит человека, построенного вокруг себя.»

Береговые службы обычно проводились в лагерной часовне, но во время Импровизированной Ярмарки еkkлeзиapxи раздавали благословения на открытом воздухе.

Аятани Цвейл только начинал свое утреннее обращение, когда появился Дорден. Цвейл стоял на ящики из-под боеприпасов, с кодексом в руке, с двумя молодыми мальчиками из лагерной свиты, стоящими по обе стороны от него с раскачивающимися кадилами. Они выглядели скучающими, но он заплатил им за это. Он выбрал место в конце одного из палаточных рядов, и уже собралась толпа. Дорден встал на ее краю.

«Святая, Святая Саббат, создала эти миры,» сказал Цвейл. «Она создала эти миры своей милостью, чтобы мы жили на них, и вот поэтому мы сражаемся, чтобы освободить их. Она присматривает за нами, знаете ли. Когда мы работаем и сражаемся и спим и едим. Она даже присматривает за нами, когда мы одни, что приводит в замешательство, я знаю, хотя и обнадеживающе. Где был я?»

Проповеди старого священника были определенно нетрадиционными. Когда он закончил, он пошел через расходящуюся толпу, чтобы найти Дордена.

«Я всегда счастлив каждое утро видеть тебя в моей пастве,» сказал он, беря руки Дордена.

«Потому что я доказательство того, что еще одна душа прекратит существование?»

«Нет, просто я рад, что ты не умер во сне. У меня был сон.»

«У тебя есть...»

«Прошлой ночью. С красивыми юными дамами в нем. Очень смущающий. Затем у меня был еще один сон. Святая приходила ко мне.»

«Разве?» спросил Дорден.

«Нет, она была занята чем-то еще, поэтому она прислала собаку. Собака сказала, аятани, сказала она, тебе нужно молиться и делать хорошие дела. Твое дело убедиться, что Дорден переживет тебя.»

«Ясно.»

«Разве я уже говорил тебе это раньше?»

«Да, на прошлой неделе.»

«Ах, я должен подобрать новый материал. Может быть, притчу. Притчи хороши. Когда-то у меня была одна, очень пошлая и очень короткая.»

«Ты, на самом деле, не знаешь, что такое притча, так ведь?»

«Это *так* очевидно?»

«Отец, приходить к тебе каждый день, чтобы помолиться, делает мне хорошо. Я это знаю. Мне было даровано больше жизни, чем у меня были причины надеяться.»

Цвейл взял его под руку, и они начали идти вдоль суматошного ряда, два старых человека вместе. Мальчики с кадилами пошли за ними.

«Я собираюсь присматривать за тобой,» сказал Цвейл. «Я. Это единственно правильно. Я вроде бы привел тебя у этой ужасной ситуации. Если бы я не поменял образцы крови, это мог бы быть я с раком.»

«Отец, для тебя медицина так же не слишком сильная область знаний, так ведь?»

«Яйца. Я знаю, что я имею в виду. Я собираюсь присматривать за тобой. Конечно, забирание тебя на войну, возможно, не самый лучший план в таком случае.»

«Мне всегда нравились Импровизированные Ярмарки,» сказал Дорден. «В них великий дух. Великое предвкушение.»

«Я подумываю сделать татуировку. Лицо беати. Ваш парень, Лесп, он делает чернила, так ведь?»

«Да.»

«Хорошо. Беати. Украшенная облаками.»

«Где вы собираетесь сделать ее?»

«Здесь, на Меназоид Сигме,» сказал Цвейл. «Оу, разве *он* не выглядит сейчас волнующе опрятным!»

Они пересекли дорогу рядовому Весу Маггсу. Маггс был одет в полную униформу и выглядел совсем не в своей тарелке.

«Не подкалывайте меня, отец,» сказал он. «Я ненавижу приукрашиваться.»
Униформа была настолько темно-синей, что была почти черной, с серебряными галунами и инсигниями, включая старую эмблему 81-го. Был красный кушак, серебряные аксельбанты и, на левой стороне груди, официальная медаль Белладона: белладонский цветок, с его стилизованных ярко-красных лепестков стекала единственная капля крови, как слеза.

«Для чего это все?» спросил Дорден.

«Я – часть почетной гвардии,» сказал Маггс. «Для пополнения. Я не понимаю, почему они выбрали меня. Я не принимаю участия в церемониях.»

«Какого пополнения?» спросил Дорден.

«Белладонского,» сказал Маггс.

«Не заставляй их ждать,» сказал Цвейл.

«Это правда?» спросил Дорден.

«Что правда, доктор?» спросил Маггс, взясь с ремешком фуражки.

«Насчет Вайлдера?»

«Так я слышал,» отозвался Маггс, когда поспешил прочь.

«Ты опоздал,» сказал Майор Баскевиль, когда Маггс подбежал.

«Простите, сэр.»

«Займи свое место.»

Две полных роты собрались на посадочной окраине в униформе. Знамена хлопали на ветру. Здесь были Белладонский цветок и Танитский герб. Корабль только что приземлился.

«Приготовиться,» сказал Баскевиль, пока шел, чтобы присоединиться к другим офицерам. Рота D была его, а F принадлежала Ферди Колосиму. Обе роты встали по стойке смирно. Колосим кивнул, когда Баскевиль приблизился.

«Хороший день для нас, » сказал Колосим. «Новая рота. Белладонская рота. Да, сэр. Именно то подкрепление, в котором нуждается этот полк.»

«Разумеется, этому полку нужно подкрепление,» сказал Баскевиль. «Но точка зрения понятна.»

«Это правда? Это брат Вайлдера?» спросил Капитан Сломан.

«Так я слышал,» ответил Баскевиль. «Это его брат. Он лично запрашивал перевод, чтобы присоединиться к нам. Они пытались пересечься с нами три года.»

«Прямо вовремя для этого шоу,» сказал Колосим. «Мы знаем, какого сорта силы он привел? Полную роту? Какой специализации?»

«Мы ничего не знаем,» сказал Баскевиль.

«Мы могли бы использовать тяжелую пехоту,» сказал Сломан. «Может быть, какие-нибудь серьезные орудия поддержки.»

«Начать показывать этим чертовым Танитским разведчикам, как сражаться в войне по-Беллодонски,» сказал Колосим.

Они что-то услышали. Внезапный грохот и высокие ноты.

«Какого--?» пробормотал Баскевиль.

Барабаны. Маршевые барабаны, грохочущие и шипящие, отбивающие великолепный ритм. Цимбалы. Гул басов. Над этим, внезапно, подобно сиренам, раздался рев медных духовых инструментов.

Рота подкрепления сошла к ним вниз по рампе транспортного корабля в свет солнц.

«Это шутка?» сказал Ферди Колосим.

Это был полный оркестр. Они вышли строевым шагом, громяя своими барабанами. Медные духовые инструменты блестели. Их знамена были яркими и абсолютно новыми. По меньшей мере, половина музыкантов были женщинами.

«Ярость Белладона...» сказал Сломан.

«Тихо!» резко бросил Колосим.

Оркестр маршировал до тех пор, пока не собрался напротив встречающих. Их парадные шаг и построение были, определенно, безукоризненны. Они остановились, а капельмейстер (дирижер) подобрал музыку к точному окончанию.

Он вышел вперед и встал рядом со своим командующим офицером, чтобы поприветствовать группу Баскевиля.

«Майор Баскевиль, Танитский Первый,» сказал Баскевиль, отдавая честь. «Со мной, Капитан Колосим, Капитан Сломан и Комиссар Бленнер. Комиссара Бленнера недавно проинструктировали сфокусироваться на дисциплине Белладонского контингента.»

«Это честь,» резко сказал Бленнер.

Баскевиль успокоился, увидев Бленнера. Комиссар прибыл поздно, заняв свое место только во время появления оркестра.

«Капитан Якуб Вайлдер,» сказал командир. «Это – капельмейстер Сержант-Майор Еролемев.»

Баскевиль мог это видеть. У Вайлдера был взгляд его почившего брата, человека, который вел 81-ый, и был командиром Баскевиля и его другом. Люсьен Вайлдер, герой войны, отдал свой последний приказ на Анкреон Секстусе больше пяти лет назад. Якуб выглядел, как молодая, стройная версия.

«Мы готовы присоединиться к Танитскому Первому,» сказал Вайлдер. Он протянул свернутый документ с красной лентой Баскевилю. «Наш документ для прикрепления по приказу, и он был одобрен Муниторумом.»

«Вы – церемониальный оркестр,» сказал Колосим.

«Три секции, и четвертая в резерве,» сказал Вайлдер.

«Дело в том, что нам не нужен... что нам, на самом деле, не нужен маршевый оркестр,» сказал Колосим.

«Капитан Колосим имеет в виду,» быстро сказал Баскевиль, «что мы не ожидали, что нам улучшат церемониальную часть нашего полка.»

«Мы не только играем на инструментах. У нас есть оружие,» сказал Вайлдер, сквозь зубы. «Мы знаем, как сражаться.»

«Не собирался никого оскорбить,» сказал Баскевиль.

«Могу я?» спросил капельмейстер, делая шаг вперед. Он был высоким, стареющим человеком, с морщинистым лицом и смутным проявлением седины. Он носил огромную бороду, подрезанную квадратом, и монокль. В его левой руке был позолоченный дирижерский жезл. Правой руки не было. Правый рукав его длинного плаща был приколот и пуст.

«Около семи лет назад нам дали приказ присоединиться к 81-му,» сказал он. «Капитан Вайлдер, брат моего командира, запросил нас, в целях поднятия боевого духа.»

Я помню, подумал Баскевиль. Я помню, как он говорил «Я им написал, чтобы они послали нам оркестр, Баск. Я думаю, это добавит упругости нашему шагу.» Трон, я думал, что он шутил.

«Вы знаете, на что может быть похоже присоединение при переезде,» сказал Еролемев. «Нас опоздали. Мы прибыли на Анкреон Секстус намного позже того, как вы отбыли. Я предполагал, что нас должны были отправить в другой Белладонский полк. Но Капитан Вайлдер здесь, он... он очень стремился присоединиться к подразделению его покойного брата. Он присоединился к нам и настоял, чтобы прикомандирование было ратифицировано.»

«Это сложно,» сказал Вайлдер. «Дальше тоже были задержки. Оркестр и его инструменты легко убрали в сторону ради боевых отрядов, если места на транспорте были ограничены. Мы всегда были низким приоритетом. Но я хотел оказаться здесь. Мы хотели оказаться здесь.»

Он тяжело сглотнул. Баскевиль видел, что парень делает все, что в его силах, отчаянно пытаясь не подвести своего старшего брата. Он произвел символ аквилы и протянул руку.

«Я знал вашего брата,» сказал Баскевиль. «Это было честью, называть его другом. И это честь, что вы здесь. Добро пожаловать в Танитский Первый, Капитан Вайлдер.»

Рядом с ним, Комиссар Бленнер положил в ладонь еще одну таблетку из бутылочки в кармане своего плаща, проглотил ее за притворным кашлем, а затем улыбнулся.

Оркестр. *Оркестр*. С этим он может справиться. Это было точно по нему. Солдаты, но без досадной *сраженческой* части.

«Какого феса?» пробормотал Ларкин. «Это что, оркестр?»

«Хах, ты снова употребил что-то тяжелое, старый ты сумасшедший негодник,» ответила Жесси Бэнда. «Это галлюцинации.»

«Вообще-то,» сказал Раесс, «Ларкс прав. Это фесов оркестр.»

С Ларкиным во главе, десять полковых снайперов, десять лучших, вместе пробирались сквозь ярмарочную толпу. Продвижение было медленным, потому что старый снайпер не был таким быстрым, как когда-то. Он хромал на искусственной ноге. Сумасшедший или нет, все они выказывали ему почтение, даже дерзкая Вергхастка Бэнда и твердый-как-гвозди Белладонец Куеста. У всех были знаки снайперов, но Ларкин мог перестрелять любого из них.

Толпа разделялась, позволяя им кратко увидеть то, что происходит на посадочных окраинах, куда прибывали и откуда взлетали транспортники. Они могли видеть Белладонские флаги, вспышки двойных солнц на меди.

«Трон,» пробормотал Линдон Куеста. «Мои притащили чертов оркестр с собой.»

«Рада видеть, что Белладонцы добавляют свою боевую мощь к полку,» сказал Бэнда.

«Я тебя выебу,» сказал Куеста.

«В своих мечтах,» улыбнулась она.

Несса показала вопрос, и Ларкин показал в ответ, указывая ей на сцену внизу. Она не слышала барабаны.

Улыбка пересекла ее лицо.

«Они хорошо играют?» спросила она.

«Да, это важный момент, на котором можно сосредоточиться, Несса,» сказала Бэнда.

Они вышли из толпы и вошли в погрузочный док, где команды Муниторума и сервиторы сгружали ящики с грузовиков с длинными кузовами.

«Что мы гн... гн... гн... делаем здесь, Ларкин?» спросил Меррт, его грубая аугментическая челюсть производила отличительное заикание.

«Это сюрприз,» сказал Ларкин. «Собратся.»

Здесь уже была группа Танитцев, ведомая Капитаном Домором.

«Доброе утро, Шогги,» сказал Ларкин.

«Зачем это все?» спросил Домор.

«Ладно,» сказал Ларкин. «Командир сказал, что мы должны провести некоторую специальную тренировку, разве нет? Мои стрелки, твои парни?»

«Да, но он не сказал какую, и он не сказал, почему,» сказал Домор.

«Эх, но кто-то же должен был быть умнее,» сказал Ларкин. «Кто-то же должен был пробраться мимо адъютанта Гаунта, возможно отвлечь его. Я обнаружил, что Бэнда хорошо работает.»

«Белтайн – это пластилин в моих руках,» промурлыкала Бэнда.

«Значит, пока у Бела в руках была--» сказал Ларкин.

«Говоря метафорически,» вставила Бэнда.

«-- кто-то взглянул на грузовые декларации полка. Увидел, какого сорта доставляют припасы, и для кого. Кто-то затем смог составить картину.»

«Этот кто-то собирается поделиться картиной,» спросил Раглон, «или этот кто-то ждет, чтобы получить по зубам?»

«Терпение, Рагс,» сказал Ларкин. Он прохромал к стопке ящиков. «Это твои, Шогги. Полный набор для твоих парней. Эти мои. Дай мне ту монтировку, Раесс.»

Раесс дал Ларкину монтировку. Старый снайпер начал поднимать край одного ящика.

«Вы не можете это делать!» воскликнул техник Муниторума.

«Отвали,» зарычала на него Бэнда. Человек поспешил прочь.

«Ладно, взгляните на это,» сказал Ларкин, вытащив первую штуку из ящика с улыбкой.

«Что, во имя Бога-Императора, это?» спросил Раесс.

«Пулевые винтовки,» сказала Бэнда, взяв себе одну. «Старая, дешевая, винтовка со скользящим затвором. Какого гака?»

«Что это за боеприпасы?» спросил Куеста. Он взял патрон большого калибра. У него был медный капсюль и пуля, которая выглядела так, как будто была сделана из стекла.

«Я хочу свой лонг-лаз,» сказала Бэнда. «Это я не хочу.»

«На что, предположительно, мы должны охотиться?» спросила Несса.

Ларкин приложил винтовку, которую держал, к щеке, открыв старый, но хорошо обслуживаемый затвор, и прицелился.

«Ларисель,» сказал он. «Как в старые дни.»

«Старый глупец, в конце концов, потерял его,» сказала Бэнда.

Ларкин поводил прицелом, и, внезапно, обнаружил цель в мушке.

«Простите!» воскликнул он, опуская винтовку. «Не видел вас там, мэм.»

«Я ищу Капитана Даура,» сказала Элоди.

«Он внизу, во втором зале, мэм,» сказал Домор. «Для осмотра пополнения.»

«Ой, точно,» сказала Элоди. Он держала мундир. «Я думала, что он говорил четвертый. Спасибо.» Она поспешила наружу в свет двойных солнц.

«Ты собираешься объяснить?» спросил Раесс Ларкина.

«Определенно,» сказал Ларкин, все еще пробуя оружие на ощущение.

«И почему я, на самом деле, здесь?» спросил Меррт. «Ты знаешь, что я не могу гн... гн... гн... больше стрелять.»

«Меррт, друг мой,» сказал Ларкин. «Ты был лучшим стрелком, которого я когда-либо видел. Я решил, что собираюсь научить тебя, как снова делать это.»

«Прости, я опоздала,» сказала Элоди. «Я потерялась.»

«Это не важно,» сказал Даур. Он взял мундир и поцеловал ее в щеку. «У меня все еще есть время.»

«Я тебе нужна?»

«Нет,» сказал он.

«Значит, увидимся позже,» сказала Элоди.

«Есть одна вещь, о которой я хотел поговорить с тобой,» сказал он.

«Это может подождать, пока ты тут не закончишь,» сказала она, и ушла.

Вернувшись в их комнату, она почистила несколько вещей. Она надеялась, что не создала проблем, опоздав с мундиром.

Элоди начала паковать. Под маленькой стопкой книг в ящичке она нашла несколько документов.

Прошение на Разрешение Жениться, гласили бумаги.

Бан Даур надел свой мундир и застегнул его на пуговицы. Затем он надел свою фуражку и кобуру на ремне.

В дверном проеме появился Майор Колеа с Комиссаром Ладдом. Оба тоже были в полной униформе.

«Ты уже готов?» спросил Колеа.

«Да.»

Они прошли через склад на испачканную топливом посадочную площадку перед ним. Легкий транспортник Арвус только что сел. Пар плыл из его вентиляционных отверстий.

Окруженный по бокам маленьким почетным отрядом из Танитских и Вергхастских солдат, Даур, Колеа и Ладд приблизились к маленькому летательному аппарату. Его люки были открыты.

Вышли шесть фигур. Четыре первых были одеты в униформу, которая заставила сердце Даура наполниться неожиданной гордостью. Голубая, с высокими шлемами. Гвардия Улья Вергхаста, очень похожая на форму СПО, которую он носил, будучи в Улье Вervун.

Две были эскортом Гвардии, у одной из которых был двухголовый орел на рукаве. Орел, кибернетически модифицированный, был под колпачками. Он изгибался и шуршал своими перьями.

Самой высокой фигурой была женщина, несущая лычки майора. Она была стареющей, сильной и слегка осунувшейся. Другая, пониже, была женщиной-капитаном.

«Майор Паша Петрушкевская,» сказала более взрослая женщина. Она произвела символ аквилы. «Прибыла на службу в Танитский Первый.»

«Добро пожаловать,» сказал Колеа.

«У меня шесть полных рот,» сказала Петрушкевская. «Все с Вергхаста. Они ожидают на орбите перемещения на ваши транспортники. Они разрываются от чувства гордости, чтобы присоединиться к полку Народного Героя и последовать, наконец-то, за ним.»

«Я – Майор Гол Колеа.»

Петрушкевская отдала честь.

«Ваше имя тоже прославлено,» сказала она. «Великий герой разношерстных отрядов. Это честь.»

«Спасибо вам,» сказал Колеа. «Хотя я понимаю, что вы, так же, служили в разношерстных отрядах во время Зойканской Войны.»

«Мы никогда не встречались,» сказала Петрушкевская.

«Это была большая война,» сказал Колеа.

Она кивнула.

«Это мой второй офицер,» сказала она, указывая на более молодую, более низкую женщину рядом с собой. «Капитан Орнелла Жукова.»

«Когда-то из Командования СПО Западного Хасса,» сказал Даур. Он широко улыбнулся.

«Я не была уверена, что вы вспомните меня,» сказала Жукова. Она была очень милой, с оливковой кожей и короткими черными волосами, завязанными в конский хвост. Ее черты были элегантно симметричными. «Я была, всего лишь, новичком, а вы были капитаном.»

«Значит, вы друг друга знаете?» улыбнулся Колеа.

«Приятная встреча,» сказала Жукова.

Петрушкевская отступила назад, чтобы представить две другие фигуры в своей группе. Одна была гибкой женщиной потрясающей красоты. Ее голова была обрита почти налысо, подчеркивая скульптурность ее черепа. На ней был бронированный комбинезон и изумительно сделанная стальная роза лацкане. Оружие на ее бедре было накрыто красной тканью, как по Вергхастскому обычаю. Она была гражданской, телохранителем из верхнего улья. Даур осознал, очень дорогой и квалифицированный работник.

Другая фигура была, определенно, ее начальником. Он был одет в строгую черную одежду и ботинки, молодой человек, не старше пятнадцати или шестнадцати лет, который еще не лишился хрупкости подросткового возраста. Его тонкое лицо было поразительным и узким, почти женским в своей красоте. Его волосы были светлыми.

«Это Меритус Феликс Часс из Дома Часс,» сказала Петрушкевская.

«Сэр,» в унисон сказали Колеа с Дауром.

Мальчик высокомерно кивнул им.

«Где Гаунт?» спросил он.

«Нас отправили встретить вас,» сказал Колеа, «и выразить теплый--»

«Это совсем нехорошо,» сказала телохранитель. Ее Вергхастский акцент был очень сильным. Ее губы были такими же красными, как и ткань, покрывающая ее оружие.

«Все нормально, Маддалена,» сказал мальчик.

«Это, определенно, ненормально,» сказала телохранитель. Она подошла к Колеа, встала лицом к лицу.

«Вергхаст послал шесть рот, чтобы усилить ваш полк,» сказала она, «в честь долга, заслуженного вашим командиром перед нашим ульем, а Народный Герой не может озаботиться, чтобы принять нас лично?»

«Это, к несчастью, так,» сказал Колеа.

«Этот молодой человек,» сказала телохранитель, указывая на стройного мальчика, «Меритус Феликс Часс, из Дома Часс, внук самого Лорда Часса. Его мать – наследница всего Дома. Он прибыл, чтобы почтить ваш полк, присоединившись к нему в качестве младшего командира. Вы говорите мне, что у Ибрама Гаунта есть что-то более важное, чем поприветствовать его?»

«Две вещи,» сказал Колеа, абсолютно спокойным голосом. «Первая, для тебя он – *Полковник-Комиссар* Гаунт, высокомерная ты сука из верхнего улья. И вторая, да, в данный момент, у него есть.»

ТРИ

Серебро, Змей и Шрам

Высокие двойные двери распахнулись так, что можно было подумать, что они были выбиты штурмовым отрядом зачистки, и толпа офицеров продолжила свой путь по длинной колоннаде. Они быстро шагали, ботинки стучали по мраморному полу, полы плащей болтались, не в ритме шага, но со скоростью форсированного марша. Еще быстрее, и они бы сорвались на бег. По обе стороны, вдоль импозантного маршрута, часовые резко вставали в четкую стойку «смирно», когда обозначенные фигуры проходили мимо.

Они были офицерами, с толпой протокольных гвардейцев, торопящихся, чтобы держаться у них на пятках. Протокольные боролись со своими саблями в ножнах, пиками, знаменами и штандартами, которые не были предназначены для поспешной переноски.

Основную группу вел внушительно аугментированный человек, его возвышающееся тело удлинялось и поддерживалось каркасами из шарнирной бионики, которая содержала в себе его когда-то сильное тело. На нем были эмблемы черных падальщиков. Лорд Милитант Сайбон был одним из самых великих архитекторов Крестового Похода, и его боевой послужной список не нуждался в интерпретациях или пояснительных заметках. Он был завоевателем миров, Гвардейским командующим высочайшей известности, и служил на великом театре военных действий Миров Саббат с самого начала, рядом с Магистром Войны Слайдо. Он был хорошо известен своей безжалостностью, и он был хорошо известен тем, что сейчас был не в фаворе, когда магистрство было у Макарота, который высматривал более молодую кровь.

Почти рядом с Сайбоном был Исайя Меркюр, старшая фигура в Комиссариате сектора, глава Отдела Разведки. Намного ниже, чем Сайбон, обтянутый болезненной плотью, Меркюр был человеком с серыми волосами и кожей, покрытой оспинами. Он, каким-то образом, излучал столько же присутствия и власти, как и величественный лорд милитант.

Позади этих двоих шли четыре фигуры в обычных униформах Комиссариата, три мужчины и женщина: Виктор Харк, сильный и влиятельный старший комиссар Танитского Первого; Нахум Ладд, его молодой и серьезный помощник; Усейн Эдур, величественный, темнокожий комиссар, служащий Меркюру в качестве помощника; Луна Фейзкиель, старший комиссар из отдела Меркюра.

Позади них, и перед напрягающейся церемониальной гвардией, быстро шел человек, чья черная строгая одежда объединяла в себе униформу Имперского комиссара и полномочия полковника Гвардии. Он был высоким и худым, и его узкой лицо, сделавшееся впалым от забот, имело стальную угрозу незачехленного оружия из-за специфической особенности его глаз.

Человека звали Ибрам Гаунт.

Даже не притормозив, Сайбон поднял левую руку и сделал ей жест, как будто ломал подпорку. Удар открыл еще одну пару двойных дверей, который ударились по стенам колоннады. Еще одна линия часовых встала по стойке смирно, смотря перед собой. Группа шла дальше.

«Должны мы подождать посланников от Администратума?» позвал Эдур.

«Нахер их,» прорычал Сайбон.

«Если формальности, протоколы,» сказал Эдур.

«Нахер протоколы,» произнес Сайбон.

Слева от них, ряд высоких окон выходил на Посадочные Поля Анзимара. Лихтеры и транспортники летали сквозь утренний смог к главным рокритовым площадкам. Боевые корабли Вендетта примостились на небесных платформах, как ястребы, которые тянулись, как гирлянды, вокруг защитного периметра поля. Гаунт увидел корабль, бронированный корабль, стоящий отдельно на углу площадки, жар все еще плыл от его корпуса в сыром воздухе. Полевые команды держались на почтительном расстоянии. Это была Имперская машина, но это был не тот тип, который использовала Гвардия или Флот.

Еще одни двери с грохотом распахнулись. Впереди был вход в зал для приемов. Позолоченные двери, в четыре человеческих роста, были с резными барельефами львов и карнодонов, орлов и ангелов. Ангелов смерти.

Подходяще, подумал Ибрам Гаунт.

Это были первые двери, к которым они подошли, и которые Сайбон не открыл настежь ударом, как будто проводил операцию по быстрому нападению. Они с Меркюром просто остановились. Через полсекунды после сигнала, Харк с Эдуром встали по бокам от них и открыли двери.

Зал за дверями был огромным, выложенным камнем и украшенным высокими окрашенными окнами, которые превращали свет в осенние цвета. Верхний ряд окон крал больше дневного света над утренним смогом, и проливал его серебряными лучами между темных арок. Гигантская медная аквила была врезана в центр пола.

Три фигуры ожидали их под самым большим окном зала, огромным круглым окном с изображением Золотого Трона на разноцветном стекле.

Одна сидела на деревянной скамье, погруженная в раздумья. Вторая прислонилась спиной к двери, пристально смотря на цветное изображение на стекле. Третья околачивалась поблизости, рассматривая какие-то еду и напитки, которые были на маленьком столе. Было трудно сказать, размышляет ли третья фигура о том, что ей нужно подкрепиться, или просто озадачена, для чего вообще нужна еда.

Все трое были мужчинами, но никто из них не был человеком. Никто из них даже близко не был человеком.

«Святая Терра,» прошептал Ладд.

«Это общая мысль,» пробормотал Харк.

Лорд милитант сделал шаг вперед.

«Я – Сайбон,» объявил он, повысив громкость своей аугментической голосовой коробки до ораторского уровня. «К кому я обращаюсь?»

Три фигуры обратили взгляды. Их глаза зафиксировались на нем, как системы прицеливания. Это не было странным выражением. Их глаза были, буквально,

биологическими, автономными системами прицеливания, их внимательный осмотр мгновенно дал оценку расстоянию, движению, личности и броне. То, на что так пристально смотрели, было в перекрестии прицела.

«Я – Сайбон,» твердо повторил лорд милитант.

«Не вы,» ответила фигура на скамье, не поднимаясь. Его акцент был сильным, как будто можно было подумать, что его язык и интонация были стерты сухими ветрами в каком-то очень отдаленном уголке Имперского космоса.

«Я не думаю, что вы представляете, с кем говорите,» сказал Сайбон.

«Я *знаю*, что вы не думаете,» ответила фигура на скамье. Его массивная пластинчатая броня была грязно-белой, с ярко-красными краями. Нити с бусинами и маленькими амулетами, вместе с тем, что выглядело, как скальпы, свисали с пластин. Его боевой шлем лежал на скамье рядом с ним, его локти были на коленях. Его непокрытая голова была безупречно выбрита, кроме раздвоенной бороды на подбородке и пучка чернейших волос на макушке.

Фигура, которая разглядывала закуски, была одета в серую броню, с золотым орнаментом на груди и голубым символом его Ордена на обрамленной красным белой поверхности его широких наплечников. Части его брони были украшены голубыми очертаниями слезинок. Он держал свой шлем подмышкой. Он был чисто выбрит, с коротко подрезанными черными волосами, которые завивались в маленькие колечки на высоком лбу.

«Он,» обозначил он, указывая напрямую мимо Сайбона на Гаунта. Его кулак в перчатке был огромным, указательный палец был похож на дуло винтовки с прикрепленным глушителем.

«Он – та причина, почему мы здесь,» сказал он, и опустил руку. Его голос был мягче, чем у сидящего гиганта, и его акцент был более резким.

«Есть протокол--» начал Сайбон.

«Нам нет дела до вашего протокола,» сказала третья фигура. Его броня блестела серебром с дорожками из белой эмали. Его голос был просто аугментическим хрипом. «Из-за него мы здесь. Он единственный, с кем мы будем вести дела.»

Сайбон замешкался, но решил не отвечать. Меркюр сердито посмотрел и почесал шею. Фейзкиель тяжело сглотнула. Эдур, Харк и Ладд бросили взгляды назад на Гаунта. Церемониальная гвардия решила, что лучше будет топтаться в дверном проеме, чем, на самом деле, зайти в зал.

Гаунт прошел мимо членов его группы и пошел через зал в трех фигурам. Он прошел прямо по медной аквиле, врезанной в каменное покрытие и остановился, лицом к лицу, с третьей фигурой перед окном. Он снял фуражку, воткнул ее под левую подмышку, и сотворил символ аквилы на груди.

«Полковник-Комиссар Ибрам Гаунт,» сказал он.

Третья фигура пристально посмотрела вниз на него.

«Вигам говорил, что вы выглядите маленьким,» прогрохотал он. «Я забыл, насколько малы люди.»

«Я не думал, что Глава Ордена даже рассмотрит мой запрос,» сказал он. «Факт, что трое из--»

«Трое – это все, что у вас есть,» сказала фигура на скамье, поднимаясь. Скамья болезненно заскрипела.

«Есть более значимые боевые действия, где мы должны принимать участие,» сказала фигура в серебре. «Это трата наших сил, даже нас троих. Но Глава моего Ордена лично удовлетворил прошение. Вы предполагаете, что на операцию уйдет шесть недель?»

«Да,» сказал Гаунт. «Включая транзит. И транзитное время позволяет.»

«И мы отбываем сегодня ночью?» спросила фигура в белом.

«Да,» сказал Гаунт. Он вытащил закодированную плату из кармана плаща и вручил ее серебряному гиганту. «Стратегическая оценка. Все, что у нас есть на данный момент, плюс тактические прогнозы.»

Серебряный гигант взял тонкую пластинку и передал ее гиганту в белом, даже не посмотрев на нее. Бородатая фигура插вила пластинку в обработчик данных на

обшлаге своего предплечья. Раздался низкий гул, и маленькие гололитические изображения начали вращаться на его ладони.

«Могу я узнать, как вас зовут?» спросил Гаунт.

«Брат-Сержант Идвайн, Серебряная Гвардия,» сказал серебряный гигант, постукивая себя по нагрудной пластине. Он указал на гиганта в сером.

«Брат Катер Холофернэс, Железные Змеи.»

Он указал на фигуру в белом.

«Брат Сар Аф, Белые Шрамы.»

«Кто сделал эти тактические оценки?» спросил Белый Шрам, все еще просматривая гололитическое изображение.

«Основы были набросаны Стратегическими Операциями,» ответил Гаунт, «но лучшие части были изменениями, которые сделали мои люди. В частности, полковыми разведчиками.»

«Это обычная чепуха?» спросил Железный Змей.

Сар Аф, Белый Шрам, извлек пластинку и отдал ее назад Гаунту.

«На самом деле, не совсем бесполезно,» сказал он. «Я сделал несколько начальных корректировок. Будут еще замечания.»

«Я с нетерпением жду их обсуждения,» сказал Гаунт.

«Не будет никакого обсуждения,» сказал Сар Аф. «Будут просто замечания.»

«Тогда, я с нетерпением жду, чтобы скорректировать их,» сказал Гаунт.

«Вы не сможете сделать это без нас,» сказал Сар Аф, тень промелькнула на его лице.

«По правде, всего лишь некоторые могут увидеть, почему это вообще стоит усилий. Шансы невелики, риски не стоят того, цель иллюзорна. Это незначительное и экстравагантное второстепенное дело, и Глава Ордена Брата Идвайна, очевидно, становится сентиментальным в своем старческом маразме, чтобы даже посмеяться над этим.»

«Если бы это было правдой,» сказал Гаунт, «вас бы тут тогда не было.»

«Они такие...» пошептал Ладд. «Они враждебные. Как будто мы не на одной стороне.»

«Мы на одной стороне,» прошептал Харк.

«Но--»

«Космические Десантники Адептус Астартес действуют на отличном от нас уровне, парень,» тихо сказал Меркюр. «Мы сражаемся в одной и той же войне, ведем один и тот же крестовый поход, но их оперативный контекст намного удален. Они прилагают такие усилия, которых мы даже не можем представить. Они совершают то, что немодифицированные люди не могут. Мы – братья по оружию, но наши пути и дела нечасто пересекаются. Это просто Имперский способ войны.»

«Значит, если они здесь...» начал Ладд.

«Если ангелы смерти прибыли,» прошипел Сайбон, «потому что они решили, что эта операция стоит их внимания, это означает, что Предел Спасения будет невообразимо кровавым адом.»

ЧЕТЫРЕ

Скрепление Уз

Фонари светили повсюду в комплексе Анзимарских Казарм, отчасти, чтобы добавиться к фестивальной природе Импровизированной Ярмарки, но по большей части, чтобы бороться с мраком дневного смога. В этот день он был особенно подавляющим, и не собирался рассеяться до наступления темноты. В лагере и на посадочных полях уже ощущалось так, как будто они были накрыты вечерней тенью.

Гаунт возвращался через внешний четырехугольный двор с Харком, Ладдом, Эдуром и Фейзкиель. Они могли слышать бьющую ключом музыку, играющую из залов, стук тарелок и стаканов из столовых. Полным ходом шел прием пополнения.

«По крайней мере, мы для этого одеты,» сказал Харк.

«Я думал, что лорда милитанта хватит удар,» сказал Ладд, который все еще переваривал встречу, с которой они возвращались.

«Лорды милитанты не любят пренебрежительного отношения, Ладд,» сказал Харк. «Не в пользу простых полковников. Даже не в пользу такого редкого зверя, как полковник-комиссар.»

«Сайбон понимает игру,» ответил Гаунт. «Он тоже играл свою часть. Он знал, что они захотят скрепить личные узы, со мной. Кроме того, Глава Ордена и не рассмотрел бы мое прошение, если бы оно не шло с явной поддержкой высшего эшелона Крестового Похода и одного или двух лордов милитантов. Сайбон получил то, что хотел. Ему нужно было присутствовать для вида, даже если это и было для того, чтобы они смогли просто принизить его.»

«Они когда-нибудь бывают вежливыми?» спросил Ладд.

«Они – Космические Десантники,» сказал Гаунт.

«Но быть настолько неуважительным к лорду милитанту--»

«Они могущественные существа,» сказал Гаунт. «Они любят напоминать людям, где находится это могущество.»

«Значит, они никогда не радушны или--»

«Я не знаю их, Ладд,» сказал Гаунт. Он резко остановился и повернулся, чтобы посмотреть на младшего комиссара. Остальные замерли вокруг них, в центре квадратного двора. «Я никогда особенно не изучал их этикет.»

«Никто не знает их,» тихо сказал Эдур.

«Они знают вас, сэр,» сказал Ладд Гаунту. «Вот, что все это было. Вы попросили что-то типа одолжения.»

Челюсть Гаунта напряглась. В сумраке, его глаза казались охваченными сверхъестественным светом.

«Не одолжение,» сказал он. «Ты не просишь у Космодесантников Адептус Астартес одолжений. Это все связано с договорами и альянсами. Это все связано с тем, чтобы сделать достаточно, чтобы тебя просто заметили, чтобы тогда, когда ты попросишь у них что-то, им было дело до того, кто ты такой.»

«Ты осознаешь, что мы все выглядим для них одинаково, так ведь?» сказал Харк.

Ладд рассмеялся, а затем осознал, что это не предполагалось быть шуткой.

«Что вы сделали?» спросил он.

«Что?» спросил Гаунт, повернувшись, чтобы снова пойти.

«Что вы сделали, чтобы вас заметили?»

«Просто достаточно,» сказал Гаунт, и ушел.

«Балгаут,» сказала Фейзкиель. Остальные посмотрели на нее. «Башня Плутократов. Врата Олигархии. Печально известный Девятый День,» сказала она. «Хурканцы Гаунта стояли вместе с Серебряной Гвардией в разгар битвы. Он, определенно, имел с ними дело, возможно, с самим Вигамом. Его успехи, должно быть, привлекли к нему их внимание. Возможно, он даже заслужил их уважение. Определенно то, что он сделал достаточно, чтобы годы спустя, когда он попросил их о помощи, они озаботились рассмотреть это.»

Она посмотрела на Ладда. Она была, всего лишь, на несколько лет старше него, но между ними, казалось, есть целая бездна из зрелости.

«Это все есть в его личном деле,» сказала она. «Стандартные биографические данные. Там есть еще детали, некоторые из них засекречены, но не трудно для кого-нибудь с Комиссариатским доступом добраться до них, если эти кто-то готовы копнуть.»

«Вы изучали его?» спросил Ладд.

«Ты выглядишь удивленным,» сказала Фейзкиель. «Я собираюсь служить под его командованием. Я хочу знать о нем, чтобы я знала, чего ожидать и как наилучшим образом осуществлять свои обязанности. Любой комиссар сделает то же самое перед прикреплением к новому командиру. Будет сюрпризом, на самом деле, если ты этого *не сделал*.»

«Я не понимаю, зачем мне это было нужно,» сказал Ладд, слегка покраснев.

«Чтобы не задавать тупых вопросов в неподходящий момент?» предположила Фейзкиель.

«Я думаю, что Нахум, возможно, более интуитивный слуга Трона, чем ты, Луна,» мягко сказал Эдур.

«Это не вопрос интуиции,» ответила она. «Это, так же, не вопрос конфиденциальности. Нет ничего плохого, чтобы изучить и понять послужной список офицера, которому служишь. Это улучшает исполнение обязанностей. Это здравый смысл.»

Подбежал посыльный офицер, отдал честь, и вручил Харку сообщение. Харк подтвердил получение, прижав к расписке о получении кольцо с биокодом. Он прочитал сообщение, а затем положил его в карман.

«Нам нужно вернуться к работе,» сказал он. «Есть новоприбывшие, которых нужно разместить, и сделать последние приготовления. Есть кое-что для тебя, Ладд, что нужно обдумать. Фейзкиель высказала свое мнение о присутствии Серебряной Гвардии. Но остальные двое. Железный Змей и Белый Шрам. Почему три Ордена?»

«Я выясню,» сказал Ладд. «Между прочим, когда придут остальные?»

«Кто остальные?»

«Космические Десантники?»

Харк улыбнулся. «У нас есть три Космических Десантника. Только три. Они редки и они драгоценны. Давно прошли те времена, когда они маршировали среди звезд сотнями или тысячами. Нам повезло занять троих.»

«В большинстве случаев,» сказал Эдур, «троих более, чем достаточно.»

«Будем надеяться, что это один из этих случаев,» ответил Харк.

«Как ты будешь выяснять, Ладд?» спросила Фейзкиель.

«Я их спрошу,» ответил Ладд.

«Почему *это* смешно?» добавил он.

Толпы собрались вокруг лазарета, сформировав очереди. Большинство из полкового общества хотели выйти наружу и насладиться несколькими последними часами Ярмарки или, если им разрешили, присоединиться к встрече пополнения в казарменных залах. Они могли слышать музыку оркестра весь путь от лазарета. Кроме того, здесь надо было получить сертификаты, и это означало получить свои уколы.

Элоди присоединилась к очереди. Полковые медики делали прививки всем членам полковой свиты. Уколы были смесью антивирусов и антибиотиков, а так же эмпирических электролитов, предназначенных для защиты от чужеродных инфекций и смягчения некоторых травм во время переправки. Если у вас не было сертификата от медиков, доказывающего, что вам сделали уколы, вы не могли погрузиться на корабль. В этот раз, рассказали Элоди, так же нужен был бонд.

Все вокруг нее в очереди говорили об этом. Сопроводительный бонд был документом об отказе от ответственности, выпущенный Муниторумом, в котором указывалось, что его носитель понимает, что он или она переправляются в боевую зону. Полковые свиты обычно следовали за своими подразделениями, чтобы зарезервировать лагеря или промежуточные станции, соседствующие с полем битвы.

В бонде, который был нужен на этот раз, указывалось, что, по любой причине, свита должна была последовать за Танитским Первым прямо на опасную черту. Они будут в опасности. Их безопасность не будет гарантирована. Им было необходимо подписать бонд, чтобы этим сказать, что они понимают и принимают этот риск, или они могут выбрать остаться позади. Муниторум не рекомендовал Танитской свите подписывать бонды после Уранберга в 771.

Это был трудный выбор, потому что остаться позади было ненадежным вариантом. Для супруга или ребенка, или для торговца, чье бытие стало зависеть от полка, оставание позади означало риск больше некогда не присоединиться к подразделению. Если ты пропустил отправку, ты мог больше никогда не переправиться к тому месту, где в дальнейшем остановится полк. Ты мог провести месяцы или даже годы, пытаясь пересечься с подразделением в дороге, как пришлось тому нелепому оркестру, так она поняла.

Для Элоди, это совсем не было выбором.

«Вы себя хорошо чувствуете, Мамзель Дютана?» спросил ее старый доктор, Дорден, когда подошла ее очередь. Он протер изгиб ее локтя алкоголем, пока санитар готовил шприц.

«Да, доктор. Просто есть кое-что в мыслях.»

«Вы озабочены, без сомнения, тем, что ожидает нас. Война ранит нас страхом вне зоны досягаемости любого оружия.»

Она кивнула.

«Вы кажетесь спокойным, если позволите мне так сказать,» сказала она старому человеку. Он казался очень хрупким, но его руки были тверды, как камень, и она почувствовала, всего лишь, крошечный нажим, когда игла вошла. «Я могу только предположить это потому, что вы раньше делали это?»

«Вы не первый мой пациент, Мамзель Дютана.»

«Я имею в виду войну.»

«Ах. Нет, к этому никогда не привыкнешь. Но вы правы, я не могу припомнить где, в своей жизни, я оставил свою тревогу.»

Элоди пошла назад вдоль берега, сквозь ярмарочные толпы, с маленьким ватным тампоном, прижатым к месту укола. Она пошла к жилищам, которые стояли рядом позади прачечных палаток. Казалось, что, на самом деле, темнеет, как будто настоящий вечер проходил сквозь темный смог.

«Юнипер?» позвала она. «Юнипер?»

Палатки сильно пахли карболовым мылом и сырым рокритом.

«Юнипер? Ты здесь?»

Она нырнула в жилище Юнипер и резко остановилась. Женщина, наполняющая топливом маленькую печку внутри, была не Юнипер.

Она была солдатом, сержантом, худой и сильной с короткими светлыми волосами.

«Ой, простите,» сказала Элоди.

«Вы искали Юнипер?» спросила Тона Крийд.

«Да.»

«Она ушла получить бонд,» сказала Крийд. «Я пришла повидать Йонси, и сказала ей, что останусь, пока она не закончит с делами.»

Маленькая девочка, которую Элоди видела раньше в толпе, сидела в углу жилища и ела бобы из котелка. У нее была медаль Святой на ленте вокруг шеи. Элоди могла видеть, что Йонси еще не долго будет ребенком. Она была маленькой для своего возраста и выглядела не старше семи или восьми лет, но ей, должно быть, было, по меньшей мере, одиннадцать или двенадцать. Возможно, жизнь на плитках и Гвардейских рационах слегка замедлили ее рост. Возможно, она была одной из тех детей, которые могли, внезапно, стать молодыми женщинами в подростковом возрасте. Было что-то совершенно хитрое в ней, чувствовала Элоди. Она все еще заплетала свои волосы в косички, и качала ногами, когда садилась на стул взрослого, чтобы подчеркнуть свои размеры. Но это было так, словно можно было подумать, что

она слегка приукрашивает детский эффект, как будто понимает, что это даст ей хорошее отношение и благосклонность. Все были ее дядями и тетями.

«Я хотела у нее кое-что спросить,» сказала Элоди. «Я приду позже.»

Крийд пожала плечами, как будто этого было вполне достаточно. Последовала легкая неловкость, как будто они не знали, что сказать друг другу.

«Вообще-то,» сказала Элоди, «могу я у тебя кое-что спросить?»

Крийд закрыла дверцу плитки, посмотрела на Йонси, чтобы убедиться, что она с жадностью уплетает свою еду, а затем подошла к Элоди.

«По какой причине солдат берет себе жену?»

«Кроме очевидного, имеешь в виду?» спросила Крийд.

«Да, кроме этого.»

«Нет лучшей причины, кроме этой,» сказала Крийд. «Это не мое дело, я уверена, но как ты чувствуешь – это единственная важная причина.»

Элоди кивнула.

«Бан сделал тебе предложение?» спросила Крийд.

Элоди покачала головой.

Крийд пожала плечами.

«Как я и сказала, совсем не мое дело.»

Элоди вытащила маленькие сложенные бумаги из кармана платья.

«Взгляни на это,» тихо сказала она.

«Прощение на женитьбу,» сказала Крийд, читая.

«Он ничего не говорил. Ничего. Но у него есть документы. Он заполнил их.»

«Так в чем проблема?» спросила Крийд, отдавая бумаги. «Слишком быстро? Ты собираешься сказать нет?»

«Нет.»

«Хорошо. Было бы плохо во всех смыслах, если бы мы ввязались в это со старшим капитаном, нянчущимся со своим разбитым сердцем. Погоди, это все связано с сопроводительным бондом? Ты не хочешь подписывать бонд? Ты остаешься здесь?»

«Нет, нет. С этим все в порядке. Я взяла свой.»

«Тогда?» спросила Крийд.

«Я не понимаю, почему он мне не сказал.»

«Мы уезжаем в спешке. Это не романтично, но он хочет сделать все по закону до того, как мы зароемся в это.»

«Просто чувствуется, как будто есть другая причина,» сказала Элоди. «Другая причина, почему он хочет сделать это.»

«Это из-за того, что он может умереть?» сказала маленькая девочка из другой части комнаты. Они обе посмотрели на нее. Йонси опустила ложку и смотрела на них, с легкой улыбкой на лице.

«Это из-за того, что он может умереть?» повторила Йонси. «Он хочет жениться на тот случай, если он умрет.»

«Иди, умойся,» сказала Крийд. «У тебя соус вокруг рта.»

Йонси засмеялась и соскользнула со стула. Она побежала в уборную в задней части маленького жилища.

«Прости за это,» сказала Крийд.

«Нет, я прошу прощения. Мне следовало думать, что говорю. Я была невнимательна.»

Крийд нахмурилась.

«Невнимательна? Чего? Ох, ты имеешь в виду, из-за Каффрана?»

Она пожала плечами, как будто это ничего не значило.

«Меня больно, что он умер, а не то, что я сначала не вышла за него замуж. Это не имело бы значения для нас, клочок бумаги. Хотя, для кого-то имеет. Некоторые женятся, знаешь, чтобы обеспечить.»

«Что ты имеешь в виду?» спросила Элоди.

«Если ты, на самом деле, не замужем, с клочком бумаги, который можно показать,» сказала Крийд, «тогда Муниторум не рассматривает тебя в качестве вдовы. Поэтому некоторые гвардейцы женятся просто для того, чтобы обозначить преимущество вдовства. Это не много. Всего лишь, несколько крон в год, я полагаю, пособие вдовы. Но это имеет значение для некоторых людей.»

«Не для меня,» сказала Элоди. «Ты думаешь, поэтому он хочет это сделать?»

«Я не знаю. Может быть, для него имеет значение знать, что ты будешь обеспечена. Вдова капитана, возможно, получает лучшее пособие.»

Элоди сложила бумаги и убрала их.

«Ты в порядке?» спросила Крийд.

«Да. Да, нормально.»

«Ты выглядишь бледной. Я слишком много сказала.»

«Нет.»

«Ты, действительно, не думала ни о чем из этого, так ведь?» спросила Крийд.

«Думала, что думала. Оказывается, что нет.»

«Тогда, лучше тебе подумать,» сказала Крийд. «Он – солдат. Солдаты умирают.»

«Мы все умираем,» сказала Элоди.

«Да,» кивнула Крийд. «Но не так быстро, как солдаты.»

Гаунт поднялся по ступенькам к входу в казарменный зал. Смог и наступающий вечер объединились, чтобы создать темноту, похожую на сумерки. Окна зала светились лампами.

Белтайн ждал его у входа.

«Что-то неправильно,» сказал Гаунт.

«Оркестр, сэр,» сказал Белтайн.

«Я могу слышать, что это. Я просто не могу, хоть убей, понять, зачем.»

«Я оставил это удовольствие Майору Баскевилю, сэр,» сказал адъютант.

«Что-нибудь еще?» спросил Гаунт.

«Новые старшие офицеры жаждут встречи с вами.»

«Конечно. Ты объяснил, что я задержался по необходимости?»

«Объяснил, сэр. Некоторые приняли это лучше, чем остальные.»

«Что-нибудь еще?» спросил Гаунт.

«Переправка закончится прямо к полуночи по-местному времени,» сказал Белтайн.

Он вручил Гаунту планшет. «Наш транспортник подтвержден, как *Высочество Сир Армадьюк*. Это фрегат. Класса Буря. Что бы это не означало.»

«Значит Флот, все-таки, не смог выделить боевой крейсер.»

«Нет, сэр. Вообще-то, Флот этот тоже не выделял. Как я понял, *Высочество Сир Армадьюк* был существенно поврежден во время Хуланских Войн и был в резерве последние двадцать семь лет. Он провел, как мне сказали, так называемый «модификационный ремонт», но его характеристики все еще не позволяют быть полностью сертифицированными Флотом.»

«Ты говоришь, что это кусок металлолома, который, в противном случае, пошел бы на разбор?»

«Я этого не говорю, сэр,» сказал Белтайн, «потому что я ничего не знаю о Флоте или о том, как там у них это делается. Я просто обычный гвардеец.»

Гаунт посмотрел на документы на планшете.

«Ох, как они верят в нас. Давая нам корабль, о котором они даже не вспомнят, потому что они совершенно уверены, что он будет потерян.»

«Я запомню, чтобы держать это проникновение в суть дела при себе, так ведь?» спросил Белтайн.

«Да, пожалуйста,» сказал Гаунт, отдавая планшет. «Что-нибудь еще?»

«Нет, сэр.»

Гаунт сделал жест в сторону двухголового орла, который присел на голове большой статуи Святого Киодруса неподалеку. Орел взъерошивал крылья и суетился на мраморном насесте.

«Даже не это?»

«Это мне не принадлежит, сэр,» сказал Белтайн, «и не я поместил это туда.»

Гаунт вошел в зал. Длинные, освещенные люстрами столы были подготовлены к ужину, но собравшиеся гости, в основном, стояли, разговаривая в группах, с напитками в руках. Сервиторы жужжали сквозь толпу. Полковые цвета – Танитские, Вергхастские и Белладонские – были в изобилии. С одной стороны на низкой сцене, оркестр энергично играл.

«Где ты был?» спросил Бленнер, практически сразу же перехватив его.

«Ох, ну знаешь, полковничал и все такое,» сказал Гаунт.

У Бленнера в руке был бокал.

«Я ненавижу такие гулянки,» сказал он, наклонившись ближе к Гаунту, так чтобы он мог шептать и все еще быть слышимым над игрой оркестра.

«Оркестр был не твоей идеей, так ведь?» спросил Гаунт.

«Почему ты так подумал?» спросил Бленнер, выглядя уязвленным.

«Я не знаю,» сказал Гаунт. «Есть в этом что-то такое, что ощущается, как тщательно продуманная шутка.»

«Ой, спасибо,» сказал Бленнер. Он вытащил то, что выглядело, как таблетка, из кармана своего плаща, и запил ее амасеком. Он увидел, что Гаунт смотрит на него.

«Что?» сказал он. «У меня болит голова.»

Приближался Колеа с несколькими офицерами, которых Гаунт не узнавал.

«Командир,» сказал Колеа, «имею честь представить старших офицеров нового Вергхастского пополнения. Майор Паша Петрушкевская и Капитан Орнелла Жукова.»

Гаунт отдал им честь.

«Мне стыдно,» сказал он, «что я не был здесь, что встретить вас. Вы проделали долгий путь, и вы способствуете великому делу.»

«Мы понимаем,» сказала Петрушкевская. «Майор Колеа был весьма добр, чтобы объяснить, что вас задержал важный стратегический брифинг.»

«Именно так. Все еще, прошу прощения. Улей Вербун занимает очень, очень важное место в этом полку. Это честь получить подкрепления с Вергхаста.»

«Это честь служить под командованием Народного Героя,» сказала Жукова.

«Я об этом не знал,» сказал Гаунт.

«Ох, да,» воодушевленно сказала Жукова. «До настоящего дня, ваше имя произносят с честью и уважением на каждом уровне жизни улья. Вы знали, что только в одном Западном Секторе Хасса есть четыре ваших статуи? У меня есть пикты, если вы захотите посмотреть на них.»

«Спасибо вам, но я уверен, что знаю, как выгляжу,» сказал Гаунт.

Жукова засмеялась.

«Вы, определенно, более красивый собственной персоной,» сказала она.

«Теперь, она мне, *определенно*, нравится,» сказал Бленнер, делая шаг вперед. «А тебе, Ибрам? Вы мне, определенно, нравитесь, Капитан Жукова. Полковник-комиссар ужасно старый зануда, и притворяется, что ему не нравятся люди, которые говорят ему о его героизме, или насколько он красив. Но мы сами все это можем

видеть, так ведь? Между нами, он, по секрету, любит это, и я советую делать это так часто, как возможно, не важно, насколько он протестует.»

«Бленнер,» прошипел Гаунт.

«На самом деле,» продолжил Бленнер, «чем больше он сопротивляется, тем больше, в тайне, это ему нравится.»

«Серьезно?» рассмеялась Жукова.

«Ох, да,» сказал Бленнер. «Я-то знаю. Я знаю его всю свою жизнь.»

«Да?» спросила Жукова. Казалось, что это впечатлило ее. «Это, должно быть, чудесно. Какой пример он должен подать.»

«Даже не знаю, с чего начать,» сказал Бленнер, положив руку на сердце и наклонив голову в сторону. «Он совершенно вдохновляющий. Хотя, и немногие это знают...» он понизил голос и наклонился вперед. Жукова наклонилась вперед, чтобы услышать, еще более раскрыв глаза.

«... я научил его многому о жизни и манерах поведения офицера,» сказал Бленнер.

«Вы?» воскликнула Жукова.

«Я не люблю об этом говорить. Это не то, как будто бы я ищу признания или узнавания. Достаточно знать, что я помог сформировать характер Имперского Героя.»

«Конечно,» согласилась Жукова.

«Бленнер!» прошипел Гаунт, гораздо более настойчиво.

«Вы очень миловидная, Капитан Жукова,» сказал Бленнер. «Я могу это сказать? Я не собирался говорить вне очереди, и я, определенно, не имел ничего неподобающего под этим. Я говорю только, как комиссар, с чисто профессиональным уважением. Мое дело – это боевой дух и дисциплина сражающегося гвардейца, и под этим я подразумевал, что ваш очаровательный вид – это совершенно мощное оружие для нашего арсенала. Я имею в виду это чисто аналитически! Люди последуют за вами, подчинятся вам. Они будут преданны вам, и--»

«Капитан Жукова хорошо знает о влиянии ее внешности на солдат мужского пола,» сказала Петрушкевская. Она не улыбалась. «На самом деле, у нас был разговор насчет этого.»

«Я уверен, что это так, майор. Я уверен, что это так,» сказал Бленнер. «Вы тоже это понимаете, так ведь? Важность чего-то такого. Просто стратегическая формулировка. А теперь... *Пет-труш-кевс-кая*... Так правильно, так ведь? Весьма труднопроизносимо. Мы должны подумать, чтобы укоротить это до чего-то там, чтобы люди могли произносить это.»

«Комиссар Бленнер,» прорычал Гаунт. «Имя Майора Петрушкевской – Петрушкевская. Так ее будут называть люди. Они, черт возьми, научатся, как произносить это. Все остальное будет неуважительным.»

«Конечно,» сказал Бленнер. «Я только имел в виду--»

«Все нормально, сэр,» сказала Петрушкевская. «На самом деле, это было проблемой. Я, как правило, известна, как Майор Паша. Так меня называли в разношерстных отрядах, до того, как мое звание стало официальным. Вроде ласкового имени, но это прижилось. И простота вместе с ним.»

Гаунт кивнул.

«Ясно,» сказал он. «Ладно, это хорошо. Хотя я, как правило, не одобряю неформальных имен. Отсутствие дисциплины, кроме всего прочего, даже в словах, показывает отсутствие дисциплины, которое может распространиться.»

«Должно быть, поэтому мы называемся Призраками Гаунта,» сказал Бленнер.

Жукова засмеялась.

Гаунту пришлось прикусить губу, чтобы не отвесить пощечину Бленнеру перед собой. Он поискал другой выход, чтобы выпустить пар.

«Откуда появился этот фесово ужасный оркестр?» спросил он.

«Эм, сэр?»

Он повернулся. Остальные повернулись вместе с ним. Майор Баскевиль присоединился к ним, приведя с собой еще одно новое лицо, Белладонского офицера. Лицо человека было странно знакомым, и, явно, с оттенком злости.

«Сэр,» сказал Баскевиль, «это Капитан--»

«Это мой фесово ужасный оркестр, сэр,» сказал офицер. «Я команду боевым подразделением из трех секций, которое, так получилось, исполняет роль оркестра для церемониальных случаев. Его присутствие означает отражение военного героизма и великолепия Белладона, и усиление этого полка. Он благородный и с чувством собственного достоинства. Он годами был привержен цели присоединиться к этому подразделению, и сделал значительные усилия, чтобы организовать переезды, чтобы сделать это. Это маршевый оркестр, который мой брат лично запрашивал.»

Гаунт обождал секунду перед ответом. Он посмотрел человеку в лицо.

«Вы брат Вайлдера.»

«Да.»

«Я не имел в виду неуважение. Я не знал вашего брата--»

«Нет, не знали. И весьма немного от него осталось здесь. Когда он принял командование этим полком, предыдущие названия были поглощены. Я смотрю, все знаки 81-го уже исчезли из полкового названия. Исправления, которые вы сделали, я предполагаю?»

«Новое название было топорным,» сказал Гаунт, не показывая эмоций. «Тем не менее, Белладон оставил сильный и положительный отпечаток на наших рядах, и руководство вашим братом этого полка, и его наследие, не забыто.»

Вайлдер слегка выставил вперед подбородок, но промолчал. Гаунт отдал ему честь.

«Добро пожаловать в Танитский Первый, Капитан Вайлдер. Император защищает.»

Вайлдер отдал честь в ответ.

«Спасибо, сэр.»

«Должен сказать, капитан, что мы не ожидали быть усиленными оркестром.»

«Они боевые солдаты, черт вас дери!» закричал Вайлдер. Он замахнулся на Гаунта. Его кулак намертво остановился, запястье было крепко схвачено правой рукой Бленнера. Скорость, с которой Бленнер двинулся на перехват, была совершенно впечатляющей.

«Я не думаю, Капитан Вайлдер,» сказал Бленнер, крепко держа запястье и говоря прямо в яростное лицо Вайлдера, «что нападение на своего командующего офицера будет хорошим способом закончить свой первый день в этом полку. Это, даже, может быть, способ сделать его своим первым и *единственным* днем.»

Он рассмеялся над своей собственной шуткой. Жукова тоже рассмеялась, ярко и чрезмерно выразительно. Оркестр прекратил играть и все в зале наблюдали.

«Но, это ваш первый день,» сказал Бленнер спокойно и четко, «и это эмоциональный момент. Возможно, он обострил вашу печаль при воспоминании о своем храбром брате. Это понятно. Вам потребовалось много времени, чтобы добраться сюда, и вот вы, наконец-то, стоите здесь. Мы все выпили. Это конец долгого дня и впереди будут еще более долгие. Поэтому, почему бы нам не сделать свежий старт с этого момента, а не с пяти минут назад?»

Он посмотрел на Гаунта.

«Я думаю, что это разумная мысль,» сказал Гаунт.

Бленнер отпустил запястье Вайлдера. Вайлдер опустил руку и выпрямился. Он разгладил мундир.

«Спасибо вам,» тихо сказал он. «Мои извинения. Спасибо вам.»

«Больше об этом ничего не будет сказано,» сказал Бленнер. Он высоко поднял свой бокал и обратился к залу.

«Добро пожаловать к Призракам. Ярость Белладона!»

Ярость Белладона! все прокричали в ответ, даже Петрушкевская и Жукова, и зазвенели бокалы.

Гаунт повернулся к оркестру и сделал ободряющий жест.

«Играйте! Я только начал к этому привыкать.»

Сержант Еролемев улыбнулся, кивнул, и привел оркестр в полный порядок. Музыка снова загремела.

«Ловко,» прошептал Гаунт Бленнеру.

«Я кое-что могу,» ответил Бленнер.

«Мне, все еще, не нужен оркестр,» тихо добавил Гаунт. «Мы можем посмотреть, сможем ли мы, по меньшей мере, потерять их инструменты при транзите?»

«Я попрошу некоторых людей присмотреть за этим,» прошептал Бленнер.

«И присматривай за Вайлдером. Он – проблема.»

«Есть старое выражение, Ибрам. Держи друзей близко, а брата мертвого героя, которого ты заменил в качестве командира, еще ближе. Или закройся в комнате.»

Сводчатое подвальное помещение под казарменным залом было огромным местом со сводчатыми винными погребами и кладовыми с едой. Свет светил из шумного помещения для мытья посуды. Кухни были наполнены жаром и паром и запахами трав и жареного мяса, и кухонные работники слонялись в прохладном входе в помещение для мытья посуды, покрытые каплями пота, пока делали короткие перерывы между готовкой. Сверху, грохот и приглушенный лязг полного энтузиазма оркестра звучал, как небольшое сейсмическое возмущение.

Виктор Харк спустился по лестнице рядом с помещением, сквозь ожидающие группы возбужденной прислуги с подносами, и повернул налево к основной территории подвального помещения. Каменные арки были побелены известью, и здесь было сухо и прохладно, с небольшим намеком на сырой кирпич и фоновые нотки химического смога, который забирался везде на Анзимаре.

Лампы здесь были выключены. Светосферы и свечи стояли рядом с длинным столом.

Собрался Первый Взвод Роты Б. Варл и Бростин, разведчик Мах Бонин, Кабри и Лайдли, ЛаХарф, Мканинч и Мкталли, Жадд Кардасс и Белладонец Кант, Мкрук,

Вергхастец Сенраб Номис. Роун, руководящий гений Роты Б и второй офицер полка, стоял в углу, прислонившись к стене.

«Джентльмены,» сказал Харк, и поднял руку, когда они начали отодвигать со скрипом стулья и вставать. «Сидите.»

На столе были бутылки и стаканы, и фарфоровый кувшин с водой. Ни одна из бутылок не была открыта.

«Проблема на острове этим утром, как я слышал,» сказал Харк Роуну.

«Я справился с этим,» сказал Роун.

«Определенно,» ответил Харк. Он залез в плащ, вытащил сообщение, которое ему доставили на дворе, и дал его Роуну.

Роун развернул его и прочитал.

«Поздравляю, майор,» сказал Харк.

Роун позволил себе слегка улыбнуться. Люди начали улюлюкать и стучать кулаками по столу.

«Как следствие к утрешнему инциденту,» произнес Харк над шумом, «и в свете серьезных провалов в безопасности, продемонстрированных Майором Роуном, Первому Взводу Роты Б Танитского Первого отныне поручено руководство безопасностью пленника на время этой операции. С этим признанием, Первый Взвод Роты Б Танитского Первого будет обозначен Комиссариатом, как Рота S в целях полномочий и власти.»

Люди возликовали даже еще громче.

«Майор Роун – руководящий офицер. Я буду консультироваться с Ротой S напрямую по поводу проводимых мероприятий. Эта «S», как в безопасности (security).»

«Я думал, что «S», как в специальном (special),» выкрикнул Кант.

«Эта «S» для пасть свою закрой (shut your hole),» ответил Кардасс. Люди засмеялись.

«Один совет,» прокричал Харк над шумом и стуком. «Не облажайтесь.»

«А мы когда-нибудь, сэр?» ответил Варл. «Мы когда-нибудь в чем-то лажали? Когда-нибудь?»

«Мы несколько раз облажались,» сказал Бонин.

Варл нахмурился. «Да, было дело,» признал он. Он посмотрел на Харка и оскалился. «Мы будем очень стараться, не налажать в этот раз, сэр,» сказал он.

«И не понимаю, чего я беспокоился,» сказал Харк. Он начал идти к выходу. «Ладно, оставлю вас,» сказал он через плечо. «Ваша первая должностная смена начинается ночью. Вы примитесь за дело, когда пленника будут перевозить для посадки на корабль.»

«Подождите!» крикнул ему вдогонку Роун. «Если вы наш связной офицер, Комиссар Харк, вы должны засвидетельствовать наше маленькое основание.»

Люди затихли.

«Чье «основание»?» спросил Харк, повернувшись.

Роун улыбнулся, и поднял пустой ящик из-под патронов, который стоял на полу у его ног. Он потряс его, и металлические объекты зазвенели внутри.

«Королей-Самоубийц,» сказал Роун.

Люди снова заорали и заулюлюкали.

«Это карточная игра, майор,» сказал Харк.

«Во всем секторе множество версий этой игры,» сказал Роун. Он вручил патронный ящик Канту, который засунул руку внутрь, пошарил, и вытащил что-то. Затем ящик перешел к Варлу.

«Множество версий,» повторил Роун, смотря, как ящик идет по кругу, и каждый что-то вытаскивает. «Множество вариантов. Версия, которую мы называем Короли-Самоубийцы, сначала появилась на Таните, знаете ли.»

«Я этого не знал,» сказал Харк.

«Король-Самоубийца,» сказал Роун, «в стандартной колоде, это Король Ножей.»

«Король Ножей!» энергично повторил Бростин, когда ящик дошел до него, и он что-то вытащил.

«Видите ли,» продолжил Роун, «Танитцы называют игру Короли-Самоубийцы из-за этой карты. Король Ножей. Знаете, почему?»

«Нет, но я уверен, что вы мне сейчас расскажете,» сказал Харк.

Роун улыбнулся. «В старые времена, века назад, правителя Танита, Верховного Короля, защищала группа телохранителей. Самых лучших воинов, Налшин. Они были его телохранителями, его последней линией защиты. Вместо заостренных посохов, они использовали серебряные клинки, просто боевые ножи, поэтому они могли стоять близко вокруг Верховного Короля и защищать его своими телами, и не подвергать его опасности взмахами длинного оружия. Это была великая честь для человека, присоединиться к группе телохранителей, но были шансы, что он погибнет на этой службе. Так что, когда человек принимал эту обязанность, правитель Танита жаловал ему полномочия короля в своих поступках. Верховного Короля защищали люди, у которых самих были полномочия королей. Абсолютная власть в ответ на абсолютную службу.»

Роун посмотрел на Харка.

«Они были известны, как Короли-Самоубийцы,» сказал он. «Они жили жизнями королей, потому что их жизни могли оборваться в любую секунду, и они никогда не поднимали вопрос о жертве.»

Ящик вернулся к нему. Внутри остался последний предмет. Роун вытащил его и показал.

Это была Танитская кокарда, череп и кинжалы, но она была матирована черным, чтобы скрыть свой блеск, а кинжалы не были удалены, как обычно. Буква «S» была выгравирована на лбу черепа. У всех в комнате, кроме Харка, была такая.

«Это то, чем будем мы,» сказал Роун. «Короли-Самоубийцы (Suicide Kings). Вот, что означает «S», и это будет нашим отличительным знаком.»

«Вы оставили кинжалы,» сказал Харк.

«Для этой цели,» кивнул Роун. «Окруженный серебряными клинками, так, как должен быть верховный король.»

«Иногда, вы удивляете меня своей сентиментальностью, майор,» сказал Харк.

«Открой бутылки,» сказал Роун Бростину. «Мы будем праздновать. Кроме четырех человек, которые вытащили кокарду с крестом, нацарапанным на задней стороне.»

Люди перевернули свои кокарды. Бонин, Мканинч, Номис и Лайдли вытащили кресты.

«Вода в кувшине для вас четверых, потому что вы первыми примите свои обязанности,» сказал Роун. «Удача розыгрыша. Сакра для остальных королей. И рюмку для доброго комиссара, я полагаю.»

Харк взял маленькую рюмку вызывающей слезы сакры, которую Мкталли дал ему.

«Короли-Самоубийцы,» сказал он, опрокинув рюмку.

Хотя и не пьяный, Якуб Вайлдер был отнюдь не трезв. Прием был гнетущим и скучным в равных пропорциях, и он много выпил, чтобы попытаться заглушить дурака, которого он из себя сделал с Гаунтом. Этот человек заставлял его чувствовать себя раздосадованным, чувствовать себя злым. Ему нужно было закончить тот замах. Ему нужно вернуться прямо сейчас, вытащить свой служебный пистолет и выстрелить высокомерному ублюдку между глаз.

Так же, подавали какие-то помои. Что-то типа крепленого вина. Вайлдер хотел приличную выпивку. Взрослую выпивку.

Он вышел из зала и немного постоял снаружи, чтобы подышать свежим воздухом. Когда он начал чувствовать холод, он пошел назад внутрь. Он столкнулся с женщиной на входе. Чертовски красивой женщиной, чертовски красивой, в голубом платье. Возможно, женой офицера. Женщиной офицера.

«Простите, мэ,» сказал он, и осознал, что говорит слегка невнятно.

«Не за что,» ответила она.

Здесь были лестницы, ведущие в подвальное помещение. Вайлдер видел, как официанты приносят снизу, из кладовых, бутылки. Может быть, он сможет найти себе немного амасака, немного той штуки, которая закончилась чертовски быстро в начале вечера.

Он спустился вниз по лестнице. Было прохладно и темно. Он мог слышать основную вечеринку, а так же звуки от людей, празднующих что-то в одном из помещений подвала. Какая-то частная вечеринка, без сомнения. Он посторонился их.

Вайлдер нашел дорогу к зарешеченной секции кладовой, где на полках стояли бутылки. Он потряс решетку, но она была закрыта. Должно быть, ключ у кладовщика. Черт.

«Всегда есть способ открыть что-нибудь,» сказал голос позади него.

Вайлдер повернулся. Позади него было три человека. Они сидели вне поля зрения в углу кладовой, примостившись вокруг маленького столика под аркой. Придя сюда, он не заметил их.

«Простите?» сказал он.

Они были Танитцами. Двое были рожденными и выросшими на Таните. У них была бледная кожа и черные волосы. Один был краснолицым, выглядящим пьяницей ублюдком, другой... ну, он просто выглядел, как ублюдок. Красивый, но с суровым лицом, как будто у него прямо под носом было что-то скверно пахнущее. Он был капитаном по его знакам различия, краснолицый алкоголик был простым солдатом. На третьем человеке была черная униформа полка, но он был светловолосым и светлокожим. Его глаза были ярко-голубыми, а его волосы были тонкими, похожими на белое золото. В нем был аристократический дух, легкая надменность. Помесь высокомерного аристократа с глубоководной рыбой, которая никогда не видела света и стала полупрозрачной.

«Я сказал,» холодно сказал капитан, «всегда есть способ открыть что-нибудь.»

«У вас есть ключ, так ведь?» спросил Вайлдер.

«Так получилось, что есть.» Капитан залез в карман и вытащил маленький медный ключ.

«Вы... кладовщик?» спросил Вайлдер.

«Нет,» сказал капитан. «Я тот парень, который знает, сколько нужно заплатить кладовщику, чтобы получить второй ключ.»

«Вы искали выпивку?» спросила аристократическая рыба, смотря поверх носа на Вайлдера молочно-голубыми глазами. Его волосы, они выглядели, как белое золото только потому, что были очень тонкими. Они были бледными, как и его ресницы. Возможно, он был рыжеволосым, когда был ребенком. Маленьким высокомерным ребенком в школе.

«Я искал каплю приличного амасека,» сказал Вайлдер.

«Тогда, вам даже не нужен ключ,» сказал капитан. «Если изволите присоединиться к нам.»

Вайлдер заморгал. Он осознал, что его слегка покачивает, поэтому он прислонился к арке. Он осознал, что на столе у тройцы была бутылка очень дорогого амасека.

«Если вы не против,» сказал он.

«Еще стакан, Костин,» сказал капитан.

Краснолицый пьяница потянулся к полке сбоку и взял тяжелый стакан из толстого стекла. Он поставил его на стол и осторожно наполнил все четыре из бутылки.

«Вы Вайлдер, так?» спросил капитан.

«Да.»

«Добро пожаловать в Первый,» сказал капитан. «Я знал вашего брата. Он был хорошим человеком. Я – Капитан Мерин, Рота Е. Эти джентльмены мои друзья. Рядовой Костин.»

Красный Танитец кивнул Вайлдеру.

«А это – Сержант Гендлер. Диди Гендлер.»

«Рад познакомиться,» сказала аристократическая рыба. Акцент был сильным, тяжелым. Вайлдер слышал достаточно, чтобы понять, что это не Танитский, и, определенно, не Белладонский.

«Вы из Улья Вervун?» спросил он.

«Нет, нет,» сказал Мерин. «Диди не просто из Улья Вervун. Он не какое-то там дерьмо под ботинком. Так ведь, Диди?»

«Капитану Мерина нравятся его маленькие шутки,» сказал Гендлер.

«Сержант Гендлер лучше, чем остальные из нас,» сказал Костин. «Он хорошо известен. У него приличная родословная.»

«Я просто честный солдат,» сказал Гендлер.

«Диди из знати,» сказал Мерин. «Он – кровь из верхнего улья. Высокорожденный из хорошей семьи.»

«Серьезно?» спросил Вайлдер. «Тогда, как вы оказались в этой дерьмовой дыре?»

Гендлер напрягся и его бледные глаза сузились.

«Все нормально,» сказал Вайлдер. «Без обид. Я задаю себе тот же самый вопрос каждое утро.»

Мерин ухмыльнулся. Он протянул один из наполненных до краев маленьких стаканов.

«Присоединяйтесь к нам, Капитан Вайлдер.»

Вайлдер взял стакан и сел на стул.

«За что выпьем?» спросил он. «О чем будем говорить?»

«Ну, сэр,» произнес Гендлер, «если вы здесь, внизу, а не наверху, это либо предполагает, что вы не хотите быть наверху, либо, что вам там не рады. Что, в свою очередь, предполагает, что у нас четверых уже есть кое-что общее.»

Вайлдер посмотрел на амасек в стакане и облизнул губы.

«Я здесь, внизу,» сказал он, «потому что я устал от этой чертовой вечеринки, и я искал какую-нибудь выпивку, чтобы забыть, как я чертовски ненавижу этого ублюдка Гаунта.»

Он замер и резко посмотрел на трех людей, внезапно обеспокоившись из-за того, что он только что сказал вслух.

«Теперь видите?» сказал Мерин. «У нас, все-таки, есть кое-что общее.»

Из теней соседнего угла в подвальном помещении, глаза наблюдали за четырьмя людьми. Эзра ап Нихт, известный, как Эзра Ночь, воин из Антилла Гереона, держался в тени и слушал их разговор.

«Решили пораньше уйти, сэр?» спросила Элоди, проходя мимо Гаунта на входе казарменного зала.

Гаунт остановился и отдал ей честь.

«Нет, мэм,» сказал он. «Я просто решил выйти наружу, чтобы очистить голову. Оркестр может быть...»

Он запнулся.

«Я сама могу слышать, каким может быть оркестр,» сказала Элоди, улыбаясь.

Гаунт кивнул.

«Мне просто нужна минутка, чтобы собраться с мыслями. Если несколько вопросов, которым нужно уделить внимание. Вы выглядите, если позволите мне наглость сказать, совершенно ошеломительно этим вечером.»

Элоди сделала шутливый реверанс. Она была очень довольна, как на ней сидело ее голубое платье.

«Спасибо вам, полковник-комиссар,» ответила она. «Вы можете быть настолько наглым.»

«Без сомнения, вы ищете Капитана Даура?»

«Да. Он внутри, так ведь?»

«Да,» сказал Гаунт. «Идите к нему, и желаю провести очень хороший последний вечер на этом мире.»

Элоди вошла в зал. Было тесно и шумно. Музыка и разговоры, смех и чоканье бокалов. Здесь присутствовало несколько сотен человек, не считая прислуги. Оркестр производил чудовищный шум.

«Вы видели Капитана Даура?» спросила она Капрала Чирию, адъютанта Домора.

«Я думаю, что он вон там, мэм,» сказала Чирия. Он указала.

Элоди посмотрела. Она заметила Даура. Он разговаривал с женщиной. Они были, несомненно, друзьями. Они смеялись. Женщина была очень хорошенькой. На ней была униформа офицера.

«С кем это он говорит?» спросила Элоди.

«Она?» ответила Чирия. «Это – Капитан Жукова. Она из пополнения, прибыла сегодня. Из Улья Вervун. Оказывается, она и Капитан Даур очень хорошо друг друга знают, по старым дням, в улье. Забавно, так ведь?»

«Ага,» сказала Элоди.

«С вами все в порядке, мэм?» спросила Чирия. Капрал была большой женщиной, с мощным телом. Ее лицо было с глубоким шрамом, и это заставляло ее выглядеть угрожающе, но Элоди знала, что она была очень добродушной.

«Да,» сказала Элоди. «Конечно. Я думаю, что просто нашла ответ на кое-что.»

Меррт нажал на спусковой крючок. Это было забавно, вещи, которые ты не забыл. Основные навыки снайпера, охотничьи навыки, они никогда не исчезали. Как например, как нажимать на спусковой крючок. Ты не давишь резко или не дергаешь его, ты не делаешь ничего, что может стряхнуть или поколебать отличный баланс, которого ты достиг между оружием и своей позой. Нажимание на спусковой крючок, этот наиболее значимый акт в искусстве стрельбы, был, в лучшем случае, самым незначительным. Нажатие. Медленное напряжение пальца во время выдоха.

Старая винтовка громыхнула. Меррт почувствовал ее отдачу. Он отвел затвор, чтобы вытащить гильзу.

«Ты промазал,» сказал Ларкин.

«Я гн... гн... гн... знаю.»

«Но ты промазал наименее ужасно, чем за последние десять выстрелов,» оскалился Ларкин. Он встал, поднял свой прицел и посмотрел на временное стрельбище. Они расположились на участке стены в дальнем конце лагеря, выходящей на пласкритовый берег и грязные воды, и между ними и дальним берегом Анзимар Сити в трех километрах не было ничего, кроме токсичного прилива. Здесь была маленькая пристань с ржавыми металлическими ступенями, которая шла от края стены к маленькой каменной вышке, которую иногда использовали в качестве маяка. Пристань позволила Ларкину дохромать до каменной платформы и поставить пустые бутылки и банки для практики. Эффективное расстояние было около трехсот метров. Добавьте сильный бриз, дым и угасающий свет, плюс плохое качество старой винтовки; это была отличная цель.

Меррт вставил новый патрон, закрыл затвор. Ларкин отхлебнул сакры из фляжки. Становилось холодно, а вода воняла.

«Лучше всего использовать это,» сказал Ларкин. «После полуночи, все тренировки будут уже на корабле.»

Меррт вздохнул.

«Это не так, словно я не знаю, что делать,» сказал он. «Я всегда мог вспомнить, что делать. Я не забыл, как стрелять. Я просто перестал быть гн... гн... гн... способным на это.»

Когда-то Меррт был отличным стрелком, некоторые говорили, что таким же хорошим, как Безумный Ларкин, хотя было невозможно оценить это по прошествии стольких лет. На Монтakse, целую жизнь тому назад, он получил лазерное попадание в рот во время боя в джунглях. Медики восстановили нижнюю часть его лица, приделав ему грубую и уродливую челюсть. Кроме разрушения его жизни, это испортило ему прицел. Ларкин знал, что Меррт был прав: на него можно было просто посмотреть, чтобы увидеть, что он знает, что делает. Он просто не мог перевести технику в фактические результаты. Трон знает, он пытался. Меррт потратил годы, пытаясь вновь получить квалификацию снайпера и вернуть свой лонг-лаз.

«Эта поездка – охотничья вечеринка,» сказал Ларкин, делая еще глоток, «поэтому мне нужны лучшие стрелки, которых я смогу заполучить.»

«Это не я,» сказал Меррт. «Больше нет.»

«Но ты был, Рен.»

«Точно.»

Ларкин фыркнул.

«Ты знаешь, в чем твоя проблема?» спросил он.

Меррт постучал по челюсти.

«Неа,» произнес Ларкин, и потянулся, чтобы постучать пальцем по макушке Меррта.

«Точно,» сказал Меррт. «Это гн... гн... гн... психологическое.»

Челюсть подводила его постоянно. Кроме того, что она была уродливой, она имела тенденцию заклинивать и щелкать, как будто он сражался с нейронными связями, которые медики привязали к ней. При некоторых словах, даже нетрудных, Меррт перемалывал челюстью, как будто он застревал в вербальном зыбучем песке. Становилось хуже, когда он нервничал.

Ларкин не был медиком, но жизнь дала ему некоторую проницательность насчет вещей в голове. Стрессовый фактор предполагал, что это все было не столько из-за физического недостатка челюсти, сколько из-за нервов. Аугментика, особенно массивная, приделанная на поле боя, может делать с вами странные вещи. Рен Меррт, благослови его Император, видел свою проблему, как простую, из-за массивного повреждения. Он был испорчен, следовательно, он больше не мог стрелять. Ларкин видел, что все это было в гораздо более мелком масштабе. Грубые и несовершенные нейроды его аугментики были постоянным напоминанием Меррту, что он был сломан и с дефектом, даже во время того одного, безоблачного, идеального момента выстрела. Он никак не мог добиться полной концентрации. Результат: выстрел испорчен, каждый раз.

Это было догадкой Ларкина. За исключением того, что он не мог это доказать.

И даже если бы он смог, что бы он с этим смог поделаться? Заставить их убрать челюсть Меррта?

«Выстрели еще раз,» сказал Ларкин.

«Чтобы ты гн... гн... гн... смог увидеть, как я снова промахнусь?»

«Нет,» сказал Ларкин. «Я не смотрю на бутылки на стене. Я наблюдаю за тобой. Стреляй.»

В зале, Капельмейстер Еролемев, наконец-то, показал музыкантам остановиться. Настало время им прерваться, уложить свои инструменты, и насладиться предложенными едой и напитками. Два Танитских волынщика на противоположной стороне зала взяли на себя развлечение собравшихся.

Члены оркестра спустились со сцены, некоторые со своими инструментами. Эриш, один из знаменосцев, помогал Элвею снова прикрепить знамя к каркасу его полевого барабана. Эриш был большим парнем, с мощной мускулатурой от переноски тяжелых вещей оркестра. У него была спина и плечи, которые выглядели, как луковица тюльпана. На стационарном параде, он играл на цимбалах. Поблизости, Ри Пердэй, одна из лидеров в духовой секции, с восхищением смотрела на него, пока убирала в кейс свой медный геликон. Горус, который играл на деревянном духовом инструменте, подстраивал его.

«Мне нужно выпить,» сказал Горус. «Я думал, они собираются заставить нас играть всю ночь.»

«Не похоже, что они даже, кажется, наслаждались этим,» ответила Пердэй. Она сняла свой высокий, украшенный гребнем, головной убор, и провела рукой по своим волосам.

«Кто?» спросил Эриш, услышав. Он протолкнулся мимо пары оркестрантов с трубами, чтобы присоединиться к ней. «Укажи на лицо, и я разобью его.»

«Разобьет,» сказал Горус.

«Кто-нибудь видел, куда ушел Кохран?» спросила Пердэй. «Он весь день выглядел странно.»

«Странно?» спросил Горус.

«Как будто он болен.»

Оркестрант Пол Кохран был меньше, чем в двух дюжинах метров, когда Ри Пердэй спросила о нем. Он покинул сцену, и побрел в уборную позади зала.

Он был одним из самых молодых оркестрантов, высокий и хорошо сложенный, хорошо выглядящий. Он был особенно красив в бескомпромиссной опрятности своей парадной униформы.

Правда была в том, что Пол Кохран был, фактически, в километре отсюда, плавая в грязном туннеле под фундаментом главного посадочного поля, его белый и раздувшийся труп предоставил первоклассную еду для желеглазых, острозубых обитателей не видящего свет болота.

В уборной, другой Пол Кохран поймал свое отражение в стекле маленького окна, отброшенное лапмой. Он смотрел на себя. На мгновение, его лицо зарябило. Последовали влажные щелчки от движения костей, когда он ослабил сконцентрированные усилия, которые поддерживал, и черепной кинез восстановил нормальную структуру его черепа. Совершенно другое лицо посмотрело в ответ.

Он секунду отдохнул, наслаждаясь расслаблением мускулов и потерей напряжения, а затем снова вернул лицо Кохрана с приглушенным, хрящевым щелчком кости.

Гаунт пользовался служебным жильем на противоположной от зала стороне двора. Ночное небо было темным от смога, похожим на запятнанный бархат. В воздухе была резкая нотка от загрязнения.

Он покинул яркий и шумный зал и пошел к своему жилищу.

Дверь была разблокирована. Горела лампа. Белтайн был единственным с ключом, а Гаунт только что видел его в зале.

Он вытащил свой силовой меч. Сталь тихо выскользнула из ножен. Пристально смотря в дверную щель, он не видел никаких признаков вторженца.

Гаунт вошел внутрь, приготовив меч. Он не производил совершенно никаких звуков. Человек не сражался рядом с такими, как Мколл и Лейр все эти годы, чтобы не научиться, как двигаться, подобно призраку.

В кабинете было пусто. Или документы на его письменном столе потревожены? Затем, спальня. Гаунт мог *чувствовать*, что кто-то был там.

Он подошел к двери. Последовал легчайший намек на движение. Его меч наткнулся на защитный блок.

Что-то остановило его. Что-то парировало его меч. Это двигалось быстро и было очень сильным. Он повторил, более агрессивно. Режущий удар был блокирован, затем что-то размытое прыгнуло на него. Гаунт увернулся, но атакующий был слишком быстрым. Гаунт получил скользящий удар по плечу и опрокинулся в сторону, врезавшись в маленький столик, который перевернулся, книги и планшеты разлетелись по полу.

Потеряв равновесие, он махнул мечом по кругу, уже включив энергию, так что уже смертельное лезвие старого оружия было усилено яростным голубым огнем. Нападающий, все еще не больше размытого пятна, осуществил сальто над шипящим мечом и приземлился позади него. Одна руки сжалась на его горле, а вторая схватила руку с мечом.

Он ударил головой назад, затем рванул назад, врезавшись собой и атакующим за своей спиной в стену комнаты. Вещи попадали с полок. Он пользовался левым локтем и пяткой, чтобы отбиться от атакующего. Хватка усилилась, пережимая сонную артерию на его шее. Он почувствовал, что теряет сознание. До того, как это наступило, он рванул назад с еще большей яростью, и они с нападающим столкнулись со столом, опрокинули его и упали.

Он выронил свой меч, но хватка на горле пропала. Гаунт поднялся, целясь из своего болт-пистолета в лоб атакующего.

Она поднялась с лазерным пистолетом, нацеленным ему в лицо.

«Бросьте,» сказал он. Он не узнавал ее.

«Вы – Гаунт,» сказала она. Резкий акцент. Что это было?

«Да.»

«Тогда это прискорбная ошибка.»

«Тогда, бросьте пистолет,» сказал Гаунт, «или я украшу стену позади вас вашими мозгами.»

Она обдумала это, поджала губы, а затем бросила украшенный и дорогой лазерный пистолет на пол рядом с собой.

«Назовите себя,» сказал Гаунт, его прицел не отодвигался от ее лба.

«Это прискорбная ошибка,» повторила она.

«Не такая прискорбная, как заставлять меня повторять приказ,» ответил он.

Она была гибкой и необычайно красивой. Ее изящная скульптурная голова была обрита почти налысо. Она была одета в бронированный комбинезон, а кобура на ее бедре была накрыта красной тканью.

«Маддалена Дэрбилавд,» сказала она. Ее губы были очень красными. «Я – лицензированный телохранитель Имперского Дома Часс, Улей Вербун.»

Гаунт задумчиво расслабил пальцы на рукояти пистолета, но прицел не убрал.

«Дом Часс?» повторил он.

«Вы не встретили нас днем,» сказала она.

«Меня задержали,» ответил Гаунт. «Кого это, «нас»?»

Вторая персона вышла из спальни. Он был молодым человеком, не более пятнадцати или шестнадцати лет, одетым в простую черную одежду и ботинки.

«Вы не пришли встретить нас,» сказала телохранитель. «Мы пришли в ваше жилище, чтобы подождать вас.»

«Дверь заблокирована генетическим кодом. Только у моего адъютанта есть копия био-ключа.»

«Любую дверь можно открыть,» сказала женщина.

«Не так я хотел встретиться с вами,» сказал молодой человек. У него были светлые волосы, и его юность придавала ему женские черты.

«Никто так не хочет встретиться со мной,» сказал Гаунт. «Кто вы?»

«Это,» сказала телохранитель, указывая на стройного мальчика, «Меритус Феликс Часс, из Дома Часс, внук самого Лорда Часса. Его мать – наследница всего Дома. Он прибыл, чтобы почтить ваш полк, присоединившись к нему в качестве младшего командира.»

«Серьезно? Вот так просто?» спросил Гаунт.

«Он – часть пополнения. Подкрепления предоставлены Великим Ульем Вервун из уважения перед вами и вашими достижениями.»

«Что я очень ценю,» сказал Гаунт. «Я просто не могу вспомнить, что говорил, что высокородные могут просто пригласить себя в командный эшелон.»

«Это отражает великую честь как на Дом Часс, так и на этот полк,» сказала телохранитель, «если сын Дома служит в Крестовом Походе в этом качестве.»

«Это не будет совсем ничего отражать, если он погибнет в какой-нибудь позабытой Императором дыре, куда наследники Королевского Вергхастского Дома никогда не должны заглядывать,» сказал Гаунт.

«Вот, почему я здесь,» сказала телохранитель.

Гаунт замешкался. Он посмотрел на мальчика.

«Твоя мать. Это, должно быть, Леди Мерити Часс?»

«Да,» сказал мальчик. «Она просила передать вам свои самые теплые пожелания.»

«Сколько тебе?»

«Мне семнадцать эффективных,» сказал он.

«Я был на Вергхасте в 769-ом. Это, всего лишь, двенадцать лет назад. Тогда у нее не было детей. Даже если предположить временное растяжение во время переправки--»

«Я сказал, что мне семнадцать эффективных,» ответил Меритус Часс. «Фактически, мне одиннадцать стандартных.»

«Как обычно бывает с наследниками с высоким статусом на Вергхасте,» сказала телохранитель, «развитие моего подопечного было слегка ускорено посредством ювенатных и биологических техник, чтобы он достиг функционального совершеннолетнего возраста так быстро, как возможно.»

«Значит, ты родился сразу после конфликта в Улье Вервун?» спросил Гаунт.

«Сразу после,» кивнул мальчик.

Гаунт заморгал и опустил пистолет.

«Трон тебя побери,» сказал он, «пожалуйста не говори то, что я думаю, ты собираешься сказать.»

«Полковник-комиссар,» сказала телохранитель. «Меритус Феликс Часс ваш сын.»

ПЯТЬ

Высочество Сир Армадюк

В полночь, по местному времени, в небесах над Анзимаром проснулась новая звезда. Городское население спешило посетить дневную службу *Саббат Либеры Нос*, которая проводилась в храмах Беати каждую полночь с начала Крестового Похода, в надежде на светлое завтра. Некоторые из сотен тысяч граждан торопящихся из своих домов, или даже из своих постелей, или приостанавливающих свою работу, в это время, возможно, подняли глаза к небу, поскольку с самого происхождения вида, человечество придерживалось представления о том, что какой-то невыразимый источник провидения может смотреть на нас сверху. Взгляды вверх были напрасными, непреднамеренными желаниями увидеть лицо спасения.

Никто не увидел, как зажглась звезда. Смог этой ночью был так же плотным, как рокрит.

Корабельные звонки звенели. На высоком якоре на границе мезопаузы, Имперский фрегат класса Буря *Высочество Сир Армадюк* зажег свои плазменные двигатели. Двигатели зажглись с пульсирующим мерцанием до того, как превратиться в спокойное, менее интенсивное, ровное сияние.

Под кораблем лежала тропосфера и стратосфера. Тень терминатора тяжело лежала на Меназоид Сигме, а смог в атмосфере был настолько плотным, что не было никаких видимых концентраций света от ульев на ночной стороне. Часть мира была в солнечном свете. Зловонные облака, коричневые и кремовые, выглядели, как инфицированная мозговая ткань.

Маленькие корабли жужжали вокруг *Армадюка*, как мухи вокруг туши животного. Вспомогательные суда примостились поблизости от его боков. Катера, лихтеры, грузовые корабли и шаттлы носились туда-сюда. Все шлюзы Армадюка были широко раскрыты, подобно клювам нетерпеливых детенышей. Целые секции пластин бронированного корпуса фрегата были отогнуты или отодвинуты, чтобы предоставить доступ. Старый корабль, древний и потрепанный, выглядел недостойно, как старая мамзель, которую застали с поднятым подолом.

Над кораблем лежала экзосфера. Вакуум был похож на чистый, но неидеальный кристалл, окно в суровую черноту внесистемного пространства и к отдаленному мерцанию крошечных, злобных звезд.

Высочество Сир Армадюк был старым кораблем. Он был артефактом значительного размера. Все корабли флота были большими. От носа до кормы Армадюк был длиной в полтора километра, и треть этого расстояния в ширину. Его реальное водоизмещение было шесть целых и две десятых мегатонн, и он перевозил тридцать две тысячи четыреста одиннадцать жизней, включая весь Танитский Первый и его свиту. Он был похож на кусок, отрезанный от улья, которому придали форму копья и приделали двигатели.

Он был построен для ближнего боя. Его броня была изрытой и обожженной, и тройной толщины вдоль боков и носа. Конус носа был изрезан глубокими шрамами и залатанными повреждениями. *Армадюк* был Имперским кораблем упрямой породы, которому нравилось сближаться со своим врагом, и который был готов получить травму, чтобы убить врага.

Для Ибрама Гаунта, приближающегося к нему на борту одного из последних катеров, у корабля был характер бойца в яме, или бойцового пса. Его шрамы были гордыми и неслучайными.

Как ритуальные знаки солдата кровавого пакта, подумал он.

Плазменные двигатели снова запульсировали. Шлюзы начали запечатываться, а консольные секции брони начали возвращаться на свои места. Летательный аппарат с Гаунтом был одним из последних, который влетел в центральный посадочный отсек до того, как закрылись главные шлюзы. Рой маленьких кораблей рассеялся, либо в *Армадюк*, чтобы разделить его путешествие, либо в сторону планеты или ближайшей орбитальной крепости. Боевые порядки боевых кораблей классов Фурия и Фауст до этого кружили вокруг корабля в радиусе пятиста километров, чтобы предоставить защиту, пока он был обнажен и уязвим. Теперь они сформировали порядки, чтобы предоставить эскорт. Буи моргали. Топливные линии отделились. Вспомогательные суда отделились и лениво полетели прочь, подобно уставшим почитателям или утомленным любовницам. *Армадюк* начал двигаться.

Начальное ускорение было болезненно медленным, даже при максимальной мощности плазменных двигателей. Это было так, словно предпринималась попытка сдвинуть здание – базилику, храм – с помощью армии толкающих рабов. Корабль протестовал. Пластины его корпуса стонали. Его палубы оседали и скрипели. Его суперструктура изгибалась под приложением огромной движущей силы.

Другие корабли на высоком якоре включили свои прожектора, чтобы отдать честь отбывающему кораблю. Некоторые были настоящими флотскими гигантами, гранд-крейсерами и линкорами шести или семи километров в длину. Их обширные тени падали на *Армадюк*, пока он ускорялся вдоль линии якорной стоянки. Для них, он был потрепанным старым реликтом, флотским сиротой, которого они, скорее всего, больше никогда не увидят.

Фурии собрались вокруг корабля в сопроводительном построении. Плазменные двигатели стали ярче, свет от них отражался от фосфоресцирующих облаков внизу, создавая мерцающее свечение атмосферы. Ионизация мезосферы стало причиной молниевых разрядов, которые танцевали и мерцали вдоль зубчатой поверхности *Армадюка*, пока движущийся корабль не прошел в экзосферу и поток течений магнитосферы не смыл прочь световое представление.

Выйдя из катера в трюм, когда корабль полетел, Гаунт почувствовал запах атмосферы судна. У каждого корабля был свой собственный запах. Он путешествовал на достаточном их количестве, чтобы это знать. Сотни – или иногда тысячи – лет рециркуляции и переработки атмосферы позволяли вещам накапливаться в легких корабля. Некоторые пахли по-странному сладко, другие металлически, третьи тошнотворно. Ты всегда к этому привыкаешь. Десяти- или двенадцатинедельная переездка на корабле может заставить тебя привыкнуть к чему угодно. *Армадюк* пах жженым жиром, подобно жиру в трубе кухни.

Он *привыкнет* к этому. Ты можешь привыкнуть к запаху, к химическому привкусу переработанной воды, к странному вкусу корабельной еды. Ты привыкаешь к постоянному фоновому ворчанию двигателей, к странным звукам от огромной суперструктуры, которая постоянно в напряжении. Как только зажигались двигатели, корпус изгибался; как только поднималось Поле Геллера и корабль входил в варп, корпус напрягался, как хорошо накачанная рука, согнутая и напряженная. Ты

привыкаешь к болезненному ускорению, к пронизывающему холоду, к странному, нестабильному сдвигу там, где искусственные гравитационные поля колеблются.

Как только перемещение в варп достигнуто, ты привыкаешь к закрытым иллюминаторам. Ты привыкаешь игнорировать все, что бы ни было снаружи. Ты привыкаешь к губительным воплям Эмпирей, звукам ударов по корпусу, или к пылающим огненным штормам, или штормовым ветрам, или царапанию по ставням иллюминаторов. Ты привыкаешь к шепоту, дрожи и дребезгу, необъяснимым периодам света, горящего на половине мощности, отдаленным подземным ударами, снам, шагам в пустых коридорах, чувству, что ты устремляешься все дальше и дальше в свое собственное подсознание и сжигаешь свой рассудок, чтобы питать поездку.

Единственная вещь, к которой ты никогда не привыкнешь, это масштаб. На высокой орбите, даже с обширной планетой поблизости в качестве контраста, звездный корабль казался большим. Но, когда планета оказывалась за кормой, сначала размером с офисный глобус, затем с мяч, пока даже местное солнце не становилось просто пятном света не больше, чем любая другая звезда, объятия пустоты становились абсолютными. Космос был бесконечным и вечным, а несколько солнц были не больше, чем крупинки соли. Одинокий в сбивающей с толку пустоте, звездный корабль был миниатюрным, уменьшенным до всего лишь хрупкого металлического гроба в чудовищной панораме ночи.

Армаджок набирал скорость уже так сильно, что эскорт боролся, чтобы не отставать. Курс был проложен к системной Точке Мандевилля, где можно будет запустить варп-двигатели, чтобы сделать надрез в ткани космоса. Варп ждал их.

Помещения экипажа и командный пункт звездного корабля, как правило, располагались в стороне от зон, используемых для транспортировки материалов и пассажиров, даже во время военной операции. Перевозчикам и тем, кого они перевозят, нужен был весьма небольшой контакт во время поездки.

Тем не менее, *Армаджок* был все еще в двадцати шести минутах от точки перехода, когда Гаунт представил себя капитану корабля. Он пришел не один.

«Сейчас входа нет,» сказал мичман у заслонки люка. С ним были шесть охранников, все с боевыми дробовиками для использования на корабле.

Гаунт показал мичману свои документы, документы, которые ясно показывали, что он был командующим офицером пехотных подразделений, которых перевозят.

«Все это очень хорошо,» сказал мичман, изображая это безошибочное Флотское умение избегать официальные звания Гвардии, «но капитан корабля готовится к совершению перехода. Его нельзя прерывать. Возможно, через неделю или около того, он сможет найти немного времени, чтобы--»

«Возможно, он делал это раньше уже тысячу раз,» сказал компаньон Гаунта, выходя из тени переборки, «и ему не нужно делать ничего, кроме как разрешить экипажу мостика выполнить. Возможно, ему нужно держать в голове то, что его корабль – это жизненноважный компонент этой операции, а не просто средство перевозки. Возможно, вам стоит открыть этот люк.»

Мичман побледнел.

«Да, сэр,» сказал он так же маленьким голосом, как и корабль в открытой пустоте.

Капитана корабля звали Клеменсев Спайка. У него за спиной было три командования Боевым флотом, но его карьера была в упадке. Седой человек среднего роста, который отдавал приказы в полной униформе, он стоял у позолоченного ограждения верхней палубной платформы, когда они вошли, смотря через шумный главный мостик на огромное смотровое устройство с благородным выражением на лице. Гаунту стало интересно, стоял ли он там в любом случае, или принял эту позу, когда услышал, что они идут.

Он повернулся, когда они подошли к нему, смотря Гаунту в глаза, затем отклонил голову назад, чтобы посмотреть на воина Серебряной Гвардии рядом с ним.

«Мы в процессе,» сказал он. «Может эта аудиенция подождать?»

«Нет,» сказал Идвайн.

«Этот переход особенно трудный?» спросил Гаунт.

«Нет,» ответил Спайка. Он сделал им жест следовать за ним, и проинструктировал своего первого офицера присматривать за рулевым. В задней части верхней палубы

была маленькая каюта, предназначенная для брифингов и тихого обсуждения. Спайка сел и показал, что они могут сделать то же самое. Идвайн остался стоять.

Кроме одной настенной панели, на которой отображалась детальная информация о функционировании корабля, каюта была украшена разрисованными секциями, обрамленными позолотой. На каждой разрисованной панели изображались различные виды Хулана: Королевский Дворец, Водопады в Хипсоне, Мавзолеи в Калиле, Имперская Резиденция в Верхнем Аскиане, Смарнианская Базилика.

«Вы понимаете, каким образом ваш корабль будет вовлечен в это рискованное предприятие?» спросил Идвайн. В его аугментическом скрежете было мало оттенка или тона.

«Конечно,» ответил Спайка. «Рандеву у Солнца Тависа, пополнение запасов, затем прямо к Приграничью.»

«Я имею в виду, там,» сказал Идвайн. «В Приграничье.»

«Абордажные действия,» сказал Спайка. «Я понял.»

«Вам будет необходимо оставаться на месте,» сказал Гаунт.

«Я знаю.»

«Поддержки флота не будет,» добавил Гаунт. «Армадюк будет уязвим.»

«Я знаю,» повторил Спайка.

«Есть несколько вещей, о которых мы не знаем,» сказал Идвайн. «Опасность значительная. Мы будем тихо продвигаться на последнем участке в реальном пространстве. Там будут навигационные опасности. Маневры будут запрещены. Высадка будет с нескольких точек. Непрерывная. Мы не знаем, что обнаружим внутри целевой структуры.»

«Совсем?» спросил Спайка. «Я так понял, что эта миссия была основана на знании о--»

«Так и есть,» сказал Гаунт. «Но это ограничено. Это может быть устаревшим.»

«Это может быть куча лжи,» сказал Идвайн.

«Ободряюще,» сказал Спайка.

«В зависимости от уровня сопротивления, от вас могут потребоваться ваши охранники,» сказал Идвайн.

«Мне об этом не говорили,» сказал Спайка.

«Это проблема?»

«Охрана *Высочества Сира Армадюка* будет сражаться за жизнь корабля, если потребуется,» твердо сказал капитан корабля. Он сделал паузу. «Но меня укомплектовали молодыми новобранцами. Лишь у нескольких есть боевой опыт. Мне дали понять, что сражаться будете вы.»

Гаунт бросил взгляд на возвышающегося Космического Десантника. Шлем Идвайна висел у него на поясе. Он рассматривал с тем, что было похоже на интерес, рисунок Водопадов в Хипсоне.

«Флот сэкономил на вашем брифинге,» сказал Идвайн. «Что вы понимаете под тем, о чем эта миссия?»

«О вопросе стратегической важности,» ответил Спайка. «Особенно, с моей точки зрения, благоприятная возможность провести этот недавно отремонтированный корабль и его молодую команду через должную встряску перед переаттестацией.»

Ни Гаунт, ни Идвайн не ответили. Спайка посмотрел на них. В его бледных голубых глазах было что-то бесконечно печальное, как будто он неделями пытался не обращать внимания на очевидное.

«Циник, я полагаю, мог бы интерпретировать это по-другому,» сказал он.

«Как, например?» спросил Гаунт.

«Расходный и не полностью готовый для пустоты корабль и молодая команда с небольшими опытом и ценностью,» сказал Спайка, «отданы под командование человека, который теперь уже никогда не станет адмиралом и который задает неправильные вопросы своим начальникам. Только отбросами можно рискнуть на миссии, которая, скорее всего, закончится катастрофой.»

«Я нахожу, что хорошая доза цинизма всегда полезна,» сказал Идвайн.

«Были и другие намеки,» сказал Спайка, с твердостью в голосе. Он посмотрел на Гаунта. «Я просмотрел ваше досье, те части, которые не закрыты. Очень ранние прославленные моменты, особенно на Балгауте. Огромное одобрение. Значительные успехи после этого. Я серьезно. Никто не сможет не впечатлиться вашим послужным списком. Но признание было скудным после Балгаута. Есть ощущение, что вы упустили большие возможности, и закончили тем, что заслужили небольшую признательность за трату большой отваги и силы воли. Как я и мой корабль, вы и ваш полк полезный, но одноразовый товар.»

«Хорошая доза цинизма всегда полезна,» ответил Гаунт.

«Мне все равно, кто вы,» прогрохотал Идвайн. «Мне все равно, если вы даже сам Магистр Войны. Это – Империиум Человечества. Все мы одноразовый товар.»

Свет потускнел. Последовала дрожь. Варп обнял их.

«Я ненавижу это,» сказал Ларкин. Он замер и отказался продолжать идти, пока корабельные лампы не вернулись к своей первоначальной яркости. Была подпалубная дрожь. Отдаленное выдыхание.

«Самая худшая часть любой поездки,» добавил он. Лампы снова загорелись морозным светом на лестнице нижней палубы. Он снова начал идти.

«Самая худшая?» спросил Домор.

«Да,» сказал Ларкин. «Помимо того, чтобы забраться сюда.»

«Это верно,» сказал Домор.

Они дошли до бронированного люка грузового помещения, которое первоначально было предназначено под склад для артиллерийских боеприпасов. Роун с Бростином ждали их.

«Я хочу такой значок,» сказал Ларкин.

«Ну, ты не сможешь получить ни одного,» сказал Бростин. «Это только для королей.»

«Короли могут поцеловать меня в задницу,» сказал Ларкин.

Домор посмотрел на Роуна.

«Это может продолжаться весь день, майор,» сказал он.

«И это все еще не перестанет быть забавным,» согласился Роун.

«Гаунт хочет, чтобы мы встретились с ним,» сказал он. «Вы не против?»

«Ага,» сказал Роун. «При условии, что вы те, за кого себя выдаете.»

Ларкин подмигнул Роуну.

«Ну же, Эли, у этих была весьма дерьмовая маскировка, так ведь?»

«Что вы предполагаете?» спросил Домор, формируя улыбку. «Что мы заставили свои лица изменить форму?»

«Я видел странные вещи,» сказал Роун.

«Никто здесь не удивлен,» сказал Ларкин.

Роун кивнул Бростину. Большой человек постучал в дверь, а затем открыл внешний люк.

«Идут два посетителя,» сказал Роун в микробусину.

«Принято.»

Глазок на внутреннем люке открылся, и Роун встал туда, где наблюдатель мог видеть его лицо.

Внутренний люк открылся. Роун провел Ларкина с Домором внутрь.

«Есть что-нибудь, что можно использовать, как оружие?» спросил Роун.

«Мой острый ум?» предположил Ларкин.

Маббон Этогор сидел на сложенной койке в углу сырого складского помещения. Стены, палуба и потолок были усилены керамитом, а заслонка для зарядного механизма была наглухо заварена. Заключение читал миссионерский памфлет, один из пачки, лежащей на матрасе. Его правое запястье было приковано наручником к цепи, которая была прикручена болтом к штырю в полу.

Варл сидел на стуле в противоположном углу с лазерной винтовкой на коленях. Кант стоял в другом углу, обгрызая ноготь большого пальца.

Ларкин с Домором вошли и приблизились к этогору.

Он поднял взгляд.

«Я вас не знаю,» сказал он.

«Нет, но один раз вы были в перекрестии моего прицела,» сказал Ларкин.

«Где?»

«Балгаут.»

«Почему вы не выстрелили?» спросил Маббон.

«Чтобы пропустить этот трогательный момент?»

«Это – Домор, это – Ларкин,» сказал Роун, указывая.

«Не говори ему наши чертовы имена!» прошипел Ларкин. «Он сможет сделать с ними всякое фесовое магическое дерьмо!»

«Я не буду,» сказал Маббон.

«Он не будет,» согласился Роун.

«Он не сможет,» сказал Варл.

«Почему нет?» спросил Ларкин.

«Потому что как еще я буду концовкой для еще одной шутки Варла?» устало спросил Кант.

Ларкин фыркнул.

«Он не будет, потому что он сотрудничает,» сказал Роун, игнорируя остальных.

«А если я сделаю,» сказал Маббон, «Роун меня прирежет.»

«Он это сделает,» кивнул Ларкин.

«Что вам от меня нужно?» спросил Маббон.

«Консультация,» сказал Домор. У него был пачка свернутых бумаг под рукой, и планшет в руке.

«Продолжайте,» сказал Маббон.

Ларкин взял памфлет из руки Маббона и мельком взглянул на него.

«Хорошее чтение?» спросил он.

«Мне нравится рассматриваемая тема,» сказал Маббон.

«Теория перехода к Имперскому Кредо?» спросил Ларкин.

«Фантазия,» ответил Маббон.

«Он был бы фесово забавным человеком, если бы не пугал меня до усрачки,» сказал Ларкин Роуну.

«Мы возглавляем попытку внедрения,» сказал Домор. «Нужно потренироваться, спланировать. Мы хотим использовать время транзита, чтобы подготовиться так хорошо, насколько возможно.»

«Вы боевой инженер?» спросил Маббон.

«Да,» сказал Домор. «Ларкс... Ларкин, он в отряде снайперов.»

«Я видел значок.»

«Мы хотим пробежаться по планам и схемам палуб, которые вы предоставили. Это может означать работу по несколько часов в течение нескольких дней.»

«Я попытаюсь найти время в своем расписании.»

«Некоторые планы смутные,» сказал Ларкин.

«Как и некоторые из моих воспоминаний. Это все из памяти.»

«Если вы просмотрите их несколько раз,» сказал Роун, «может быть, вы сможете стать твердо уверенным.»

Этого кивнул.

«Если вы посмотрите их несколько раз, что устанете от них, может быть, мы, на самом деле, делаем все правильно,» добавил Роун.

«У меня с этим нет проблем,» сказал Маббон. «Я предложил это вам. Я хочу, чтобы это произошло.»

Домор показал ему планшет с данными.

«Мы хотим, так же, поговорить об этом,» сказал он. «Спусковой механизм. Нам нужно сделать несколько копий в целях тренировки. Вы говорите, что это практически стандартное?»

«Это типичный представитель спусковых механизмов и схем, которые вам нужно найти,» сказал Маббон, изучая изображение на планшете.

«Это просто механическое?» сказал Ларкин.

«Должно быть. Они не могут рисковать, используя что-то более... более сложное. Они не могут рисковать, используя что-нибудь, что может повлиять на, или, что на них могут повлиять, устройства в разработке в целевом местоположении. Устройства чувствительные. Любой конфликт в тайных процессах или колдовстве может быть катастрофическим.»

«Значит просто механическое?» сказал Ларкин.

«Сложное и очень чувствительное. Очень чувствительное. Но, да. Просто механическое.»

Ларкин взял планшет.

«Это выглядит очень... это выглядит очень похоже на те вещи, которые используем мы,» сказал он. «Это выглядит весьма стандартным.»

«Такой тип спускового механизма я смогу изготовить,» сказал Домор.

«Конечно,» сказал Маббон. «Опробовано и протестировано Гвардией. Это такой тип вещей, которым я научил их, как сделать. И я научился этому в том же месте, где и вы.»

Ларкин посмотрел на Домора. На его лице было отвращение.

«Иди, принеси складной стол,» сказал Роун Варлу. «Давайте посмотрим на эти планы.»

В шестом спальном трюме свет оставался тусклым долгое время. Когда они вернулись, это было без энтузиазма.

Воздух был спертым. Слишком много тел, слишком много дыхания, недостаточная переработка воздуха.

«Это свалка,» заметила Ри Пердэй. Койки были в три яруса и расположены близко друг к другу. Это был лес из распростерых тел. Здесь, практически, не было места, чтобы сложить инструменты оркестра.

«Ну, это наша свалка,» сказал Капельмейстер Еролемев, двигаясь сквозь ряды. Он постучал по пустой койке своим жезлом.

«Кого тут нет?»

«Пола Кохрана, сержант-майор,» сказал Горус.

«Где он?»

«Болезнь от ускорения, сержант-майор,» сказала Пердэй.

«У Кохрана нет болезни от ускорения,» сказал Еролемев.

«На этот раз есть,» сказал Эриш.

«Белый, как майка,» пробормотал Горус.

«Ни как одна из твоих маек,» сказала Пердэй.

«Угомонитесь,» сказал капельмейстер.

«Может быть, оркестранту нужно показаться медику?» спросил Комиссар Бленнер. Он наблюдал с конца ряда коек.

«Не видел вас там, сэр!» резко сказал Еролемев, быстро выпрямляясь. Остальные начали двигаться.

«Пожалуйста, не надо,» сказал Бленнер, идя вперед. Он снял свою фуражку. Всегда снимает напряжение, подумал он, когда фуражка снята. «Это не официальная проверка. Я просто пришел поприветствовать вас, убедиться, чтобы вы расположились.»

«Вы очень добры, сэр,» сказал Еролемев.

«Я могу себе позволить быть сейчас добрым, сержант,» сказал Бленнер. «Вы можете отплатить мне позже, ведя себя хорошо.»

Он изогнул бровь перед толпой и получил в ответ смешки.

«Вы найдете, что я весьма справедлив, обычно. Приходите ко мне с честностью, и я всегда выслушаю вас. Благодарите свои счастливые звезды, что меня не зовут Харк.»

Больше смеха, и это было искренне.

«Кстати, есть о чем доложить? Условия соответствуют вашим нуждам?»

«Извините меня, сэр,» сказала Пердэй, «но здесь очень маленькое помещение, чтобы сложить наши инструменты.»

«Что, разве?» сказал Бленнер, осматриваясь. «Гаунт говорил что-то о том, чтобы разместить их... как там это было? Воздушный шлюз шестьдесят.»

Еще больше смеха, некоторые от возмущения.

«Знаю, знаю!» сказал Бленнер. «Неуважительно, так ведь? Неуважительно к простой, чистой, поднимающей настроение любезности, коей является оркестр. Я прав?»

Казалось, что он был прав.

«Я скажу вам, что мы сделаем,» сказал он. «Эта миссия, она весьма жизненно важная. Она, так же, опасная, не буду лгать. Но, что мы сделаем, так это проведем время, доказывая, что маршевое подразделение необходимо полку. Необходимо! В качестве солдат и в качестве музыкантов, вы докажете свою полезность.»

Это сорвало большое ликование.

«Ярость Белладона!» вбросил Бленнер для верности, и произвел круговое движение поднятой рукой, как монарх на балконе, принимающий марш.

Когда они снова начали успокаиваться, он повернулся к сержант-майору.

«Я искал вашего командующего офицера,» сказал он.

«Я могу проводить вас к его жилищу,» ответил Еролемев. «Я просто устраивал подразделение.»

«Вы продолжайте, сержант-майор,» сказал Бленнер. «Я уверен, что кто-нибудь еще может показать мне. Эта молодая девушка, например. Она выглядит очень услужливой.»

«Пердэй?» позвал Еролемев.

«Сэр, да, сэр!»

«Милая, проводи Комиссара Бленнера к жилищу Капитана Вайлдера.»

Пердэй вскочила.

«Сюда, сэр,» сказала она.

Она повела его из шумного спального трюма в гораздо более темный коридор, где офицерам дали каюты. Палуба была ячеистой. Внизу был технический проход и водосток.

«Как тебя зовут, рядовой?» спросил Бленнер.

«Ри Пердэй, сэр.»

«Ри. Ри. И это сокращение от чего?»

«Эм, Ри, сэр.»

«Ясно,» сказал Бленнер. Не будучи из тех, кто останавливается на достигнутом, он поднажал. «И откуда ты, Ри Пердэй?»

«С Белладона, сэр.»

«Да, глупо было спрашивать с моей стороны.»

В тени технического люка в проходе внизу, тварь с лицом Пола Кохрана наблюдала, как они проходят сверху. Ему пришлось спрятаться, чтобы он снова смог расслабить напряжение в лице. Кости затрещали, когда черепной кинез снова возвращал лицо Кохрана.

«Что это было?» спросил Бленнер.

«Я ничего не слышала, сэр,» сказала Пердэй.

«Я надеюсь, что это не крысы,» сказал Бленнер. «Я ненавижу крыс.»

«Ох, да, сэр.»

«Особенно, когда ты засекаешь, что они первыми покидают корабль.»

Пердэй рассмеялась, и постучала по двери каюты. Она была открыта.

«Сэр? Капитан?» позвала она. Она уставилась внутрь.

«Ох, Трон,» услышал он, как она произнесла.

Бленнер протолкнулся мимо нее. Кюта была маленькой и недружелюбной. Вайлдер распластался на полу. Как минимум, он был болен. Запах амасека был пронзительным.

Бленнер перевернул его. Он был вялым, но все еще дышал. Пары, исходящие от него, можно было поджечь спичкой.

«Ох, чертов ты идиот,» пробормотал Бленнер.

«Что нам делать, сэр?» спросила Пердэй.

«Иди, принеси швабру, Пердэй, и ведро с водой,» сказал Бленнер. «Никому не говори, зачем. Когда ты вернешься, смотри за дверью и не позволяй никому войти.»

Она посмотрела на него, беспомощно и тревожно.

«Иди.»

Она поспешила прочь.

Бленнер вздохнул, и затем поднял Вайлдера и перенес на койку. Он стонал в своем оцепенении.

«Я могу просто пристрелить тебя за это, ты это осознаешь?» сказал Бленнер.

Вайлдер открыл глаза, но в них практически ничего не было.

«Ты чертов дурак,» сказал Бленнер. «Я дал тебе шанс ночью, и ты уже облажался. Это все приведет к той точке, когда я больше не смогу тебе помочь, ты понимаешь?»

Вайлдер закрыл глаза.

«Не смогу и не захочу,» сказал Бленнер.

Появилась Пердэй.

«Где швабра, девочка?» спросил Бленнер.

«Сэр, я как раз искала, сэр, но я подумала, что вы должны знать. Проверка подразделения, сэр. Проверка подразделения прямо сейчас.»

«Трон, Вайлдер, ты сведешь меня в могилу,» сказал Бленнер. Он поднялся.

«Пердэй, воспользуйся кувшином с водой и возьми запасную майку или рубашку из его вещмешка. Попытайся вытереть это дерьмо. Быстро.»

«Да, сэр.»

Бленнер надел фуражку и пошел к двери каюты. Баскевиль, Сломан и Эдур только что появились в конце коридора; идя, разговаривая.

«Бленнер,» сказал Эдур. «Я собирался пригласить тебя присоединиться к нам, но не мог тебя найти.»

«Я уже инспектировал,» сказал Бленнер. Он закрыл за собой дверь, чтобы они не могли заглянуть внутрь, проходя.

«Инспектировал?» спросил Эдур.

«Больше приветствовал. Я не знал, что была запланирована внезапная проверка?»

«Стандартная Белладонская практика, чтобы неожиданно проинспектировать новое пополнение в первые тридцать шесть часов,» сказал Баскевиль.

«Возможно, вам нужно ознакомить меня с некоторыми стандартными Белладонскими практиками,» сказал Бленнер. «Видеть, как Белладонец, моя особенная ответственность.»

«Да, конечно,» сказал Баскевиль. «Я не хотел отрезать вас от процесса. Мне следовало проконсультировать вас.»

«Ничего страшного.»

«Хотите пойти сейчас с нами? Может быть, Капитан Вайлдер тоже?»

Бленнер напряг лицо. Он понизил голос и наклонился ближе.

«Есть легкая проблема,» сказал он. «Капитан слег с отвратительным приступом от болезни от ускорения.»

«Серьезно?» сказал Баскевиль.

«Отвратительным,» кивнул Бленнер. «Это широко распространено, вообще-то. Это есть у больше, чем одного оркестранта. Я пошлю за медиками, чтобы они всех проверили. Дело в том, что Вайлдер может присоединиться к нам, но он выглядит, как покойник, и, если честно, я не хочу, чтобы он потерял лицо перед людьми.»

«Совершенно верно,» сказал Сломан.

«Вот идея,» сказал Бленнер все еще тихим голосом. «Почему бы нам не провести эту инспекцию, как только я не проверю всех? Дам им шанс выглядеть соответствующим образом на первом смотре. Я имею в виду, ну же, между нами, у них больше не будет шанса сделать что-нибудь более впечатляющее, так ведь?»

Сломан засмеялся. Баскевиль попытался не делать этого.

«Полагаю, это хорошая стратегия,» серьезно сказал Эдур. «Завтра в это же время, может быть?»

Они пошли туда, откуда пришли.

Бленнер зашел в каюту. Он глубоко вдохнул, и быстро проглотил одну из таблеток Дордена. Пердэй проделала хорошую работу по отмыванию палубы. Она использовала рубашку.

«Вы добрый человек, сэр,» сказала она. «Вы говорили, что вы порядочный, и вы, несомненно, это и имели в виду. Остальные повесили бы капитана за это.»

«Ты не мне это говори,» сказал Бленнер. Он указал на Вайлдера. «Скажи это ему, когда она завтра утром проснется.»

«Капитан корабля кажется заслуживающим доверия?» спросил Лорд Милитант Сайбон. «Этот Спайка? Он был выбором Флота.»

«Он кажется достаточно приятным,» сказал Гаунт. «Оптимистичным.»

Сайбон кивнул.

«Амасек?»

«Выпью немного, сэр.»

Отдельная каюта Сайбона была одной из нескольких самых комфортабельных пассажирских кают на *Армадьюке*. Гаунт полагал, что переселили старшего офицера, чтобы предоставить помещение лорду милитанту для этой поездки. Гаунт предпочел стандартное офицерское жилище на нижней палубе рядом со старшими Танитскими офицерами.

«Мне нужно встретиться с ним? Он знает, что я на борту,» сказал Сайбон, пока его помощник ушел за амасеком. Лорд милитант опустил свой аугментический каркас в перпендикулярный трон. Рабочий стол каюты работал, показывая гололитические изображения. Сайбон любил, чтобы информация была свежей и часто обновляемой.

«Я думаю, что послал правильный сигнал,» сказал Гаунт, взяв маленький бокал с амасеком, которую ему подал помощник. Бокал был из личного дорожного чемодана лорда милитанта. На хрустале была выгравирована маленькая ладья.

«Он знает, что вы на борту, но это не распространено широко,» продолжил Гаунт. «И вы покинете нас, когда мы встретимся с флотилией у Солнца Тависа. Поэтому Спайку нужно привыкнуть ко мне, как к голосу власти.»

Сайбон кивнул и задумчиво отпил амасека.

«Ты взял Космического Десантника с собой?»

«Идвайна. Из Серебряной Гвардии.»

«Разумно. По крайней мере, это нагонит на него страху.»

Последовала долгая пауза.

«Времена меняются, Гаунт,» сказал Сайбон. Его аугментический голос был мягким урчанием.

«Сэр?»

«После Балгаута прошло много времени. Настроения меняются. Счастливые случаи. Люди приходят в расположение и уходят из него.»

«Это всегда было моим опытом, сэр,» сказал он. «Вы это говорите по отношению к чему-то в частности.»

Сайбон пожал плечами. Аугментика зашипела. Он постучал пальцами по бокалу, пристально смотря на него. «Ты и я были на вершине в одно и то же время, Гаунт. Перед Балгаутом. Под Слайдо. Это было хорошее время для нас. Мы были связаны.»

«Были. Я не чувствую, что с тех пор со мной обращались несправедливо.»

«Я тоже этого не чувствую по отношению к тебе,» сказал Сайбон. «Ты нашел свое место. Ты смотрел на стечение обстоятельств, и ты решил остаться в поле. Ты сделал лучший из выборов. Трон знает, какая-то часть меня желает, чтобы я сделал подобные выборы в определенных точках своей карьеры.»

«Ваша карьера и командование завидны, сэр. И это далеко от окончания.»

Сайбон кивнул.

«Если эта миссия пройдет хорошо, Гаунт, это будет многое значить. Это будет многое значить для дела, но, так же, и для тебя, и для каждого, кто поддержал эту попытку.»

«Что будет включать Магистра Войны.»

«Естественно. Но я сомневаюсь, что он уделяет особое внимание этому. Ты знаешь, сколько миссий ему требуется тщательно рассмотреть и одобрить каждый день? По всему сектору? Ну же. Это один набег, часть цепи, в уголке Миров Саббат, который не рассматривается напрямую стратегическим. Это провалится, это позабыто. Если это преуспеет...»

«Это сможет сделать человеку карьеру?»

«Это может сделать карьеры многих людей, Гаунт. Это может видоизменить значимость операций. Это сможет спровоцировать... пересмотр. Очень нужный пересмотр.»

«Ясно.»

Сайбон вытер губы пальцем.

«Я запомню тебя за это, Гаунт. Я поддержу тебя, когда поддержка потребуется. Я надеюсь, ты сделаешь то же самое.»

«Конечно.»

Сайбон посмотрел на Гаунта. «Это уже началось, знаешь ли?» сказал он.

«Сэр?»

«Четыре недели назад, непредполагаемая, первая атака. С тех пор последовали еще семь. На протяжении шести месяцев будут проведены двадцать восемь рейдов в выбранных местах в Мирах Саббат. Все они будут проведены согласно с философией, придуманной тобой и Меркюром. Тактика. Оставленные доказательства.

Распространение информации. Некоторые из этих передач очень аутентичные.»

«Они аутентичные настолько, насколько мы смогли их сделать,» сказал Гаунт.

«Двадцать восемь рейдов,» сказал Сайбон. «Это даже не массивное привлечение людей и боевой техники. Ничего такого грандиозного, что Магистр Войны одобрил к пополнению. Координация, самая умная часть. Это дым и зеркала.»

«Это по большей части дым и зеркала, сэр,» сказал Гаунт. «Эффект будет ничтожным, если мы не проведем это нападение.»

«Тогда, лучше бы тебе это сделать, не так ли?» сказал Сайбон.

Меритус Феликс Часс сидел в углу жилища Гаунта и читал с планшета. Он встал, когда вошел Гаунт. Гаунт жестом показал ему снова сесть.

«Рейвенор,» сказал Часс, показывая книгу на планшете. «Я никогда особенно не увлекался его работой.»

«Серьезно?» сказал Гаунт.

«Он плохо кончил, так ведь?»

Гаунт пожал плечами. «Что имеет значение, так это то, что он сначала сделал,» сказал он. Он сел за свой рабочий стол. Маддалена Дэрбилавд тихо присутствовала в дальнем углу.

«Ты всегда можешь подождать снаружи,» сказал Гаунт.

«Он не покинет моего поля зрения,» ответила она.

«У меня проблема,» сказал Гаунт. «Ты сказал мне, что ты мой сын. Это как сюрприз, так и помеха для человека в моем положении.»

«Я не собирался быть--»

«Чем ты собирался быть?» спросил Гаунт.

«Моя мать думает, что мне поможет, как будущему лидеру Дома Часс, научиться у тебя.»

«Чему научиться? Как сражаться? Чести? Долгу? Ты можешь этому всему научиться у нее.»

«У моей матери?»

«Нет, у нее,» сказал Гаунт, указывая на телохранителя. «Но давай минутку поговорим о твоей матери. Согласно тому, что ты сказал, ты ее первый и единственный сын. Это делает тебя наследником Дома. Почему она так рискует твоей жизнью? Первые сыновья, иногда вторые тоже, их держат под опекой и защитой, чтобы защитить

генеалогическое древо. Посылание в Империум обычно судьба последующих отпрысков.»

«Вергхастская философия слегка другая--» начала Маддалена.

«Я не с тобой говорю,» сказал Гаунт. Он тотчас почувствовал досаду за резкий ответ. Он не понимал, что это было, но телохранитель, на самом деле, забралась ему под кожу.

«Дом Часс всегда верил в основанное на опыте развитие,» сказал Часс. «Чтобы посмотреть Империум, чтобы узнать его, чтобы научиться у своего отца, это все те вещи, которые принесут мне пользу, когда я займу свое место.»

«Твоя мать никогда не путешествовала, не так далеко, насколько я знаю.»

«Ей нужно было,» сказал Часс. «Но ей, должно быть, потребовалось принять Дом раньше, чем предполагалось. Мой дед болен.»

«Я не знал. Мне жаль.»

Гаунт поднялся и начал задумчиво ходить. «Я боюсь, что думаю, что это насчет престижа,» сказал он. «Твое ассоциирование со знаменитым героем Улья Вервун, и получение некоторой своей славы, ты вернешься назад большим, чем просто известный наследник Дома. Что-то типа внешнего заимствованного глянца добудет тебе планетарный пост, должность губернатора. Я думаю, что у Дома Часс огромные амбиции, которые можно сделать реальными через тебя.»

«Вы ужасно высокомерны,» сказал Маддалена.

«Только не говори мне, что я, так же, не прав,» сказал Гаунт.

В дверь постучали. Маддалена инстинктивно потянулась к своему оружию.

«Даже не думай об этом,» сказал Гаунт. «Войдите!»

Вошел Белтайн, с Нахумом Ладдом и Рядовым Далином.

«Вы посылали за ними, сэр?» спросил он.

«Да. Войдите. Ты можешь остаться и тоже услышать это, Белтайн.»

Часс поднялся на ноги. Далин с Ладдом с любопытством посмотрели на него.

«Это, как я недавно узнал, мой сын,» сказал Гаунт. Он проигнорировал их удивленные взгляды. «Я не знал, что у меня есть сын, и сейчас я обнаружил, что озабочен этим знанием. Это рискованная миссия, и вероятно, никто из нас не сможет вернуться назад. Взять сына, которого я только что встретил, на то, что, возможно, будет суицидальным предприятием, едва выглядит, как величайший пример в родительской ответственности.»

Гаунт посмотрел на Ладда с Далином.

«Тем не менее, я, так же, едва ли мог его оставить на Меназоид Сигме. Он хочет присоединиться к нам. Он хочет служить с нами. Это довольно достойная амбиция.»

«Я не хочу специального обращения,» сказал Часс.

«Хорошо, потому что ты его не получишь,» сказал Гаунт. «Ладд, я ненавижу добавлять что-то к твоей существующей рабочей нагрузке, но я хочу, чтобы ты подготовил и выдал бумаги о зачислении на действительную службу. Если он хочет быть Гвардейцем, лучше пусть это будет официально.»

«И я так понимаю, что вы хотите, чтобы я присматривал за ним?» спросил Ладд.

«Нет. Вовсе нет,» сказал Гаунт. «Я хочу, чтобы ты присматривал за ней.» Он показал на Маддалену.

«Юный Лорд Часс,» сказал Гаунт, «высокороджденный. У него есть телохранитель. Хороший. Единственная благосклонность, которую я выкажу ему, это позволю ей остаться. Она может присматривать за ним, но она не будет мешать операциям. В тот момент, когда она будет, ты сможешь удалить ее. Моей властью. Ты можешь пристрелить ее, если потребуются.»

«Он может попробовать,» сказала Маддалена.

«Ладд – Имперский Комиссар,» сказал ей Гаунт. «Если бы я был тобой, я бы даже *не* думал плохо о нем.»

Он повернулся к остальным.

«Его светлость не должна ставить под угрозу мое решение, особенно не на этой миссии. Я не могу, и *не буду*, заботиться о нем, или делать другие решения из-за него. Далин, ты, примерно, его возраста, поэтому я хочу, чтобы ты показал ему канаты. Нет времени для основ и ознакомления. Пусть он будет твоей тенью, и научи его всему, что ему потребуется. Я прошу это в качестве услуги, а не приказа. Когда начнется настоящее сражение, мы будем держать его подальше от главного удара.»

«Я хочу--» начал Часс.

«Хватит,» сказал Гаунт. «Покажи ему канаты, пожалуйста, Далин. Кроме того, я не хочу, чтобы он компрометировал твои обязанности в качестве адъютанта. Он ест и спит, как обычный гвардеец.»

«Он должен получить звание,» сказала Маддалена. «Некоторые привилегии для--»

«Если он хочет научиться у меня,» сказал Гаунт, «он может делать в точности то, что делал я, и начать с низов. Либо да, либо нет. Ты просила это, так что теперь не жалуйся, когда получила. Если это ему не нравится, он может покинуть нас в точке randevu с флотом и отправиться домой к своей матери.»

Он посмотрел на них.

«На этом все,» сказал он.

Мколл, старший разведчик Танитского Первого, тихо крался по огромным и темным грузовым палубам *Армадюка*. Он охотился.

Двигатели урчали в отдалении. Он не собирался искать что-то конкретное. Он просто хотел получить представление о месте, изучить географию корабля. На всякий случай.

Он, так же, хотел достичь своего равновесия так быстро, как возможно. Время на корабле тревожило его. Он проходил через это ходя и изучая каждый темный уголок какого бы ни было летательного аппарата, на борту которого он находился. Это было формой медитации.

Через полчаса своего брожения вокруг, пересекая транспортную палубу, где оборудование для миссии было закреплено канатами, а воздух пах

дезинфицирующим средством, он впервые увидел птицу. Она двигалась по грузовым галереям, перелетая от одной балки к другой. Она выглядела потерявшейся и в ловушке, так же, как чувствовал себя он.

Он последовал за ней. Она была большой. Двухголовый орел. Сначала, он подивился, было ли это каким-то видением, но она была достаточно реальной. Ему рассказывали, что пополнение принесло с собой на борт псайбер-животное. Талисман. Он, очевидно, потерялся.

Птица быстро улетала от него. Он следовал за ней через два маленьких трюма, затем вокруг инженерной палубы, где несколько сервиторов, казалось, не заметили птицу. Птица избегала шумных мест, палуб с солдатами, обширные и нагретые топки двигательных отсеков, где сотни членов экипажа тяжело трудились, как рабы.

Как и он, она придерживалась уединенных частей корабля.

Он задумался, как он может поймать ее, не причинив вреда. Если она будет свободно летать, он может потеряться или попасть в ловушку, и умрет от голода. Смерть аквилы накануне миссии будет совсем нехорошим знаком.

Мколл последовал за птицей в огромный трюм, который был пуст. Мусор и запасные части обшивки лежали здесь. Он услышал зовущий голос.

Орел повернулся, удивленный, а затем немедленно последовал на голос.

Он приземлился на металлическую балку рядом с двумя фигурами. Они сидели прямо в центре пустого пространства, расположившись на металлоломе, маленький огонь горел в бочке из-под масла.

Одним из людей был Эзра Ночь. Он позволял своему компаньону изучить работу своего рейнбоу.

Эзра увидел Мколла, и крикнул.

«Хистю соуле! Иди, присоединись здесь.»

Мколл подошел к огню.

Другая фигура опустила рейнбоу и осмотрела Мколла с головы до ног. Он был Космическим Десантником из Ордена Белых Шрамов. Он был в полной броне, его шлем лежал на палубе у его левой ноги.

«Ты глава разведчиков?» спросил он. «Я все о тебе слышал. Присядь.»

ШЕСТЬ

Относительность

На борту *Высочества Сира Армадюка* только звон корабельных звонков отмечал течение времени. Здесь не было смены дня и ночи. Некоторые корабли устанавливали дневной/ночной цикл посредством своих световых систем, но это, определенно, не было привычкой Капитана Спайки. *Армадюк* плыл вперед в состоянии сумеречного мрака, с угрюмыми и наполовину освещенными палубами. Были кое-какие разговоры о сбережении энергии и экономии резервов, но лишь немногие могли избежать подозрения, что условия проживания были неслучайными. На некоторых палубах энергия была полностью и необъяснимо отключена на часы. Отопление и циркуляция воздуха некоторых секций и отделений отключались, а затем, спустя какое-то время, возобновляли свой бронхиальный дребезг каналы и воздуховоды. Общим мнением было то, что мрачные условия на *Армадюке* не имели ничего общего с консервативным подходом Капитана Спайки к потреблению энергии, а были полностью связаны с механическим обветшанием и упадком.

На солдатских палубах, мужчины и женщины подразделения и его свиты собирались вокруг горелок, или работали при свете фитилей. Большинство спали на много часов дольше, чем это было необходимо. Ощущая неудовлетворенность, Харк инициировал программу фитнеса и тренировок, что включало в себя свободные марши и забеги отрядов вокруг внешнего периметра главных грузовых уровней, круг, почти в пять километров.

Скука и бездействие были настоящими опасностями путешествия в варпе. Ограничение в передвижении и безделье позволяли разумам застаиваться, позволяли тревогам расти. На одной чаше весов было бы недовольство и упадок духа, и чаша бы поднималась вверх через ссоры и междоусобицы, криминальную активность и мятежное поведение. Подавленные разумы так же гораздо более легко могли стать добычей сил варпа.

Секретные оценки времени поездки в точке отправления предполагали от трех до шести дней до Солнца Тависа, для соединения с флотом, и затем еще шесть до Предела Спасения. Это не было точной наукой. Некоторые варп-маршруты оставались стабильными веками. Другие исчезали в багровых водоворотах на ночь.

Все типы переменных влияли на время путешествия, как оцениваемые корабельные, так и внешние звездные. Кто-то мог путешествовать месяц и прибыть за день до своего отправления. Кто-то мог отправиться в трехдневный перелет, и его могли больше никогда не увидеть. Если основная часть распределенной энергии *Армадюка* была перенаправлена на поддержание когитаторов двигателя варпа и на помощь Навигатору корабля, чтобы отслеживать сигнал Астрономикона и удостовериться в самом лучшем возможном векторе, тогда пассажиры и команда *Высочества Сира Армадюка* будут весьма благодарны.

Только звон корабельных звонков отмечал течение времени, но это было только местным временем корабля, показателем вращения часов, которые он взял с собой во враждебный океан времени снаружи.

Нахум Ладд спешил через жилые палубы с документами о зачислении на действительную военную службу, которые ему, наконец-то, удалось подготовить для Меритуса Часса. Он надеялся подготовить их к концу первой ночи на борту, но сейчас уже давно был второй день. Были инспекции, которые нужно было провести, нужно было разместить расквартированные войска, и были обычные расхождения между фармакологическими припасами и другим оборудованием, записанными, что они на борту, и тем, что, на самом деле, было в наличии. Задолго до длительного пребывания на Балгауте, но особенно с тех пор, у полка была хроническая проблема с потерянными медикаментами. Ладд и Харк плотно работали с Дорденом и Керт, чтобы уменьшить потери, без особой пользы. Внутри Имперской Гвардии всегда был серый рынок материалов снабжения, а иногда он был совершенно черным. В ранние дни, Роун был главарем неофициальной деятельности, но он делал видимые усилия, чтобы держать свои руки чистыми. Либо он был хорошим лжецом, либо другие узурпировали его криминальное предприятие. Ладд присматривал за несколькими людьми. Люди всегда ищут власть и контроль, и звание было одним из способов обеспечить это. Были и другие. Проблема с Танитским Первым была в том, что они были верными. Они были верны Трону и они были верны Гаунту, но эта верность глубоко укоренилась, так что они были практически пагубно верны друг другу. Это означало, что они образовывали замкнутые группы и хранили секреты. Тайные делишки, которые происходили в сердце каждого полка, были особенно тайными у Призраков.

Ладд был совершенно выбит из колеи появлением Часса. Он поговорил об этом, по секрету, с Харком.

«Ты встревожен,» сказал ему ранее Харк.

«Как вы это поняли?»

«Молодой человек, молодой комиссар, следующий по следам своего начальника, протеже Гаунта,» сказал Харк. «Затем появляется реальный сын.»

«В той версии реальности, которую вы описали, я вижу себя в качестве сына Гаунта?» спросил Ладд.

Харк кивнул. «Ты даже подстригаешься так же.»

«Я думал, что был вашим протеже,» сказал Ладд.

Харк фыркнул.

«Мечтай. Я единственный в своем роде.»

«Это, всего лишь, еще одна из ваших систематических издевок, чтобы держать меня в тонусе, так ведь?» спросил Ладд.

«Если бы я тебе это сказал, это все равно не имело бы никакого полезного эффекта.»

Ладд не был убежден. Было, возможно, слегка правдой, что ему не нравилась мысль, что у Гаунта вскоре может появиться новый фаворит. Но было кое-что еще. Часс выглядел почти, как Гаунт. Как только это понимаешь, это становится болезненно заметным. Он был худым и слегка грациозным в сравнении, конечно же; просто мальчик, и грациозный, даже хрупкий, но Ладд рассмотрел в нем похожесть. Если на то пошло, юные черты Часса были даже еще более утонченными. Передалось по наследству от его матери, возможно. Гаунт был хорошо сложенным человеком. Часс, будучи взрослым, будет больше, чем просто красивым.

Это было осознание, с которым трудно было иметь дело. Ладд видел Гаунта в Чассе. Чувствовалось так, как будто он уже знал его. Это заставляло его восхищаться им, даже не зная его и не желая узнавать. Он реагировал на Часса, и это ему не нравилось.

Маршрут Ладда провел его вниз по широкой лестнице снаружи казарм Вергхастцев, мимо занимательного зрелища, как Мколл показывает двухголового орла смеющемуся Майору Паше. Она звала своего знаменосца, чтобы он взял на себя ответственность за талисман, который хлопал крыльями и щелкал клювами на поднятом запястье Мколла. Женщина из свиты, отягощенная ведрами для прачечной, остановилась, чтобы посмотреть и посмеяться.

Арочный проход слева от Ладда выходил на сборную палубу, вспомогательный ангар, который можно ввести в эксплуатацию с помощью грузовых лифтов, идущих с главной палубы. Он был размером со строевой плац. В его центре он увидел единственную тренирующуюся фигуру.

Фигура была смутной. Это была тренировка ближнего боя, осуществляемая с помощью копья и зависшего тренировочного дрона.

Он замедлился и остановился. Он смотрел. Это было неподдельно пугающее изображение скорости, навыка и агрессии.

Хотя ему и надо было кое-что сделать, Ладд глубоко вдохнул и пошел в ангар.

Пока он приближался, фигура крутанулась и, наконец-то, достала до дрона, уничтожив его клинком копья. Дрон упал на палубу. Воин наклонился, поднял разбитый дрон и кинул его в ведро, где лежали остальные разбитые дроны. Он взял еще один из ящика рядом с ведром, и приготовился включить его и запустить.

«Что тебе надо?» спросил он. Он даже не посмотрел на Ладда.

«Я бы хотел знать, если мне разрешено задать вопрос.»

Брат Катер Холофернэс из Железных Змей повернулся, чтобы посмотреть на него. В одной лапице у него было массивное копье и дрон в другой. Ладд чувствовал страх в своих кишках, в своем желудке, в своем горле.

«Комиссар?»

«Да. Ладд.»

«В любом случае, меня не волнует твое имя. Ты дисциплинарный офицер?»

«Да.»

«Я дам тебе один ответ,» сказал Холофернэс. «Задавай свой вопрос.»

«Вас здесь трое. Трое, предоставленных нам для этой миссии. Почему три различных Ордена?»

«Это твой вопрос?»

«Да.»

Холофернэс поджал губы.

«Ты дисциплинарный офицер. Ты должен знать, что невыгодно и неуместно прерывать человека, когда он тренируется для войны,» сказал он.

Ладд выдержал паузу.

«Это ваш ответ?»

«Да.»

«Но--»

«Я не говорил, что мой ответ будет соответствовать твоему вопросу.»

Ладд открыл рот, но он не знал, что еще сказать.

«Теперь ты можешь идти,» сказал Холофернэс.

Ладд повернулся. Он услышал гул дрона, когда его запустили. Он услышал рубящий звук копья, когда оно начало кружиться.

«По правде, я не хочу знать,» сказала Элоди.

«Это совсем не правда,» сказала Юнипер. Занимательное отвлечение на орла закончилось. Женщины направлялись к прачечной.

«Ты поможешь нам с сегодняшней стиркой, так ведь, Элоди?» спросила Урлинта.

«Нет. Почему вы стираете?» спросила Элоди. «Мы в поездке всего лишь день.»

«Всегда есть, что постирать и заштопать,» сказала Юнипер.

«Сразу можно сказать, что она женщина офицера, так ведь?» засмеялась Урлинта.

«Что касается этого дела,» сказала Юнипер, «ты бы хотела знать.»

«Я думала, что он был порядочным человеком,» сказала Элоди.

«В целом, это общее мнение о твоём хорошеньком капитане,» сказала Юнипер.

«Повторюсь,» сказала Нилвен, «он – мужик. *И* он – гвардеец. Они воткнут это куда угодно.»

«Нилвен не очень помогает,» сказала Юнипер Элоди. «Значит, он знает эту женщину, эту офицершу? С Вергхаста, говоришь? И что?»

«Она очень привлекательная,» сказала Элоди.

«Ох, дело закрыто,» сказала Урлинта.

«Ты сама ее видела?» спросила Нилвен.

«Он собирался просить меня выйти за него замуж,» сказала Элоди. «У него есть бумаги. Затем он этого не сделал. Он не сделал это в тот день, когда прибыла она. У них есть история, и это заставило его дважды подумать.»

«Милая,» сказала Урлинта, «если бы Даур был тем, кто собирался бы вот так бросить тебя в тот же момент, когда следующая пара сисек--»

«*Офицерских* сисек,» вставила Нилвен.

«--*офицерских* сисек проходит мимо,» продолжила Урлинта, «он бы не позволил тебе подписать бонд для такой поездки, как эта.»

«Урлинта права,» сказала Юнипер. «Он бы не позволил тебе отправиться на такую экскурсию, не на такую как эта, если бы он не был серьезен. Это было бы просто непростительно.»

«Хотя,» сказала Нилвен, «хотя – он мужик. *И* гвардеец. И в этом случае быть бессердечным ублюдком – стандартная действующая процедура.»

«Нилвен--» начала Юнипер.

«Я скажу тебе, они воткнут это куда угодно.»

«Я воткну тебе куда-нибудь,» сказала Урлинта.

«Это не поможет,» сказала Юнипер. «Мы все знаем Даура. Он хороший человек. Один из лучших. Ты можешь просто поговорить.»

Элоди нахмурилась.

«Я была уверена,» сказала она. «Я бы никогда не покинула Балгаут, если бы чувствовала по-другому. Я бы никогда не выбрала такую жизнь. Без обид.»

«Без проблем,» сказала Нилвен. «Никто из нас не выбирал такую жизнь, так ведь, леди? Она выбрала нас.»

Она с Урлинтой загоготали.

«Прекращай беспокоиться об этом,» сказала Юнипер Элоди. «Будешь смотреть хмуро, тогда он, на самом деле, начнет смотреть куда-нибудь еще.»

«Я просто хочу знать об этой женщине,» сказала Элоди. «Насколько хорошо он ее знает?»

«Ты, действительно, хочешь это знать?» спросила Урлинта.

«Да,» сказала Элоди.

«Я бы не хотела,» сказала Юнипер. «Она – всего лишь лицо из прошлого. Ты не захочешь начать думать об этом постоянно, Эл. Seriously, не захочешь.»

«На самом деле, мы не против,» сказала Нилвен, «потому что мы можем пошептаться об этом.»

«Вот, что я тебе скажу,» сказала Юнипер. «Я познакомилась с несколькими девочками из свиты нового пополнения. Вervунками. Одна из них может что-нибудь знать. Я поспрашиваю.»

Бленнер остановился прямо перед жилищем Вайлдера, вытащил бутылочку с таблетками из кармана, и потряс ее. Там немного осталось. Вскоре ему понадобится еще. Он не собирался разговаривать с Дорденом. Старый доктор обязательно бы

прокомментировал скорость, с которой он использовал первый запас. Ладно, черт с ним. Не то, чтобы он не следовал инструкциям. 'Одну, каждый день, или когда почувствуете себя взволнованным.' Ну, он был очень взволнован. Чертовски.

Может быть, он сможет иметь дело с одним из санитаров, показать им этикетку, заставить их заполнить рецепт. Он сможет полностью избежать неудобные вопросы Дордена. Значит, это исключает татуировщика. Лесп, так его зовут. Он уже умудрился разозлить его. Он не будет искать здесь одолжений. Бленнер на мгновение подумал о Керт. Мысль о ней заставила его улыбнуться, но не в каком-то полезном *Я-могу-помочь-достать-тебе-еще-таблеток*. У него просто появилось незваное мысленное изображение хорошего доктора Аны ни с чем больше, кроме био-монитора и ободряющего врачебного такта.

Что насчет этого чудика, Колдинга? Бленнеру он не нравился, но человек был новым. Может быть, он отреагирует на убеждение.

«Меня ищите?» спросил Вайлдер.

Бленнер повернулся, ловко засовывая в карман бутылочку.

«Я, как раз, собирался постучать.»

Вайлдер выглядел ужасно. Его глаза были пустыми, и ему нужно было побриться.

«Заходите,» сказал он.

Они вошли в жилище Вайлдера. Здесь, все еще, был слабый запах антисептика, который Пердэй использовала, чтобы оттереть пол.

«Как вы?» спросил Бленнер.

«Чем это будет?» спросил Вайлдер. «Официальным выговором? Тихим словом?»

«Давайте начнем с последнего, ладно?» спросил Бленнер. «Вы сделали из себя посмешище прошлой ночью. Это должен был быть конец для вас. Это почти произошло. Но вас прикрыли.»

«Значит, я обязан вам двоим?» спросил Вайлдер. «Вы об этом говорите?»

«Я так понимаю, Рядовой Пердэй рассказала вам?»

Вайлдер кивнул.

«Она рассказала мне, что вы двое сделали.»

«Не стоит благодарности,» сказал Бленнер.

Вайлдер сел и потер подбородок.

«Я понимаю, как это будет,» сказал он. «Вы хотите убедиться, что я понимаю, насколько я зависим от вас. Я ваш человек. Вы можете попросить об одолжении.»

«Ваш опыт нахождения в Гвардии не был особенно позитивным, так ведь?» сказал Бленнер. «Вам не приходит на ум, что, может быть, я просто пытаюсь убедиться в том, что приличный офицер не смывает в унитаз свою карьеру? Свою карьеру и свою жизнь?»

«Серьезно? Я вам не верю. У всех есть скрытый мотив.»

«Вы, на самом деле, жестокий человек, Вайлдер. Вы плохо думаете обо всех.»

«И я никогда не разочаровываюсь.» Вайлдер пожал плечами. «Посмотрите на меня, комиссар. Это было подразделением моего брата. Теперь он мертв, и мое лицо не подходит, и я подонок-младший, который был посмешищем с самого прибытия, потому что притащил с собой чертов оркестр.»

«Я знаю, как это быть в чьей-то тени,» тихо сказал Бленнер. «Для вас, это ваш почивший брат. Для меня, мой школьный друг. Ибрам Гаунт. В некотором смысле, сейчас, Гаунт для обоих из нас. Тяжело предпринимать попытку следовать.»

«Он удивительно непопулярен,» сказал Вайлдер.

«Люди любят его.»

«Не все. Большинство, да, не некоторые... несколько мятежников, они ненавидят его. Это не одна большая счастливая семья.»

«Интересно,» сказал Бленнер. Он сел напротив Вайлдера.

«Я буду все отрицать, что сказал, если вы расскажете ему.»

«Я не расскажу ему,» сказал Бленнер. «Слушайте, вы ожидаете, что у меня есть скрытый мотив. Отлично. Есть у меня один. Если вам от этого станет лучше, Капитан Вайлдер, мне совсем наплевать на ваше печальное существование. Я озабочен тем, что мой комиссарский перевод... моя карьера, прямо сейчас... сфокусированы на Белладонцах в этом полку. И если мне придется опозорить или казнить их пьющего ублюдка-офицера в первую неделю, я никогда не завоюю их расположение. Логично?»

Вайлдер кивнул.

«Они сказали, что вы старались изо всех сил прошлой ночью.»

«Старался изо всех сил?»

«Произвести хорошее впечатление. Я поговорил с несколькими людьми сегодня. Комиссары бывают двух типов, лучшим другом гвардейца и худшим врагом гвардейца. Это странный факт, но, в конце концов, толпа предпочитает последнее.»

Бленнер снял свою фуражку и расчесал пальцами волосы. Он бросил взгляд на пол.

«Они видели, что я делал, так ведь?»

«Они гвардейцы, комиссар. Не идиоты. К тому же, вы им понравились. Они все слышали о Харке. О Гаунте тоже. Вы гораздо более предпочтительны.»

Бленнер посмотрел на него.

«Так, в чем проблема?»

«В конечном итоге,» сказал Вайлдер, «что им нужно, так это немного стали. Когда начнется стрельба, им не нужен будет друг. Они захотят кого-то, от кого смогут полностью зависеть. Стрельба начнется *скоро*, комиссар. Кого вы захотите увидеть рядом с собой? Счастливого клоуна или бессердечного ублюдка?»

Руки Бленнера тряслись. Он хотел принять таблетку, но он не хотел, чтобы Вайлдер видел.

«Мы могли бы--» сказал он, и остановился. Он глубоко вдохнул и попытался снова.

«Мы могли бы работать вместе, капитан. Мне кажется, что мы могли бы оказать друг

другу небольшую поддержку. Небольшая обоюдная помощь может очистить вас и усилить мое положение.»

Вайлдер кивнул.

«Мы можем попробовать. Хорошо. Новобазки.»

«Что?»

«У Люсьена были отличные рабочие отношения с его комиссаром,» сказал Вайлдер. «Генадей Новобазки. Они были вместе пять лет. Предыдущий, Каускон, он был бесполезным. Но Новобазки был настоящим вдохновителем толпы. Он мог говорить, вы меня понимаете? Люсьен писал мне о нем. Письма домой. Новобазки мог выиграть битву, говорил он, просто открыв свой чертов рот.»

«Что с ним случилось?» спросил Бленнер.

«Погиб на Анкреон Секстусе с Люсьеном.»

«Значит, не *каждую* битву.»

«Не умничайте, комиссар. Сделайте себе одолжение и просмотрите его послужной список. Список его наград.»

Бленнер поднялся.

«Приведите свое жилье в порядок, капитан. Мы еще поговорим.»

Вайлдер кивнул. Он не встал.

«Я последую вашему совету,» сказал Бленнер у двери. «Так что примите и от меня. Забудьте о своем брате.»

«Серьезно?»

«Это Имперская Гвардия Императора, Вайлдер. В ней есть много вещей, но семья не одна из них. Кровные узы мешают. Они просто мешают. Они – слабость. Посмотрите на Гаунта и его сына--»

«Его кого?»

Бленнер замешкался.

«Это скоро будет известно. Его внебрачный ребенок прибыл в то же самое время, что и вы. Аристократ из Улья Вervун со своим собственным телохранителем. Это было сюрпризом для Гаунта, и он пытается вести себя с этим так, как будто это ничто, но это повлияет на него. Не позволяйте своему брату делать то же самое с собой.»

«Ясно.»

«Гвардия – единственная семья, которая вам нужна, капитан. Кровные родственники – просто осложнение.»

Вайлдер немного посидел один после ухода Бленнера. Он плавал в мыслях, а затем осознал, что Диди Гендлер стоял в дверях каюты, ухмыляясь ему.

«Вы выглядите слегка потрепанным,» сказал Гендлер.

Вайлдер встал. Гендлер воскликнул от удивления, когда Вайлдер схватил его за мундир, затащил в каюту и захлопнул дверь. Он прижал Гендлера спиной к переборке.

«Вы из ума выжили?» заикаясь, произнес Гендлер.

«Вы, ублюдки, издевались надо мной! Дружеская выпивка? Я даже не помню, как поднялся на борт!»

«У меня было впечатление, что вы взрослый, Капитан Вайлдер,» резко сказал Гендлер. «Не наше дело ограничивать вас в выпивке. Бленнер заходил, чтобы поместить вас под арест, так ведь?»

Вайлдер отвернулся и отпустил. Гендлер выпрямился.

«Вы должны поблагодарить нас,» сказал Гендлер.

«Почему?»

«Вы добрались до своей каюты только из-за нас. Когда мы поняли, сколько вы приняли, Капитан Мерин попросил меня и Костина протащить вас на борт. Мы присматривали за вами. Иначе, вас бы расстреляли за опозоривание униформы.»

Вайлдер не ответил.

«На самом деле, капитан послал меня проверить вас. Он сказал мне дать вам это.»

Гендлер вытащил маленькую стеклянную бутылку.

«Что это?»

«Лекарство-от-всего. Сбивает эффект похмелья. Из личных запасов капитана.»

Вайлдер взял.

«Это с полкового склада,» сказал он, читая этикетку. «Медицинские припасы.»

«Не будьте наивным, капитан. Если знаете правильных людей, сможете достать все, что нужно.»

«И кого вы знаете, Гендлер?»

«Правильных людей.»

Вайлдер снова посмотрел на бутылку, а затем открыл ее и выпил.

«Хорошая штука,» сказал Гендлер. «Костин клянется. Он функционирует на этом годами.»

«Ставлю на то, что вы и Капитан Мерин – бизнесмены,» сказал Вайлдер.

«Мы предоставляем неофициальные услуги. Кому-то надо. Есть спрос. Мы хороши в этом.»

«Это требует денег. И организации.»

«У нас есть и то, и другое,» сказал Гендлер. «Как я сказал, мы хороши в этом. Были времена, Роун наводил самую большую шумиху в теневой торговле.»

«Второй офицер?»

«Точно, вы встречали его?»

«Еще нет,» сказал Вайлдер.

«В эти дни, он гораздо более разумный,» сказал Гендлер. «Разумный и занятый. Капитан Мерин подумал, что было бы справедливо и полезно взять на себя часть тяжелой работы.»

«Почему?» спросил Вайлдер.

«Ой, не глупите,» сказал Гендлер. «В каждом полку есть победители и проигравшие. Роун становится немного победителем. И он всегда был уверен, что Мерин проиграл. Продвижение по службе. Повышение. Иногда надо брать ответственность за свою судьбу. Мерин, я... вы. Мы видим родственный дух в вас.»

«Кого-то, кто войдет в ваш клуб неудачников?»

Гендлер рассмеялся не улыбаясь.

«Мешающие люди с амбициями могут делать великие вещи, Вайлдер. Они могут подняться и сделать так, что остальные падут. Преимущество звания, благоприятный случай. В противном случае простой комфорт от богатства.»

«Это все о достижении, или о мести?» спросил Вайлдер.

«Почему это не может быть сразу по обеим причинам?» улыбнулся Гендлер.

Вайлдер чувствовал себя лучше. Лекарство-от-всего, определенно, было эффективным. Он засмеялся.

«Что вы и Мерин, на самом деле, хотите от меня?» спросил он.

«Карты на стол?» спросил Гендлер. «Ладно. Друзья помогают друг другу. И у всех есть угол. Какой у вас угол? Наиболее полезный предмет – это защита. Любой щит, который позволит нам действовать незаметно. Сейчас еще рано, но кажется, вы в хороших отношениях с Бленнером.»

«И?»

«Он мягкий. Мягкий комиссар. Лучший покровитель, которого может просить Гвардеец.»

«Я совсем его не знаю,» сказал Вайлдер.

«Это не правда. К тому же, вы его узнаете лучше. Вы сможете обработать его. Найти слабость. Найти его угол. Найти рычаг.»

«Смогу?»

«Это то, что делают друзья,» сказал Гендлер.

Вайлдер не ответил. Гендлер пожал плечами, и повернулся, чтобы уйти.

«Я думаю, что у него есть вредная привычка,» тихо сказал Вайлдер.

«Что?»

«Таблетки, я полагаю. Беспокойство, я предполагаю. Ну, наркотик.»

«Откуда вы знаете?» спросил Гендлер, улыбаясь.

«Я видел раньше привычки. У него бутылочка. Не хотел, чтобы я видел. И он был дерганным. Он бы не пытался скрыть это, если бы это было нормально или ему не было бы стыдно.»

«Интересно.»

«Да?» спросил Вайлдер. «Этот тот угол, который вы искали? Что будете делать? Разоблачите его? Будете контролировать его снабжение и сделаете его своей марионеткой?»

«Он полезен только, когда в игре,» сказал Гендлер. «Мы не будем сдерживать его запас. Мы бы увеличили его. Стали бы друзьями, на которых он может рассчитывать.»

«Вы ублюдок, Гендлер,» сказал Вайлдер.

«Эффективный ублюдок.»

«Вы, должно быть, чувствуете себя здесь, как дома,» сказал Вайлдер, качая головой..
«Все ублюдки, так или иначе. Даже у могучего Гаунта есть свой собственный ублюдок.»

Гендлер остановился, его улыбка исчезла.

«Что вы только что сказали?» спросил он.

Женщину звали Галайда. Она была одной из группы пополнения с Вергхаста, у которой Юнипер остановилась в зале прачечной. Все потели от горячего сырого воздуха. Здесь была тяжелая химическая вонь от сверхпереработанной воды и очищающих химикатов.

«Бан Даур?» сказала Галайда. Она была из Западного Хасса, Улья Вервун, домашней девушкой, которая потеряла все в войне и, в конечном итоге, примкнула к человеку из разношерстного отряда по имени Герцог, который был сержантом в бригаде Майора Паши.

«Он был в СПО,» сказала Юнипер.

«Я не знаю никого из Защиты Улья,» сказала Галайда. «Я немного сражалась в разношерстном отряде после того, как потеряла ма и па после бомбардировки. Гак, как и мы все. Там я встретила Герцога.»

«И ты отложила оружие в сторону после Зойканской Войны?»

«Я не солдат. Разношерстный отряд не солдаты. Это отчаянные люди. Хотя, солдатские жены. Скорее это я.»

Она посмотрела на Юнипер. Ее рукава были закатаны и ее руки были запятнаны и воспалены от химического мыла.

«Простите, я не могу помочь вашему другу.»

«Не важно,» сказала Юнипер. «Найду того, кто сможет.»

«Ставик может знать,» сказала женщина рядом с ними.

«Да, он может,» сказала Галайда.

«Ставик?» спросила Юнипер.

«Он один из лидеров отделений под командованием Майора Паши,» сказал Галайда.

«Я думаю, что он был из Защиты Улья.»

«Он был,» сказала другая женщина. «Он был на стене крепости.»

«Или вы всегда можете спросить Жукову,» сказала Галайда.

«Как будто,» засмеялась Юнипер.

«Да, вы захотите увидеть Жукову,» сказала другая женщина, поднимая кадку с простынями. «Она ужасно красивая, но она жесткая сучка.»

«Колеа,» сказала Галайдо. «Он один из полка, так ведь?»

«Майор Колеа?» спросила Юнипер. «Да, он старший Вергхастский офицер.»

«Герой разношерстных отрядов,» сказала еще одна женщина. «Они все еще говорят о нем в улье, так же как они говорят о Гаунте.»

«Вы знаете его?» спросила Юнипер.

«Только по репутации,» сказала Галайда. «Я думаю, что мой Герцог встречал его несколько раз в последние дни. Но я знала его бедную жену и ее детей. Ну, мои ма и па, они жили в том же блоке. Я всегда думала, что это подстегнуло его быть таким героем, потеря своей семьи. Они погибли, так ведь? Она и ее дети. Они погибли за несколько дней до того, как бомбардировка забрала моих ма и па.»

«Она погибла,» сказал Юнипер. «Дети, вообще-то, выжили.»

«Выжили?» спросила Галайда. Она выглядела искренне удивленной.

«Они с подразделением,» сказала Юнипер. «Капитан Крийд, кем она сейчас является, она нашла их, присматривала за ними. По существу, взяла их под опеку. Только позже мы обнаружили, что Колеа был их отцом.»

Галайда выглядела так, как будто может заплакать.

«Ох, это, как благословение от Императора,» воскликнула она. «Вся эта боль и печаль, и в центре всего, счастливая история! Оба выжили? Не могу поверить!»

«Я их знаю,» улыбнулась Юнипер. «Я иногда присматриваю за младшей. Мальчик уже сам солдат.»

«Старший, имеете в виду?» спросила Галайда.

«Мальчик,» сказала Юнипер. «Далин.»

«Было два мальчика. Два мальчика,» сказала Галайда.

«Нет, мальчик и девочка,» сказала Юнипер.

«Могу поклясться, что было два мальчика,» сказала Галайда. «Ой, ладно, разве это не счастливый конец?»

«Мне вообще не следовало появляться здесь,» сказал Меритус Часс.

«Это ваше право по рождению,» ответила Маддалена.

Они были на площадке над грузовым складом, зарезервированным для тренировок. Часс смотрел на построение людей. Огромные лампы вокруг них продолжали шипеть, затухать и снова разгораться.

«Я не особенно заинтересован в этом,» сказал он. «Это жутко. Он не хочет, чтобы я был здесь.»

«Он просто удивлен, Меритус.»

«Я не знаю, сколько мне еще надо говорить тебе это, Маддалена, но я ненавижу это имя. Одна из этих тупых семейных традиций. Феликс, или сэр.»

Телохранитель пожала плечами.

«Он просто удивлен,» сказала она. «У него есть ребенок. Он не знал. Ему нужно переварить это.»

«И сколько это займет? Что, если он переварит это и решит, что ему лучше без меня?»

«Вы в депрессии.»

«Тяжело не быть. Ты видела эту гниющую громаду? Она разваливается на части. Нам очень повезет, если варп не заберет наши души. А Танитцы, я имею в виду, *настоящие* Танитцы. Знаю, что они помогли защитить улей, и наш Дом обязан им, но они похожи на варварские ауксии.»

«Это, возможно, потому, что они и *есть* варварские ауксии,» сказала Маддалена. Внезапно она насторожилась, ее рука приблизилась к ее оружию.

«Смотрите,» сказала она, «это Рядовой Далин.»

Далин приближался к ним по площадке. Он казался нервничающим.

«Вы поняли, почему Гаунт выбрал его, так ведь?» прошептала Маддалена.

«Нет.»

«Он сын Колеа. Сын *еще одного* великого героя Улья Вервун.»

«Это все связано с репутацией, связанной с этими людьми, так ведь?» прошептал Часс.

«Меня прислал Комиссар Ладд,» сказал Далин. Он выглядел так, как будто решал, отдавать честь или нет. Он не мог смотреть Чассу в глаза. «Бумаги о зачислении готовы. Потом мне нужно достать тебе снаряжение, затем разместить. Имеет смысл прикрепить тебя к Роте Е, вместе со мной. Я адъютант капитана.»

«Показывай дорогу,» сказал Часс.

Маддалена двинулась, чтобы последовать за ним.

«Оставайся здесь,» сказал ей Часс. «Хотя бы на время, позволь мне сделать это самому.»

«Ваша мать приказала мне не оставлять вас вне поля видимости.»

«Он на корабле в варпе,» сказал Далин. «В точности, куда вы думаете, он сможет деться?»

СЕМЬ

Лица

Полость 29617 была трюмным помещением, длинным и слегка неровным залом, который пролегал рядом и под одним из кожухов главного плазменного двигателя. Она была с низким приоритетом, и здесь были только рудиментарные свет и средства переработки воздуха. По мусору и пыли, это был чердак или подвал – или как там они это называют на звездных кораблях – который не использовали несколько веков.

Меррту это подходило.

Полость 29617 была в стороне. Она не была одним из огромных трюмов, зарезервированных для тренировок и технических работ, и она была намного меньше, чем ангарные палубы, используемые для парадов и общей подготовки. Она была узкой и длинной, что давало ему некоторое расстояние. Здесь был легкий ветерок, исходящий из воздушных каналов, что придавало полости поперечную тягу и заставляло слегка ощущаться похожим на условия на открытом воздухе. И никто сюда не придет, поэтому никто не сможет увидеть его бесполезность.

После увечья на Монтakse, годы практики не приносили никаких результатов. Меррт пытался: он показывал настойчивость и решимость, редкие даже по снайперским стандартам. Он работал, чтобы вернуть свой разрушенный навык.

Единственное, в чем он был уверен это то, что ему надо было давным-давно сдаться.

Но Ларкин, его старый друг и соперник, был в другом из своих безумных настроев. Он инвестировал свою маниакальную заботу в Меррта, и у Меррта не хватало духа подвести его. Он понимал, что *подведет* его, но он хотел, чтобы видели, что он предпринимает усилия, так что не будет выглядеть так, как будто он просто дал этому случиться. Несколько дюжин часов дополнительной стрелковой практики, чему это может повредить? Это доказывало, что Ларкин был его другом, и он был готов уважить доверие своего друга. Это означало, что когда ему, в конечном счете, придется сказать, что он не сможет это сделать, он будет *знать*, что не сможет это сделать. У него будет доказательство. Наглядность. Он пытался, поэтому неудача была смягчена.

У Меррта была винтовка со скользящим затвором, которую использовал Ларкин, чтобы тренировать его, и ящик с патронами. Ларкин еще не объяснил всю важность старого механического оружия с точки зрения задачи миссии. Лонглаз был намного превосходящим оружием. Только несколько человек в Танитском Первом знали, куда они направляются, и что они могут ожидать, когда туда доберутся. Меррт знал, что сам Ларкин знает немного из этого. Как раз достаточно для тренировки специалистов.

Первой и единственной вещью, которую понимали все, было то, что они направляются не в счастливое место. Следующая миссия собиралась быть чертовски тяжелой работой.

Меррт поставил в ряд несколько старых жестяных кружек, банок и банок из-под смазки в качестве целей, а сам расположился в сидячем положении, спиной к стене полости, а винтовку расположил на подставке, в качестве которой он использовал старую металлическую скамью. Затем он поправил и отрегулировал подпор, используя пару носков с песком, которые каждый снайпер носит в своей сумке. У него был простой оптический прицел для определения расстояния, но он использовал его отдельно, вымеряя угол, затем убирая прицел в сторону, чтобы в конечном итоге целится посредством мушки на оружии.

Он учел дрейф воздуха и врожденную склонность винтовки падать и подниматься при выстреле. У винтовки был крошечный перевес на левую сторону, которую Ларкин подкорректировал подстройкой мушки с помощью часовой отвертки. Меррт расслабился, затем выдохнул весь воздух из легких, медленный долгий выдох, так что даже дыхание или дрожь от остановленного дыхания не повлияют на прицел. Единственным, что он не мог уменьшить, был бесконечно малый стук его сердца, поэтому он выбрал время, чтобы выстрелить между ударами. *Удар... прицелиться... удар... проверить... удар... выстрелить.*

Выстрел прогрохотал по полости. Пуля срезала кончик жестяной банки, и заставила ее дрожать. Он целился в отметку на банке примерно на расстоянии среднего пальца от того места, в которое он, фактически, попал.

Безнадежно. Фесово *безнадежно*.

Чтобы даже рассматриваться на получение значка снайпера, ему было бы нужно частично накрыть целевую точку.

«Это плохой выстрел.»

Меррт подпрыгнул. Скорее не из-за того, что кто-то застал его врасплох, а скорее из-за того, что кто-то настолько большой чудесным образом появился в его поле зрения.

Он вскочил, опрокинув подставку.

«Гн! Гн! Гн!»

Удивление сменилось страхом.

Белый Шрам искоса посмотрел на стрельбище, а затем снова посмотрел на смертного с винтовкой.

«Очень плохой,» сказал Сар Аф. «Печально. Почему ты вообще беспокоишься?»

«Гн... гн... гн...»

«Говоришь? Ты умственно отсталый?»

«Я гн... гн... гн... практикуюсь!»

Сар Аф нахмурился. Он кашлянул, а затем потер кончик носа бронированными пальцами, которые могли сломать кости.

«Ты здесь долго будешь,» сказал он.

«Я уже провел здесь гн... гн... гн... много времени,» сказал Меррт.

Сар Аф кивнул. Он протянул руку.

«Дай это мне.»

Его голос напомнил Меррту Яго. Сухие ветра, одиноко дующие по пыльным долинам. Песчаник, разъеденный ветром. Меррт дал ему винтовку.

Сар Аф взял ее; палку, игрушку. Он посмотрел вдоль ствола, держа одной рукой, как будто проверяя, что ствол, на самом деле, прямой. Спусковая скоба была совершенно маленькой для его пальцев.

Он отдал ее назад.

«Я не могу использовать это. Выстрели снова.»

«Сэр?»

«Снова.»

Меррт потянулся, чтобы поставить подставку и поднять носки с песком.

«Не беспокойся насчет этого. Просто сделай хороший выстрел с того места, где стоишь. Просто прицелься и выстрели.»

Меррт отвел затвор, вытащил гильзу, взял еще один патрон из ящика у ног, и вставил его. Он бросил взгляд на Космического Десантника. Гигант просто невозмутимо смотрел на него сверху вниз.

Меррт приложил винтовку к щеке, выбрал жестяную кружку, прицелился, выдохнул, и выстрелил. Выстрел зацепил кружку достаточно хорошо, чтобы сбить ее с подставки. Она сделала несколько глухих, пустых звуков, пока прыгала по палубе.

«Все еще печально,» сказал Сар Аф. Он посмотрел на Меррта. «Достаточно хорошо для Гвардии в поле, полагаю, но не достаточно точно для чего-нибудь еще.»

Меррт не знал, что сказать.

Белый Шрам все еще смотрел на него, но его мысли были далеко. Меррту казалось, что Космический Десантник проигрывает на дотошно медленной скорости воспоминание о том, как Меррт делает выстрел, чтобы проанализировать это.

Он остановился. Снова посмотрел на Меррта, и, внезапно, протянул руку, схватив Меррта за челюсть и горло. Рука повернула голову Меррта в сторону. Меррт боролся и задыхался.

«Эта челюсть. Эта аугментика, это твоя проблема,» сказал Сар Аф. «Ты повержен своей собственной концентрацией. Ты так интенсивно концентрируешься, когда стреляешь, что это стимулирует нейроды в твоей челюсти и ты дергаешься.»

«Я гн... гн... гн... дергаюсь?»

«Когда стреляешь. Твоя челюсть сжимается.»

Сар Аф отпустил его.

«Для тебя физически невозможно хорошо стрелять.»

Меррт сглотнул.

«Приходи завтра,» сказал Сар Аф.

Главная столовая была на средних палубах. Стены и полы были покрыты плитами из тусклой, гальванизированной стали, а металлические столы и скамьи были прикручены болтами. Здесь был постоянный стук кухонной посуды по металлическим поверхностям, а воздух был часто наполнен паром с кухни.

Вайлдер взял плитку с тарелки перед собой.

Мерин сел напротив. У него было накрытое блюдо и жестяная кружка. Мерин выпил содержимое кружки одним глотком, затем подвинул пустую кружку по столу к Вайлдеру.

Вайлдер посмотрел на кружку. Мерин вытащил вилку из нагрудного кармана и начал есть.

«Как дела, Якуб?» весело спросил он.

Вайлдер не ответил. Он взял пустую кружку и посмотрел в нее. На дне кружки была маленькая коричневая сложенная бумажка.

«Что это?»

«Счастье,» ответил Мерин, все еще едя.

«Для меня?»

Мерин прожевал перед ответом.

«Это сделает нашего общего друга, Бленнера, счастливым, что то же самое.»

Вайлдер поставил кружку, как будто не намеревался прикасаться к маленькому свертку с наркотическими таблетками.

«Откуда они?»

«Костин,» сказал Мерин.

«Он что, выращивает их на особом дереве?»

«Тебе они нужны или нет?»

Мерин поставил локоть на стол, поигрывая вилкой в руке. Он уставился на Вайлдера, жуя.

«Ты знаешь, куда мы направляемся?» спросил он.

«Нет,» ответил Вайлдер.

Мерин вздохнул.

«Да, я предполагал, что если уж мне не сказали, тебе, определенно, тоже.»

«И что это означает?»

«Это означает, что некоторые люди преуспевают, а некоторые нет, Якуб. Некоторые люди наслаждаются благосклонностью. Ты был прав, в том, что ты сказал Гендлеру, насчет ребенка Гаунта.»

«Зачем мне было врать?» спросил Вайлдер.

«Незачем. Гаунт выбрал моего адъютанта, чтобы он бегал за избалованным маленьким ребенком. Пацан не солдат. Недостаточно взрослый. Не похоже, чтобы он сделал выбор в своей жизни. Определенно, никогда не сражался. Его сдует, если Архивраг пукнет. Хотя, у него собственная каюта.»

«Его собственная каюта...»

Мерин ухмыльнулся.

«Ты можешь в это поверить? Гаунт притворяется, что хочет, чтобы с ним обращались, как со всеми остальными, как с любым обычным гвардейцем, но затем его психованная сучка телохранитель – потому что у каждого обычного гвардейца есть телохранитель, так ведь? Затем его телохранитель говорит, что она не будет делить

общее жилище с другими людьми. О, нет. Она настаивает. Ей нужно, чтобы он был за дверью, которую она может защищать.»

«Она говорила это Гаунту?»

«Конечно, нет,» сказал Мерин. «Она говорит это мне. Видишь, как он делает это? Он заявляет, что нам нужно обращаться с ребенком, как со всеми, затем делает это моей проблемой, так что вонь фаворитизма не прилипает к нему.»

«И что ты сделал?» спросил Вайлдер.

«Дал ему маленькую каюту в офицерском блоке рядом с моей.»

Вайлдер откинулся назад и отпил из своей кружки.

«Разве это не подрывает желания Гаунта?» спросил он.

«Гаунт пассивно-агрессивный. Он говорит одни вещи, но имеет в виду другие. Ну же, Вайлдер, ты понимаешь, как это происходит. Если бы я придерживался своего и заставил мальчишку спать в общей казарме, я бы, внезапно, обнаружил себя получающим все дерьмовые подробности. Это может стать очередью Роты Е драить сортиры, или быть на острие следующей атаки.»

«Значит Гаунт придерживается своего и это выглядит так, как будто это чья-то другая идея,» сказал Вайлдер.

«Ты начинаешь видеть Имперскую правду,» оскалился Мерин.

«Почему ты его так ненавидишь?»

Мерин пожал плечами.

«Он убил мой мир. Мою жизнь. Он заслуживает расплаты, раньше или позже. Но это не то, не настолько. Все, что у меня есть, все, что я построил, я сделал это сам. Командование ротой. Звание. Привилегии. Влияние. Я всего достиг сам. Мне никто не помогал. Я не часть его внутреннего круга.»

«А кто?»

«Колеа. Баскевиль. Мколл. Даже Роун в эти дни, потому что, внезапно, Роун оставил свои яйца на Гереоне. Я не должен Гаунту ничего. Он должен мне все. А он никогда не даст это, поэтому я беру все, что могу.»

«Что насчет Гендлера?»

«Гендлер такой же,» сказал Мерин, «Гаунт отнял его жизнь. Тебе нужно понять, Диди был богатым человеком на Вергхасте. Из верхнего улья. Благородная кровь. Потерял все в Зойканской Войне, семью, собственность. И какой выбор он сделал? Жить в нищете в Улье Вербун во время долгих лет восстановления после войны и лишений, надеясь, что в один день его законные требования на компенсацию смогут быть услышаны на судебных разбирательствах? Или принять Акт Утешения, где лишенные права собственности могут присоединиться к Гвардии и начать новую жизнь?»

«Гендлер сделал свой выбор,» сказал Вайлдер.

«Да, сделал. Он сказал прощай своей старой жизни, своей там семье, которую он покинул, и начал служить Гаунту. А Гаунт его когда-нибудь признавал? Видел его больше, чем в качестве сержанта? Диди навсегда порвал свои родственные связи, а Гаунт? Они протащили его фесова сына через варп, чтобы он был с ним. *Он* может принести свое прошлое с собой. *У него* может быть своя жизнь. *У него* может быть семья. Имперская Гвардия Императора позаботится об этом. Мы пожертвуем собой, чтобы он был тем, кто он есть. Это всегда насчет благосклонности, Якуб, как я и говорил. Это всегда касается благосклонности для тебя и для кого ты знаешь.»

Вайлдер обдумал это. Мерин смотрел на его лицо.

«Я знаю, что ты тоже это чувствуешь, Якуб,» сказал Мерин. «Прямо, как мы. Твой брат. Его командование. Его полк. И смотри, как они относятся к тебе. Как к шутке.»

Вайлдер положил вилку.

«Жизнь несправедлива,» сказал он. «Вот и все.»

«Точно. Поэтому ты делаешь ее справедливее,» сказал Мерин.

«Как?»

«Ну, Диди говорит, что нам нужно убить ребенка Гаунта,» сказал Мерин.

Он улыбнулся на шокированное выражение лица Вайлдера.

«Успокойся. Диди слегка злой. Это связано с Ульем Вервун. Seriously, это шутка. Мы не собираемся никого убивать. Диди слегка напился. Он был просто токсичным. Есть менее драматичные вещи, которые мы можем сделать, чтобы это было удовлетворительно.»

«Например?» спросил Вайлдер.

Мерин кивнул на кружку.

«Ты возьмешь эти,» сказал он, «и заставишь работать. Это сначала.»

Он встал, перешагнул через скамейку и взял свой поднос.

«Откуда я пришел,» сказал он, «люди росли охотниками. План охотников. Они крадутся. Они выбирают время. Ты знаешь, какое у охотников самое лучшее оружие, Якуб?»

«Нет.»

«Терпение,» сказал Мерин.

Глаза, которые были необыкновенно хорошими копиями глаз Рядового Пола Кохрана, смотрели на смену в отдаленном грузовом отсеке.

Понадобилось несколько часов, чтобы выяснить, где на борту содержался заключенный. Бронированное помещение старого артиллерийского склада было превращено в камеру. Это было умно. У артиллерийских складов стены были толще, чем у тюремных карцеров.

Враг отдал меры безопасности в руки отдельного отряда. Отряду, первому взводу Роты Б, был дан статус Роты S Комиссариата. Они, так же, являлись ветеранами полка, негибемыми Призраками, так что был крошечный шанс на кооперацию или на обращение.

Кохран наблюдал из теней. Он проверял подходы, пути к и от камеры, порядок. Откуда появляется еда? Как ее доставляют? Сколько раз меняется смена? Какие

удобные возможности есть, чтобы перехватить и вмешаться? В любое время там было четыре охранника из Роты S: двое снаружи, двое в камере.

Кохран, по крайней мере, то существо, которое играло роль Кохрана, было терпеливым. Время обзора было ограничено, потому что отсутствие Кохрана на жилых палубах будет замечено в определенное время. Он не хотел отказываться от личности. А в частности, он не хотел, чтобы состояние тревоги было повышено из-за того, что отсутствует солдат.

Но он, так же, был очень озабочен тем, что его благоприятные возможности – а ему нужно было быстро выбрать одну – быстро приближались к сроку годности.

Бленнер налил себе вторую кружку кофеина и пофантазировал насчет добавления в него капли амасека. Он никогда не переносил комфортно переезд, бездневные ночи и безночные дни, сны, передислокацию. Он плохо спал. Перспектива еще большего количества дней или недель не наполняли его облегчением. Дайте ему хороший мир и обычную битву вместо этого. Вообще-то, битва может принадлежать кому-нибудь еще. Просто хороший мир подойдет.

Он бросил еще один презрительный взгляд на планшет, который читал. Отрывочные части из послужного списка Новобазки, вытщенные из полкового архива. Вайлдер был прав. Новобазки, определенно, мог говорить. Часами за раз. Это заставляло голову Бленнера болеть.

Он принял таблетку. В бутылочке гремели уже всего лишь несколько из них. Он не любил думать о них, как о поддержке, но он, на самом деле, не хотел думать о том, чтобы смотреть на жизнь без них.

«Вы ужасно выглядите,» сказала Фейзкиель, садясь за стол в офицерской секции столовой.

«Нет начала твоему очарованию?» спросил Бленнер.

Она ухмыльнулась, и начала расставлять еду на подносе. Она заставила их положить вещи, такие, как плитка и овощная паста, на отдельные тарелки. Здесь было много клетчатки, и большая банка с густым серым питательным напитком, а не с кофеином.

Она увидела, что Бленнер пристально смотрит.

«В здоровом теле здоровый дух,» сказала она.

«В полностью убогом и лишенном теле может быть,» ответил он. Он посмотрел на ее напиток. «Что не так с кофеином? Эта штука убьет тебя. И что с отдельными тарелками?»

«Я не люблю, когда вещи соприкасаются,» сказала Фейзкиель. «Это грязно и недисциплинированно.»

«Серьезно?» Несмотря на час и тяжелую голову, Бленнер ухмыльнулся. Луна Фейзкиель всегда была безукоризненно опрятной. Он никогда не знал никого, кто бы придерживался дресс кода столь буквально, даже по требовательным стандартам Комиссариата. Она была одержимо чистой и пунктуальной, одержимо строгой и организованной.

«Что-то смешное?» спросила она. Она была красивой женщиной, и высокоэффективным комиссаром, но контроль дымился от нее, как кровавый туман от силового клинка. С ней не было права на ошибку. Никакого. Пехотинцы видели это в ней, и это было то, за что они уважали ее.

«Нет, нет,» сказал он.

«Думала, что вы на инспекции,» сказала она.

Он поднял взгляд.

«Разве не вы ее отложили?» спросила она.

«Ах,» произнес он.

«Где этот рядовой?» спросил Эдур.

«Сэр, я не знаю, сэр,» ответил Еролемев, стоял четко по стойке смирно.

Эдур посмотрел на Вайлдера.

«Прокомментируете, капитан?» спросил он.

«Отсутствие рядового неразрешено,» сказал Вайлдер, уставившись на пустую койку. В грузовом трюме вокруг него, оркестранты под его командованием стояли рядом со

своими импровизированными койками идеальными рядами. Он знал, что все они смотрели бы на него, если бы им не нужно было смотреть перед собой.

«В наличии само отсутствие,» сказал Эдур, «и еще неведение вашего сержант-майора.»

«Я думаю, что это связано,» сказал Вайлдер. «Если бы Сержант-Майор Еролемев знал, где рядовой, отсутствие не было бы неразрешенным.»

«Не умничайте, капитан,» сказал Баскевиль.

Вайлдер мог видеть, что Майору Баскевилю не по себе. Из того, что он слышал, майор был честным человеком, который, возможно, был несчастлив, видя, что доброе имя Белладона под угрозой.

«Как зовут рядового?» спросил Эдур.

«Кохран, сэр,» сказал Еролемев.

«Я выпишу ордер,» сказал Эдур. «Он будет, как для рядового, так и для--»

«Кохран болен,» сказал Бленнер. Он вошел в зал позади инспекционной группы.

«Это плохой случай,» добавил он. «Поражены многие из личного состава в этот раз. Вы это прочувствовали на себе, так ведь, капитан?»

«Да,» сказал Вайлдер.

«Я подписал пропуск и послал Кохрана в лазарет,» сказал Бленнер.

«Сержант-майор был не в курсе,» сказал Эдур.

«Потому что я сделал это только что, и я шел, чтобы сказать сержант-майору об этом,» сказал Бленнер.

Эдур пристально смотрел на него мгновение.

«В этом особенность неожиданных проверок,» весело сказал Бленнер. «Они не происходят в аккуратно подобранные моменты.»

«Очень хорошо,» сказал Эдур. «Давайте продолжим.»

Инспекция продолжалась еще сорок минут. Когда Эдур с Баскевилем ушли, Бленнер отвел Вайлдера в сторону.

«Найдите двоих или троих солдат, которым можете доверять. Ту девушку, например. Отправьте их найти Кохрана.»

Вайлдер кивнул.

«Вы не посылали его к медику, так ведь?»

«Нет,» сказал Бленнер. Он написал разрешение, вырвал из своей рабочей тетради, и сложил. «Отдайте это ему и скажите, где предполагалось, он должен был быть. Быстро. Потом скажите ему, чтобы он нашел меня, и мы убедимся, что этого больше никогда не произойдет.»

«Спасибо вам,» сказал Вайлдер.

«Не благодарите меня. Моя шея тоже под ударом.»

Вайлдер задумался на мгновение, а затем вытащил что-то из кармана.

«Я подумал, что вы сможете что-нибудь сделать с этим,» сказал он.

Бленнер взял маленький сверток с таблетками.

«Что это?»

«Я нашел их,» сказал Вайлдер.

«Где?»

Вайлдер пожал плечами.

«А там может быть... еще?» спросил Бленнер.

«Возможно,» сказал Вайлдер. «Солдаты всегда находят способ наложить руки на вещи. Я уверен, что еще сможет появиться.»

«Ясно,» сказал Бленнер. Он посмотрел на маленький сверток и положил его в карман плаща. «Я позабочусь об этом, капитан.»

«Хорошо,» сказал Вайлдер. «Я думаю, это к лучшему. Просто подумал, что мы должны молчать.»

Они обернулись, когда Сержант-Майор Еролемев приблизился к ним.

«Простите меня, сэры,» сказал он. «Только что пришло сообщение. Весь полк должен собраться на главной палубе через час. Командующий собирается обратиться к нам.»

«Предполагаю, что сейчас, когда мы уже в пути,» сказал Вайлдер, «мы выясним, куда направляемся.»

«Думаю, так,» сказал Бленнер.

На средних палубах корабля была большая активность, пока полк собирался для обращения. Со своей позиции на мостике, Капитан Спайка смотрел, как его пассажиры спешат, подобно насекомым в улье, по испачканным маслом туннелям и сырым лестницам. Он подстроил настройки и переключил несколько экранов.

Люди интриговали его. Люди, которые не жили в пустоте, как он, казались настолько ограниченными каркасом корабля, настолько запертыми. Они были скотом, который везут на рынок. Они не жили на корабле так, как это делали он и его экипаж.

Его сидением был потертый кожаный трон в позолоченной раме. Здесь были две большие панели с управляющими рычагами на конце каждого подлокотника. Механизмы были настолько старыми, что множество рычагов были заменены: новые металлические прутья и набалдашники были приварены к сгнившим или сломанным остаткам оригиналов. Даже некоторые из замен начали изнашиваться. Спайка подстроил рычаги и свое кресло, расположенное на шарнирном подъемном рычаге, поднялся с верхней палубной платформы и дальше, над обширным мостиком. Отсюда, он мог просматривать то, что внизу, и наблюдать за работой главной консоли над плечами ключевых офицеров, или поднять себя еще выше к куполообразной крыше, чтобы изучить гололитическую проекцию звездной карты или поговорить с дерганным навигатором в ремнях безопасности.

Его пригласили посетить обращение. Записка была доставлена от полковника-комиссара. Он не собирался присутствовать. Он знал, куда они направляются.

К тому же, варп был шероховатым и беспокойным. Здесь была активная волна и необычные уровни рассеивания и турбулентности.

Ему нужно было быть на мостике, на своем месте, на случай, если вещи станут бурными.

«Что происходит?» спросила Элоди Даура, проходя мимо него в шумном центральном зале.

«Смотр,» ответил он. «Обращение. Нам скажут наш пункт назначения.»

«Серьезно?» спросила Элоди.

«Это смысл всего этого,» сказал Даур. «Точка, к которой мы направляемся. Настоящее начало миссии. Слушай, я должен идти и собрать Роту G. Я вернусь и все тебе расскажу позже.»

«Все?» спросила она.

«Я обещаю.»

Они пошли в противоположных направлениях. Пол Кохран вышел из тени арочной колоннады и слился с потоком спешащих фигур, просто еще один спешащий солдат.

Он слышал, что сказал капитан.

Нам скажут наш пункт назначения.

Приоритеты только что снова изменились.

«Ты. Ты там!»

Кохран остановился, и медленно повернулся. Некоторые из личного состава, проходящие мимо него, толкали его. В двадцати шагах позади него Комиссар Эдур пристально смотрел на него.

«Кохран? Рядовой Кохран?»

«Да, сэр.»

«Иди сюда, черт возьми!» резко бросил Эдур, указывая на точку на палубе прямо перед собой. Река людей вокруг них разделилась и нашла другие пути. Никто не хотел стоять на пути Имперского комиссара, особенно того, который был, очевидно, рассержен. К тому же, еще никто не видел, чтобы новоприбывший Эдур повышал свой голос.

«Прямо сюда, рядовой!» приказал Эдур.

Кохран замешкался еще на мгновение. Он взвесил свои варианты, и понял, что все они зависят от поддержания его обмана. У всех на виду, перед дюжинами членов полка, его варианты были чрезмерно ограничены.

Он подошел к Эдур, и встал перед ним, держа руки за спиной.

Эдур сморщил губы.

«Учитывая обстоятельства,» тихо сказал Эдур, «я полагаю, поза «смирно» покажет большее уважение.»

Кохран резко встал по стойке смирно.

«Это не лазарет,» сказал Эдур.

«Сэр?»

«Я сказал, что от лазарета далековато, рядовой.»

«Да, сэр.»

«Значит, тебе стало лучше от твоей болезни от ускорения, так?» спросил Эдур. «Мне ты не кажешься больным. Или милость беати и сияние Бога-Императора излечили тебя?»

«Да будут они жить вечно в наших сердцах и наших мыслях, сэр,» сказал Кохран.

«Следи за языком, рядовой,» сказал Эдур.

«Сэр.»

«Давай посмотрим на пропуск, рядовой,» сказал Эдур.

«Пропуск, сэр?»

«Твой пропуск, рядовой. Пропуск, который Комиссар Бленнер тебе дал.»

«Я...» начал Кохран. Он сделал паузу. «Я думаю, что, должно быть, потерял его, сэр.»

«Идем, рядовой,» сказал Эдур. «Сюда.»

«Я должен доложиться для обращения, сэр,» сказал Кохран.

«Шевелись,» сказал Эдур.

Эдур указал и вывел Кохрана из центрального зала в один из коридоров. Эдур оставался позади Кохрана, зловещий эскорт. Два человека пробежали мимо них, неся ящик.

«Я должен идти на обращение, сэр,» сказал Кохран.

«Хватит, рядовой,» сказал Эдур.

«Это обязательно. Если я пропущу это, капитан будет--»

«Я сказал, *хватит*. У тебя уже проблемы из-за того, что ты не там, где ты предполагаешься быть.»

«Но, я--»

«Серьезно, как глубоко ты собираешься зарыться в это, Кохран? Штрафной отряд? Порка?»

Еще люди прошли в противоположном направлении, спеша, застегивая на пуговицы свои мундиры.

«Я только шел в лазарет, сэр,» сказал Кохран. «Я не мог пропустить обращение.»

«Я теряю терпение, Кохран,» сказал Эдур. «Я думаю, что тебе стоит немного посидеть в карцере, пока я выясняю, почему Комиссар Бленнер пытается защитить тебя. Такие люди, как ты, разочаровывают меня, Кохран. Если бы ты просто рассказал, когда я столкнулся с тобой, я, возможно, отпустил бы тебя с предупреждением. Но эта болтовня, эта попытка увернуться. Это то, что унижает Гвардию, ты меня понимаешь?»

Это тот тип мыслей, которые разлагают душу хорошего полка. Ты слабый человек, Кохран, и нет этому оправдания.»

«Я болен, сэр,» сказал Кохран. Он остановился.

«Ты не болен. Иди.»

Кохран задрожал и завыл, как будто можно было подумать, что что-то неприятное только что подорвало его на желудочном уровне.

«Кохран?»

«Меня сейчас вырвет...» задыхаясь, сказал Кохран. Он повернулся и проковылял из перехода в узкий инженерный туннель, держась за стену.

«Кохран!» Эдур быстро шел за ним. Его рука потянулась к кобуре.

Кохран немного прошел по сырому металлическому туннелю. Впереди слышалось урчание тяжелых механизмов. Свет был намного слабее, чем в переходе, где все еще спешили люди. Кохран прислонился лбом и предплечьем к металлической стене, тяжело дыша.

Эдур вытащил пистолет и нацелил его в голову Кохрана.

«Должно быть, ты думаешь, что я проклятый Троном идиот, если полагаешь, что я поверю в эту игру,» сказал он. «Это просто выльется в серьезные обвинения, никчемный ты--»

Кохран резко развернулся. Со скоростью, которую Эдур не мог объяснить или предвидеть, поднятая рука Кохрана схватила его запястье, отбила нацеленное оружие, и отбросила Эдура к противоположной стене. Он тяжело ударился, удар выбил воздух из легких и оставил рану на затылке.

Кохран развернулся в другую сторону, схватил руку с пистолетом Эдура, поднял ее, а затем сломал запястье.

Эдур взвыл от боли. Кохран взял пистолет из безвольной руки и отбросил его в инженерный проход за собой.

Все было кончено. Шок от боли сам по себе распластает комиссара и—

Усэйн Эдур был сильным человеком. Глубокое чувство праведного негодования прорвалось сквозь поток боли и удивления. Это был резерв, который позволял ему оставаться в живых на нескольких полях сражений, фокус, который позволял ему пробиться сквозь туман ранения или смятения.

Он бросился на Кохрана, левым плечом. Они столкнулись, и Эдур протащил Кохрана вдоль секции стены, разорвал ему губу и щеку. Кохран прорычал и ткнул локтем в ключицу Эдура. Эдур отлетел к противоположной стене туннеля.

Он снова напал на Кохрана здоровой рукой. Кохран повернулся, чтобы отбиться, пригнув голову, с поднятыми кулаками. Когда Эдур рванул вперед, Кохран с размаху нанес удар кулаком, который попал Эдуру в ухо и отбросил в сторону. Он, шатаясь, прошел в конец инженерного туннеля и вышел в инженерный отсек.

Кохран пошел за ним. Ему снова было нужно взять все под контроль, быстро, до того, как кто-нибудь проходящий услышит или увидит, что происходит. Отсек был намного более удален, чем туннель. Урчание машинного оборудования маскировало их звуки. Единственный сервитор повернулся от контрольной панели, чтобы заметить посетителей своего рабочего места непонимающими глазами. Пальцы согнулись, когда он попытался переварить вторжение в свои основные функции.

Центром отсека была глубокая труба, которая представляла собой поднимающийся шпиль из аккумуляторных батарей. Древние медные кольца и закованные в сталь конденсаторы жужжали и вращались. Ветви энергии трещали в трубе за железными поручнями.

Кохран врезался и протащил Эдура по отсеку к поручням, нанеся повреждение нижней части его позвоночника. Эдур закричал от боли, лягнул, и нанес удар сломанной рукой. Удара, в лоб, было достаточно, чтобы Кохран отпрянул, но боль от сломанных костей заставила Эдура задохнуться, его рот и глаза были широко раскрыты, как у задыхающейся рыбы на земле.

Кохран пнул его в грудь, затем по лицу, отбросив голову Эдура назад так, что она ударилась по поручню. Эдур сполз по поручням, его ноги были согнуты под ним.

Кохран пошел вперед, чтобы сломать ему шею и закончить игру.

Он замер, смотря на дуло пистолета Эдура. В какой-то момент во время драки, комиссару удалось снова взять его. Он целился здоровой рукой, его сломанная рука свернулась, как мертвый птенец, на груди. Его голова качалась, а кровь сочилась изо рта. Он лишился нескольких зубов, а один глаз начинал заплывать.

«Маленький ублюдок...» промямлил Эдур.

Неожиданный поворот заставил Кохрана потерять контроль над своим лицом на секунду. Очертания зарябили.

«Что ты такое, черт возьми?» спросил Эдур.

Это было достаточное отвлечение внимания. Кохран нанес удар рукой, его пальцы собрались в форму клюва. Нечеловеческая сила удара уничтожила лицо Эдура, а носовые и лобные кости вонзились ему в мозг. Рука, держащая пистолет, тяжело упала. Уничтоженное лицо Эдура наклонилось вперед, как будто в молитве. Кровь хлестала тремя или четырьмя потоками.

Кохран выпрямился. Он мог чувствовать, как кровь стекает у него по губам и щеке. Он повернулся. Сервитор поднялся на ноги, взволнованный. Кохран пошел вперед, схватил его за керамитовую челюсть и череп, и сломал ему шею. Он сломал одно из цифровых устройств сервитора, и использовал его, чтобы разбить его оптику и уничтожить ядро визуальной памяти.

Кохран огляделся. Он посмотрел за поручень и увидел долгое падение во мрак вытяжного колодца у начала аккумуляторного шпиля. Без промедления, он бросил тело Эдура вниз, смотря, как оно падает и отскакивает от нижних поручней, а затем исчезает. Он бросил сервитора за ним.

Ему нужно было почиститься. Ему нужно было добраться со смотровой палубы.

«Все на месте,» сказал Белтайн.

Гаунт кивнул. Он надел фуражку, поправил ее, и сделал успокоительный вдох. Затем он прошел через широкий входной люк. Белтайн шел за ним шаг в шаг, с эскортным отрядом из Роты А, ведомым Крийд и Мколлом.

Главная смотровая палуба *Армадюка* была огромным ангаром, размером в несколько плацев от края до края. Свет падал вниз от массивов фонарей, прикрученных среди балок на крыше. Большие летательные аппараты, такие как десантные и транспортные корабли, стояли в дальнем конце, в стороне от передних шлюзов, выходящих в космос. Некоторые были огорожены лесами, чтобы сервиторы и команды *Механикус* могли производить техническое обслуживание. Маленькие летательные аппараты – лихтеры и шаттлы – были подняты к верхним балкам на магнитных фиксаторах и висели над головой, как охотничьи трофеи. На собранном шарнирном крыле одного из подвешенных *Арвусов* уселся двухголовый орел и злобно посмотрел вниз на *Гаунта*, когда тот вышел на палубу.

Весь полк собрался на главной посадочной платформе. Солдаты были одеты скорее в боевую униформу, чем в парадную, но одежда и снаряжение были начищены и подготовлены по высочайшим стандартам. Они стояли ротами, со своими офицерами во главе каждой секции. Консольный межпалубный подъемник был поднят перед ними, чтобы образовать подиум. На виду были цвета подразделения: *Танитские*, *Вергхастские*, *Белладонские*.

Свите было разрешено присутствовать. Они толпились вокруг входа или заполнили вторые и третьи галереи верхних уровней палубы. Пока он проходил мимо них, *Гаунт* увидел два лица, которые узнал: девушку *Даура*, *Элоди*, бдительную и отчужденную; *Маддалену Дэрбилавд*.

«От *Адептус Астартес* никого нет?» тихо спросил *Гаунт Белтайна*, пока они шли.

«Они кажутся постоянно занятыми, сэр,» прошептал в ответ *Белтайн*. «Мне доложили, что *Железный Змей* проводит все время в беспрестанной тренировке ближнего боя, а *Серебряный Гвардеец* не делает ничего, кроме изучения симуляций.»

«Что насчет *Белого Шрама*?»

«Никто не знает, сэр. Кажется, что он бродит по кораблю.»

«И никого нет из команды *Спайки*?»

«Я думаю, что они заняты корабельными вещами, сэр.»

Они вышли на главную платформу перед построением, и Роун, смотря перед собой, рявкнул твердый приказ. Полк плавно встал по стойке смирно с одним звучным ударом. По этому сигналу, Сержант-Майор Еролемев поднял свой позолоченный жезл, а Рядовой Пердэй отклонила голову назад, подняла свой геликон, и выдала четкую, чистую, сольную фанфару.

Гаунт слегка вздрогнул. Игра была хороша. По факту, она была великолепной, и звук был удивительно поднимающим настроение. Он просто задумался, когда Танитский Первый стал таким типом полка, и когда он стал таким типом командира. Вопрос о церемониях никогда не стоял.

Он поднялся на поднятую платформу, сотворил символ аквилы и сказал полку «вольно».

«С этой новой силой,» сказал он, голосом, которым привык обращаться без усилий, «уже поприветствованной в наших рядах, мы стоим вместе впервые.»

Его глаза пробежались по морю лиц. Они были внимательны и неподвижны, и только некоторые показывали эмоции. Бан Даур никогда не мог скрыть этот легчайший намек на решимость. Майор Жукова, новое лицо для Гаунта, откровенно светилась от гордости. Было что-то озорное в глазах Хлэйна Ларкина, и это было отличительным и хорошо знакомым, как и постоянно присутствующий намек на неудовлетворенность на лице Виктора Харка.

Затем был Меритус Феликс Часс. Он был в передней шеренге Роты Е, позади Мерина, рядом с Далином Крийд. Далин или Ладд достали ему комплект черной Танитской формы и камуфляжный плащ. Он выглядел хрупким и слабым, как ребенок, одетый солдатом. Это было почти так, как если бы Далин привел свою младшую сестру на плац. Часс выглядел на добрых десять моложе, чем самый молодой член полка.

С легкой душевной болью и странным ощущением удивления, Гаунт осознал, кого напомнил ему Часс. С этим выражением решимости не потерпеть неудачу или не подвести кого-нибудь, Часс выглядел, как мальчик, Хурканский Мальчик, кадет в углу полкового пикта сражающегося Хурканского 8-го, стоящий между Сержантом Танхаузе и Комиссаром Октаром.

«Мы погрузились, и мы в пути,» сказал Гаунт. «И, изолированные перемещением, мы больше не рискуем опасностями болтовни в домашнем порту. Сейчас я могу рассказать вам немного о миссии, которую мы совершаем.»

Никто не пошевелился, но он мог чувствовать их ожидание.

«Из бондов вы поняли, что это мероприятие будет прямым и рискованным. Мы будем производить атаку вражеского комплекса с корабля. Этот комплекс расположен в Приграничье Римворлда, в месте, называемом Предел Спасения. Брифинги по специальностям начнутся сразу же после этого обращения, и лидеры отрядов будут проинформированы насчет специфических требований миссии. У нас есть, согласно уточненным прикидкам, около недели до того, как мы переместимся в реальное пространство и начнем медленное приближение к целевой зоне. Тем не менее, приблизительно через двадцать три часа от данного момента, мы переместимся в реальное пространство, чтобы пересечься с другими частями Боевого Флота у Солнца Тависа. Ожидается, что этот пополнение запасов продлится несколько часов, и будет произведено с корабля на корабль. Если эта миссия не будет изменена или прервана, мы не увидим дружественный порт до тех пор, пока дело не будет закончено.»

Он слегка поднял голову, обращаясь ко всем.

«Я ожидаю только самого лучшего от вас. Не могу притворяться, что могу гарантировать то, что вы все вернетесь. Но я задам вам один вопрос, который всегда задавал. Вы хотите жить вечно?»

Раздалось внезапное, нарастающее ликование одобрения от рядов, подобное близкому разрыву снаряда, которое заставило двухголового орла на своем насесте захлопать крыльями.

«Теперь, возвращайтесь на свои места и начните готовиться,» сказал Гаунт.
«Свободны.»

Когда собрание начало расходиться, Пол Кохран вышел из последней шеренги оркестровой секции и направился к ближайшему выходу. Аэрозоль синтетической кожи запечатал его порезы и замаскировал изменение цвета, но он не хотел находиться в компании других дольше, чем это было необходимо.

Теперь у него была информация, и было важно, чтобы он воспользовался этим.

Рядом с поднятой платформой, Гаунт повернулся к Харку с Фейзкиель.

«Кажется, люди в хорошем расположении духа,» заметил он, смотря, как они расходятся.

«Они слишком долго бездействовали на Балгауте,» сказал Харк. «А новоприбывшие жаждут показать себя.»

«Именно так,» сказала Фейзкиель.

«Кстати,» сказал Гаунт, «где Эдур?»

«Я не видел его с начала дневного цикла,» сказал Харк.

Вэйном Бленнер вошел в секцию лазарета, которая была зарезервирована для использования полком. На борту было еще три лазарета для команды корабля. Это место было старым и плохо обслуживаемым. Это был, явно, резервный объект. Хромированные и из нержавеющей стали поверхности и стеновые панели были запятнаны известковыми отложениями и другими, менее приятными, химическими осадками. Автоклавы пыхтели, как плохо обслуживаемые генераторы. Центральная смотровая комната выходила в больничную палату, два хирургических отделения, и в несколько боковых комнат с припасами, вместе с офисными помещениями для медицинского персонала.

Здесь ни было никаких признаков кого-либо. Бленнер прошел в больничную палату. Была занята одна койка. Рядовой Фулч из Роты N разодрал плечо разгружая ящики.

«Где все доктора?» спросил Бленнер.

«Они были здесь всего лишь минуту назад, сэр,» сказал Фулч.

Бленнер пошел назад в центральную комнату. Колдинг внезапно вышел из одной из боковых комнат. Он что-то искал. Он увидел Бленнера.

«Могу я вам помочь?» спросил он.

Бленнер пристально посмотрел на альбиноса.

«Где Дорден? Я имею дело с Дорденом.»

Колдинг уставился на него. Его глаза были нечитаемы за этими чертовыми затемненными линзами. Он был хуже, чем тот чертов туземец-партизан, которого Ибрам настойчиво держал поблизости.

«Дор-ден,» сказал Бленнер, специально разделяя слоги, как будто Колдинг дурачок.

«Вам нужно будет прийти позже,» сказал Колдинг.

«Трон, я приду! Я хочу увидеть Дордена прямо сейчас!»

«Колдинг, что требует такого--»

Керт, торопясь, появилась позади. Она резко остановилась, как только увидела Бленнера.

«Комиссар.»

«Я хочу увидеть Дордена,» сказал Бленнер.

Керт быстро посмотрела на Колдинга. Она взяла кое-что из ящика стола и отдала это ему.

«Идите,» сказала она ему. «Я скоро буду.» Колдинг исчез в задней части лазарета.

«Этому человеку нужно учиться межличностным навыкам,» сказал Бленнер.

«Как я могу помочь вам?» спросила Керт.

«А вам надо учиться основам способности понимать,» сказал Бленнер. «Я хочу увидеть Дордена.»

Он мгновенно осознал, что она не в настроении для игривого выговора. Ее настроение было тяжелым и колючим, даже по стандартам Аны Керт.

«Есть неотложное дело,» сказала она. «Он не сможет уделить вам внимание прямо сейчас. Как я могу помочь вам?»

Бленнер поджал губы. Ему нужен был Дорден, но ему очень нравилось оправдание, чтобы иметь дело с ней. Его дело с Дорденом может, возможно, подождать.

Он вытащил маленький сверток из кармана плаща, который ему дал Вайлдер, и бросил его Керт. Она ловко поймала его одной рукой.

«Что это?» спросила она.

«Я хочу, чтобы вы мне это сказали.»

Она раскрыла сверток, вытряхнула пару таблеток на ладонь и искоса посмотрела на них.

«Это наркотик. Сомния. Производное от морфина. Здесь фармацевтический штамп Муниторума. Где вы их взяли?»

«Они... появились по время обычного поиска. Они сильные?»

«Очень сильные. Я имею в виду, я бы дважды подумала об их назначении. Эффективные, но вызывают привыкание. Я иногда применяю жидкую версию в качестве паллиативного средства на очень тяжелых пациентах.»

«Чтобы облегчить их последние часы?»

«Да. В противном случае мне бы нужна была очень убедительная причина, чтобы прописать их. Возможно, для пациента с хронической болью, у которого аллергия на более безопасные химические составы. Вы нашли это у одного из людей?»

«Да. Вы потеряли их?»

«Мне нужно проверить, но я так не думаю. Обычно, у нас очень маленькие запасы этого, Лесп или один из других санитаров заметил бы.»

«Хотя, с этим продолжающаяся проблема, так ведь?» спросил Бленнер.

«Да, и мы работаем над этим. Но, обычно, легче потерять более мягкие седативные. Тяжелые вещества, как эти, более редкие. Возможно, они появились из корабельных запасов. Вы хотите, чтобы я спросила старшего корабельного медика?»

«Нет,» сказал он. Он сделал паузу, а затем повторил. «Нет. Я только хотел, чтобы их опознали. Спасибо.»

«Ладно, если на этом все,» сказала она. Она, явно, хотела быть где-то еще.

«Я заберу их,» сказал он, протягивая руку.

«Я должна избавиться от них,» ответила она. «Надзор за медицинскими препаратами в ведении медиков.»

«Сейчас это уже дисциплинарный вопрос,» сказал он. «Мне они нужны в качестве улики.»

Она закрыла сверток и бросила его ему.

«Спасибо,» сказал он. Он подумал о почти опустевшей бутылочке в кармане, но он не мог заставить себя задать ей вопрос. Он не хотел, чтобы она знала. Ему нужно было поговорить с Дорденом.

Бленнер вежливо кивнул и вышел из лазарета. Керт сделала долгий выдох от напряжения и поспешила в задние комнаты.

В коридоре снаружи, Бленнер столкнулся с санитаром, Леспом, который спешил к лазарету, ведя за руку Аятани Цвейла.

«Смотри, куда идешь!» воскликнул Бленнер. Он бросил взгляд на Цвейла, ожидая сварливый подкол в ответ. Бленнер был с полком достаточно долго, чтобы знать, что у рта старого священника нет предохранителя.

Взгляд на лице Цвейла застал его врасплох. Осторожный, тревожный, напуганный.

«Что происходит?» спросил Бленнер. Его разум сложил кусочки вместе. Пустой лазарет. Колдинг с Керт, пытающиеся заставить его уйти. Санитар, в спешке ведущий священника.

«Ох, Трон,» сказал Бленнер, и повернулся назад, быстрым шагом пойдя через лазарет в заднюю комнату.

«Подождите. Пожалуйста!» крикнул ему вдогонку Лесп.

«Вэйном, как-тебя-там, Бленнер. Выкажи некоторое проклятое Троном уважение и не будь задницей!» крикнул Цвейл. Они оба поспешили за ним.

Бленнер ворвался в заднюю комнату. Керт с удивлением подняла взгляд от подноса с инструментами, и удивление быстро сменилось отчаянием при виде него. Колдинг был в дальней стороне комнаты, заправляя чем-то шприц.

Дорден опрокинул стол на колесиках, когда упал. Блестящие инструменты лежали разбросанными на ячеистой палубе. Они устроили его поудобнее подушками с кровати, но не осмелились поднять его. Он выглядел очень худым и бледным.

«Сейчас не время,» сказала Керт.

«Что происходит?» спросил Бленнер.

«Не могли бы вы выказать доктору некоторое уважение и уйти, пожалуйста?» сказала она, подходя к Бленнеру.

«Да, нет нужды вам тут быть,» сказал Цвейл, проходя мимо.

«Он умирает?» спросил Бленнер. Сейчас Дорден был частично закрыт фигурами, присевшими рядом с ним. Когда вошел Бленнер, он даже не казался в сознании.

«Вы знаете, что это так,» тихо ответила Керт. Он мог видеть, что она борется, чтобы сохранить свое профессиональное хладнокровие.

«Я имею в виду, сейчас,» сказал Бленнер.

«Последнюю неделю ему было хорошо,» сказала она, все еще тихим голосом. «Это поразительно. Но я полагаю, что стресс от перемещения взял свое. Он только что упал. Я думаю, что мы сможем стабилизировать его и дать ему отдохнуть.»

«Ему не нужно было отправляться на эту миссию,» сказал Бленнер.

«Было бы более жестоко оставить его позади,» ответила Керт.

«Гаунт должен знать? Мне следует привести Гаунта.»

«Нет!» яростно произнесла она. «Он этого не хочет. Он не хочет суматохи. Дайте ему отдохнуть!»

«Вы притащили чертова священника к нему,» сказал Бленнер. «Если он пришел отправить Имперскую Милость, тогда Ибрам заслуживает--»

«Нет,» ответила она. «Цвейл его друг. Он помогает ему пройти через это. Казалось правильным позвать его сюда. Прямо сейчас, Гаунту не нужно это в голове.»

Бленнер сглотнул.

«Я не хотел врываться,» сказал он.

«Все нормально.»

«Вам нужно было что-нибудь сказать. У меня есть несколько осмотрительных костей в теле.»

«Буду держать это в голове,» сказала она.

«Мне, серьезно, надо сказать что-нибудь Ибраму,» сказал Бленнер. «Если что-нибудь случится, и он выяснит, что я знал--»

«Значит, вы не знаете,» сказала Керт. «Вы ничего не видели.»

Бленнер обдумал это, и кивнул. Он повернулся, чтобы уйти.

«С вами все в порядке?» спросил он.

Крошечный проблеск удивления пересек ее лицо, как будто никому никогда не приходило в голову спросить у нее это.

«Да, комиссар. А теперь, идите, чтобы мы могли поработать.»

Бленнер ушел. Керт подошла к Дордену.

«Я думаю, что он стабилизирован,» тихо сказал Колдинг.

«Вам нужно принимать вещи проще,» сказала Керт.

«Почему?» прошептал Дорден. Его голос был смутным шепотом сухих листьев.

«Потому что доктора являются самыми худшими пациентами,» сказала Керт.

«Вообще-то, карнодоны являются самыми худшими пациентами,» сказал Цвейл. «Я знал укротителя, циркача, работавшего на ярмарках на Хагии, и у него был этот дрессированный--»

Он сделал паузу. Он увидел взгляды, которыми его одаривают.

«Тем не менее, теперь я буду говорить, что доктора, на самом деле, являются худшими пациентами, чем карнодоны.»

Дорден выдавил крошечную улыбку.

«Хотя карнодоны, скажем, с инфицированными деснами, которые не ели неделю, а потом вы случайно оставляете открытой дверь клетки...» Цвейл перешел на бормотание.

«Я слышал голос Бленнера?» спросил Дорден.

«Он уже ушел.»

«Я не хочу шумихи,» сказал Дорден.

«Он ушел,» повторила Керт. «Он ничего не скажет.»

«Нечего говорить,» сказал Дорден. «Я снова буду на ногах через мгновение. Я просто устал.»

Керт подняла взгляд и увидела, что Лесп старается не заплакать.

«Ему, возможно, нужны его таблетки,» сказал Дорден. Его голос был таким далеким. Он поманил Керт поближе тонкими пальцами. «Он приходит ко мне за легким тонизирующим. Чтобы успокоиться. Убедись, что присмотришь за ним, Ана.»

«Убежусь,» пообещала она. «Но сначала, давай присмотрим за тобой.»

Поблизости от варп-двигателей шум был безмерным. Всё, каждая поверхность, каждая настенная панель, каждый зуб в голове человека, вибрировали с огромной частотой.

Слои бронепластин и переборки защищали двигательные отсеки. Некоторые секции были запечатанными отсеками, куда только определенные сервиторы или члены экипажа в защитной броне могли войти во время работы двигателя. Жесткий, горячий желтый свет струился из смотровых щелей усиленных люков, подобно свету из топки.

Огромные инженерные площади были наполнены сочащимися, ледяными системами охлаждения, или черными от смазки поршнями циркуляционных насосов и гальваническими генераторами. В покрытых копотью полостях, полных дыма и огня, огрины и сервиторы-кочегары закидывали лопатами гранулированную прометиумную смолу в подающие лотки генераторов горения, огромных традиционных турбин, которые питали неприводные системы *Армадюка*. В других, более прохладных отсеках, древние и идеально обработанные эмпироскопические роторы вращались вдоль горизонтальных осей, поддерживая пространственное равновесие корабля и помогая поддерживать целостность Поля Геллера, которое защищало корабль от психореактивной материи имматериума.

Существо с лицом Пола Кохрана спрятало тело только что убитого инженера-энсина в шкафчике для инструментов, и вошло в огромный инженерный отсек, содержащий устройство поля Геллера *Армадюка*. Ему пришлось убить три раза, чтобы подобраться так близко. Двигательные секции корабля не были особенно защищены или патрулируемы, но приход или активность кого-либо, кто не являлся офицером или из инженерной службы, тотчас замечались. Первый член экипажа умер, потому что он увидел Кохрана. Его тело сейчас превращалось в пепел в прометиумной топке, а на Кохране был его перепачканный комбинезон. Второй и третий члены экипажа умерли, потому что Кохрану было нужно вытащить точные планы палубы и информацию о планировке двигательной палубы. Один теперь валялся в стоке охладителя, а другой только что был подвешен за горло на крюк между лопатами и печными щипцами.

Звук и вибрация в отсеке устройства поля Геллера были странно сбивающими с толку. Воздух был сухим, и здесь было значительное статическое поле, которое заставляло его кожу покалывать. Здесь были обрезиненные поручни вокруг зала, чтобы члены экипажа могли заземлить себя и не вызвать искры от металлических поверхностей.

Он мог ощущать пульсацию машины в своих внутренностях, пульсацию от ее работы в своих носовых пазухах и глазных яблоках. Устройство, часть технологии, жизненноважной для функционирования всего варп-корабля, генерировало субатомное поле вокруг корабля, пузырь из реального пространства, который защищал корабль от превратностей эфира вокруг него. Как только двигатели варпа

разрывали вуаль варпа, звездный корабль зависел от своего поля Геллера, которое изолировало его от смертельного и порочного прикосновения имматериума поддержанием нематериальной защиты.

Кохран знал, что он был в положении, когда нужно покончить со всем этим. Чтобы саботировать работу устройства поля Геллера потребуются некоторые усилия, и возможно, потребуется использовать что-нибудь взрывчатое или горючее, и он был более, чем способен, достать и использовать что-нибудь из этого. Если он сможет обрушить поле Геллера, пока *Армадюк* все еще в варпе, тогда корабль погибнет. Он будет разорван на части нереальными штормами чистого эфира, мгновенно измельчив его. Либо так, либо демоническая сущность варпа обретет форму и вторгнется на корабль, или в разумы обитателей. Незащищенный, корабль будет уязвим для отродий Королевства Хаоса, и все на борту будут знать только крайнее безумие до того, как Губительные Силы поглотят их.

Тогда все было бы сделано, и закончено, фегат и его предательство, угроза, которую представляло предательство, все хвастливое мероприятие. Существо, носящее лицо Пола Кохрана, закончило бы свою миссию, которую ему поручил выполнить его хозяин, Райм, и хозяин его хозяина, Анарх. Он бы, окончательно, остановил решительные попытки Имперской Гвардии использовать фегата Маббона Этогора против армий Гора.

Но во время своего обращения, Гаунт выдал другие секреты. Целью был Предел Спасения. Эти сведения нужно было передать. Еще более важным было то, что они должны были соединиться у Солнца Тависа. Они, должно быть, встречаются с частями Боевого Флота, возможно, с одной из значительных флотилий крестового похода, которые поддерживают Имперское превосходство в этой части сектора.

Уничтожить фегата и его дрессировщиков, и *Армадюк* вместе с ними, это была победа. Достигнуть все это *и* нанести ущерб части Боевого Флота, это была по-настоящему достойная перспектива.

Требовалась более изысканная форма саботажа. Более коварная часть операции. Его повелитель хорошо его учил, тренировал его творчески импровизировать прямо в таких обстоятельствах, чтобы наилучшим образом использовать элементы, находящиеся в его распоряжении для максимального эффекта.

Что-то, где-то, завибрировало.

«Что это было?» спросил Капитан Спайка.

Никто из членов экипажа не отвечал ему напрямую. Огромное количество данных пробежало по их соединительным линиям связи и отобразилось на мониторах. Воздух был наполнен сухими скрежещущими голосами из воксов, говорящими друг с другом.

Он почувствовал крошечную вибрацию, почти подсознательную дрожь. Это дошло до него через палубу, через поток данных корабля, одна крошечная заблудившаяся дрожь в постоянном вихре шумов, ритмов, пульсаций и информации.

Он проконсультировался со своими средствами просмотра данных и задал вопросы своим когитаторам. Ничто не казалось неправильным, ничто не выделялось, не внутри допустимых отклонений параметров эксплуатации, и, несомненно, это не было обусловлено темпераментной и переменчивой натурой такого старого варп-корабля, как *Высочество Сир Армадюк*.

Спайка откинулся и задумался. Это, возможно, было ничем, или мимолетной проблемой, которая самоустранилась.

Но это было ничто, которое ему совсем не нравилось.

Полость 29617 была холодной. Меррт ждал здесь уже полчаса, нерасположенный практиковаться или стрелять, нерасположенный уходить.

Он сидел в конце длинного зала, обхватив руками старую винтовку.

«Ты здесь. Хорошо.»

Сар Аф стоял рядом с ним. Меррт быстро встал.

«Вы гн... гн... гн... сказали мне прийти,» сказал он.

«И ты доказал, что можешь следовать инструкциям,» сказал Белый Шрам.

Он вытянул руку и схватил Меррта за челюсть и шею, поворачивая голову Меррта в сторону. Меррт снова засопровтивлялся.

«Отпустите гн... гн... гн... меня!»

«Эта челюсть. Это, определенно, твоя проблема,» сказал Сар Аф. «Ты повержен своей собственной концентрацией. Ты так интенсивно концентрируешься, когда стреляешь, что это стимулирует--»

«Да. Да! Вы все это мне говорили гн... гн... гн... вчера!»

Сар Аф отпустил его.

«Для тебя физически невозможно хорошо стрелять.»

Меррт сглотнул.

«Опять же, вы мне так вчера говорили. Вы меня просили прийти только для того, чтобы гн... гн... гн... унижить?»

Сар Аф выдвинул подбородок, как будто обдумывал ответ. Он отвернулся.

«Выстрели,» сказал он.

Меррт секунду постоял, затем взял несколько жестяных кружек и пошел по полости. Он поставил кружки и пошел назад туда, где ждал Космический Десантник.

Сар Аф вытащил что-то из сумки для снаряжения. Меррт осознал, что это был одноразовый инъектор всего лишь за секунду до того, как Белый Шрам снова схватил его голову и воткнул инъектор в линию челюсти, рядом с левым ухом.

Боль была значительной. Меррт заорал и, спотыкаясь, попятился, его глаза слезились.

«Какого феса вы гн... гн... гн... делаете?» спросил он.

«Просто жди.»

У Меррт была пронзительная боль в ухе и ужасное тепло, распространяющееся по челюсти и горлу. Он начал слегка рыгать, когда онемение усилилось.

«Следи за собой,» сказал Сар Аф. «У тебя слюни текут.»

«Что вы гн... гн... гн... со мной сделали? Что это гн... гн... гн... за штука?»

«Мышечный релаксант,» невинно сказал Белый Шрам. «Очень мощный, я предполагаю. Транквилизатор. Такая шутка, которую медики бы использовали для контроля боли. Во время ампутации, например.»

Сжимая пульсирующее, перекошенное лицо, Меррт в ужасе посмотрел на Космического Десантника.

«Пф, расслабься,» сказал Сар Аф, делая жест в сторону Меррта. «Эта твоя челюсть. Это корень твоей неспособности.»

Космический Десантник пошел и поднял старую винтовку. «Ты повержен своей собственной концентрацией,» сказал он, когда вернулся, как будто он повторял какую-то литанию, которую нужно было повторить, чтобы непредрасположенный студент мог, в конце концов, заучить ее.

«Ты так интенсивно концентрируешься, что когда стреляешь, ты дергаешься. Поэтому нам нужно убрать челюсть из уравнения. Она не сможет дергаться, если не сможет дергаться.»

Меррт чувствовал себя плохо. Паралич был настолько неприятным, что он чувствовал, что его может стошнить, за исключением того, что он не мог гарантировать, что его рот откроется, чтобы позволить это. Видение того, что он задыхается от своей собственной блевотины, заполнило его голову и сделало вещи хуже.

«Выстрели,» сказал Сар Аф, вручая ему винтовку.

Меррт бросил на него взгляд, надеясь, что его токсичный взгляд сможет передать то, что не может его голос.

«Выстрели,» повторил Сар Аф.

Меррт сделал глубокий вдох. Он отодвинул затвор, взял патрон из кармана, вставил его, задвинул затвор, затем повернулся и встал на линию с рядом кружек. Стоячее положение, без подкрепления, кроме его собственной позы. Ни подставки, ни носков с песком, ни трипода, ни поддерживающего спину корсета: ни рекомендуемой, ни надежной позиции. Ему было все равно.

«Давай,» сказал Сар Аф. «Выстрели.»

Меррт расправил плечи. Он чувствовал слюну на губе, тупую пульсацию от онемения под ухом. Он прицелился через мушку.

Он выдохнул.

Он выстрелил.

ВОСЕМЬ

Соединение

Мертвый космос. Видимая Вселенная была выветренной коричневой чернотой, как будто пустота была каким-то образом наполнена дымом из грязного звездного света. Туманные бежевые ленты из какой-то экзотической материи пронизывали глубины. Больше, чем где-нибудь еще, здесь было расстояние, неизмеримое расстояние от границ суровой и негостеприимной солнечной системы, нескольких одиноких камней, вращающихся вокруг тусклого, перемалывающего, электромагнитного источника света в унижительной необъятности межзвездной бездны.

Затем ударила молния.

Молния была копьем в тысячу километров длиной. В сердце ее слепящего света была извилистая прожилка из токсичного желтого, похожая на выжженный керамит. В точке ее появления, межпространственный пузырь из распадающихся субатомов, источник молнии, был ярче любой звезды, и пронизан нитями кисло зеленого и гальванического голубого.

Молния вспыхнула и исчезла, затем вспыхнуло еще одно копье, а затем третье, которое было в два раза длиннее, чем два предыдущих. Это все собралось в линию света на темном небосводе, и оставило постепенно затухающее остаточное изображение, похожее на зазубренную линию разлома.

Последовала четвертая вспышка, эта последней проткнула реальное пространство и проела в нем дыру, как голодный огонь, прожигающий лист бумаги.

Сопровождаемый гало от остаточной молнии, *Высочество Сир Армадюк* переместился сквозь прокол, оставляя варп позади и медленно, по инерции, влетая в материум. Эфирные энергии срывались с его боков, как тающий лед, по пути измельчаясь и разрушаясь.

Точка перехода позади него трещала и хлопала, когда заживала и увядала, треща и хлопая, как мембрана под импульсами ударного давления. *Армадюк* стабилизировался и поправил свой курс в реальном пространстве. Его системы ауспекса и детекторов начали шаблонный поиск и сопоставление видимых звездных

областей, чтобы свериться с навигационными планами. Были включены системы вокса.

Через шесть минут после перехода, палубный офицер принес планшет с данными Капитану Спайке.

Спайка подстроил свой серебряный рупор на ножке.

«Переход завершен,» объявил он, его голос звучал по кораблю. «Солнце Тависа. Солнце Тависа. Двигаемся к точке соединения с флотом.»

Он выключил рупор и посмотрел на своего палубного офицера.

«Мы засекли структурные единицы?»

«Еще нет, сэр,» сказал офицер. «Если они пришли по расписанию, мы ожидаем, что отследим их в следующие двадцать минут.»

«Инженеры ответили на тот вопрос, о котором я просил?» спросил Спайка. После той первой аномальной вибрации часы назад, он пытался отследить отклонение.

«Я понял, что сейчас проводится полная диагностика,» сказал офицер.

«Поторопи их, пожалуйста,» сказал Спайка.

Зазвучал клаксон.

«Обнаружены структурные единицы флота,» крикнул другой офицер. «Держут позицию вокруг местной звезды. Приближаемся, и готовимся для голосового приветствия.»

Они снова были в реальном пространстве. Кохран мог это чувствовать. Ранее он попытался проскользнуть на верхнюю палубу к главному блоку передатчиков вокса, но это оказалось слишком сложно. Здесь было слишком много активности, слишком много людей, которые заметили бы его и спросили о его деле в секции команды корабля. Он не смог бы оставаться в помещении вокса достаточно долго, чтобы достигнуть своих целей.

Вместо этого, всегда прагматичный, он направился вниз к старому артиллерийскому складу, который служил камерой. По его наблюдениям, отряд охраны должен был скоро смениться. Люди должны были быть уставшими.

И там, у люка, было всего лишь двое из них.

Целая флотилия перехвата ожидала Армадюк. Это была патрульная группа из Боевого Флота Хулана: четыре фрегата и два крейсера, поддерживающие *Агрессор Либертус*, гранд крейсер класса Экзорцист, и *Сепитерну*, линкор класса Оберон. В их обозе было семейство массивных транспортов и обслуживающих кораблей. Как только они идентифицировали *Армадюк*, движущийся по длинной кривой от края системы в постоянной плоскости, градом посыпались вокс-приветствия. Несколько эскадрилий истребителей были запущены с взлетных палуб крупных боевых кораблей, а один из эскортных фрегатов, *Бенедикамус Домино*, полетел вперед с поднятыми пустотными щитами, чтобы встретить приближающийся корабль, пока подтверждалась его личность.

Солнце Тависа сердито смотрело позади развернутого построения флота, злобный красный уголь. Огромные корабли были всего лишь мясными мухами на фоне его горячей, темной массы. Это была старая звезда, слезящаяся и хрупкая, раздувшаяся и пульсирующая свистящими электромагнитными хрипами, как огонь на торжестве, умирающий в своем камине в конце ночи. Ее скрежещущий, радиостатический голос размывал и разрезал вокс-передачи, проходя наждаком по коммуникационным линиям. Звезда истекала холодным газом и горячей радиацией в безжизненную систему, пока использовала свои последние несколько тысячелетий топливной массы. Темные точки, похожие на опухоли, появились на ее раздавшейся коронасфере. Случайные септические импульсы энергии и пламени вспыхивали в ее звездной тени. Планетарные тела, которые были на ее орбите, были выжженными мертвыми камнями или кольцами из обломков, остатками от свирепого горения, которое производила звезда за миллионы лет до начала ее смертельного упадка.

Высочество Сир Армадюк быстро приближался, оседлав гравитационную крутизну в двадцати миллионах километров. Его взлетные палубы и отсеки начали готовиться к открытию. Обслуживающие и вспомогательные корабли рванули от линии флота и построились позади *Бенедикамус Домино*.

На главном посту, Спайка взял отчет у своего палубного офицера.

«Входящее приветствие от Краго, Мастера Флота,» сказал вокс-офицер.

«Один момент,» сказал Спайка, читая и быстро просматривая планшет.

«Что такое, сэр?» спросил палубный офицер.

«Мастер Флота Краго снова приветствует,» позвал вокс-офицер.

«Посмотри, посмотри на это,» сказал Спайка. Палубный офицер уставился на гололитические изображения, которые просматривал Спайка. Это было резюме о работе поля в имматериуме. Палубный офицер видел подобные отчеты с характеристиками тысячи раз.

«На что я смотрю?» спросил он.

«Мастер Флота Краго снова приветствует!» позвал вокс-офицер.

«Подожди,» прорычал Спайка. «Смотри, здесь. Видишь?»

«Я вижу характеристики поля Геллера,» сказал палубный офицер.

«Ничего некорректного,» согласился Спайка, «пока не увидишь, как это выглядит по сравнению с характеристикой на предыдущем интервале и характеристикой, на интервале, который последовал за этим.»

«Я все еще не вижу, сэр.»

«В поле Геллера во время транзита внесли изменения. Его конфигурация изменилась.»

«В пределах допуска,» сказал палубный офицер. «Разве это не нормальное отклонение?»

«Это повторяется,» сказал Спайка, напряженным и грустным голосом. «Это повторяется, видишь? Здесь есть шаблон, но его можно увидеть только когда сравнишь характеристики одну за другой. Это не нормальное колебание поля. Это искусственное повторение.»

«Искусственное, сэр?» спросил палубный офицер.

Вдоль края пусковой платформы крутились аварийные огни, и зал содрогался от шума сигналов тревоги воздушного шлюза. Массивная потолочная лебедка только что расположила элегантную голубую с белым Аквилу на взлетной палубе, и команды сервиторов отсоединяли страховочные линии и топливоподатчики электроинструментами.

Гаунт шел с Лордом Милитантом Сайбоном к посадочной рампе. Над их головами, серии тяжелых металлических ударов сопровождали убирающейся лебедке, а толстая створка, которая вела в ангар для маленьких кораблей на правом борту *Армадюка*, с грохотом закрылась.

Помощники поспешно прошли мимо них, неся багаж лорда милитанта. Дежурный офицер приблизился и отдал честь.

«К поездке готовы, сэр,» сказал он. Сайбон выразил ему признательность легким кивком.

«*Сепитерна* ждет,» сказал Гаунт.

«Как и Магистр Войны,» ответил Гаунт. «Я должен быть у него через восемнадцать недель, достаточно времени, чтобы лично рассказать ему суть этого плана. И достаточно времени, чтобы обсудить его успех.»

«Или наоборот,» сказал Гаунт.

Сайбон изучил его. Глаза лорда милитанта казались очень старыми, как будто они видели слишком многое. Глаза Гаунта, в сравнении, были очень новыми, по той же самой причине.

«Я никогда не воспринимал тебя, как пессимиста, Гаунт,» пророкотал Сайбон.

«Я не пессимист, сэр,» ответил Гаунт. «Просто прагматик.»

«Император защищает,» сказал Сайбон.

«Это именно то, что я говорю людям,» сказал Гаунт.

«А если он не защищает тебя, значит тебе не нужна защита,» добавил Сайбон.

«Я не уверен, что это полностью обнадеживает,» сказал Гаунт.

«И не предполагается,» сказал Сайбон. «Тебе я кажусь сентиментальным старым ублюдком? Я просто передаю то, что мне показал опыт.»

Он повернулся, чтобы взойти на борт корабля. Гаунт мог ощущать, что давление воздуха в ангаре начало меняться, когда запустили цикл открытия воздушного шлюза.

«Безопасного путешествия,» сказал Гаунт. Он сразу пожалел об этом. Сентимент не понравился ни кому из них. Сайбон саркастически фыркнул.

На середине рампы он повернулся, чтобы посмотреть на Гаунта.

Он сотворил символ аквилы, кивнул, и исчез в шаттле.

«Очистить палубу,» прокричал пусковой офицер. «Очистить палубу!»

Армадюк продолжал сбавлять скорость в направлении кораблей, посланных, чтобы поприветствовать его. Они входили в фазу сближения, с экраном из истребителей Флота, широко распределившихся вокруг новоприбывшего. Маленькое пятнышко, яркое и быстрое, покинуло правый борт движущегося по инерции *Армадюка*, подобно запущенной сигнальной ракете, и начало ускоряться по направлению к основной группе флота.

Из наблюдательного отсека, Гаунт смотрел на Аквилу. Он повернулся, спустился по ступенькам, и начал проталкиваться сквозь шумные палубные команды и пусковой персонал, чтобы добраться до ближайшего коридора.

Он встретил Харка с Колеа, идущих с другой стороны. Им не нужно было ничего ему говорить, чтобы можно было понять, что они ищут его, и что новости будут плохими.

«Эдур мертв,» сказал Харк.

«Как?» спросил Гаунт, тотчас представив какой-нибудь несчастный случай на корабле.

«Команда техобслуживания нашла его тело на дне смотрового шлюза пятнадцать минут назад,» сказал Колеа. «Раны согласуются с падением.»

«Падением?» спросил Гаунт.

«Таким типом падения, которое можно испытать, если тебя уже забили до смерти,» сказал Колеа.

«Трон,» прошептал Гаунт. «Виктор, мобилизуй полк. Нам немедленно надо найти убийцу. Я пойду прямо к капитану и проинформирую его о ситуации. Нам нужно сотрудничать с ним и его командой, если мы собираемся делить корабль.»

Он посмотрел на Колеа.

«Гол, доберись до Роуна. Так быстро, как сможешь. Скажи ему, что безопасность была скомпрометирована.»

Роун шел по бронированному коридору склада-превращенного-в-камеру. Кант и Мкталли ожидали его.

«Откройте,» сказал Роун.

«Вы не должны были еще два часа--» начал Кант.

«Есть проблема. Открывай.»

Кант повернулся, чтобы постучать по внешнему люку. Мкталли поднял свою лазерную винтовку и направил ее на коридор.

Подойдя позади Канта, Роун уже держал свой серебряный клинок в правой руке, лезвием в рукаве. Его левая рука ловко вытащила петлю из набедренного кармана.

«Где ваш значок, сэр?» спросил Мкталли.

«Что?» спросил Роун.

«Ваш значок. Вы говорили, что мы все должны надеть их.»

Без промедления, Роун метнул нож. Он метнул серебряный клинок мастерским броском из-под руки, и лезвие погрузилось в сердце Мкталли.

Он упал на стену коридора, и сполз вниз, мгновенно умерев. До того, как он даже начал падать, Роун накинул петлю через голову Канта сзади.

Это была стальная струна от оркестровой лиры. У Канта едва было время, чтобы заметить ее, когда Роун повернул петлю, чтобы затянуть ее. Струна врезалась в его

шею, как проволока для сыра. Кант опрокинулся назад на Роуна, кровь хлестала из почти триста шестидесятиградусной раны, его рот был широко открыт, не способный вдохнуть или закричать.

Роун отпустил Канта. Ноги рядового все еще дергались. Была значительная лужа крови. Роун вытащил свой лазерный пистолет. Он в последний раз взглянул на выражение рыбы на берегу Канта, и изменил свои собственные черты. Был отвратительный и болезненный хруст кости и мускулов, и второй Кант предстал перед входом. Он постучал по двери, затем открыл внешний люк.

«Идет один посетитель,» сказал он в микро-бусину.

«Принято.»

Смотровое отверстие на внутренней двери открылось, и Кант встал там, где охранник внутри мог четко видеть лицо, которое он по случаю сделал.

Внутренний люк начал открываться.

«Что с тобой такое, Кант?» спросил Кабри, смотря на него. «Ты должен оставаться снаружи.»

Кант выстрелил ему в лицо и пинком распахнул люк.

«Мастер Флота Краго требует, чтобы вы дали ответ, сэр!» взмолился вокс-офицер.

«Заткни этого человека,» резко бросил Спайка своему заместителю. «Я пытаюсь думать.»

Позади него раздался шум. Он оглянулся, чтобы увидеть командующего Гвардии, Гаунта, пробирающегося на платформу главного поста, игнорирующего попытки палубных офицеров помешать ему.

«У Капитана Спайки сейчас на вас нет времени!» повторял один из офицеров жалобным тоном.

Гаунт двинул ему по зубам и отправил на палубу.

«Прости,» сказал он человеку так, что казалось похожим на искренний тон раскаяния. Он подошел к Спайке.

«У нас серьезная проблема.»

«Как вы узнали о поле Геллера?» спросил капитан.

«Я--» начал Гаунт. «А что с полем Геллера? Я говорю о бреши в системе безопасности. Убийстве.»

Спайка медленно заморгал.

«Это для того, чтобы они знали, что мы здесь,» тихо сказал он.

«Для чего?» спросил Гаунт. «Что такое?»

«Это для того, чтобы они знали, что мы здесь. Это след, который они могут отследить...» Напряжение Спайки росло. «Ох, Святой Трон Терры.»

Он повернул серебряный рупор ко рту.

«Тревога! Все по местам. Поднять щиты. Поднять щиты. Поднять щиты!»

Персонал мостика повернулся на своих местах и уставился на него. Они были молодыми. Болезненно неопытными. Некоторые из них явно подумали, что это внезапные учения.

«Не тарашьте на меня, тупые идиоты! Сделайте это сейчас же!» закричал Спайка.

Зазвучали множественные сигналы тревоги и звонки. Команда мостика перешла на своего рода повышенную передачу, метаясь во всех направлениях. Уровень света понизился, когда проснулись щиты. Визжа и стуча, керамитовые ставни начали закрываться, подобно векам, на бортовых иллюминаторах.

«Нас атакуют?» спросил Гаунт.

«Я думаю, что перспективы весьма вероятны,» ответил Спайка.

«Лорд Милитант Сайбон снаружи в маленьком корабле без эскорта,» сказал Гаунт.

Спайка пробежался языком по внутренней стороне губ, когда обдумал это.

«Черт его дери,» сказал он. Он посмотрел на Офицера Обнаружения, чье место было окружено вспомогательными сервиторами с мертвыми глазами, связанными проводами, исходящими из спин, с палубой.

«Полное сенсорное прочесывание,» сказал Спайка. «Найдите корабль лорда милитанта, ведите его, и приготовьтесь поставить нас между ним и любой атакой, если потребуется.»

Зазвучала отличная серия тревожных сигналов.

«Контакт! Контакт!» объявил офицер обнаружения. «Сигнатура перемещения в трех астрономических единицах по левому борту.»

«Корабль? Идентифицировать!» заорал Спайка.

«Отслеживаю одну сигнатуру. Отслеживаю вторую сигнатуру. Отслеживаю третью.»

«Три?» спросил Спайка.

«Отслеживаю четвертую!»

Ударил молния.

Молния была копьем в тысячу километров длиной. На этот раз она была красной, как самая злобная ненависть, и была пронизана змеями желтого и кораллово-розового цвета.

Молния вспыхнула, прокалывая реальное пространство и проедавая в нем дыру, как кислота проедаёт лист стали. Окруженные шипастой короной из остаточных молний, четыре звездных корабля переместились сквозь ржавую рану, вылетев в материум, как ракеты, выпущенные из установки.

Первые два корабля были эскортными класса Разрушитель. Третьим, прямо позади них, был намного больший по размеру крейсер.

Четвертый, более медленный и громоздкий, был монстром, огромным линкором.

Все четыре корабля были почерневшими, как будто они провели очень много времени, поджариваясь в сердце солнечного горнила. Вулканический красный свет освещал их изнутри, сияя из иллюминаторов и обвивая их поверхности подобно

венам, наполненным магмой. Когда-то они были Имперскими кораблями, все они были самых древних шаблонов и дизайна. Но эти отличительные черты, и те жизни, которые они провели на Имперской службе, были далекими воспоминаниями. Вопиющее разложение украло их из Имперского общества вечность назад и трансформировало их адамантиевые туши по капризу Губительных Сил.

Корабли начали кричать. Адские звуки и отвратительные передачи разразились из их систем вокса, как будто каждый из них овладел голосом, частично животным воем, частично аугментическим хрипом. На Имперских кораблях, офицеры вокса рухнули у своих консолей, их мозги взорвались, когда усиленные пронзительные вопли прошли по их системам и закоротили их.

Каждый корабль Архиврага выл свое имя, пока несясь вперед; вопли, которые шли из их внутренностей, из дымящихся сердец их реакторов. Это было похоже на вопли безумного, на панику скота, или на то, как идиот орет на толпу лоботомированных сервиторов, которые не понимают ничего, кроме своих собственных имен.

Оминатор! Оминатор! неистовствовал первый разрушитель.

Горхэд! выплевывали передатчики вокса его близнеца. *Горхэд! Горхэд!*

Некростар Антиверсал! объявлял налитый кровью крейсер.

Последним, глубочайшим, и наиболее ужасным, был голос монструозного линкора, похожий на смертельный вопль черной дыры.

Тормаггедон Монструм Рекс!

ДЕВЯТЬ

Бой у Солнца Тависа

Кабри упал вперед спиной в камеру фегата с разнесенным затылком. Клейкие блестящие кровь и мозговая ткань покрыли стену и пол позади него. Кант рванул в камеру с поднятым пистолетом.

Все случилось за секунду. Прикованный к своему стулу, Маббон Этогор поднял взгляд, увидел, как Кабри падает, мертвый, и уронил миссионерский текст, который читал.

Другим охранником в камере, чья была смена, был Варл. Он закричал Маббону лечь на пол, а сам бросился к открытому люку. Его лазерная винтовка все была на ремне вокруг его тела.

Своим весом Варл ударился в люк и резко повернул его на Канта. Удар отбросил Канта из дверного проема, но его грудь и плечо помешали люку полностью закрыться, чтобы Варл смог закрыть его на засов.

Варл приложил всю силу своего аугментического плеча, чтобы держать люк прижатым к атакующему, но прижимая свое тело к люку, он не мог снять винтовку. Он прокричал несколько яростных проклятий, когда несколько раз протаранил плечом люк.

Правая рука и плечо Канта были в камере. Он отталкивался, его левая рука и щека были прижаты к люку.

Его лазерный пистолет был в правой руке.

Он поднял его и выстрелил в камеру, стреляя вслепую. Выстрелы попали в заднюю стену и пол. Один попал в потолок. Два заряда отрекошетили, как фрагменты кометы, от тусклых металлических поверхностей. Один чисто прошел сквозь спинку стула фегата. Маббон лежал лицом на полу, так далеко от линии огня, насколько позволяла цепь.

Кант снова выстрелил, намереваясь наполнить камеру шипящими, рикошетирующими лазерными зарядами.

Выкрикивая имя Канта так, что это бы не впечатлило его бедную, мертвую мать, Варл ударил его в предплечье своим боевым ножом. Лезвие прошло сквозь мускулы и кость и ударилось в стальную облицовку камеры, пригвоздив правую руку Канта к стене, поэтому он стал приколот, как образец. Боль заставила Канта выронить пистолет.

Варл возобновил усилия, чтобы закрыть дверь, надеясь сломать кость. Кант хрипел от стесненного положения.

«Тебе это нравится, ублюдок?» прокричал Варл. Он отступил назад и распахнул люк, чтобы можно было пристрелить убийцу.

Перед ним стоял Кант.

Варл замешкался, смотря на лицо друга и товарища. Он долго не мешкал, но этого было достаточно, чтобы Кант пальцы левой руки собрал в форму клюва и ударил Варла в грудь. Варл пролетел через все камеру.

Начала визжать тревога. Светильники на консолях в коридоре начали периодически моргать. *Боевое состояние*. Последовало сильное дуновение озона, когда генераторы пустотных щитов начали запускаться.

Кант выдернул боевой нож Варла из стены и освободил руку. Кровь стекала по его запястью и капала с пальцев. Он сделал шаг вперед.

Варл пытался подняться, глотая воздух, пока пытался наполнить свои легкие, которые опустели под давлением. Его лицо было ярко красным, его глаза были мокрыми от слез.

Лазерный огонь вырвался из коридора и отразился от люка, заставив Канта пригнуться. Съежившись, он повернулся. В дальнем конце коридора приближался Колеа, стреляя из винтовки от бедра.

Убийца распластался, перекатился к трупу Мкталли снаружи люка, и оторвал лазерную винтовку от мертвого Танитца. Сев, убийца начал отстреливаться. Колеа нырнул за переборку, чтобы избежать потока ярких лазерных зарядов.

«Варл!» крикнул Колеа. «Варл, закрой люк.»

Убийца больше не носил ни лица Канта, ни Роуна. Боль, и необходимость перенаправить свою силу на битву, заставили его вернуться к своему собственному лицу. Оно было не тем, с которым он родился, но оно было тем, которое относилось к его настоящей личности. Это было лицо Сиркла. У всех подручных мерзавца Инквизитора Райма было то же самое обличие.

Колеа снова выстрелил, два или три залпа. Выстрелы покрыли коридор на стороне люка. Сиркл на полном автоматическом выстрелил в ответ, его винтовка сверкала яркими бутонами вспышек из дула. Обстрел заставил Колеа снова нырнуть в укрытие. Сиркл повернулся, чтобы выстрелить в камеру и закончить свою миссию.

Он повернулся как раз в тот момент, чтобы увидеть, как испытывающий боль, краснолицый Варл захлопывает люк перед его лицом.

Люк закрылся. Сиркл взревел от отчаяния. Он повернулся и снова начал стрелять в коридор, идя вперед, заставляя Колеа не выходить из укрытия или отстреливаться.

Пригнув голову позади переборки, пока по ней стучали выстрелы, Колеа прокричал в свою микро-бусину.

«Тюремный уровень. Это Майор Колеа на тюремном уровне. Мне нужна поддержка прямо сейчас! Поддержка и медики. Срочно!»

Колеа не мог расслышать, были ли какие-нибудь ответы. Яростный оружейный огонь, приближающийся к нему, объединенный с визгами тревоги, наполнил квадратный коридор.

Сиркл наступал, стреляя, пока приближался.

Флотилия не ждала, чтобы ее обстреляли. Не было никаких заблуждений в верности воющих демонических кораблей, которые неслись к ним от распавшейся материи реального пространства.

Агрессор Либертус сорвался первым, выдвинувшись со своей позиции перед массивной *Сепитерной*. Двигаясь очень медленно, он произвел серию залпов из своих главных батарей, которые окружили его бронированные бока коронами огня.

Бенедикамус Домино так же начал стрелять. Он начал отклоняться от точки встречи с *Армадюком* и перестроился для атаки. Его орудийные башни начали сверкать и трещать, когда он направил свой огонь в бездну. Он пытался защитить и поддержать замедляющийся *Армадюк*, который был расположен кормой при атаке.

Остальные эскортные корабли, держась своих мест по отношению к линии огня крупного боевого корабля, начали тоже стрелять.

Расстояние было значительным, но корабли Архиврага быстро приближались, и, казалось, что они впитывают Имперский обстрел. Светящиеся копыя света трещали вокруг румяного сияния их щитов. Даже огонь из грозных главных орудий *Агрессор Либертуса* вспыхивал на их щитах, как дождь.

Они продолжали выть свои имена, горловые и злобные, выжигая Имперские системы вокса, заглушая их аудио трафик, искажая ответы их ауспексов.

Оминатор! Оминатор!

Горхэд! Горхэд!

Некростар Антиверсал!

И над всеми ними, адский голос демонического монстра.

Тормаггедон Монструм Рекс!

«Вы засекли корабль Сайбона?» потребовал Гаунт.

«Я пытаюсь,» ответил Спайка. С системами вокса, скомпрометированными безжалостной акустической атакой демонических кораблей, экипаж *Армадюка* переключился на голосовые реле, выкрикивая команды, инструкции и данные со своих мест. Гаунт осознал, что капитан решает тысячи задач одновременно. Спайка наблюдал за каждым постом на мостике, и смотрел на главный щит на своем месте, плюс на тактическую схему стратегиума. Он прислушивался к каждому крику, каждому нюансу в диалоге, и раздавал приказы, которые заставляли членов экипажа срываться для исполнения. Он обеими руками держался за свои главные системы, оперируя шкалами и рычагами даже не глядя. Он ощущал душу и двигательную

энергию *Армадюка*, как будто он говорил с ним через палубу, кресло, металлические системы управления.

«Меняем направление,» сказал он.

«Вы поворачиваетесь, чтобы встретить их?» спросил Гаунт.

Даже не смотря на Гаунта, Спайка произвел манипуляцию с еще одним контрольным устройством и произвел несколько корректировок. Внизу, рулевой поспешил, чтобы выполнить его приказ.

«Как вы обычно сражаетесь, полковник-комиссар?» спросил Спайка. «Когда враг у вас за спиной?»

Гаунт не ответил.

«Могу отметить, что большинство моих батарей в состоянии готовности, если я буду носом или бортом,» сказал Спайка.

«Боком мы будем большой целью,» сказал Гаунт.

«Только пока разворачиваемся.»

«Разве нам не нужно встать рядом с *Сепитерной*?» спросил Гаунт. По правде, он имел очень малое представление о сравнительной географии битвы. Трехмерный стратегиум двигался слишком быстро, а тактические детали, которые тот предоставлял, были намного удалены от тактическим схем, которые он читал. Это заставляло плоские планы поля битвы казаться элегантными и безупречными.

Но он понял достаточно, чтобы понять, что *Армадюк* поворачивается на линию огня, и что, вместе с *Бенедикамус Домино*, они размещают себя перед главными силами флотилии на пути воющих демонических кораблей.

«Я не собираюсь оставлять *Домино* в одиночестве перед этим,» сказал Спайка, работая с контрольными устройствами. «Два фрегата, бок о бок. Они могут нанести большие повреждения цели между собой.»

«Но--»

Спайка впервые посмотрел на него. Это был краткий взгляд, но Гаунт был повержен прямой цели, которую он увидел в глазах Спайки, силой духа и, немножечко, предвкушением.

Капитан Спайка слишком долго был отстранен от своих талантов. Он не собирался бежать или сдаваться.

Гаунт поднял руку в жесте повиновения.

«Вы не придете на поверхность и не скажете, как мне разместить моих людей,» согласился он.

«Определенно, нет,» ответил Спайка. «Я представляю, что был бы чрезвычайно плох в этом.»

«Вы наслаждаетесь этим, так ведь?» спросил Гаунт.

«А вы бы нет?» спросил Спайка. «А сейчас замолчите, или мне придется удалить вас с моего мостика.»

Он встал.

«Усилить щиты по левому борту, пока мы поворачиваемся. Техники, энергию на главные батареи. Артиллеристам, зарядиться. Обнаружению, найдите нам цель, которую мы можем спалить. И найдите трижды проклятого лорда милитанта, чтобы мы могли прикрыть его!»

Гаунт видал такой дух, как у Спайки, раньше. Это было последним желанием старого воина сказать свое «ура», чтобы доказать, что он все еще достоин своей униформы. Это было сильное желание, которое часто делало очевидным самоубийственное решение.

Исходя из того, что надвигалось на них, человек, готовившийся взять на себя потенциально самоубийственные риски, мог быть их единственной надеждой.

Армаджок начал поворачиваться. Как только он бы развернулся, маневр поставил бы его в приличный боевой порядок с энергичным *Бенедикамус Домино*, который замедлился до догматичной позиции конфронтации и сверкал всеми своими

орудиями. Массивные залпы главных батарей проносились мимо и над обоими кораблями от основного боевого порядка с расстояния тысяч километров позади.

Сепитерна начала массивный обстрел, убивающими корабли зарядами из своих главных батарей.

Рвущиеся демонические корабли выдерживали обстрел. Их щиты колебались, как мокрое стекло, пока впитывали тяжелую нагрузку. Они были на расстоянии полумиллиона километров, приближаясь под острым углом к плоскости системы, как будто намереваясь прорубить линию Имперцев.

Затем черное очертание, провозглашавшее себя *Некростар Антиверсал*, начало ярко светиться изнутри, красным светом, который появился в сердцевине и распространился по струящемуся переплетению красных вен, распространяя свет и тепло, подобно потухшему вулкану, готовившемуся взорваться и расплескаться под давлением изнутри.

Обширная пена красного свечения окутала нос демонического корабля, цепными молниями, которые трещали и извивались, как живые змеи. С внезапной вспышкой, молния закипела и метнулась от корабля кнутом из безмерных эфирных энергий.

Заряд даже близко не был направленным, как плазменное или лазерное оружие. Его движение разошлось в стороны, дико и бешено, неприручено и ненацелено. Он дико извивался в пустоте и только потом хлыстом вернулся к цели, как молния, которая охотилась на что-то на земле.

Зубчатый, ослепляющий разряд ударил в *Бенедикамус Домино*, словно возмездие разгневанного бога, сорвав его передние щиты и снеся верхние палубы. Не было никакого звука. Резкая ударная волна из тепла и обломков вырвалась от удара, за которым последовал медленный, расширяющийся шар из белого света, который был слишком ярким, чтобы смотреть на него. Смотровые системы мостика автоматически затемнились. Когда яркая вспышка потухла, открылся горящий и накреняющийся *Домино*, секции его верхней структуры и корпусной архитектуры были уничтожены или оставили сияющее золото вдоль оплавленных краев.

Спайка максимизировал увеличение, чтобы посмотреть на фрегат. Изображение прыгало на экранах мостика, рябило, а затем стабилизировалось.

«Всем, что свято...» выдохнул Гаунт.

Снова заорав свое имя, как ребенок, который в безумном бреду от лихорадки, *Некростар Антиверсал* выплеснул еще кровавого свечения и выпустил еще один заряд.

Второй заряд зазубренной красной ярости ударил в *Армадюк*, пока он поворачивался.

Гол Колеа осознал, что он, должно быть, фактически отключился на несколько секунд. Он надеялся, что это были всего лишь секунды. Что-то заставило корабль трястись, как погремушка, и он отскакивал от стен коридора и палубы.

Когда он пришел в себя, было темно, за исключением аварийного освещения и мерцающих аварийных огней. Воздух был полон дыма, и это был не просто тепловой разряд от перестрелки. В системе циркуляции воздуха корабля был темный топливный дым, как кровь в воде.

Он был помят.

Он резко очнулся и встал, сжимая свою лазерную винтовку. Не было никаких признаков убийцы. Он мог слышать смущенные и быстрые разговоры по воксу, идущие от каждого настенного и проводного канала связи, пока команда корабля пыталась восстановить контроль над раненым кораблем. Ему казалось, что он стоит под небольшим углом к горизонтالي, как будто палуба была наклонена. Это предполагало, что инерциальные системы были повреждены. Колеа не многое знал о кораблях, но он был уверен, что это не был ужасно хороший знак.

Основное освещение, заморгав, вернулось, когда была восстановлена подача энергии. Это заставило дым казаться гуще. Колеа поспешил к люку камеры, осторожно и держа прицел наготове. Все еще не было никаких признаков убийцы.

«Варл,» крикнул он. «Варл, открой!»

Он встал на колено. Мкталли выглядел так, как будто спит, но он был мертв, боевой нож застрял в его сердце. Кант был мешаниной из крови, было так много крови, что на это было тяжело смотреть. То, что выглядело, как петля из проволоки, почти обезглавило его.

«Ох, Трон,» прошептал Колеа.

Кант был жив.

«Варл! Открой дверь!» закричал Колеа, зажав левой рукой горло Канта, чтобы попытаться сдержать поток крови. Кант был без сознания, но он трясся от боли.

«Я больше не это не куплюсь,» прокричал Варл из-за люка.

«Открой фесов люк, Варл. Это Гол!»

«Точно, а в предыдущий раз это был Кант! Я не идиот. Короли-Самоубийцы, Гол. У меня есть работа, которую нужно сделать! Если ты Гол, ты поймешь, что я прав. Если нет, иди отфесай себя!»

Колеа услышал движение. Он продолжал держать левую руку прижатой к горлу Канта, и поднял свою лазерную винтовку правой.

«Назовитесь!»

В коридоре появились фигуры, движущиеся в его сторону сквозь дым. Это был Бонин, с Кардассом, Номисом и Бростином. У всех оружие было наготове.

«Колеа?» позвал Бонин.

«Мне нужен медик!»

Кашляя, Цвейл протолкнулся мимо людей из Роты Б и опустился рядом с Колеа.

«Ох, бедный мальчик умер,» сказал Цвейл.

«Вы гаков медик?» резко бросил Колеа.

«Не на этой неделе, майор.»

«Тогда, мы можем привести настоящего медика до того, как совершим последний обряд?» проворчал Колеа.

«Просто позволь мне дать бедному парню некоторое утешение на всякий случай,» пробормотал Цвейл, выуживая карманную икону Святой и серебряную аквилу на цепочке.

«Пропустите меня,» сказал Дорден. Он посмотрел вниз на Канта.

«Гол, я держу,» сказал Дорден, когда наклонился и положил руку на руку Колеа. «На три, позволь я надавлю. Два, три.»

Колеа убрал руку. Она была мокрой от крови.

«Он будет жить?» спросил он.

«Его вообще не должно было быть здесь, внизу,» сказал Цвейл. Старый священник бросил взгляд на Дордена. «Ой, ты имеешь в виду мальчика. Я понял.»

«Посмотрим,» сказал Дорден. Он начал работать с горлом Канта, отодвигая ворот куртки. «Где моя сумка?»

Бонин привел Колдинга. Альбинос тащил медицинскую сумку.

«Мне нужны тампоны и стерильные бинты,» сказал Дорден.

Колдинг кивнул, открывая сумку и вытаскивая вещи.

«Святой фес,» прошептал Дорден, пока работал. «Посмотрите на это.»

Колдинг присмотрелся.

«Что?» спросил Колеа.

«Значок,» тихо сказал Колдинг. «Значок Королей-Самоубийц. Это человек прикрепил его к воротничку. Он зацепился при удушении. Если бы не это, проволока прошла бы чисто до его позвоночника.»

Колеа поднял взгляд на Бонина.

«Мало радостного,» сказал Бонин.

«Это все еще чертов бардак,» сказал Дорден. «Нам нужно убрать проволоку, но она прижата к сонной артерии. Если она порвана, то он истечет кровью, если мы уберем проволоку. »

«Мы не сможем залатать его не убрав проволоку,» тихо сказал Колдинг.

«В любом случае, черт,» сказал Дорден. «В любом случае, я даже не уверен, как мы собираемся залатывать рану.»

«Липкая лента и углеродная связь,» сказал Колдинг.

Дорден посмотрел на него.

«Я о такой процедуре не слышал, Доктор Колдинг.»

«Не медицинская,» признал Колдинг, «но в похоронном деле это хорошо работает. Я предлагаю это потому, что как только мы уберем проволоку, нам нужно будет действовать быстро.»

«Вы не серьезно?» спросил Колеа.

«Это лучшее предложение, которое я когда-либо слышал,» сказал Дорден, «и я здесь старший медик.»

Колеа встал и посмотрел на Бонина и других солдат.

«Убийца должен быть поблизости. Он ранен. Он сбежал, когда все потемнело.»

Бонин кивнул. Он уже начал осматривать коридор.

«У меня есть кровавый след. Идем.»

«Почему все потемнело?» спросил Колеа. «Мы что-то подстрелили?»

«Что-то подстрелило нас,» сказал Жадд Кардасс. «Я думаю, мы в чем-то типа боя.»

Колеа посмотрел на потолок. Суперструктура корабля трещала и стонала.

«Серьезно?» спросил он. Помимо удара, он не был уверен, как кто-нибудь мог быть в этом уверен.

«Доложить,» кричал Капитан Спайка сквозь дым. «Всем службам, доложить!»

Основное освещение мостика заморгало и снова включилось. Вопили сирены о повреждениях. Несколько декоративных стеклянных колпаков на лампах платформы упали и разбились о палубу.

Голоса доносили отчеты со всех направлений. Спайка слушал, пытаюсь настроить свою консоль. Главный дисплей замер. Он стукнул по нему, и дисплей вернулся к светящемуся зеленому.

«Заткнуться. Заткнуться!» прокричал он над перекрывающимися друг друга голосами. «Техник, у нас есть щиты?»

«Отрицательно, капитан. Пустотные щиты отключились.»

«Запустить их. Сейчас же!» Спайка усердно думал. «Позиция? Инерционная служба, я хочу, сейчас же, нашу относительную позицию.»

Данные потекли на его экран, цифры, громко повторяемые голосом офицера у инерционного пульта управления.

«Все еще боком...» пробормотал Спайка. Удар отбросил *Армаджок* и остановил тяжелый разворот звездного корабля. Плохая позиция, особенно без активных систем щитов.

«Рулевые! Закончить разворот.»

У длинного, закованного в медь и дерево поста, соединенные проводами рулевые налегли на регуляторы положения.

«Статус щитов?»

«Проводится ремонт, капитан!»

«Я хочу двухминутный корректирующий прожиг до этих поправок. Всеми плазменными двигателями,» потребовал Спайка, сопровождая свой приказ рядом четырехмерных координат.

«Плазменный двигатель четыре докладывает о пожаре. Вывод приостановлен,» сказал дежурный офицер рядом со Спайкой.

Спайка пересчитал быстрее, чем его когитатор. Он объявил скорректированный набор координат.

«До предела третий двигатель, и подстегнуть пятый и шестой, чтобы скомпенсировать,» приказал Спайка. «Разверните нас. Разверните нас!»

«Корректирующий прожиг через пять, четыре, три...» провозгласил дежурный офицер.

«Скажи техникам щелкнуть кнутом!» сказал Спайка еще одному подчиненному. «Кочегары должны вложить свою душу в это. Запитайте эти чертовы топки. Смерть – единственное оправдание за не работу лопатами!»

«Сэр.»

Палуба содрогнулась и притухло освещение, когда начался прожиг.

«Оружейники!» закричал Спайка, переключая на другое изображение на экране.

«Как только появится возможность, вы можете стрелять по желанию.»

«Так точно, капитан!»

Спайка посмотрел на стратегиум, оценивающий близость Архиврага. Он показывал, что один из порочных эскортных кораблей – *Оминатор*, по его диким животным воплям – несясь вперед к лишенному щитов *Армадьюку*, чтобы закончить дуэль, пока остальные неслись прямо к главной линии кораблей. Он выпустил ударные корабли со своих взлетных палуб.

Бедный корабль Спайки, представляющий собой реликвию, пережил первый удар, хотя список докладов о повреждениях, катящихся по дисплею, был ужасающим. У Спайки было ощущение, что это скорее не их щиты сделали свою работу, а что скорее *Некростар Антиверсал* набрал недостаточную мощь для еще одного удара после того, как развалил на куски *Домино*. *Армадьюк* выжил, потому что разряд был недостаточной мощности.

Даже с недостаточной мощностью, он снес их щиты.

Спайка мог ощущать страх в воздухе. Все его молодые и неопытные офицеры были бледными и тряслись. Соединенные проводами сервиторы тряслись в своих гнездах, нейронные связи пульсировали. Даже более опытные члены команды, как Офицер Обнаружения и Главный Рулевой, выглядели в отчаянии.

Они были напуганы. Его корабль был напуган. Спайка мог чувствовать поток кортизона и других гормонов стресса, нахлынувших на нервную и биологическую

системы корабля. Была вонь ужаса, смешанная с дымом из систем вентиляции. Тридцать тысяч душ, запертых в металлическом ящике, во тьме, под огнем. Большинство из них ничего такого не знали раньше.

Он вспомнил свою жизнь в качестве младшего офицера на мостике. Это было отсутствие информации, которое, на самом деле, глодало тебя. Только капитан корабля и офицеры с доступом к данным стратегиума имели реальное представление о том, что происходит снаружи, и то, если Офицер Обнаружения прилично делал свою работу. В пустотной битве, все иллюминаторы закрыты, и все становится только по данным. Даже если иллюминаторы оставались открытыми, не на что было смотреть. Ты сражался с – и был обстрелен – объектом, который мог быть в тысячах километров в межзвездной черноте, идвигающимся со значительным процентом от скорости света. Была тряска и ужас от ударов, бушующие двигатели, какофония голосов и стрекот данных, но все остальное было слепым и удаленным, отделенным от области чувств. Не удивительно, что юниоры теряли самообладание, не удивительно, что сервиторы потели и стонали, пока работали на своих постах, не удивительно, что кочегары выли и причитали, пока трудились в пламенных пещерах двигательных помещений. Каждая душа зависела от объединяющего восприятия, от единственного взгляда, от капитана корабля. Он один мог оценить великий танец действий флота, войны снаружи металлической могилы внутри которой тяжело трудился экипаж корабля. Каждый человек трудился, даже не понимая, какую пользу вносит его маленький вклад. Если приходила смерть, она внезапно поражала, не нуждаясь в предупреждениях или объяснении.

Мир мог бы распасться на части в свете, а затем огонь и вакуум уничтожили бы тебя.

Офицер Обнаружения закричал. Спайка проверил наблюдательное устройство.

Монстр *Оминатор* выстрелил по ним. Дальнобойные боеголовки плыли к ним сквозь пустоту на плазменных двигателях.

Спайка взмолился. Он ожидал какого-нибудь комментария от Гаунта.

К своему удивлению, полковника-комиссара больше не было рядом с ним.

Элоди пыталась сфокусироваться. Она что-то делала. Что-то, по-настоящему, обычное. Точно, она что-то подписывала. Корабль как раз в ту минуту задрожал, и

металлический голос объявил, что они прибывают туда, куда там они должны были прибыть.

Несколько человек из полка пришли на транспортные палубы с бумагами Муниторума, чтобы свита подписала. Они ходили. Костин, пьяница, поднес бумаги ей, когда настала ее очередь. Ему просто нужна была ее подпись. Это был еще один письменный отказ, часть сопроводительного бонда.

Элоди едва уделила внимание. Продолжительная тряска перехода тревожила ее, и некоторые дети и молодые женщины испытывали недомогание. Когда металлический голос сделал свое объявление, было ликование и возносились громкие молитвы благодарности Святой и Императору. Проповедники и верующие встали, чтобы возглавить свиту в гимнах освобождения от варпа.

Затем очень быстро произошли другие вещи. Вещи, которые она не понимала. Начали звучать сирены. Клаксоны и звонки. Внезапные напряжение и страх прокатились по жилищам свиты, тревога, порожденная незнанием. Никто не знал, что происходит.

Ставни на иллюминаторах во внешних залах, которые только начали открываться после перемещения в имматериуме, внезапно снова начали закрываться. Старые двигатели ставен стонали от внезапной смены направления. Члены свиты днями ждали, чтобы выглянуть из корабля, хотя бы для того, чтобы мельком взглянуть на коричневую черноту космоса и ободряющие отдаленные звезды, а теперь им было отказано в этом утешении, опять.

И голос. Металлический голос. Он выкрикивал слова, которые звучали, как *боевое состояние*.

Как они могут быть в бою? Это казалось маловероятным.

Внезапно, пока она размышляла об этом, с кораблем что-то случилось. Что-то так сильно ударило по кораблю, что все попадали, а свет отключился и в воздухе начало пахнуть дымом. Когда освещение, моргая, начало снова включаться, люди кричали. Дети выли. Мужчины и женщины были ранены от падения, с синяками или истекая кровью от ударов о палубу или мебель. Элоди пыталась подняться, помогая старой женщине рядом с собой. Она была поражена своим страхом. Она никогда себя не

чувствовала такой ошеломленной и беспомощной. Костин тоже упал, рассыпав бумаги по всей ячеистой палубе. Он паниковал. Пока она помогала старой женщине, Элоди мельком увидела, как он делает большой глоток из своей фляжки. Шум от паники в зале был почти ошеломительным.

«Мы в бою! Бою!» кричал кто-то.

«Мы погибнем в пустоте!» кто-то еще визжал.

«Успокойтесь. Успокойтесь!» услышала Элоди свой голос, говорящий людям вокруг нее. У нее самой не было спокойствия, которым можно было поделиться. Она хотела знать, почему она могла чувствовать дым. Она хотела знать, перевернется ли мир снова, и включится ли снова освещение, если снова выключится. Визг тревоги, казалось, был разработан, чтобы вызывать сильное беспокойство.

Она увидела Юнипер. Женщина была безумной.

«Где моя маленькая девочка?» кричала Юнипер. «Где моя маленькая дорогая девочка? Я потеряла ее, когда погас свет.»

Элоди обхватила Юнипер рукой, чтобы поддержать, и огляделась, рассматривая волнующуюся толпу. Люди метались во всех направлениях.

«Йонси?» закричала Элоди. «Йонси, иди к нам!»

«Где ты, Йонси?» звала Юнипер.

Элоди увидела Капитана Мерина, который возглавлял отряд людей, которые принесли документы.

«Вы видели Йонси?» спросила она.

У Мерина было скверное выражение лица, болезненное от страха. Он бросил на нее взгляд.

«Кого?» спросил он.

«Маленькую девочку Капитана Крийд!» выпалила Юнипер, плача. «Милую же растопчут!»

Мерин протолкнулся мимо них. Он сказал что-то, что Элоди толком не расслышала.

Она была совершенно уверена, что это было похоже на что-то типа, *Я выгляжу так, как будто мне есть до этого дело?* Или подобные слова.

Началось внезапное увеличение паники, когда плазменные двигатели корабля начали трястись и грохотать с повышающейся скоростью, заставляя все вибрировать. Элоди сжимала Юнипер, которая всхлипывала и тряслась.

«Мы найдем ее,» настойчиво утверждала она. «Мы найдем ее.»

Элоди предполагала, что хуже уже не будет. Но раздался внезапный треск стрельбы. Все вздрогнули и пригнулись, и почти все кричали.

Толпа начала рассеиваться. Те, кто не мог убежать, попадали на палубу или заняли укрытия за койками или ящиками.

Танитский солдат тяжело шел по центральному проходу трюмного помещения по направлению к Элоди и Юнипер. Элоди не узнавала его. Казалось, что с его лицом что-то не так, как будто оно было размазанным. Его правая рука была пропитана кровью и размахивала лазерной винтовкой. Пока он приближался, солдат стрелял залпами автоматического огня над головами толпы, чтобы они убрались с его пути. Залпы стучали и выбивали искры из высокого потолка трюмного помещения.

Его левая рука была расположена вокруг горла испуганного ребенка, которого он держал в качестве щита.

Это была Йонси.

ДЕСЯТЬ

Щиты

Спайка на секунду устоял на свои относительные данные. Его плазменные двигатели сильно горели, и он мог чувствовать гравитационный момент, растягивающий корабль по швам, когда он нырнул в тяжелый разворот.

Они бы никогда не сделали это. Они бы никогда не повернулись вовремя. Они, определенно, не смогли бы убраться с дороги боеголовок, несущихся к ним. Он приказал открыть заградительный огонь, чтобы попытаться отследить и уничтожить несколько приближающихся торпед, но даже с системами обнаружения, это было, словно пытаться попасть в песчинку из лука во время урагана. Еще несколько мгновений, и вражеские боеголовки будут на достаточном расстоянии, чтобы зафиксироваться на цели и начать активно охотиться на них.

Разошедшиеся так широко боеголовки могут уничтожить незащищенный корпус, как яичную скорлупу.

У Спайки был один выбор. По правде, у него было два, но одним из них было «умереть», так что обсуждать было нечего. *Оминатор*, визжа свое имя гротескными импульсами шума сквозь пустоту, как раненое животное в ловушке, приближался к ним. *Агрессор Либертус* мчался от Имперской линии огня, чтобы оказать помощь, но он был в шести или семи минутах от какой-либо пользы.

Спайка скорректировал значения курса и добавил девятнадцать секунд к времени прожига.

Главный рулевой бросил на него взгляд.

«Выполнять!» крикнул Спайка.

По ту сторону стекла, темнота.

«Я ничего не вижу,» сказал Феликс.

«Встаньте позади меня,» прошипела Маддалена Дэрбилавд.

Феликс бросил на нее взгляд.

«Ты смешна. Просто смешна,» сказал он. «Это не уличная потасовка, это пустотная битва. Как то, что я встану позади тебя, меня защитит?»

Он снова повернулся к иллюминатору. Они нашли участок коридора возле корпуса на внешней жилой палубе, где ставни не закрылись должным образом. Здесь был ограниченный обзор внешней темноты. Феликс близко наклонялся к утолщенному бронестеклу, чтобы посмотреть наружу, но он не видел практически ничего, кроме своего отражения.

«Я ничего не вижу,» прошептал он. Снаружи не было ничего видимого, только темнота. Не было даже звезд. При всей суматохе, происходящей внутри *Армадюка*, снаружи не было ничего, чтобы ее оправдать.

Далин наблюдал за Феликсом и его телохранителем. С транспортных палуб позади них шел ужасный шум, осязаемое паническое напряжение. Далин был встревожен, и очень напряжен из-за мощных шумовых импульсов от двигателей, и быстрых изменений в гравитации. Он ощущал себя так, как будто был на лодке в бурном море.

«Мы должны идти к бункерам,» сказал он.

«Кое-кто говорит дело,» сказала Маддалена.

«Нахождение на бункерной палубе не слишком поможет, если в нас попадут,» резко бросил Феликс. «Если корабль взорвется, негде будет прятаться.»

«Нахождение на бункерной палубе предоставит лучшие шансы на выживание, чем стояние рядом с небронированным окном, которое может в любое мгновение вылететь в пустоту,» сказала Маддалена. «Не заставляйте меня взять вас и унести.»

Тревога по всему кораблю все еще звучала, и персонал пробежал мимо них. Запах дыма оставался сильным, но он был частично замаскирован увеличивающейся вонью тепла. Двигатели были горячими. Топки были на грани.

«Мой первый пустотный бой, и это все, чему я очевидец,» пожаловался Феликс, снова уставившись наружу, наклоняя голову из стороны в сторону, чтобы попытаться посмотреть под различными углами. «Я думаю, что все слишком далеко, чтобы мы могли увидеть.»

«Серьезно?» спросил Далин. Он был искренне удивлен. Он никогда, на самом деле, не думал о масштабе в таких терминах. Он понимал, что пустота была большой, но никогда не представлял себе ситуацию, в которой корабли размером с тот, на борту которого они были, могли вступить в бой даже не будучи в состоянии видеть друг друга.

Корабль был размером с город! Как нелепо было сражаться с чем-то, настолько далеким, что ты даже не можешь видеть это? Гвардеец должен был оценивать своего врага, или, по крайней мере, вражескую позицию, чтобы сражаться. И какое же оружие могло—

Кто-то к ним подбежал, задыхаясь. Далин повернулся, и внезапно напрягся. Маддалена тоже резко с удивлением повернулась.

«Что, во имя Бога-Императора, вы здесь делаете?» спросил Гаунт.

Феликс отвернулся от иллюминатора при звуке голоса Гаунта.

«Какого черта ты делаешь?» проворчал Гаунт. Далин заморгал. В действиях Гаунта было что-то, смятение, которого он никогда раньше не видел. «Идите к бункерам. Ну же!»

«Я--» начал Феликс.

«Заткнись и шевелись,» рявкнул Гаунт. Он посмотрел на Маддалену. «Вот, какой ты телохранитель! Делай свою чертову работу! Отведи его в убежище! Есть постоянные приказы на такой случай. Я бы должен поместить вас всех под арест!»

Он посмотрел на Далина.

«Я разочарован в тебе, рядовой. Я думал, что тебе можно доверить держать этих людей в курсе.»

Далин встал по стойке смирно.

«Никаких оправданий, сэр.»

Гаунт снова посмотрел на Феликса и его телохранителя.

«Никаких оправданий, но они, возможно, не сотрудничают, так ведь? Ты говорил им идти к бункерным палубам?»

«Да, сэр.»

Гаунт пристально посмотрел на Маддалену.

«Делай свою работу.»

«Что происходит?» спросил Феликс.

Гаунт бросил на него взгляд.

«Мы в бою.»

«Я ничего не могу увидеть.»

«Конечно, не можешь!» резко сказал Гаунт.

«Сколько кораблей? Мы побеждаем?» спросил Феликс.

«Иди в бункер, сейчас же!»

«Что ты собираешься делать?» спросил Феликс. «Разве ты не должен быть в каком-то важном месте?»

Гаунт замешкался.

«Иди в бункер,» проворчал он.

«Святой Трон!» выпалил Далин.

Снаружи можно было что-то разглядеть. В то время, как они до этого разговаривали, что-то медленно увеличивалось, заполняя иллюминаторы. Они, в самом деле, неправильно поняли масштаб, только с другой стороны. Чернота, на которую они смотрели, была неосвещенным бортом другого корабля. Теперь это изменилось, пока они летели мимо него. Они видели, где суровый свет охватывал верхнюю часть корпуса и орудийные башни, видели светящиеся линии расплавленных мест, где были вырваны обширные секции палубы. Облака обломков, как блески, заполнили пустоту. Безжалостные ленты истекающей энергии вырывались из поврежденных силовых установок в обнаженных внутренностях корабля. Куски бронированного

корпуса проплывали мимо, медленно и лениво вращаясь. Они были прямо рядом с другим кораблем, но были в его тени и слишком близко, чтобы увидеть его раньше.

Другой корабль был подбит и почти мертв. Он выглядел, как горящий улей, увиденный с воздуха.

«Я провожу их к бункеру прямо сейчас, сэр,» сказал Далин.

Они все повернулись, когда услышали звук. Резкий, отрывистый хлопок, который шел со стороны транспортных палуб, трескучий щебет, который для всех миров Империи звучал, как оружейный огонь.

«*Вот теперь*, встаньте позади меня,» сказала Маддалена.

Плазменные двигатели выходили за допустимые рабочие пределы. Безмерно старые, и отремонтированные больше раз, чем Спайка мог себе представить, они просто не могли больше развиваться максимальную тягу от холодного состояния или состояния низкой энергии в короткие сроки.

Корпус тоже не был готов к этому. *Высочество Сир Армадюк* никогда не был элегантным или грациозным кораблем, даже в свою юность, тысячелетием раньше. Он был упрямым и крепким, не проворным.

Корпус, изогнутый экстремальными перегрузками маневра, который Спайка пытался выполнить, кричал от боли. Члены экипажа, особенно подключенные проводами сервиторы и сервы, кричали, когда волны техно-эмпатической боли охватывали их. Некоторые упали замертво. Череп из стали и пластика высокофункционального сервитора на соседнем посту взорвался в брызгах искр, хлопок давления сдвинул металлические пластины на нижней части черепа, открыв кости и следы органики Имперца, который лишился права на собственную жизнь и был приговорен на аугментическую службу во Флоте множество стандартных жизней назад.

Почерневшие заклепки и желтые зубы рассыпались по полу. Ассистент техника с фарфоровым лицом лежал рядом с увеличительной консолью, как будто спал. Он рухнул в позу эмбриона и умер, не открыв свою оптику. Массивный сервитор, грузчик в верхнем переднем артиллерийском складе правого борта, испытал какой-то цереброваскулярный криз, и разбил свою укрепленную голову о стену снарядного бункера. Огромное напряжение запустило судорожный припадок в прецизионном

дроне, обслуживающем стратегиум, и его тонкие сенсорные конечности начали трястись так быстро, что стали похожи на жужжащую пташку.

Спайка игнорировал потери. Он не обращал внимания на рвущиеся швы внешней брони, на соединения внутреннего каркаса, на отсеки корпуса. Он не обращал внимания на атмосферные сбои в четырех отсеках, частичное или полное отключение света, утечку энергии, когда доступные ресурсы были перенаправлены к материальным двигателям или на починку щитов. Он не обратил никакого внимания на ряд иллюминаторов, которые вылетели наружу вдоль изгибающегося хребта корпуса и открыли подпалубу 118 жесткому вакууму. Он игнорировал критические предупреждения, которые моргали в верхней части двигательной консоли, предупреждения о том, что неистовые, раскрасневшиеся плазменные двигатели были близки к отказу и отключению.

Именем Золотого Трона Терры, он никогда не видел, чтобы на капитанской консоли горело так много тревожных огоньков одновременно. Он понимал, что у него была полоса выживания, которую можно было измерить миллисекундами.

Армадюк не мог опередить торпеды, несущиеся от *Оминатора*. Он мог только надеяться, что боеголовки сначала найдут что-то еще.

«Да простит меня Бог-Император,» сказал Спайка.

Раскаленные добела двигатели *Армадюка* повернули корабль позади накренившейся громады подбитого *Бенедикамус Домино*. Разбитый корпус раненого фрегата заслонил корабль Спайки.

Спайка понимал, что на *Домино* оставались, весьма вероятно, десять или пятнадцать тысяч все еще живых членов экипажа. Но *Домино* было поздно спасать. *Армадюк* был все еще жив.

Тридцать боеголовок хлынули дождем на правый борт переворачивающегося корабля, который был повернут боком на пути врага первым ударом. Оставались только клочки щита. Две торпеды сдетонировали, когда влетели в плотное, блестящее поле обломков, которое заполнило вакуум рядом с *Домино*, как кровавое пятно рядом с плывущим телом. Еще одна сработала, когда ударилась о твердый,

спрессованный выброс газов, струей вырывающихся из разорванного корпуса *Домино*.

Все три взрыва, миниатюрные взрывы звезд, слишком яркие, чтобы смотреть на них, исчезли в тот момент, когда остальные двадцать семь боеголовок столкнулись с корпусом. Концентрические кольца ударных волн и избыточного давления пересекались и искривляли материал корпуса, как капли дождя, колышущие спокойную поверхность пруда. Свет расцвел, сверхновой, свирепым белым с красным оттенком, который прогнал прочь черноту пустоты подобно восходу и превратил *Бенедикамус Домино* в резко очерченный черный силуэт.

Фрегат погиб. Разрушение поползло по его структуре от точек взрыва, испаряя бронированную оболочку корпуса, съедая суперструктуру, счищая обшивку, как рыбную чешую. Волны жидкого пламени хлестали и бурлили на каждой палубе, а затем проедали их насквозь. Огненные шторма хлынули в соединительные шахты и колодцы, кипели в системах жизнеобеспечения и сжигали утекающую атмосферу корабля. В течение секунды после удара, гейзеры огня и ударные волны от взрывов стали выплескиваться с другой стороны корабля, как выходные раны, разрывая закрытые ставнями иллюминаторы, шлюзы транспортных палуб, воздушные шлюзы и оружейные посты. Выброшенные обломки, включая несколько фурий и транспортников, смытых из ангаров *Домино* взрывами, застучали по внешнему корпусу *Армадюка*.

Затем ударила ударная волна, двойным сокрушительным ударом: сначала электромагнитный удар, затем кинетический. *Армадюк* выдержал их, содрогаясь, покачиваясь.

Ослепительная вспышка потухла. От *Бенедикамус Домино* не осталось ничего, кроме почерневшей металлической груды расплавленного и светящегося металлолома, богатого железом фрагмента астероида.

Капитан Спайка боролся с позывами к рвоте. Адреналин резко вырос в его организме: его аугментические нейроды перегрелись, а его зрение уменьшилось до серого туннеля. Атака потока данных была такой сильной, что у него закрутило в животе, и он хотел блевать.

Он выкрикнул новый курс главному рулевому. Он ввел ручную поправку в двигатели со своей капитанской консоли, не спеша переводя визжащие плазменные двигатели к более спокойному реву, охлаждая их, и снижая чрезмерный выход мощности, поворачивая *Армадюк* дальше по более слабой траектории, чтобы избежать радиоактивный труп *Домино* и расквитаться с *Оминатором*.

Язвительные, ликующие визги *Оминатора* ненадолго затихли из-за электромагнитного импульса от множественных взрывов, но теперь они вернулись, когда системы вокса восстановились. Он злорадствовал, выкрикивал свое имя почти смеясь, царапающим и скоблящим голосом из-за искажения вокса. У *Оминатора* была скорость по прямой, приличный импульс и скорость атаки наступающего хищника. Он не был вынужден тратить драгоценную скорость и энергию на уклонения и отчаянные кривляния, как приходилось *Армадюку*.

«Артиллеристы!» скомандовал Спайка. Он воспользовался тактильным считывателем, чтобы сообщить о распределении требуемых ему боеприпасов. Атакующие эскадрильи *Оминатора* уже накатывали на них, пролетая над и под дымящейся грудой погибшего *Домино*.

«Щиты, как можно скорее,» сказал Спайка, пытаясь очистить глотку от поднимающейся кислоты. «Мы идем на них, и мы сожжем их и отправим назад в ад.»

ОДИННАДЦАТЬ

Чистый Выстрел

Все лежали на палубе, женщины всхлипывали, дети орали. Элоди держала Юнипер, чтобы удержать ее от попытки броситься на человека, который схватил Йонси. У него было оружие, и он дико стрелял из него. Любой, кто махал оружием, и был готов стрелять из него в набитый битком зал, любой, кто был готов держать маленькую девочку в качестве щита, был тем, с кем вы не пытаетесь связываться.

Элоди повалила Юнипер, отбивая ее машущие руки в стороны. Элоди стонала. Все производили какой-то звук: от боли, страха, отчаяния.

Все, кроме Йонси. Элоди видела, что Йонси была спокойна и безучастна. Очевидно, травма покорила ее. Она была похожа на куклу на сгибе руки стрелка.

Человек выпустил еще несколько выстрелов, чтобы никто не поднимался. Больше криков раздалось от женщин. Он пятился к люку под мостиком, идя прямо к ним. Элоди хотелось понять, что не так с лицом человека. Оно было перекручено, искажено. Это было совсем не нормальное лицо.

«Отпусти ее! Отпусти девочку!»

Еще больше панических криков. Элоди огляделась и увидела трех Призраков, забежавших на транспортную палубу в дальнем конце, с винтовками у плеч, направленными на человека и его заложника, пока медленно пробирались сквозь ряды прячущихся членов свиты.

Человеком, который выкрикнул приказ, был Белладонец, Кардасс. Слева от него был Бонин, Танитский разведчик, с поднятым и нацеленным оружием. Справа от Бонина был Гол Колеа.

Лазерная винтовка Колеа была у его щеки. Выражение в его глазах разорвало Элоди пополам. Там была частично ненависть, частично мука.

Его дочь. Его маленькая девочка.

«Отпусти ее!» снова крикнул Кардасс.

Человек ответил каким-то неразборчивым звуком, как будто его рот не работал должным образом. Его лицо казалось беспорядком.

Элоди чувствовала, как ее сердце колотиться. Она так хотела встать, вырвать девочку из хватки маньяка.

Она увидела Капитана Мерина. Он прятался прямо рядом с ней, у следующей койки. Костин тоже был поблизости, держа голову руками, документы, которые он нес валялись рядом с его коленями. Один из диких выстрелов стрелка задел его плечо, оставив ожог.

Глаза Мерина были яркими от страха, как у загнанного в угол животного. У него не было винтовки, но Элоди могла рассмотреть лазерный пистолет в кобуре на талии.

«Пристрелите его,» прошипела она, держа Юнипер. «Капитан, пристрелите его!»

Мерин проигнорировал ее.

«Пристрелите его!» повторила Элоди.

Угол был хорошим. Стрелок был боком к ним, и он не видел Мерина или его товарища. Любой полуприличный выстрел мог доставить лазерный заряд в его голову или торс, совершенно не попав в девочку.

«Ты с ума сошла?» прохрипел в ответ Мерин.

«Вы можете сделать чистый выстрел!»

«Заткнись!»

«Капитан, пристрелите его!»

«Заткнись нафес!» прорычал Мерин.

«Отпусти девочку,» приказал Колеа. Его голос прорезал воздух и панику, как коса. Он был невыразительным, как будто свет погас в его сердце.

«Назад! Назад!» закричал в ответ стрелок, царапающими словами несовершенной формы, вырвавшимися из его деформированного рта. Напряжение от его усилий, в конце концов, победило способности по смене лица Сиркла.

Колеа, Бонин и Кардасс целились в него с трех сторон, прямо в голову. Они щурились, всматриваясь в мушки и, сгорбившись, быстро шли вперед короткими шажками.

Элоди задумалась, осмелится ли кто-нибудь из них выстрелить.

«Отпусти девочку!» потребовал Кардасс.

«Забудь,» сказал Колеа. «Жадд, забудь. Ему больше нечего терять. Он не позволит нам взять его.»

Он понизил винтовку к груди, хотя все еще направлял ее на стрелка.

«Так ведь?» спросил он. «Ублюдок. Ты собираешься заставить нас убить тебя, и ты собираешься заставить нас убить девочку, чтобы сделать это.»

Стрелок что-то сказал. Его губы были слишком вялыми и деформированными, чтобы слова были вразумительными.

Корабль тряхнуло. Это было внезапно и сильно. Не было никакого звука, и никакой свет не прорвался сквозь запечатанные бортовые ставни, но корабль завибрировал, как будто его уронили.

Отвлекающий внимание момент.

Роун прыгнул с мостика на спину стрелка. Столкновение сбило с ног стрелка с Йонси. Серебряный клинок Роуна вонзился в правое плечо убийцы. Его оружие стало стрелять, заливая лазерными зарядами воздух.

Все трое упали. Роун потерял хватку на боевом ноже. Стрелок держал Йонси. С ревом, который заставил штатских, укрывающихся вокруг них, завизжать, Роун схватил Йонси и вырвал ее из рук убийцы. Он просто швырнул ее в воздух, возможно от отчаяния, возможно веря в то, что травма от падения будет более предпочтительной, чем она будет еще мгновение оставаться в руках убийцы. Убийца ударил Роуна по лицу краем винтовки.

Подброшенная, Йонси полетела вниз. Элоди прыгнула вперед, вытянув руки, и ей удалось поймать ее до того, как она упадет на металлическую палубу. Маленькая девочка была тяжелой. Столкновение порвало мускулы в предплечье Элоди. Она

удержала ее, крутанулась, пытаюсь защитить Йонси от падения. Они рухнули на правое плечо Элоди, Йонси была прижата к груди и животу Элоди. Затылком Элоди ударилась о ножку койки, и на секунду отключилась.

У нее во рту и носу была кровь. Она заморгала. Йонси кричала и тряслась на ней, извиваясь, лягаясь. Боль нахлынула на череп Элоди и на правую руку.

Стрелок снова был на ногах. Боевой нож все еще торчал из его лопатки. Роун лежал, распластавшись, на палубе, после удара винтовкой. Убийца направил свою лазерную винтовку на Роуна, чтобы прикончить его.

Первый выстрел Колеа оторвал правую руку стрелка в локте, заставив изуродованную конечность и винтовку, которую она держала, отлететь, как медленный пропеллер. Второй выстрел Колеа разнес его грудь в брызгах паленой крови и расколотых ребер.

Третий выстрел Колеа деформировал его голову намного более значительно, чем можно было достигнуть любой перестройкой лица.

Убийца рухнул, во всю длину, подрубленный, как старое прямое дерево нала, оставляя кровавый туман в воздухе.

Плечо Элоди было сломано. Боль пронзила ее так резко, что она не могла пошевелиться.

Мерин взял у нее Йонси и повернулся к Колеа.

«С ней все в порядке,» сказал Мерин. «Она спасена, Гол. Она спасена.»

Атакующие корабли *Оминатора*, уродливые, стреловидные летательные аппараты, огибали мертвый *Домино*. Они были похожи на миниатюрные версии своего отца, помет из визжащих хищных щенков.

«Щиты?» намекнул Спайка, преодолевая ужасное аналитическое спокойствие.

«Ремонт все еще идет!» пропел младший техник.

«Отслеживать их. Сдерживающий огонь,» приказал Спайка.

Малые, более проворные батареи и орудийные посты *Армадьюка* ожили, посылая лучи и прерывистые линии лазерных зарядов в черноту. Стволы качались в рукавах разрядников, когда орудия тяжело поворачивались, преследуя быстро движущиеся атакующие корабли. На множестве экранов через множество пиктеров, Спайка наблюдал, как разделяется вражеская стая, метаясь вдоль бортов и под *Армадьюком*, закладывая виражи между зубчатыми поверхностными башнями и резными бронированными контрфорсами, держась близко линии ребристого носа, как летательные аппараты, летающие низко по улицам улья. Батарейный огонь преследовал их. Спайка увидел, как один атакующий корабль исчез в пламени, вращаясь, как колесо с фейерверком под собственным импульсом. Он так же видел, как взорвалась батарея, отправленная стремительной атакой в забвение. Огоньки начали гаснуть на его капитанской консоли, крошечные индивидуальные огоньки среди тысяч системных индикаторов. *Носовая батарея 1123. Носовая батарея 96 (правый борт). Килевая батарея 326 (по центру). Орудийная башня 11. Узел жизнеобеспечения 26 альфа (левый борт). Мачта обнаружения девять бета.*

Волна нацеленных ударов прокатилась внизу *Армадьюка*, когда вражеская эскадрилья рванула к корме, уклоняясь от огня, стреляя в поисках слабых точек.

Раздался внезапный электромагнитный треск, исказивший изображения на большинстве пиктеров, омовение статикой от серьезного лазерного огня. Когда картинки попрыгали и вернулись назад к жизни, Спайка увидел Фурии. Имперские пустотные истребители, все из истребительного экрана бедного *Домино*, летели к корпусу *Армадьюка* с противоположного направления, лицом к лицу встречая вражескую эскадрилью. Спайка насчитал почти три дюжины индивидуальных воздушных боев, акробатических дуэлей, которые стали внезапно происходить. Фурии гонялись за вражескими летательными аппаратами вокруг пилонов щита или башен обнаружения, или преследовали их около бортов и у киля. Подобно поднимающимся птицам, Фурии и вражеские корабли схватились друг с другом, уходя по спиралям от *Армадьюка*, пока пытались перехитрить друг друга и произвести убийственный выстрел. Некоторые кувыркались. Другие улетали по широким дугам, оттесненные от фрегата в попытке уйти от преследователя, иногда до самой светящейся массы *Домино*. Это было похоже на то, как голодный рой насекомых напал на старый корабль.

«Щиты через двадцать секунд!» объявил техник.

«Принято,» ответил Спайка. «Служба вокса, сделайте все возможное, чтобы связаться с Фуриями. Предупредите их, что мы перезапускаем щиты и им нужно держаться в стороне, когда мы зажжем.»

«Так точно, капитан!»

Внимание Спайки было приковано к *Оминатору*. Он явно не устал произносить свое имя. Приборы вычислили примерно девять минут до точки обстрела при текущей скорости. Спайка стряхнул это. Больше похоже на семь или шесть с половиной. *Оминатор* был стремительным и голодным. Он хотел лизнуть до того, как *Армадюк* снова поднимет щиты, и до того, как мчащаяся громада *Агрессор Либертуса* подойдет к нему с тыла. *Агрессор Либертус* уже обменивался дальними ударами с *Некростар Антиверсалом*, пока ускорялся. *Некростар Антиверсал*, его двигатели реального пространства пылали горячим оранжевым, очевидно хотел проверить свою отвагу против *Сепитерны*.

«Черт возьми, у нас есть вокс?» спросил Спайка.

«Перенаправляем доступные контуры вам, капитан.»

Спайка подвинул свой серебряный рупор ближе.

«Прием, прием, Капитан *Либертуса*. Прием, прием, Капитан *Либертуса*. Это Спайка, капитан *Высочества Сира Армадюка*.»

Треск.

«Это *Либертус*, подтвердите.»

«Подтверждаю, *Либертус*. Позвольте линейному кораблю позаботиться о том крейсере. Мы можем сокрушить эту цель огнем, а затем повернуться вместе.»

Длинная пауза, полная статики.

«*Либертус*, подтвердите?»

«Согласен, *Армадюк*. У вас щиты и оружие в эффективном состоянии, подтвердите?»

«Подтверждаю эффективность оружия. Примите относительную позицию. *Армадюк* ускоряется для сближения. Будьте готовы к широкому развороту, повторяю, широкому, если он докажет неохоту пройти между нами.»

«Относительные позиции отмечены и сопоставлены. Ускорение сопоставлено. Давайте уничтожим ублюдка, *Армадюк*.»

«Подтверждаю.»

«Щиты по вашему приказу!» объявил техник.

«Зажечь их,» сказал Спайка.

Последовали прерывистые импульсы, когда генераторы пустотного щита начали оживать. Освещение на палубе тускло и возвращалось назад, пока энергия на борту была ненадолго перенаправлена. Щиты потрескивали вокруг наступающего *Армадюка*, формируя блестящие поля из искаженного имматериума. Несколько Фурий, поздно покидающих *Армадюк*, закувыркались, с выключенными огнями и исчезнувшей энергией, их системы временно отключились из-за контакта с защитными полями. Четыре из маленьких охотничьих кораблей Архиврага взорвались, врезавшись в расширяющиеся щиты, их двигательные установки разрушились от какого-то аллергического, алхимического взаимодействия.

С поднятыми щитами, *Армадюк* начал разгоняться мимо Домино в направлении наступающего Оминатора. Агрессор Либертус последовал, примерно в шестидесяти километрах позади и двадцати по правому борту.

«Очистить пусковые шахты!» приказал Спайка. «Главные батареи, главные орудия – начать стрельбу по обозначенной цели.»

Он навел главный дальномер на *Оминатор*.

Воздух в системе все еще пах дымом. По крайней мере, это маскировало пропитавший *Армадюк* неприятный запах топленого жира с кухни.

Гаунт шел назад на мостик по безжизненным коридорам. Все пассажиры набили бункерные палубы, а экипаж корабля был на своих боевых постах. Время от времени, младший офицер или сервитор пробежали мимо по какому-то поручению.

Гаунт начинал с небольшого понимания пустотного боя, а теперь его вообще не было. Он размышлял, были ли они близки к победе, или близки к смерти. Корабль был тихим. Это было не похоже на бой в поле, с грохотом орудий, или артиллерией, мутузившей линию горизонта, с воздушными судами над головой. Место было тихим. Не было никаких сообщений о скором уничтожении.

Но он мог сказать, что битва продолжается. Палуба трещала, а суперструктура стонала под напряжением. Каждую минуту или около того, освещение могло потухнуть и снова вернуться, или двигатели могли начать еще один безумный сотрясающий выход мощности. Статика покрыла все поверхности; он предполагал, что это был побочный эффект от пустотных щитов. Он видал такое в зданиях и наземных машинах поблизости от активных Титанов.

Больше всего, он мог чувствовать битву внутри себя, в своем животе, своем внутреннем ухе, в своем кинестетическом ощущении. Он мог ощущать отсутствие звука, невидимые рывки и скручивания и растяжения инерциальной компенсации. Гравитационные системы боролись, чтобы поддержать статус кво, когда корабль накренился и менял направление. Он чувствовал себя так, как будто стоял в тихом, покачивающемся здании: это наполнило его воспоминаниями. Нахождение в высокой башне на Балгауте во время первых огненных штормов. Нахождение на стенах Улья Вervун, когда приближались машины скорби Херитора.

По крайней мере, думал он, он надеялся, что это был стресс от гравитации. Он надеялся, что это не было турбулентностью его беспокойной души, озабоченной страданиями, которых она совсем не ожидала.

Проход в большой зал был открыт. Внутри, под тихо качающимися лампами, Железный Змей Холофернэс осуществлял быстрые атаки мечом напротив гололитических целей.

Работа мечом была ужасающе стремительной. Холофернэс использовал поперечные удары и стиль поворотов, которые Гаунт никогда раньше не видел, переключаясь с одnorучного на двуручный хват в зависимости от положения меча.

Со снятым шлемом, Идвайн сидел в стороне, наблюдая за тренировкой.

Он не оторвал взгляд, когда подошел Гаунт, но он знал, что здесь человек.

«Я думал, что вы где-то прячетесь,» сказал Идвайн, его голос был машинных хрипом.

«Нет, не думали,» ответил Гаунт.

«Нет,» признал Идвайн. Он продолжал смотреть на тренировку с мечом Железного Змея. Железный Змей даже не обратил внимания на присутствие Гаунта.

«Он становится небрежным,» сказал воин Серебряной Гвардии. «Я не знаю, какому типу работы с мечом их учат в эти дни на Итаке.»

«Вы осведомлены о битве?» спросил Гаунт. «Я думал, что вы ушли на мостик.»

Идвайн повернулся, чтобы посмотреть на него.

«И чему это поспособствует? Там нет места, чтобы мы сыграли свою роль. Пока они не возьмут нас на abordaj. Есть вероятность, что они возьмут нас на abordaj?»

«Я так не думаю.»

Серебряный Гвардеец пожал плечами.

«Тогда, все, что мы можем делать, это ждать, пока мы не встретимся с нашим типом боя.»

«Вам не нужно знать, что происходит?» спросил Гаунт.

Холофернэс прекратил махать мечом и оглянулся.

«Только пока мы живы,» сказал он. «Если мы умрем, зачем беспокоиться о деталях?»

Он вернулся к своей тренировке. Меч быстро мерцал, вращаясь и перемещаясь.

Гаунт осознал, что Идвайн все еще пристально смотрит на него.

«Я не очень хорошо читаю ваши лица,» сказал Идвайн. «Я не считываю человеческие микро выражения. Они слишком слабые, незначительные.»

Гаунт не знал, что ответить.

«Но вы выглядите озабоченным,» продолжил Серебряный Гвардеец. «Очевидно, что есть стрессовый фактор от этого боя, но вы человек, который повидал битвы. Где ваша твердость? Мне кажется, что кое-что другое беспокоит вас.»

«Вы достаточно хорошо читаете наши лица,» сказал Гаунт.

Идвайн нахмурился и кивнул, как будто спокойно порадовавшись своему успеху.

«И?»

«Я обнаружил себя отвлеченным,» сказал Гаунт. «Не ожидая этого, я обнаружил себя озабоченным благополучием другой личности на борту. Это беспокойство удивило меня до такой степени, что я нахожу это тревожным.»

«Вы подвергаете сомнению свою концентрацию.»

«Я беспокоюсь о том, как с этим справиться.»

«Это женщина?» спросил Идвайн. «Женщина? Половой партнер? Я понимаю, что это может быть очень отвлекающим для эмоционально скомпрометированных.»

«Нет,» сказал Гаунт. «Я недавно узнал, что у меня есть сын.»

«А,» произнес Идвайн. «Отпрыск. Я о них тоже ничего не знаю.»

Он наклонил голову, прислушиваясь.

«Вы слышите?» спросил он.

Холофернэс прекратил тренировку и тоже прислушался. Гаунт сконцентрировался. Он мог выделить отдаленный, периодический грохот, замаскированный пульсацией двигателя, повторяющееся пыхтение вращения машины.

«Это главный склад корабля подает боеприпасы с максимальной возможной скоростью,» сказал Идвайн. «Мы стреляем всем, что у нас есть, с максимальной скорострельностью. Мы пытаемся убить что-то очень большое.»

ДВЕНАДЦАТЬ

Уничтожение Зарегистрировано

Какой бы разум не управлял демоническим кораблем *Оминатор*, его ликующая жажда убийства была такой сильной, что он запоздало осознал то, что *Армадюк* и *Либертус* поставили его в невыгодное для обороны положение.

Они встретили его безудержное наступление на Имперскую позицию со спокойной решимостью, перехватив его траекторию, так что *Оминатор* был вынужден пройти между ними. Возбуждение от наступления *Оминатора* было таким, что он слишком разогнался. Стало очевидно, что он не сможет внезапно затормозить или выполнить уклонение вовремя, не поставив себя в еще более уязвимое положение. Любая попытка вывернуться из тактического замка израсходовала бы огромное количество его энергетических резервов и безнадежно выбила бы его из положения на боевой сфере.

Он продолжал вопить свое имя. Щиты вокруг его носа и боков начали пульсировать субфотонным мерцанием цвета разорванных внутренностей. Механические органы вдоль его хребта и между лезвиями его ребер начали пульсировать, когда он начал собирать энергию для удара из главного орудия.

Моноotonно продвигаясь, *Армадюк* и *Либертус* обменялись краткими невербальными сигналами и начали поливать огнем вражеский корабль. Два потока артиллерийских обстрелов вырывались от Имперской пары, сходясь подобно линиям какой-то адской схемы на *Оминаторе*. Потoki были узорами от пульсирующих и направленных энергетических орудий, объединенными выстрелами сотен батарей, подчиненных капитанским когитаторам слежения. Тяжелые артиллерийские системы выплевывали потоки снарядов, ракет и баллистических зарядов типа корабль-корабль.

Оминатор впитывал это не замедляясь, принимая титанический обстрел от *Либертуса* передними щитами левого борта и разрушительное насилие от слегка вырвавшегося вперед *Армадюка* правым бортом и килем.

Два корабля продолжали свое непреклонное наступление. *Оминатор* наступал в лицо их сконцентрированной ярости, по-видимому, не обращая внимания, как будто

атака была абсолютно тщетной. Скорострельность была колоссальной. Два артиллериста на *Либертусе* были убиты отдачей, пытаясь обслужить тяжелые батареи достаточно быстро, а техник на борту *Армадюка* сгорел от обжигающего лазера. На своем командирском кресле на борту *Армадюка*, Спайка размышлял о том, что он никогда не видел корабль, который выдерживает такую безжалостную порку.

Оминатор провизжал свое имя и попытался выстрелить, но адская молния не смогла развиться настолько, чтобы хлестнуть с корпуса. Он попытался снова, а затем снова: еще две или три провалившихся попытки при зажигании.

Затем его щиты отказали, а его корпус разорвался, как проколота мембрана. Энергии щита волной потекли в пустоту вокруг него, как чернила на воде, как порванная парусина, несомая рядом с потерпевшим кораблекрушение кораблем, как порванный яичный мешок.

Что-то катастрофическое произошло глубоко внутри корпуса демонического корабля. Там был значительный, хотя приглушенный, взрыв, глубоко внутри корабля, примерно в двух третях длины его корпуса. Это не был огромный, удовлетворительный солнечный взрыв уничтожения, но это вырвало наружу куски палуб и внутренней структуры. Наружу извергнулись облака горящей, токсичной энергии и атмосферы. Каркас задрожал.

Затем *Оминатор* умер. Все источники света на его борту потухли, даже адское красное свечение в его центре. Исходящая от него энергетическая сигнатура исчезла, кроме клочков радиации и пламени, вырывающегося из его поврежденных секций. Его двигатели отказали. Его механизмы отказали. Его реакторы отказали. Он стал, за секунду или две, инертной, мертвой глыбой черного машинного хлама, обожженной и продырявленной. Несомый своим собственным импульсом, он начал поворачиваться, нос начал задираться, обломки начали вылетать из него, как спиральный след от пара.

Имперские корабли прекратили огонь. Они ждали, готовые к действиям, на тот случай, если это была уловка, на тот случай, если демонический корабль решил превратить себя в оружие и протаранить одного из них.

Он был безжизненным. Продолжая двигаться дальше, вращаясь, как брошенный кусок металлолома, он пролетел между ними, оставляя за собой обломки.

«Уничтожение зарегистрировано,» выкрикнул Офицер Обнаружения.

«За Императора,» прорычал Спайка.

Пока *Армаджук* и *Либертус* делили свое убийство, огромная *Сепитерна* повернула свои орудия против *Некростар Антиверсала*. Вражеский корабль пересек основную линию обстрела Имперцев, впитывая огонь от эскортных кораблей, пока осуществлял быструю атаку вдоль дуги боевых кораблей, на диагонали к плоскости боевой сферы.

Горхэд, свирепый маленький зверь, стрелял, чтобы поддержать своего собрата, пытаясь подавить стрельбу с линии обстрела и нарушить любое нацеливание на *Некростар*. Облако маленьких кораблей сформировало передовую линию Имперцев, массивный круговорот, подобный пылице, рассеявшейся от цветка. Яростные стаи, вместе с более тяжелыми эскадрильями поддержки, вылетевшими из Имперских кораблей, врезались в боевые порядки кораблей Архиврага. Одна особенно продолжительная дуэль происходила, чтобы удерживать демонические перехватчики подальше от Аквилы, на которой находился лорд милитант.

Главный орудия *Горхэда* записали на свой счет приличный удар по Имперскому разрушителю под названием *Фаланксор*, достаточный, чтобы испортить его пустотные щиты, и привести их в неэффективное состояние на достаточно долгое время, чтобы позволить *Некростар Антиверсалу* продвинуться дальше. *Некростар Антиверсал* плевался массивными, взрезающими корпус ракетами, в Имперский флагман, а его главные энергетические батареи готовились к удару.

Сепитерна, практически недвижимый остров, больше десяти километров в длину, выдвинулась, чтобы отбиться от назойливого гостя. Лучевое оружие, красные вспышки в коричневых сумерках пустоты, нашли и нейтрализовали ракеты, зажигая краткие яркие вспышки белого огня. Затем выстрелили главные орудия, и отбросили наступающий корабль Архиврага в сторону. *Некростар Антиверсал* развернулся, полностью потеряв контроль. Носовая секция его левого борта засветилась ярким внутренним пламенем, и распыленные структурные обломки выплеснулись из его накренившейся громады. Он прекратил орать свое имя и вместо этого просто орал.

Сведенный с ума от повреждения и боли, *Некростар Антиверсал* выправил себя и начал убегать. Бегство могло стать следствием неисправности двигателя или потери управления. Оно было безумным и опрометчивым. Двигатели реального пространства *Некростара* зажглись на полную мощность, один из них, явно, не заработал и был поврежден до такой степени, что корабль, убегая, оставлял за собой грязную дорожку из горящего топлива и радиации. Он помчался прочь, как комета, и направился к дальним границам системы, как поруганная гончая, побитая и убегаящая с визгом.

Капитан Спайка понимал, что его техники отчаянно хотят снизить мощность щитов. Поддержание их на максимуме истощало резервы с кошмарной скоростью. С пятьюдесятью процентами уничтоженной силы врага, битва была, определенно, закончена. Любое понимание тактической логики могло сказать об этом.

Спайка по своему горькому опыту знал, что когда дело доходит до пустотной битвы с Губительными Силами, места для тактической логики было мало или вообще не было. Он, за много лет в качестве младшего офицера, изучил поведенческие привычки больших плотоядных, особенно при таких обстоятельствах, как охота, защита добычи или защита семейной группы или молодняка так же хорошо, как и их действия, когда они ранены или загнаны в угол. Так, обнаружил он, наиболее часто вели себя корабли Архиврага. Они не просчитывали стратегические ходы, как будто боевая сфера была гигантской, трехмерной доской для регицида. Они не соблюдали обычаи и тактику Боевого Флота, изученные офицерами Имперского Флота.

Они сражались, как животные в ловушке, как раненые неконтролируемые звери, загнанные в каньон, как хищники в лесном мраке. Они игнорировали логику, или технические сравнения, или оценку опасности когитаторами.

Поэтому, по обдуманному мнению Клеменсева Спайки, мнению, которого не разделял Тактический Департамент Имперского Флота, мнению, из-за которого, вероятно, прогресс его карьеры тормозился годами, Архивраг часто побеждал.

Тормаггедон Монструм Рекс, чудовищный боевой корабль вражеских сил, повернулся к ним. Он потерял аппетит к прямому сражению с могучей *Сепитерной* и ее мощным оружием, но он, очевидно, был совершенно готов сделать пару

парфянских выстрелов по *Армадюку* и *Либертусу*, выдвинувшихся вперед и уязвимых, какими они и были.

Спайка приказал совершить тяжелый разворот назад к солнцу, и посмотрел на дисплей стратегиума, чтобы увидеть, что *Либертус* делает то же самое. Если они смогут, по меньшей мере, поместить себя в оптимальной досягаемости основной линии огня, может быть, этого будет вполне достаточно, чтобы отговорить монстра от набега на них.

Но *Рекс* был быстрым. Это был самый большой корабль, вовлеченный в бой; не такой неторопливый и широкий в талии, как величественная *Сепитерна*, но длиннее и значительно большего тоннажа. Тем не менее, он ускорился, как фрегат. Легкий фрегат. Это был практически самый шустрый супертяж, которого видел Спайка после Палодронской Кампании против гадкого искусственного мира. Его внутренний свет, угольно-красный, засиял, как будто раздули кузнечный меха. Он активировался, оружие начало накапливать энергию для выстрела.

Сепитерна поспешно открыла огонь из всех своих орудий, но это был жест, у которого был незначительный практический эффект в установленные сроки. *Агрессор Либертус*, сам по себе значительный корабль, начал стрелять, пока разворачивался, выпуская столько снарядов, сколько мог, в приближающегося монстра. Щиты демонического корабля держались твердо. Обстрел *Либертуса*, достаточный, чтобы ободрать улей до внутренней структуры, отскакивал от пустотных щитов, как фейерверк.

Рекс выстрелил. Энергетический хлыст, настолько яркий, что это был вообще не цвет, ударил *Либертус* в поясницу, лопнул его щиты, как мыльный пузырь, разбил вдребезги оболочку корпуса, и проделал дыру в палубах, как будто кто-то расколол декоративную сахарную глазурь, чтобы отрезать кусок торта. Это не был один удар, одна вспышка. Дергающийся, извивающийся энергетический канат связывал два корабля вместе, подобно электрической дуге, почти двадцать секунд. Точка удара была ярче, чем в точке сварки. Горящая энергия потекла через *Либертус*, разрезая его по линии, которая пролегла вдоль его хребта, по направлению к носу. Крейсер был почти разрезан пополам по всей длине. Когда ужасное оружие, в конце концов, отключилось, *Либертус* развалился, не аккуратно пополам, как ореховая скорлупа,

но на две большие секции вдоль хирургически прямой линии. Почти треть тоннажа крейсера откололась по левому борту от центра до носа, броня раскалывалась, как стекло, внутреннее содержимое, команда и обломки, облаком полетело в пустоту, как дым. Рассечение было настолько точным, что Спайка мог видеть поперечный разрез сквозь палубы на своем наблюдательном устройстве, как демонстрацию поперечного сечения в одной из витрин в Адмиралтействе. Он видел горящие внутри пожары, рвущиеся переборки, утечку атмосферы, гидравлических и прочих жидкостей, утекающих ртутными каплями. Он увидел блестящие осколки и осознал, что это были кучи невесомых трупов.

Вторичный взрыв уничтожил поврежденные плазменные двигатели *Либертуса*, отправив большую из двух частей корпуса кувыркаться от яркого желтого взрыва. Вращающаяся секция зацепила другую часть корпуса и отшвырнула ее в сторону, извергая содержимое в пустоту.

Рекс прошел мимо своей жертвы и приблизился к *Армадюку*, затмив его. Он собирался отправить Имперскую боевую группу домой с, как минимум, тремя погибшими.

Его основные орудия накапливали заряд, трещащую ярость в резервуарах под кожей корпуса. Он все еще приближался, возможно намереваясь превратить *Армадюк* в металлолом своими малыми батареями, чем тратить главный заряд.

Спайка почувствовал его тень на них. Он нагнал их, заслонив солнце, левиафан, размером в десять или двенадцать раз больше, чем они. Каждый сенсор на *Армадюке* визжал. Звучал каждый сигнал тревоги. Спайка отдал приказ своим орудийным командам стрелять всем, что у них есть.

Тормаггедон Монструм Рекс громыхнул свое имя в темноту. Но он не остановился.

Он прошел мимо *Армадюка* так близко, что фрегат сильно задрожал, и он продолжал ускоряться, направляясь прочь, набирая скорость и переходя в варп. *Горхэд*, таякая у него на пятках, последовал за ним.

К этому времени, *Некростар Антиверсал* уже сбежал за край системы, воя от слепой боли, а труп *Оминатора* падал в огненные объятия Солнца Тависа.

ТРИНАДЦАТЬ

Поворот Назад

Дорден сделал глубокий вдох. Напряжение и усталость поместили крошечный тик в уголок его правого глаза и дрожь в его руки, испещренные коричневыми пятнами. Роун был поражен тем, насколько серой стала кожа старого доктора. Это напомнило ему, болезненно, краску для кожи, которую использовали лунатики Антилла Гереона, и древесный пепел, который старые сообщества Танита использовали, чтобы покрывать тела для траурных ритуалов. Он никогда раньше не делал эту связь. Он взял за правило не думать о Таните до тех пор, пока не придется.

«Он будет жить,» сказал Дорден.

Роун кивнул. Он посмотрел вниз на Канта. Солдат был без сознания, в искусственной коме, его шея была обмотана бинтами с антисептическими тампонами. Его лицо было лишено крови, бесцветно белое в отличие от мертво-серого лица Дордена. Дорден и новый человек, Колдинг, провели два интенсивных часа, чтобы спасти Канту жизнь. Никто еще не мог сказать, какое повреждение мозга могло сопровождать катастрофическую потерю крови от раны.

Роун похлопал Дордена по руке.

«Для остальных я ничего не могу сделать,» сказал Дорден.

Роун не повернулся, чтобы посмотреть на завернутые трупы Кабри и Мкталли. Два короля мертвы, еще один тяжело ранен. Они уже заплатили высокую цену за охрану фегата этогора. И это не считая Эдура и экипажа корабля, и бедного дурака-оркестранта, которого Сиркл, должно быть, убил на Меназоид Сигме, чтобы пробраться в их ряды.

«Отдохни немного,» сказал Роун.

Дорден рассмеялся. В лазарете было шумно. Как следствие после пустотного боя и беспорядков на борту, здесь было много легкораненых: несколько сотрясений и сломанных костей. Все еще была работа, которую нужно сделать.

Колдинг был поблизости, смывая кровь Канта с рук в металлической раковине, чтобы подготовиться к новому пациенту.

Роун подошел к нему.

«Я понимаю, что техника, которая спасла его, была вашей идеей,» сказал он.

Колдинг уставился на Роуна. Он не привык, чтобы с ним говорили или даже чтобы его узнавали многие из полка.

«Это казалось целесообразным,» выдавил он.

Роун кивнул. Он протянул руку. Колдинг заморгал. Он замешкался на мгновение, потому что он только что вымыл руки. Колебание было слишком долгим. Роун опустил руку и кивнул.

«Ценю,» сказал он, и ушел.

Бан Даур вошел в лазарет, проскальзывая мимо ходячих раненых, ожидающих лечения.

«Где она?» спросил он у санитаря, Чайкера.

Чайкер указал.

Элоди сидела на койке в углу, с туго перевязанной рукой и компрессом на затылке. Роун смотрел, как Даур подходит к ней, становится на колени и нежно обнимает. Дорден говорил, что женщина порвала плечевые мускулы и получила легкое сотрясение, когда ловила ребенка. Храбро. Самоотверженно. Для восхищения Элоди Дютаной было больше причин, чем просто хорошая внешность. Роун продолжал смотреть, пока они тихо говорили. Он предполагал, что она рассказывает Дауру, что произошло. Роун попытался вспомнить, когда в последний раз кто-нибудь смотрел ему в глаза так, как она смотрит на Даура.

В дальнем конце лазарета, где было тише, Крийд и Юнипер сидели с Йонси, пока Керт осматривала ребенка. Маленькая девочка сидела на краю койки, и казалось, что она наслаждается вниманием. Не было никаких признаков того, что она была хоть отдаленно расстроена приключением.

«Я обязан тебе,» сказал Колеа, тихо подходя к Роуну, чтобы посмотреть на Йонси.

Роун пожал плечами.

«Я защищал фесоголового Архиврага, не маленькую девочку,» сказал Роун.

«Точно.»

Они оба напряглись. Мерин только что вышел из боковой комнаты, где он проверял ожог Костина. Крийд перед этим пошла к Элоди с Дауром, чтобы перекинуться парой слов, но повернулась, когда увидела Мерина.

«Вот, дерьмо,» сказал Колеа.

Крийд подошла прямо к Мерину. Они могли ощущать ненависть, излучавшуюся от нее.

«Ты не выстрелил,» прошипела она.

«Что? Тона?»

«Не надо мне Тона, бесхребетный идиот. Ты мог выстрелить и не выстрелил.»

«Что? Та сучка рассказала тебе это?» ухмыльнулся в ответ Мерин, дернув головой в сторону Элоди.

«Нет,» сказала Крийд. «Мне рассказала Юнипер. Юнипер рассказала, что ты просто пригибал свою трусливую голову.»

«Она фесов лжец.»

Крийд схватила его за горло. Они врезались в стойку с инструментами и опрокинули стопку стальных мисок. Миски загрохотали по палубе. Несколько раненых штатских начали кричать от тревоги.

«Не здесь!» проревела Керт.

Колеа с Роуном рванули вперед и схватили Крийд. Она в бешенстве отбивалась руками и ногами, пока они оттаскивали ее от Мерина.

«Отвалите от меня!» орала она.

«Он не стоит десяти часов в карцере, Крийд,» прорычал Роун.

«Определенно,» согласился Колеа.

Крийд прекратила дрыгаться и стряхнула с плеч Роуна с Колеа, когда они ослабили хватки. Он бросила взгляд на Мерина.

«Вы видели, что она сделала!» закричал Мерин. «Я хочу, чтобы ее взяли под арест!»

«Отрасти яйца и заткнись нафес, Мерин,» ответил Роун.

Мерин гневно указал на Колеа.

«Ему было плевать! Он фесов отец. Но он не напал на меня!»

«Я просто оттаскивал Крийд с дороги,» сказал Колеа.

«Что?» спросил озадаченно Мерин.

Кулак Колеа заставил Мерина врезаться в стену лазарета. Столкновение снесло проволочную полку и разбило ряд стеклянных бутылок.

«Вы все с ума посходили?» закричала Керт. «Это лазарет. Прекратите!»

Работая вместе, Крийд с Роуном удалось оттащить мускулистую громаду Колеа от Мерина. Мерин закрывал руками лицо и голову. Кровь хлестала из его носа. Когда он осознал, что кулаки больше не сыплются на него, он начал подниматься, поскользнулся, а затем встал на ноги. Колеа снова рванул к нему, но Даур присоединился к Крийд и Роуну, чтобы действовать в качестве якоря, и вместе они оттащили Колеа.

«Что, во имя Трона, здесь происходит?» потребовал Харк, когда влетел в лазарет.

«Просто недоразумение,» сказал Роун, оттаскивая Колеа.

«Да,» согласилась Крийд. «Мы думали, что Мерин был человеческим гаковым существом, но мы ошиблись.»

«Они напали на меня!» прокричал Мерин. «Есть свидетели. Арестуйте их!»

«Этого больше не повторится,» сказал Роун.

«Есть свидетели!» настойчиво сказал Мерин с возмущением.

«Покажи мне хоть одного,» сказал Роун. Он оглядел комнату, смотря на шокированные лица присутствующих. «Кто-нибудь?» он поймал глаза Керт.

Керт покачала головой.

Харк нахмурился.

«Этого больше не повторится?» спросил он.

«Нет,» сказал Колеа.

«Нет,» сказала Крийд. «Мы закончили.»

Даур двинул кулаком по лицу Мерина и опрокинул его на палубу.

«Назовешь ее сукой опять, и я прирежу тебя, Танитский ублюдок,» сказал он. Он посмотрел на Харка.

«Теперь, мы закончили,» сказал он.

Бой закончился и *Армадюк* приблизился к флотилии. В процессе шел обмен грузами и амуницией, и лихтеры занимались доставкой. Маленькие корабли также посещали два подбитых Имперских корабля в поисках выживших.

Гаунт отправился в коммуникационный зал корабля. Присутствовал Спайка вместе с Идвайном. Гололитические генераторы, встроенные в палубу, производили потрескивающие полноразмерные изображения Лорда Милитанта Сайбона, Мастера Флота Краго, и нескольких старших чинов от Флота и Муниторума из состава флотилии.

«Я рад видеть, что вы пережили переезд,» сказал Гаунт изображению Сайбона.

«Император защищает,» без энтузиазма ответил Сайбон.

«Вопрос в том,» сказал Краго, огромное существо, чья биологическая громада, казалось, была усилена массивными аугментическими арматурой и пластинами, «продолжится ли эта миссия? Ваше задание все еще жизнеспособно?»

«Да,» просто сказал Идвайн.

Краго фыркнул.

«Я думаю, что вам нужно отменить и повернуть назад.»

«Думаете?»

«Ваш корабль был скомпрометирован и атакован изнутри. Встреча была отслежена и обнаружена. Мы понесли значительные потери.»

«Но мы победили,» сказал Гаунт. «Мы прогнали их. Нет причин предполагать, что сбежавшие враги что-либо знают о нашей цели.»

«А если они знают?» спросил Краго. «Если у них есть другие агенты на борту?»

«Тогда мы мчимся к нашей смерти, не вы,» сказал Гаунт.

«Будет откровенно смешно забраться так далеко, а затем повернуть назад без солидных доказательств об утечке информации,» сказал Спайка. «Мы обнаружили, как они засекли и отследили нашу позицию во время перемещения. Мы будем предупреждены об этом в будущем.»

«Есть еще какие-нибудь проблемы?» спросил Идвайн.

«Мы должны рассмотреть очевидное,» сказал Сайбон. «Почему их боевой корабль пожалел вас?»

«Он истощил свой заряд на бедном *Либертусе*,» сказал Спайка.

«Ответ еще более очевиден,» сказал Идвайн. «Я просмотрел данные о последних моментах боя. Линия вашего огня была в восьми секундах от дальнобойности. Боевой корабль Архиврага не пожалел помериться силами с *Сепитерной* и ее эскортом. Демонический корабль сбежал вместо того, чтобы сражаться с вами. Если бы он задержался на достаточно долгое время, чтобы уничтожить нас, вы могли бы достигнуть эффективного состояния и распылить его на атомы.»

«Мы могли бы попытаться,» сказал Краго.

«Адептус Астартес делают Флоту комплимент, Мастер Флота,» сказал Сайбон. «Я рекомендую вам вежливо принять его.»

Краго кивнул своей возвышающейся головой. Пикт слегка затрещал и запрыгал.

«Это не было пустой лестью,» сказал Идвайн. «Я думаю, что это великолепно объясняет решение корабля Архиврага.»

«Тогда я одобряю продолжение обозначенной миссии,» сказал Краго.

«Все специальное оборудование сохранилось?» спросил Спайка. «Я полагаю, что ни одной части запрошенного оборудования не было на борту *Домино* или *Либертуса*?»

«Все в целости,» сказал Сайбон. «Мы сейчас переправляем его на ваши внешние ангары.»

«Вам нужно очистить главный ангар, чтобы принять транспорт Адептус Астартес,» сказал Краго Спайке. «Он не больше пушки, но он солидно бронирован, и ему понадобится подходящее место или ваши инерциальные и гравитационные системы пострадают.»

«Я перераспределяю груз из ангара,» сказал Спайка.

«Через сколько вы сможете осуществить перемещение?» спросил Сайбон.

«Сейчас мы производим ремонтные работы,» сказал Спайка. «Доставка материалов займет еще пять часов или около того. К тому моменту мы будем готовы.»

Когда гололитическое присутствие заморгало и исчезло, Гаунт повернулся к Спайке.

«Мои комплименты вашему боевому командованию,» сказал он.

«Спасибо вам, что не мешались под ногами,» сказал Спайка. Он посмотрел на массивного воина Серебряной Гвардии.

«Это было просто лесть, так ведь?» спросил он. «Этот ублюдочный корабль должен был нас уничтожить.»

Идвайн покачал головой.

«Это была правда, как я ее видел. Я предполагаю, что есть вероятность, что вражеский корабль засек что-то или кого-то на борту этого корабля, что решил, что не хочет нас уничтожать.»

«Если это правда, мы выясним, что они сберегли,» сказал Гаунт.

«Вам не приходит в голову, что это может быть ваш пленник?» спросил Спайка.

«Тот, которого они пытались убить, вы имеете в виду?» ответил Гаунт.

«А они пытались?»

Гаунт рассмеялся.

«Что вы говорите, капитан? Что все это дело было тщательно продуманной уловкой, чтобы заставить нас больше поверить в историю фегата?»

«Это возможно,» сказал Идвайн. Он бросил взгляд на Гаунта. «Но я думаю, что они сбежали, чтобы спасти свои жизни.»

Центральный ангар был очищен. Пусковой Техник Гудчайлд, старший офицер полетной палубы на борту Армадюка, увидел, что палубные фонари начали вращаться и моргать, когда приблизился подлетающий летательный аппарат. Давление задрожало, когда режим окружающей среды подстроился. Он подал сигнал своим командам сервиторов приготовиться для обслуживания.

Летательный аппарат вплыл в главный ангар, подсвеченный местной звездой, которая сердито смотрела снаружи ангара. Гудчайлд раньше слышал, как описывают такие транспортники другие полетные техники, и он раньше просматривал архивные данные, но он никогда не видел ни одного такого во плоти. Крепкий, как летающий танк, он был в цветах Ордена и с инсигнией Серебряной Гвардии: серебряно-серый, белый, и Имперский желтый.

«Мы отправлялись на войну,» произнес голос позади него, «и запускали тысячу таких в пустоту, сотню тысяч, чтобы уничтожить флот.»

Гудчайлд повернулся, чтобы обнаружить массивного Космического Десантника из Железных Змей, стоящего позади него. Он начал кланяться.

«Не беспокойся,» сказал Холофернэс.

Они смотрели, как боевой корабль Адептус Астартес приземлился на зажимы.

«Но не много их осталось,» сказал Холофернэс, издав звук, который казался искренним вздохом, пока он смотрел на корабль. «Как и нас, я полагаю. Я скучаю по тем дням. Великие Войны. Ты можешь представить, как десять тысяч таких запускаются с супертяжа?»

«Не могу, сэр,» признался Гудчайлд.

«Нет,» согласился Холофернэс. «Даже мысль об этом слишком пугающая.»

«Сколько вам лет?» спросил Гудчайлд.

«Достаточно старый, чтобы помнить,» ответил Железный Змей, «и достаточно молодой, чтобы не беспокоиться.»

«Ты посылал за мной?» спросил Феликс.

Гаунт поднял взгляд от стола.

«Нет,» сказал он. «Я посылал за ней.» Он указал на Маддалену.

«Ты можешь подождать снаружи,» добавил он. «Закрой дверь.»

Феликс полуотдал честь, и попятился из жилища Гаунта, закрывая за собой дверь. Телохранитель осталась одна, стоя по стойке смирно, пристально смотря на Гаунта.

«И?» спросила она.

Гаунт встал.

«Есть в тебе что-то, что я не могу--» начал он.

«Что?» спросила она.

«Ничего. Я думал вслух и это было неподобающе.»

«Неподобающе?»

«Нет,» сказал Гаунт. «Хочешь выпить?»

«Нет,» сказала Маддалена.

Гаунт налил себе рюмку сакры.

«По крайней мере, ты можешь расслабиться?»

Маддалена слегка расслабила позу.

Гаунт задумчиво посмотрел на нетронутый напиток в руке.

«Он погубит меня,» сказал он.

«Что?»

«Мальчик погубит меня. Я хочу, чтобы он ушел. Пакуйте свои вещи, и уведи его с этого корабля. Переправка на флотилию и дальше назад на Вергхаст будут организованы. Я боюсь, на это потребуется некоторое время. Боевой флот не в бизнесе пассажирских перевозок.»

«Неприемливо,» сказала Маддалена.

«Он погубит меня,» повторил Гаунт, «поэтому мне едва есть дело до твоего мнения. Та битва началась и, внезапно, все, о чем я мог думать, что мой сын – мой *сын!* – может быть в опасности! Мысль привела меня в смятение. Я пошел найти его. Я--»

«Это понятно,» сказала Маддалена.

«Я знаю, что понятно,» резко сказал Гаунт. «В том-то и дело. Он мой сын и я собираюсь беспокоиться о нем, даже хотя я едва знаю его, и не знал, что он даже существует, пока не началось это путешествие. Он моя плоть и кровь, и иметь его здесь вредит мне.»

«Как?»

«Ой, пожалуйста. Попытайся представить.»

Маддалена облизывала губы кончиком языка, пока думала.

«Ваша забота о нем поставит под сомнение вашу способность вести. Это подорвет вашу уверенность. Это заставит вас ошибаться и, возможно, подстегнет делать

глупые тактические решения. Это ослабит вас, и размягчит вас, и отберет у вас преимущество.»

«Вот,» сказал Гаунт. «Это было не так уж и сложно, так ведь? Так что убери его с моего корабля и отведи домой. Я не могу иметь его на этой миссии.»

«Многие из ваших людей, ваших офицеров... они взяли семьи и любимых с собой. Это рассчитанный риск. Бонд ставит личную верность выше личной безопасности и--»

«Моим людям не нужно руководить этой миссией.»

«Правда,» сказала она, «хотя, я думаю, что проблема та же самая.»

«Спасибо тебе за точку зрения. А теперь, уведи мальчика с этого корабля в следующие три часа.»

«Вы будете беспокоиться о нем, где бы он ни был,» сказала Маддалена.

«Что?» спросил Гаунт.

«Он доберется домой безопасно?» сказала она, пожимая плечами. «Будет ли атакован корабль, перевозящий его? Если он вернется в Улей Вербун, переживет ли он позор того, что его отослал прочь его знаменитый отец вместо того, чтобы позволить ему служить рядом с собой? Будут ли его шансы на политическое продвижение подорваны навсегда?»

«Помолчи,» сказал Гаунт. «Мне не нужно все это слышать. Черт тебя дери. Я не просил знать о нем. Я не просил, чтобы его послали сюда.»

Он опустошил рюмку одним глотком. Она подошла к нему, взяла пустую рюмку из его руки, наполнила ее и отпила.

«Дело в том, что вы его *знаете*,» сказала она. «Теперь, когда вы знаете, что он существует, вы не сможете узнать его снова. Отправка его домой не поможет. Унижение, определенно, ему не поможет, в личном или политическом плане. Выгнать его не поможет вам. С этим ничего нельзя поделать.»

«Да, но--»

«Нет, полковник-комиссар, нельзя. Вы знаете его. Вы знаете, что он существует. Где бы он ни был, рядом с вами или на расстоянии сектора, вы будете беспокоиться о его благополучии. Он – ваш сын.»

Гаунт взял рюмку из ее руки и опрокинул остаток.

«Значит, ты говоришь, что, в любом случае, вы погубите меня?»

Маддалена рассмеялась. Она снова взяла рюмку и наполнила ее, в этот раз сделав большой глоток.

«Думаю, так. Это не было моим решением, и я прошу прощения за это. Это был не мой выбор послать его к вам без предупреждения.»

Она посмотрела ему в глаза.

«Лучше держать его рядом с собой, чем думать, где он. Лучше он останется и научится чему-нибудь у вас до того, как вы умрете. Лучше, чтобы вы сражались за его жизнь, чем кто-нибудь еще.»

Гаунт замешкался. Он едва мог четко сформулировать, была ли злость или разочарование.

«Я так понимаю, он остается?» спросила она.

Гаунт печально покачал головой.

«Эта штука,» сказала Маддалена, поднимая рюмку и искоса смотря на нее. «Что это?»

«Сакра.»

«Не плохо,» сказала она.

«Есть кое-что--» начал Гаунт.

«Во мне? Ты вы сказали. И я подумала, что вы говорили, что такие мысли были неподобающими.»

«Так и есть,» сказал Гаунт. Он поцеловал ее в губы. Она не отодвинулась.

«Это определенно неподобающе,» сказала она.

«Мне плевать,» ответил он.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Последнее Перемещение

Солнце Тависа было четырехдневным воспоминанием позади *Армадюка*, когда умер Дорден.

Оснащенный последними частями специального оборудования, доставленного с флотилии, фрегат переместился, полетев сквозь мрак варпа к холодным далям Приграничья Римворлда.

Лорд Милитант Сайбон провел последнюю трансляцию с *Сепитерны*, прощальное напутствие всему полку. Цвейл и корабельный священник проводили службы о стойкости и избавлении, но настроение на корабле изменилось.

Они направлялись во тьму, в суровые и малонаселенные регионы Миров Саббат, в мертвый космос и зоны риска, в опасные районы и приграничные области. Хотя их и были тысячи, вместе на корабле, они чувствовали изоляцию.

Бленнер наблюдал за тренировками специалистов, которые проводились круглосуточно на нескольких из основных грузовых палуб. Большие площади были очищены, и на палубах краской были нарисованы схемы. Местами, разметка изображала основные препятствия. Отряды перемещались по участкам, уничтожали препятствия, а затем снова повторяли упражнения. Большинство из них были тренировками по зачистке отсеков. Были установлены стрельбища для учебных стрельб пробивными боеприпасами, а корабельные техники смонтировали некоторое количество стандартных дверных замков и люковых уплотнителей для команд, практикующихся в резке. Так же было множество тренировок у саперов, а когда он не надзирал за этим, Домор в шестом грузовом трюме со своими лучшими взрывниками проводил обучение методам изготовления безопасных взрывных устройств и детонаторов. Майор Паша обучала полк, одну роту за раз, импровизированным взрывным устройствам и минам-ловушкам, а так же тонкостям нажимных пластин. Она знала свой предмет. Бленнеру казалось, что Майор Паша научилась множеству грязных трюков в войне разношерстных в Улье Вербун.

На еще одном стрельбище, организованном в одном из трюмов, полковые снайперы тренировались с винтовками со скользящим затвором. Они стреляли специально

изготовленными пулями со стеклянными наконечниками, чтобы познакомиться со специфическим весом и отдачей незнакомых боеприпасов. Это были солевые заряды, несмертельные стеклянные пули, наполненные инертной соленой водой.

Точность, требуемая от снайперов, таких как Куеста, Бэнда, Раесс и Несса, была мучительно требовательной. Тем не менее, Бленнер был поражен эффективностью, которую показывал Меррт.

«Я думал, что Меррт былдохлым номером,» сказал он Харку.

«Был,» ответил Харк. «Ларкин работал с ним, индивидуально. Настоящим прорывом стал мышечный релаксант.»

«Что?»

«Он обездвиживает свою челюсть,» сказал Харк. «Вероятно, это предотвращает ее дергание и сбивание его прицела. Конечно, это означает, что он не может говорить.»

Они смотрели, как Меррт закончил свою серию выстрелов, а затем повернулся к другим стрелкам.

«А я удивлялся, почему он жестикулирует,» сказал Бленнер, кивая в сторону Меррта. Все в полку изучали основы языка жестов для тайной работы. Бленнер предполагал, что Меррт использует его в качестве уважения к глухим солдатам, таким, как Несса.

«Откуда у него появилась эта идея?» спросил Бленнер.

Харк пожал плечами. «Он особенно не объяснял. Ларкин намекнул, что это как-то связано с одним из Космических Десантников.»

Бленнер вздрогнул. Космические Десантники, хотя их нечасто видели на корабле, были постоянным напоминанием, что это собирается стать гораздо большим, чем приятным церемониальным круизом. Неумолимо, они направлялись к такому типу судьбы, которой он большую часть своей карьеры в Гвардии пытался избежать, типу судьбы, где полированные пуговицы, безупречно начищенные ботинки и победная манера поведения с добродушным подшучиванием в столовой не будут иметь значения ни на йоту. Все шло к тому, что Бленнер уже не мог смеяться над этим.

Он провел много времени, читая то, что ему порекомендовал Вайлдер, остроумие и мудрость Новобазки. Речи и лозунги пережили первоначальное презрение Бленнера. Новобазки, Император защиты и упокой его душу, был явно мотивирующим и вдохновляющим человеком. Бленнер пытался запомнить некоторые из его воззваний. Он даже практиковался произносить их вслух перед зеркалом для бритья в своем жилище.

Проблема была в том, что он им не верил. Он не мог произнести их с какой-либо убежденностью. Они не заставляли его чувствовать себя лучше относительно смерти, а значит, если он даже себя не может убедить, у него нет никаких шансов поместить огонь внутрь своих солдат.

Когда он так думал об этом, Бленнер чувствовал, как внутри него растет страх. Это заставляло его хотеть закинуть внутрь таблетку или две, но он истощил свои запасы. В его столе лежала нетронутая конфискованная контрабанда, но Керт предупреждала его насчет нее. Его руки дрожали.

«Внимание,» произнес Харк. Люк с грохотом открылся, и вошли Короли-Самоубийцы Роуна, сопровождающие заключенного. Маббона привели, чтобы он посмотрел и дал советы насчет тренировок. Он был в кандалах, и на его лице не было никаких эмоций. Все в трюме уставились на него.

Они знали, чем он был. Они знали, какую цену полк уже заплатил просто из-за того, что он здесь. Они понимали, какую цену они заплатят, если он играет с ними в игры.

Бленнер почувствовал чрезмерный позыв найти уборную. Космические Десантники уже было достаточно плохо, но фегат был хуже.

Он вышел в коридор, и обнаружил, что позыв испачкать дерьмом свои штаны ослаб. Его сильное желание фармацевтической поддержки увеличилось. Если лекарства могут помочь Рядовому Меррту улучшить свою эффективность, значит, они смогут помочь и Вэйному Бленнеру.

Вот так вот он и оказался сидящим у Дордена, когда тот умер.

«Я боюсь, что я, может быть, принимал слишком много,» неловко сказал Бленнер. «Я слишком быстро употребил те, что вы мне дали.»

«Не беспокойтесь, комиссар,» сказал Дорден. «Вы взрослый. Я верю, что вы не злоупотребляли ими. Вы же только употребляли их, когда требовали ваши нервы, так ведь?»

«Да.»

«Хорошо,» сказал Дорден. «На самом деле, чтобы сделать вещи проще, я выдам вам больше. Что вы были в тонусе.»

В медицинской комнате было очень тихо. Бленнер прошел мимо Колдинга с Керт, когда заходил. Он выдохнул.

«Могу я задать вам вопрос, доктор?» спросил он.

«Конечно,» сказал Дорден. Чуть раньше он встал, чтобы взять коробку с таблетками с полки. Он взвешивал таблетки, по дюжине за раз, на маленьких медных весах.

«Почему вы не боитесь?»

«Боюсь?»

«Да,» сказал Бленнер. Он нервно прочистил глотку. «См... простите, смерти.»

Дорден улыбнулся, все еще считая таблетки.

«Смерть это не то, чего нужно бояться,» сказал он. «Это происходит с каждым. Смешно думать, что одна вещь, которая есть у всех, одна вещь, которая объединяет нас, является предметом страха. На самом деле, я с нетерпением жду этого. Долг закончится. Нас радушно примут у Императора в каком-нибудь месте триумфа и славы. Я представляю себе... Я очень сильно надеюсь... что я снова увижу своего сына.»

«Хотел бы я,» произнес Бленнер. «Хотел бы я не бояться.»

«Вы не боитесь,» сказал Дорден. «Не смерти. Вы боитесь жить.»

«Простите, что?»

«Вы боитесь вещей, которые вам нужно будет сделать до того, как смерть заберет вас. Боль, ранение, всякие такие мимолетные вещи. Вы боитесь жизни и усилий, которых эта жизнь требует.»

«Я совершенно уверен, что смерть это то, что на самом деле беспокоит меня,» сказал Бленнер.

Дорден покачал головой.

«Вы не хотите, чтобы обнаружили, что вы нуждаетесь,» сказал он. «Вы не хотите умереть, зная, что те, кто вокруг вас, презирают вас или думают, что вы подвели их. Вы не хотите предстать перед Императором с вопросительными знаками в досье вашей жизни. Вы не смерти боитесь, Вэйном. Вы боитесь вещей, которых от вас ожидают до того, как вы умрете. Отвага. Стойкость. Самопожертвование. Выносливость. Это сложные вещи.»

Бленнер откинулся и вытер рот рукой.

«Если так вы видите это,» сказал он. Он уставился на стол. «Это сахарные таблетки, так ведь? Сахарные таблетки или соленые? Это плацебо.»

«Вы совершенно ошибаетесь,» сказал Дорден, взвешивая последние.

«Знал, что вы так скажете,» ответил Бленнер. «Так они и работают. И вы раздаете их, как конфеты. И вы даже отдаленно не беспокоитесь о том, что у меня может развиться зависимость.»

Дорден повернулся и посмотрел на Бленнера.

«Даже не пытайтесь это отрицать,» сказал он. «Я могу видеть это в ваших глазах. Это выражение. Я хорошо знаю, когда люди лгут. Это моя работа. Я понимаю, что вы не хотите отобрать у плацебо его эффективность, но так, как вы смотрите на меня сейчас, я могу... доктор?»

Дорден упал. Его левый локоть зацепил край медной чаши на маленьких весах и отбросил ее, отправив белые таблетки в воздух, как сечку. Они посыпались на палубу, как градины. Дорден уже сполз рядом со шкафом, выдернув два ящика, и

упал набок. Его глаза были стеклянными. Казалось, что он пристально смотрит на что-то позади Бленнера. На что-то в *парсеках* позади Бленнера.

«Доктор Керт!» заорал Бленнер, так резко вскочив со стула, что тот с грохотом упал.

Вбежала Керт с Колдингом и Леспом. Они собрались вокруг согнутой фигуры Дордена. Бленнер не знал, что делать.

Перед лицом смерти, он был безмолвен.

Голова Керт была наклонена. Ее кожа была бледной, как будто шок высосал всю кровь из нее. Она подстроила внутривенную капельницу.

Бленнер стоял рядом с ее плечом и пристально смотрел вниз на Дордена. Глаза старого человека были закрыты. Пятнадцать минут неистовой активности закончились Дорденом, лежащим на спине на каталке, и Колдингом с Керт, работающим с ним. Бленнер не мог ничего делать, кроме как смотреть. Он был околдован тем, как Керт плачет всю дорогу не делая ни звука и не прерывая свою работу.

«Он был мертв четыре минуты,» сказала она. «Мы перезапустили его сердце.»

«Машина поддерживает его жизнь?» спросил Бленнер.

«Нет,» ответила она. «Это, всего лишь, предосторожность. На самом деле, он уже начал поддерживать себя, как только мы вкололи ему лекарства и реанимировали.»

«Клинически мертв на четыре минуты,» сказал Бленнер. «Что насчет повреждения мозга?»

«Я не знаю.»

«Но машина не поддерживает его жизнь?»

«Нет,» сказала она. Она повернулась к нему. «Вы, вообще-то.»

«Что?»

«Если бы вас не было с ним,» сказала она, «мы могли бы и не узнать, что он упал. Не за минуты. Могло быть слишком поздно вернуть его. Нам повезло, что вы были там, клянча у него еще этих чертовых таблеток.»

«Значит, ура мне,» сказал Бленнер. Он сделал паузу. Он чувствовал, что она может видеть ту же самую даль, на которую смотрел Дорден, когда упал. «Если честно, я думаю, что они – плацебо.»

«Естественно они плацебо,» сказала Керт. «Вы идиот?»

«Полегче.»

«Он же не будет прописывать то, что вы жрете, как цукаты, так ведь?»

Она установилась и успокоила себя.

«Простите. Я только что испортила их эффект и всю его тяжелую работу.»

«Тогда, мне нужно прекратить принимать их.»

Она посмотрела ему в глаза.

«Может быть, я лгу,» сказала она.

«Вы можете. С вами, Доктор Керт, намного сложнее сказать. Может быть, конечно, вы просто притворяетесь, потому что проболтались.»

«Вы никогда не узнаете.»

«Давайте прекратим беспокоиться обо мне,» сказал он, так живо, как только смог изобразить. «Что насчет вас? Вам нужен перерыв? Это очень трудно. Могу я предложить вам плечо, что поплакать? Теплое объятие?»

«Вы никогда не прекратите, так ведь?» спросила Керт. «Настанет день, и я просто позволю вам делать, что хотите, просто чтобы заткнуть вас.»

«Я—я не знаю, что сказать--»

«Слава Трону.»

Он пошел к двери.

«Я думаю, Гаунт должен знать.»

«Нет,» сказала она.

«Может быть не раньше, но сейчас он должен знать. Он бы хотел знать. Слушайте, я сейчас пойду и расскажу ему, что произошло, если позволите.»

«Я это сделаю,» сказала Керт.

Элоди была одна в жилище Даура, когда в люк постучала Комиссар Фейзкиель.

«Капитана здесь нет,» сказала Элоди. «Он тренируется в трюме.»

«Это вас я хотела увидеть,» сказала Фейзкиель.

«Меня?»

Фейзкиель вошла, сняла фуражку, и закрыла люк.

«Есть маленькая проблема, Мамзель Дютана. Я уверена, что ничего страшного, поэтому я хотела посмотреть, можно ли это уладить без шумихи.»

«И какая?» спросила Элоди. Она расслабила руку, все еще на перевязи. Ее голова снова начинала болеть.

Комиссар вытащила пару листов бумаги из кармана плаща и развернула их.

«Мы производили уборку после инцидента со стрелком. Кстати, мои комплементы, за спасение бедного ребенка.»

Элоди кивнула.

«Транспортная палуба была беспорядком. Мебель сломана и перевернута, вещи валяются,» сказала Фейзкиель. «Мы нашли эти бумаги под койкой. Они упали и залетели под нее. Простите меня, я прочла их, чтобы выяснить, кому их нужно вернуть. Они принадлежат вам. Вы подписали их здесь, и здесь.»

«А, да,» произнесла Элоди. Она смутно помнила формы, которые ей подсунули.

«Мне нужно задать вам простой вопрос,» сказала Фейзкиель. «Иногда люди хотят держать такие вещи в тайне, в таком случае мы сейчас это сможем прояснить, только

между нами, и больше ничего не нужно будет говорить. Вы... вы принимаете поздравления?»

«Поздравления? Я не понимаю.»

«Вы с Капитаном Дауром поженились? Иногда это делается в тайне, я знаю. Возможно, до того, как мы покинули Меназоид Сигму?»

«Поженились?» спросила Элоди. Она сглотнула. «Нет. Нет, не поженились.»

«Не поженились?» спросила Фейзкиель.

«Нет, если конечно я не вышла замуж и не знаю об этом. Он мог жениться на мне, чтобы я этого не знала?»

Фейзкиель улыбнулась. «Нет, мамзель.»

«Даже не заполняя форму?»

«Нет.»

«Тогда мы не женаты.»

Фейзкиель нахмурилась, ее лицо стало печальным.

«Тогда у нас есть проблема. Эти бумаги, которые вы подписали, часть сертификата на пособие вдовы. Такая жена сможет заявить требования после смерти при исполнении ее супруга. Пенсия вдовы, мамзель.»

«Оу.»

«Если вы не женаты, тогда такое требование незаконно. Попытка обмануть Муниторум. К несчастью, такой вид обмана весьма обычен, из-за большого числа Гвардейцев на службе.»

«Я об этом не знаю,» запинаясь сказала Элоди. «Мне просто дали бумаги на подпись. Мне сказали, что это что-то связанное с бондом. Я не пыталась никого обмануть. Пожалуйста, я не пыталась.»

Фейзкиель уставилась на нее, сузив глаза.

«Я вам верю,» сказала она.

«Надеюсь на это,» сказал Бан Даур.

Они не слышали, как он вошел в каюту. С него капал пот, и ему нужно было в душ. Время тренировки для его роты на этот день закончилось.

«Мне нужно услышать это с самого начала?» спросил Даур.

«Жульническое требование на получение пенсии всплыло наружу,» сказала Фейзкиель. «Вовлечена ваша сожительница, но мне кажется, что она невиновна. Меня обязали расследовать. Мамзель, кто дал вам эти формы? Кто сказал вам подписать их?»

«Я забыла.» Она мгновение подумала. «Нет... это был Костин.»

«Чем, сказал он, они являются?»

«Они как-то связаны с бондом. Там был он, и Капитан Мерин. И еще несколько солдат, я уверена. Я не могу вспомнить, кто. Они ходили с формами между людей. Они говорили, что это обычная канцелярская работа. Это было прямо перед тем, как человек начал стрелять.»

Фейзкиель кивнула.

Элоди посмотрела на Даура.

«Мы же не женаты, так ведь?» спросила она.

Даур заморгал. Он засмеялся, а затем остановился.

«Нет,» сказал он. «Я думаю, ты бы помнила.»

Элоди не смеялась. Она встала и пошла к одному из настенных шкафчиков. Неловко, работая только одной рукой, она открыла его, вытащила формы прошения и протянула их Дауру.

«Тогда, что все это значит?» спросила она. Она потрясла документами. «*Простение на Разрешение Жениться*. Что это значит? Почему ты заполнил их? Если ты собирался жениться на мне, почему меня не спросил? Это из-за той суки?»

«Что? Кого?»

«Жукова! Жу-мать-ее-кова!»

«Что?»

Фейзкиель встала.

«Капитан, мне нужно идти. Я должна разобраться в этом вопросе. Я еще вернусь с вопросами. Вам, явно, надо провести разговор с Мамзель Дютаной, частью которого я быть не должна.»

На пятом круге тренировочного курса, Феликс Часс поскользнулся и упал на крутом подъеме. Он устал до костей, и не хотел показывать это. Он хотел произвести впечатление на других Гвардейцев. Он всегда считал, что он в хорошей форме, но тренировка была изнурительной.

Призраки, даже солдаты из пополнения, казались намного сильнее и в более хорошей форме. Даже Далин, который оставался поблизости, чтобы присматривать за ним, обладал резервами выносливости, которую Феликс находил тревожной. Лазерная винтовка была мертвым грузом в руках Феликса. Он ощущал себя медленным, спотыкающимся на подъемах, неумело проползающим препятствия.

Затем он упал.

«Вероятно, не привык к тяжелой работе, а?» заметил Диди Гендлер, помогая Феликсу подняться.

«Я в порядке.»

«Вероятно, это все слегка шокирует после жизни, которую ты знал,» добавил Гендлер. В его глазах был злобный взгляд.

«Я в норме,» сказал Феликс.

«Сегодня никакого милого телохранителя, чтобы она понесла тебя на своей спине?» спросил Гендлер.

«Она занята.»

«Продолжай, Гендлер,» сказал Ладд, подходя. «Или я заставлю тебя снова пробежать круг.»

«Просто пытаюсь помочь,» сказал Гендлер. Он побежал, бросив токсичный взгляд на Феликса.

«Иди, отдохни на скамейке,» сказал Ладд Феликсу.

«Почему вы меня просто не пристрелите?» ответил Феликс.

«Что?»

«У меня есть все, чтобы доказать, так что, пожалуйста, не делайте мне хуже. Они думают, что я ничто. Привилегированный ребенок.»

«Они так не думают,» сказал Ладд.

«Черт с ними, если думают. Я собираюсь продолжить, комиссар. Мне не нужны никакие поблажки.»

«Я пробегу курс с Чассом,» сказал Далин, подходя, обогнав Феликса на круг.

«Просто продолжай,» сказал ему Ладд.

«Полковник-комиссар просил меня присматривать,» сказал Далин.

«Тогда вперед, оба,» сказал Ладд.

На краю дорожки, смотря на последние упражнения в пути, Харк остановился рядом с Колеа.

«Они, явно, влюбились в него,» сказал Харк.

«Кто?»

«Мой парень и твой, Гол. Нахум и Далин. Посмотри, как они пытаются победить друг друга, чтобы стать новым лучшим другом Часса.»

«Они не глупые,» сказал Колеа. «Сдружиться с сыном командира – быстрый путь к повышению или приличному покровительству.»

«Полк так не работает,» сказал Харк.

Колеа посмотрел на него, и улыбнулся. Он похлопал Харка по руке.

«Для умного человека, ты иногда удивительно наивен, Виктор,» сказал он. «Все полки так работают, даже самые лучшие. Это – Имперская Гвардия.»

«Вот вы где,» сказала Луна Фейзкиель, подходя к ним.

«Есть проблемы?» спросил Харк.

«Я не знаю. Я пока не понимаю, что с этим делать.» Она вручила Харку сложенные бумаги с подписью Элоди Дютаны.

«Я хотела посмотреть, куда, по вашему мнению, мы должны пойти с этим,» сказала она.

«Ты собирался просить меня выйти за тебя, а затем не сделал этого,» сказал Элоди.

«Это совсем не так,» сказал Даур.

«Тогда, зачем эти бумаги? Это прошение?»

«Ладно. Все так. Слегка так.»

Элоди сделала глубокий вдох.

«Значит, это Жукова,» сказала она, несколько быстро. «Она появилась, и ты вспомнил свой старый роман, и, внезапно, женитьба на мне не стала казаться такой уж и отличной идеей--»

«Ох, Трон,» сказал Даур. «Пожалуйста, послушай меня. Жукова ничего для меня не значит. Я знал ее давным-давно, в Защите Улья на Вергхасте. Она была очень молодой. Невероятно глупой, тоже. Она вешалась на всех.»

«Включая тебя?» спросила Элоди.

«Да, включая меня. Ей нравятся... амбициозные и успешные мужчины. Офицеры. Я какое-то время был в ее прицеле, но это никогда не было взаимно. Было просто интересно снова ее увидеть. Напоминание о старых временах, о давно погибших общих друзьях. Я просто был вежлив.»

Она фыркнула.

«Ты, на самом деле, так ревновала?» спросил Даур.

«Да. И всегда буду.»

Он кивнул, полупожав плечами.

«Это честь быть объектом такой ревности,» сказал он.

«Что насчет прощения?» спросила она. «Объясни-ка это.»

Он был тих долгое время.

«Я хотел просить тебя выйти за меня,» наконец-то он тихо сказал. «Я подготовил бумаги, готовые для подписи Гаунтом. Затем я осознал, что время было плохим. Понимаешь, из-за того, как бы это выглядело.»

«Что ты имеешь в виду?»

«Гвардейцы, которые женятся в канун войны, они делают это только по одной причине.»

«И по какой?»

«Потому что они предполагают, что погибнут,» сказал Даур. «Они хотят убедиться, что у их жен есть документы в помощь их законным требованиям на получение пенсии вдовы от Муниторума. Они это делают, чтобы их супруг имел право на пособие. Они это делают, потому что они не возвращаются назад.»

Он посмотрел на нее.

«Я хочу вернуться назад,» сказал он, «и я не хотел, чтобы ты думала, что я не собираюсь.»

Керт не захотела воспользоваться внутренним корабельным воксом или послать сообщение по каналам связи. Это было слишком безликим. Она отправилась к жилищу Гаунта и тихо постучала в люк.

Когда он не ответил, она позволила себе войти внутрь, намереваясь оставить ему записку, чтобы он пришел к ней.

Маддалена как раз выходила из спальни. Она была голой. Когда она увидела Керт, она не схватила одежду или что-нибудь еще, чтобы прикрыться. Она схватила оружие и направила его на доктора.

Керт вскрикнула и попятилась, подняв руки.

Вошел Гаунт, накидывая на талию простыню.

«Убери это,» сказал он Маддалене. «Это Доктор Керт.»

Маддалена опустила оружие, положила его, и исчезла, голая и длинноногая, в спальне.

«Неловко,» сказал Гаунт. «Прости.»

«Да. Мне не следовало входить без разрешения.»

«Я предполагаю, что это важно, Ана.»

Она кивнула.

«Из чистого любопытства, как долго это уже происходит--»

Она остановила себя.

«Забудь,» сказала она, закрывая глаза и трясая головой. «Это не мое дело, и было неподобающе с моей стороны спрашивать.»

Гаунт выглядел испытывающим неудобство. Шрам поперек его живота был старым и бледным.

«Ты можешь спрашивать,» сказал он. «Мы знаем друг друга долгое время. Это длится с соединения. Я не знаю, что это. Это просто секс.»

«Ох, хорошо,» сказала Керт без какой-либо теплоты.

Гаунт нахмурился. Он выглядел потерявшим слова.

«Просто совет,» сказала она, «от друга. Если бы я была девушкой в спальне, услышавшей этот разговор, я не думаю, что была бы счастлива слышать, что это 'просто секс'.»

«Если бы *ты* была девушкой в спальне--» начал Гаунт.

«Да?»

«Ана, я--»

«Знаешь, что, Ибрам. Я всегда думала, что однажды, я могу быть девушкой в спальне. Забавно.»

Он сделал шаг к ней. Край простыни зацепился за край двери. Она подняла руку и отвернулась.

«Не надо,» сказала она. «Просто оденься и приходи в лазарет, пожалуйста. Я буду ждать тебя там. Я пришла найти тебя, потому что Дорден умирает. Прямо сейчас. Ему осталось не много времени, и я думаю, что ему нужно, чтобы ты был там.»

Она сделала паузу.

«На самом деле, я не уверена, что он умирает. Он кажется в удовлетворительном состоянии. Но я думаю, что *тебе* нужно быть там.»

Большая часть полка ушла в столовые на ужин. Звенели звонки о перемещении. Она шла по полупустому центральному коридору, когда ее увидел Бленнер.

«Доктор Керт, Дорден умер?» спросил Бленнер, с беспокойством подходя к ней.

«Нет. Еще нет.»

«Но вы плачете.»

«Напряжение. Это сброс напряжения, комиссар.»

«Дорогая леди, я вам говорил, что я очень хорошо понимаю, когда люди лгут,» сказал он. «Это приходит с работой.»

«Это правда,» сказала она.

«Хотя, не вся правда.»

Она фыркнула со смешком, вытирая глаза.

«Дорден умирает. С этим я ничего не могу поделать. Он часть души полка, и был моим наставником и другом и всем остальным с тех пор, как я записалась. Я не знаю, что я буду делать без него, и это только сейчас пришло мне в голову. Я месяцы это понимала, и только сейчас пришло это ужасное ощущение. Он собирается покинуть нас, а мы должны продолжать.»

Бленнер кивнул. Он похлопал ее по плечу.

«И это, помимо всего остального, заставило меня осознать, что ничто и никто не длится вечно. Ничто не длится вечно, не важно, как сильно мы этого хотим. Не важно, как упорно мы сражаемся. Не важно, как терпеливо мы ждем. Теперь я это вижу.»

«Вы... чего-то ждали?» спросил он.

«И я ждала слишком долго. Это никогда не произойдет. Теперь я это поняла.»

Она снова вытерла глаза и посмотрела на него.

«Мне нужно идти в лазарет, чтобы убедиться, что Дордену комфортно. Там мне нужно подождать Гаунта, и кратко рассказать ему. Потом, я собираюсь очень серьезно взбодриться. Я собираюсь сильно нажраться, Комиссар Бленнер. Я полагаю, что вы из тех людей, с которыми приятно выпивать.»

«Моя репутация опережает меня.»

«Мне потребуется сакра. Я верю, что вы способны раздобыть немного.»

Он кивнул.

«Я должен вас предупредить,» добавил он, «я думаю, что это будет честно. После рюмки или двух, я, иногда, забываюсь, Доктор Керт.»

Она посмотрела ему прямо в глаза.

«Ана,» сказала она.

ПЯТНАДЦАТЬ

Приграничье

Корабельные звонки звенели, а затем зазвучали сирены, предупреждая каждую душу на борту о неизбежном перемещении.

Прошла вибрация, дрожь, которая сотрясла кости корабля, и они вылетели в реальное пространство. Громыкнули новые сирены, и синтетический голос повторял слова через громкоговорители 'Вражеская территория, боевая готовность'.

Спайка привел их в целевую зону на три дня раньше.

«Мы замедляемся в Приграничье Римворлда,» сказал Спайка Гаунту с Идвайном. «Навигационная служба подтвердила наше расположение в реальном пространстве и вектор. Шестнадцать часов замедления до гравиметрической плоскости этой мусорной системы, а затем еще пять, пока будем приближаться к целевому месту. С данного момента мы в состоянии боевой готовности, щиты зажжены; это фаза вокс-молчания. Я предлагаю вам начать последние приготовления. Вы должны быть готовы к высадке через три часа.»

«Я буду готов через пять,» сказал Гаунт.

Спайка кивнул.

«До того времени я буду посылать уведомления каждые полчаса,» сказал он.

«На что это похоже?» спросил Гаунт.

Рядом с ним Космический Десантник тихо рассмеялся, как будто вопрос был пустым капризом.

Спайка поднял брови и крикнул палубному офицеру. Ставни, закрывающие массивные иллюминаторы мостика с грохотом открылись, и внутрь потек слабый желтый свет. Не на что было смотреть, кроме густой коричневой дымки с маленьким цветком света в правом нижнем углу, похожим на блик в объективе.

Белые пятнышки, похожие на соль или снежинки, сверкали мимо них, двигаясь в сторону кормы: тусклая пустота, где доступный хрупкий свет выглядел так, как будто он был подкрашен мочой.

«Вы видите?» спросил Идвайн.

«Я ничего не вижу,» ответил Гаунт.

«В точности моя точка зрения,» проскрежетал Серебряный Гвардеец, развеселенный.

Спайка потянулся и подстроил несколько шкал на своей консоли. Он рявкнул еще пару приказов офицерам наблюдения и разрешения у похожих на статуи когитаторов под ним.

Большая, решетчатая рама выдвинулась из отверстия, чтобы накрыть громаду иллюминатора. Она была сделана из толстого бронированного стекла, и покрыта гололитическими сенсорами и исполнительными механизмами. Рама была толстой с бронированными кабелями и кластерами маленьких дополнительных экранов и вторичных мониторов. Она включилась, на ее сетке загорелся ярко зеленый графический слой, который быстро начал разделять на секции и анализировать. Группы данных, кодированные цветами, появились на краях главной сетки и на дополнительных экранах. Стали проигрываться столбцы текста. Спайка отрегулировал свои настройки, отцентровал зеленые перекрестия на световом цветке, и начал увеличивать и усиливать зону, пока гололитическое изображение не заполнилось сетку и не закрыло реальный вид.

Стало немного больше деталей. Увеличенный, белый цветок стал спутанным клубком твердых веществ, отдающих белизной из-за отражения света местной звезды. Все еще было нечетко, но Гаунт мог видеть достаточно, чтобы сказать, что это был не планетоид. В нем не было правильных геометрических форм. Он был похож на узел, а окантовка из спутанной материи находилась на большом расстоянии от него, как рваное кольцо газового гиганта. Эффект 'снега' на этом изображении был более интенсивным. Изображение напоминало какое-то бледное, шелушащееся, погруженное в воду существо, которое было густо покрыто отложениями и микроорганизмами.

«Это,» сказал Спайка, «Предел Спасения.»

Космический Десантник казался слегка заинтересованным.

«Пятнышки?» спросил Гаунт. «Это помехи?»

«Обломки,» ответил Спайка, мотая головой. «Поле обломков исключительно плотное, и будет становиться плотнее, чем ближе мы будем подходить к цели. Наши щиты выдержать большую часть этого, но нужно будет маневрировать, и это увеличит время до прибытия.»

«Делая нас более уязвимыми,» сказал Идвайн.

Спайка пожал плечами.

«Мы дольше будем видимы, да,» согласился он, «но пояс обломков так же замаскирует нас. Если я сделаю свою работу хорошо, мы сможем приблизиться к основной цели и будем казаться ничем больше, кроме очередного куска кувыркающегося мусора.»

«Раз мы начинаем приближаться отсюда,» сказал Гаунт, «мне будут нужны здесь глаза.»

«Зачем?» спросил Идвайн.

«У меня командование операцией, брат-сержант. По мере того, как мы будем продвигаться, я хочу знать всю возможную информацию, внутреннюю и внешнюю. Если капитан обнаружит опасность, я не хочу поздно узнать о ней.»

«Вы сами ее увидите,» сказал Идвайн. «Стратегиум предоставит вам достаточно полную--»

«Простите,» сказал Гаунт, «похоже вы неправильно решили, что я буду находиться на мостике во время атаки.»

«Конечно,» сказал Спайка, «командуя операцией. Я подготовил для вас место. Где еще вы можете быть?»

«Я буду вести Ударную Группу Бета.»

«Вы... вы собираетесь туда?» спросил Спайка.

Идваин издал звук, который был сравним со смехом.

«Это всегда было моей практикой,» сказал Гаунт. «Я не пошлю людей сделать что-то, к чему я сам не готов.»

«Не удивительно, что Вигаму вы нравитесь,» сказал Космический Десантник. «В Ударной Группе Альфа для вас есть место, рядом со мной.»

«Благодарю. Но вы знаете свое дело, а я знаю свое. Майор Колеа и Майор Баскевиль будут вести полк с вами в Альфе.»

«А Ударная Группа Гамма?» спросил Идвайн.

«Майор Петрушкевская и Капитан Даур,» сказал Гаунт. Он повернулся на своем месте и указал на Танитского солдата, ожидающего рядом с главным входным люком.

«Это мой адъютант, Белтайн. Я хочу, чтобы он был вместо меня у стратегиума, с доступом к вашим системам вокса.»

«Мои вокс-офицеры могут передавать все данные между нами,» сказал Спайка.

«Я не сомневаюсь, но я требую от вас разрешить Белтайну присутствовать. Если он передаст приказ вам от меня, приказ несет всю полноту моей власти.»

«Я понял,» сказал Спайка.

«Вы, так же, должны подготовить своих охранников,» сказал Гаунт.

Спайка нахмурился.

«Очень хорошо. Для абордажного боя?»

«Да. Но, так же, и для противоабордажного. Мы откроем проходы в ту цель. Это означает, что если вещи пойдут плохо, они могут добраться до нас.»

Гаунт встал. Остальные двое встали.

«Давайте подготовимся,» сказал Гаунт.

Спайка произвел символ аквилы.

«Император защищает,» прогрехотал Идвайн.

Гаунт ушел с мостика с Белтайном позади.

«Ты расположишься здесь,» сказал Гаунт. «Он не самая любезная личность в Империуме, но я ясно дал понять, что ему придется сотрудничать. У тебя есть доступ. Ты передаешь все. Если он попытается отгородиться от тебя, просто дай мне знать и поставь меня на динамик.»

Белтайн кивнул.

«Майор Роун и Майор Колеа сказали дать вам знать, что приготовления начались, сэр,» сказал он. «Мы вооружаемся, а штурмовые транспорты, которые обслуживались в ангарах, готовы к погрузке. Вот это на одобрение и подпись.»

Он вручил Гаунту планшет.

Гаунт читал его, пока шел.

«Что же, это обнадеживает,» сказал он, узаконивая документ нажатием своего биометрического кольца.

«Капитан Даур интересуется--» начал Белтайн.

«Мы уделим этому время,» сказал Гаунт.

«Комиссар Харк хочет на пару слов.»

«Я встречу с ним,» сказал Гаунт.

Харк ждал их у входа в центральный коридор.

«Что такое, Виктор?» спросил Гаунт.

«Мы обнаружили постыдный поступок,» сказал Харк. Он отвел Гаунта в свою каюту, где ожидали Ладд, Фейзкиель и Роун. Было тихо и приватно. Комната была чрезвычайно аккуратной и упорядоченной, в точности так, как можно было ожидать от человека, как Виктор Харк.

«Я не решаюсь использовать слово 'афера',» сказал Харк, «потому что, на самом деле, невозможно выразить в достаточной мере, как это чудовищно. Это искусная мошенническая схема. Я понятия не имею, как долго это уже продолжается.»

Началось, возможно, даже еще до того, как я присоединился к полку. Возможно с Основания.»

Гаунт пробежался по документам, которые Харк и Фейзкиель разложили на столе. Некоторые были порваны, или очень старые. Некоторые были свеженапечатанными копиями из архивных источников. Его челюсти сжались.

«Мы наткнулись на них только благодаря случаю,» сказал Харк. «Отдадим должное Луне, она нашла их. Это так хитро, что было почти незаметно.»

«С чем мы имеем дело?» спросил Гаунт, все еще изучая различные документы.

«Насколько мы можем сказать,» сказала Фейзкиель, «есть три главных области мошенничества, но они значительно пересекаются. В первую очередь, здесь мошеннические требования на пенсии вдов для женщин, которых не существует.»

«Они все являются заполненными требованиями на денежное пособие для вдов на имя погибших солдат,» сказал Харк.

«Другими словами, были созданы вымышленные жены, и задним числом были оформлены документы, чтобы деньги могли быть перечислены на имя погибших солдат,» сказала Фейзкиель. «Но здесь есть, так же, требования на выплаты на имя настоящих жен и супругов, которые давно умерли. Женщин, которые погибли с Танитом, или на Вергхасте. И наконец, здесь есть настоящие женщины, незамужние, как Элоди Дютана, чьи личности используются в качестве супружеской подписи. Это лучше, чем вымышленное имя, понимаете?»

«Индивидуальные выплаты минимальны,» сказал Харк. «Но вместе, и в таких количествах, и за такой промежуток времени...»

Он остановился и потер переносицу, закрыв глаза.

«Кто-то генерируют значительные входящий поток денег,» сказал он. «Они обманывают Муниторум. Весьма вероятно, что Муниторум уже осведомлен о мошенничестве, но потребуются годы, или десятилетия, до того, как расследование наткнется на преступников.»

«Это, возможно, то, на что они и рассчитывают,» сказал Роун.

«Кто-то делает деньги на погибших полка,» сказал Харк, «на тех, кто пал в бою, и на гражданских жертвах. Это пошло. Это чудовищно. Красть у трупов. Обворовывать могилы.»

«Мы знаем, кто за этим стоит?» спросил Гаунт. Его лицо было белым от гнева.

«Мы не уверены, как получаются деньги,» сказала Фейзкиель, «или куда переводятся платежи, как только они получены. Возможно, их как-то отмывают через полковые счета. Это требовало бы сговор с нижними чинами Муниторума. Возможно, их отмывают через игровые притоны и черный рынок во время нахождения на берегу.»

«Возможно, ими набивают ранец под койкой,» сказал Роун.

«У нас есть одно имя,» сказал Харк. «Костин.»

«Маленький ублюдок,» прошептал Гаунт.

«Он, определенно, вовлечен,» сказала Фейзкиель. «Но мы с Харком не думаем, что он смог бы повернуть такое сам по себе. Мы подозреваем, что у него есть подельники. И одним из них может быть весьма старший по званию.»

«Тяжело повернуть такое без знакомого офицера, чтобы тот время от времени подписывал документы и прошения,» сказал Ладд.

«Годы назад,» сказал Гаунт. «Я почти казнил Костина.»

«Айэкс Кардинал,» кивнул Роун.

«Пьяница. Идиот,» прошипел Гаунт. «Из-за него погибли люди. Большая часть взвода Раглона. Вместо этого я выказал ему милосердие. Черт его побери.»

«У нас есть несколько докладов о том, что Костин заметно богат,» сказала Фейзкиель. «Не на службе, у него всегда есть деньги на хорошую выпивку, хорошую еду, деньги на азартные игры. Он накладывает руки на лучший амасек, чем старший офицерский состав.»

«Он не делает это в одиночку,» сказал Гаунт. «С кем он общается?»

«Гендлер,» сказал Харк.

«Мерин,» сказал Роун.

«Но у нас нет ничего ни на кого из них,» сказала Фейзкиель. «Костин единственный, кто испачкал чернилами руки, и даже в этом случае, это косвенно. Мы его не допрашивали. »

«Никаких допросов. Я хочу отдать приказ на казнь,» сказал Гаунт. Ладд не думал, что когда-либо раньше видел такую ярость в Гаунте.

«Я не хочу казнить нашу единственную зацепку,» сказал Харк, «даже для того, чтобы сделать из него пример.»

«И разве нам нужен такой пример за несколько часов до атаки?» спросила Фейзкиель.

«Он из этого не выберется,» сказал Гаунт. «Никто, вовлеченный в это, не избежит наказания.»

«Я не предлагаю, чтобы они выбрались,» сказал Харк, «но я думаю, что мы должны сделать ход после рейда. Если мы казним Костина, или это выплывет, это может подорвать боевой дух.»

«Единственная причина оставлять этого маленького упыря в живых,» тихо сказал Роун, «расколоть его. С вашего разрешения, я выбью из него правду.»

Харк с Гаунтом обменялись взглядами.

«Это лучший вариант,» сказал Роун, «принимая во внимание, что все это была моя идея.»

Он закатил глаза, усмехаясь над ужасом на их лицах.

«Расслабьтесь,» сказал он. «Я этого не делал. Но идея была моя. Годы назад, прямо после того, как мы покинули Танит. Я помню, как надирался с Корбеком и Ларкиным одной ночью, шутя, как бы мы могли убивать из могилы. Это стало постоянной шуткой, как мы могли бы компенсировать наше фесово дерьмовое существование, потребовав возмещение за жизни, потерянные на Таните. Со временем, это превратилось в постоянную болезненную шутку, висельнический юмор. Никогда не думал, что кто-нибудь будет настолько извращен, что, на самом деле, попробует это.

Я не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь думал, что я был на такое способен, и это о чем-то говорит.»

Гаунт снял фуражку и пальцами расчесал волосы назад.

«Сделай это,» сказал он Роуну. «Что бы ты там не сделал. Я хочу знать, с кем Костин в постели. Ты хочешь, чтобы мы смотрели в другую сторону, или ты хочешь, чтобы мы помогли держать его?»

Роун помотал головой.

«Я смогу это сделать. Я смогу вложить страх перед Троном в него, и заставить его сдать нам своих союзников. И вам не придется смотреть в другую сторону. Я даже не собираюсь прикасаться к нему. Потребуется просто сказать слово ему в ухо. Ладно, *два слова*, на самом деле.»

«Не хочу спрашивать, какие,» сказала Фейзкиель.

Гаунт взял один из документов со стола.

«Единственной причиной, по которой я пожалел Костина на Айэкс Кардинале, было то, что Дорден умолял меня,» сказал он.

Он показал Роуну бумагу.

Это была заполненная форма на вдовство в пользу давно погибшей на Таните жены Дордена.

Они уже были в пути шесть часов. Корабельные звонки звенели, чтобы отмечать каждые полчаса. Последние два часа были регулярные серии звуков глухих ударов. Поле обломков необъятного мусорного пояса Предела Спасения становилось таким плотным, что они отскакивали от щитов *Армадюка*.

Полк был практически в полной боевой готовности. В воздухе было напряжение, подобное электрическому заряду. Гаунт созвал весь полк на главную палубу, и приказал свите тоже придти. Не было официального порядка, ни шеренг или эшелонов. Полковое сообщество просто стояло одной толпой перед Гаунтом. Все Призраки прекратили свои приготовления, чтобы присутствовать. У некоторых была только половина снаряжения, или их руки были темными от оружейной смазки.

Женщины и дети собрались вокруг переполненной палубы. Гаунт видел Тону с Далином и маленькой девочкой. Керт и Колдинг пришли из лазарета с Дорденом. Старик, с кожей цвета пепла, настоял на том, чтобы придти.

«Тебе нужен отдых,» сказал Гаунт.

«Для чего?» спросил Дорден.

«Я все еще думаю--»

Дорден покачал головой.

«Ана вколола очень сильный опиат, Ибрам,» сказал он. «Я обнаружил, что могу выбраться из кровати и походить. Я не собираюсь это пропустить. На самом деле, у меня нет никакого желания пропускать что-нибудь с данного момента, пока я не умру.»

«Я могу приказать тебе вернуться в кровать,» сказал Гаунт.

«А я могу неподчиниться,» ответил Дорден. «И что ты тогда сделаешь? Пристрелишь меня?»

Гаунт рассмеялся. Керт с Колдингом пытались не улыбаться, хотя Гаунт мог сказать, что Керт в то же самое время была опечалена.

«Я только хочу сказать--» начал Гаунт.

«Если это 'прощай',» сказал Дорден, «я не желаю этого слышать.»

Некоторые из экипажа корабля, включая нескольких старших офицеров мостика, тоже присутствовали на собрании. Гаунт уже собирался забраться на погрузочную платформу, чтобы обратиться к толпе, когда прибыли Космические Десантники.

Последовала тишина. Три фигуры медленно вошли в ангар и пошли по палубе, как огры, толпа разделялась, чтобы пропустить их. Космические Десантники надели специальную броню, которая была доставлена на борт во время встречи с флотилией: древняя, богато украшенная абордажная броня, драгоценный реликт из самых древних времен. Каждая пластина брони была раскрашена в цвета Ордена ее носителя. Это была резная, утонченная работа ремесленников-мастеров, потерянная и

блестящая, солидно утолщенная и усиленная для защиты; Готическая, увенчанная печатями чистоты. Каждый воин нес массивный абордажный щит в виде половины аквилы. Холофернэс нес длинное силовой копье в другой руке, Идвайн – цепной меч. Правая рука Сар Афа была свободна для его болтера.

У их шлемов были визоры, похожие на решетчатые врата. Они заняли места перед Гаунтом. Холофернэс держал копье на уровне бедра.

Гаунт кивнул им, а затем посмотрел на остальной полк. Двухголовый псайбер орел пролетел и примостился на ближайшей жердочке.

Гаунт сделал небольшое обращение, всего лишь несколько слов. Больше не требовалось. Они были готовы. Они ждали настоящей битвы после самого Яго, и теперь она была близка.

Когда он закончил, он предоставил слово Цвейлу. Аятани поблагодарил и благословил собрание. На этот раз, Цвейл был сдержан и едва не отошел от темы.

В конце благословения Цвейла, Гаунт кивнул Дауру с Элоди, и они вышли вперед. Гаунт зачитал прошение, и клятва была засвидетельствована всем полком.

«Император защищает,» сказал Гаунт паре. Он снова посмотрел на собравшихся и повторил слова. Полк заликовал и захлопал в унисон.

Гаунт посмотрел на Вайлдера.

«Капитан? Пожалуйста?»

Члены оркестра не были в официальной форме. Они были одеты в обычную униформу для боя, но они взяли с собой свои инструменты. По команде Вайлдера, они заиграли любимый боевой гимн Империи.

Даур с Элоди вместе пошли сквозь толпу, получая поздравления. Когда они подошли к Капитану Жуковой, Элоди сказала, «Прости.»

«За что?» спросила Жукова, неподдельно озадаченная.

«Забудь,» сказал Даур.

Гаунт нашел Сар Афа, разговаривающим с Дорденом. Старый доктор выглядел особенно хрупким рядом с огромным Космическим Десантником в своей тяжелой абордажной броне.

«Он умирает,» сказал Сар Аф Гаунту, как будто это была новость и она только что всплыла в разговоре.

«Я знаю,» сказал Гаунт.

«Но он не боится,» сказал Сар Аф.

«Не боюсь,» сказал Дорден.

Белый шрам глубокомысленно кивнул.

Он посмотрел на Гаунта.

«И не будут они ведать страха,» сказал он.

Оркестр все еще играл, когда толпа начала расходиться. Гвардейцы сказали свои прощальные слова свите, и поспешили закончить свои приготовления. Капитан Даур сказал свое 'до свидания' своей новой жене с последним поцелуем. Эзра прошел в центр зала, подняв руку, и орел послушно устремился вниз, чтобы расположиться на его руке. Неся его, как сокольный, он вышел из ангара за разведчиками и Космическими Десантниками.

Возле одного из выходов, в толпе, Роун положил руку на Костина и развернул его.

«Чем я могу помочь вам, сэр?» спросил Костин.

«Они знают,» сказал Роун.

«Что?»

Роун кивнул в сторону Гаунта, который разговаривал с Харком и Ладдом.

«Они знают,» повторил он, сощутив глаза, со злобной улыбкой.

Костин заморгал. Его начало трясти.

«Что вы имеете в виду? О чем, фес вас, вы говорите? О чем они знают? *Что* они знают?»

Ухмылка Роуна расширилась.

«Они *знают*,» повторил он.

Он повернулся и пошел прочь, оставив Костина глазеть на него широкими глазами.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Обратный Отсчет

Течения реального пространства и капризы варпа сгустили огромное облако из веществ в гравитационном колодце Приграничья Римворлда. Несколько бледных солнц трепетали, как свечи, в глубокой темноте и светили скудным светом над обширным мраком бездны.

В месте, известном, как Предел Спасения, мусорный пояс был очень плотным: монументальная агломерация обломков, почти две тысячи километров в ширину. Частью этого были обломки от планеты: камни, пыль и другие минеральные образования, сформировавшие такие твердые формы, как безоары или желчные камни. Некоторые из них, тем не менее, были искусственными.

Здесь была техника. Здесь были части машин. Они были оболочками космических машин: мелких кораблей, катеров, транспортников, супертяжей, как будто какое-то кладбище останков кораблей. Летательные аппараты, которые терялись и разрушались веками, были смыты в Предел Спасения, и здесь они собирались, накапливались, стыковались друг с другом и, из-за разложения и гравитационного давления, сплавливались в огромный узел вещества, увеличиваясь, как металлический риф.

Что-то из этого было Имперским. Что-то нет. Что-то из этого было человеческим или производным от человеческого. Что-то не было. Некоторые древние обломки, каркасы потерянных Имперских кораблей, были следами Терранских технологий, которых не видели настолько долго, что их больше не могли опознать Адептус Механикус. Старые шаблоны, невосполнимо деформированные, прячущие в безмолвной тишине.

Что-то из этого было настолько старым, настолько обветшалым, настолько чуждым, что было невозможно определить источник происхождения или первоначальную функцию.

Годами проводились экспедиции Механикус, вместе с Инквизиторскими исследовательскими миссиями и бесчисленными попытками по извлечению полезных материалов и имущества.

Но Приграничье было нестабильным, негостеприимным и отдаленным, и выброшенные секреты требовали слишком многого, чтобы обрести их снова.

Армадюк, поправлявший свой курс легкими подстройками двигателей реального пространства, медленно вползал в эту все больше и больше набитую окружающую среду, направляясь к твердому, размером с планету, самородку в центре.

Во время первоначального крестового похода Беати по Мирам Саббат, Приграничье было местом значительных боевых действий флота, поворотной точкой в судьбе Имперіума, который обратил в бегство Кровавые Миры и их Архонта. Легенды гласили, что Предел Спасения было названием Имперского флагмана, флагмана, который находился под ошеломительным огнем противника и погиб со всем экипажем, удерживая линию фронта достаточно долго, чтобы была достигнута победа Святой. Легенды гласили, что обломки, собравшиеся в мусорном поясе, были останками кораблей того титанического боя, мусором на поле сражения, оставшимся от одной из величайших битв в реальном пространстве.

Другие легенды гласили, что Предел Спасения было названием планеты, уничтоженной во время пустотного боя. Еще одни легенды гласили, что это было названием супертяжа Архиврага, который был, в конце концов, уничтожен буквально за минуты до того, как он нацелился на крейсер Святой.

По мнению Спайки, ни одна из легенд не была ничем лучше, чем полуправда. Поле обломков включало в себя огромное количество космического военного металлолома, но здесь были останки от тысяч битв, случайно собравшихся вместе, а не останки, оставленные от одной битвы в этом месте. К тому же, здесь было слишком много типов техники, слишком много разновидностей. Анализ когитаторов показывал огромные различия в возрасте и разложении образцов обломков. Некоторые куски металлолома были, всего лишь, возрастом в несколько сотен лет. Некоторые были возрастом в несколько сотен *тысяч*.

Спайка лично взял штурвал. Такое происходило редко, но его офицеры мостика не ставили это под сомнение. Продвижение требовало мастерства капитана. Оно требовало было быстрым и тихим, но их скорость была ограничена маневрированием в мусорной зоне. С большей частью мусора могли справиться щиты, но некоторые куски были в два или три раза больше *Армадюка* и требовалось

уклонение. Уничтожение целей на пути было вариантом только в случае крайней необходимости. Спайка не хотел привлечь внимание к их приближению уничтожением угрожающего размерами металлолома огнем батарей.

Спайка, так же, позволял, чтобы импульс нес их вперед там, где было возможно. Мастерски, он позволял *Армадюку* плыть от одного корректирующего включения двигателей до другого, почти до точки, где старый корабль начинал останавливаться и вращаться. Просто еще один кусок космического машинного мусора, плывущий к ядру. Это была ловкая имитация. Если у сил, обитающих внутри металлического ядра Предела Спасения, есть внешние сенсоры или детекторные решетки, приближение *Армадюка* не будет выдано небаллистической траекторией. Спайка держал силовые установки на медленном огне, готовыми выплеснуть энергию по первому требованию, чтобы повернуть корабль или уклониться от какой-нибудь вращающейся массы.

Адъютант Гаунта, Белтайн, прибыл на мостик и занял место поблизости от капитана корабля, с доступом к стратегиуму. Спайка мало обращал на него внимания. Он казался достаточно интересным человеком, но он был, всего лишь, еще одним трутнем, и Спайка был уверен, что ему будет трудно убрать его за пару дней.

Чему он уделил внимание, так это данным, которые Белтайн принес и загрузил, с помощью техников-гололитеров, на главный дисплей стратегиума. Это были самые свежие схемы Предела Спасения, вытащенные мнемоническим зондом из мозга пленника Гаунта. Этого человека, этого *этогора*, зондировали, допрашивали и сканировали ежедневно со времени поимки.

Как Спайке объясняли, человек был перебежчиком. Тройным перебежчиком. Было неясно, но казалось, что *этогор* когда-то был Имперским Гвардейцем. Он был захвачен и обращен силами Архиврага, и завербован, из-за его подготовки и навыков, во внушающий страх личный состав, известный, как Кровавый Пакт. Позже, по причинам, которые Спайка даже не хотел обсуждать, Маббон *Этогор* отказался от верности и нарушил этот пакт, присоединившись к Сынам Сека, еще одному военному братству. Сыны, как и предполагало их название, были кровным братством, присягнувшим Магистру Анакванару Секу, главному союзнику Архонта и его лейтенанту.

Он был беспокойной душой, и явно, беспокойным сердцем. Как, удивлялся Спайка, один человек может содержать в себе столько за одну жизнь? Быть связанным с тремя различными организациями, в которых обычно, служат до смерти. Возможно, первоначальная Имперская обработка в конце концов победила, заставив Маббона, не смотря ни на что, вернуться к Императору.

Если это было правдой, то это было самое колоссальное усилие силы духа и преданности. Если нет, тогда они направлялись к своей смерти.

Маббон перешел на Имперскую сторону с жизненно важными данными. Он знал, что эти данные и взгляд изнутри, которыми он обладал, могут быть единственными вещами, которые оставят его в живых и предотвратят казнь. У него были данные, и у него были причины, чтобы интерпретировать эти данные. Несмотря на псионические сканирования и зондирования мозга, определенные вещи он хранил скрытыми. Он был достаточно умным, чтобы понимать, что ему нужно медленно открывать информацию. Его жизнь стала бы бесполезной в тот момент, как только он бы все выдал. Он защитил свой разум благодаря условной решимости того, кто как принял, так и нарушил Кровавый Пакт, и посредством различных энграмматических кодировок. До того, как оставить службу Архиврагу, он поместил в свой разум данные относительно Предела Спасения, воспользовавшись шифровальщиком мозга; информация, которую нельзя было просто вытащить, но ее можно было достать методичными и повторяющимися медитациями. Со своей поимки, он медленно вспоминал и выстраивал картину для своих Имперских укротителей.

Ядром Предела Спасения было обитаемое место значительного размера, превращенное в место разработки оружия и завод. Этот завод первоначально был создан Магистром Херитором Асфоделем по приказу тогдашнего Архонта Надзибара. Он был отдаленным и не привлекающим внимания, и позволял улучшать и тестировать оружейные системы, были ли они системами, разработанными безумным гением Асфоделя, восстановленными ксено-артефактами, или дарами ненормальных Богов Хаоса.

Надзибар пал на Балгауте. Асфодель погиб от руки Гаунта на Вергхасте. Завод остался, унаследованный Секом. Он использовал его, чтобы усилить свою руку и разработать оружие для своих Сынов. Это был арсенал, склад, лаборатория. Согласно

Маббону, Сек чувствовал, что он должен был принять мантию Архонта после Надзибара. Анарх протестовал против возвышения Гора и, хотя будучи вынужденным подчиниться военной политике Кровавых Миров, чтобы заключить с ним пакт, мало уважал командование Гора кампанией после Балгаута. Сек завидовал власти Гора, и он завидовал революционной дисциплинированной личной армии Гора, Кровавому Пакту. Он насильно вербовал воинов Кровавого Пакта таких, как Маббон, чтобы они помогли ему создать свое собственное войско, Сынов Сека, и доказать, что он заслуживает мантии Архонта.

Это было вынужденное требование. Предыдущее десятилетие показало, что Урлок Гор является беспощадным предводителем, способным на экстремальную жестокость, даже по стандартам Губительных Сил. Его Кровавый Пакт был, безусловно, чрезвычайно эффективным.

А, так же, он был небрежным, и у него было отсутствие стратегической проницательности. Его тупой и дикий способ ведения войны потерял ему столько же, сколько он приобрел. Это отбросило его назад к Группе Эриний в серии катастрофических поражений, и только здесь ему удалось сопротивляться стремительному наступлению Макарота.

В отличие от него, Анарху Секу, намного более искусному и находчивому тактику, удалось сформировать роскошную оборонительную линию вдоль второго фронта Крестового Похода, удерживая Системы Кабала перед лицом непреклонных атак Имперцев. Было вполне разумно ожидать, что, из-за наличия заводов, таких как Предел Спасения, Сек мог показать, что он лучший лидер, чем Гор, более способный, лучше обслуживаемый и лучше оснащенный, и что кланы Кровавых Миров смогут изгнать Гора и присмотреться к Секу, чтобы он принял корону Архонта и преодолел застой.

Два последствия были очевидны. Амбиции Сека нужно было остановить. Анарх был настолько способным, что, если бы ему, в конце концов, дали абсолютную власть Архонта, он смог бы сделать продвижение Крестового Похода в Мирах Саббат неосуществимым. Империи пришлось бы отступить и, возможно, полностью свернуть операции.

Говоря конкретнее, на какой еще лучший результат мог надеяться Империиум, чем на то, чтобы хрупкое сотрудничество Архонта и анарха дало трещину, и чтобы Гор с Сексом отвернулись друг от друга?

Время от времени, Спайка бросал взгляд на медленно вращающуюся схему Предела Спасения, проецирующуюся на главном столе стратегиума. Пока они продвигались, фактические показания детектора накладывались на планы и обновлялись. До сих пор, данные Маббона были удивительно точны.

Спайка задумывался, насколько точны. Что могло отсутствовать? Что могло измениться? Маббон заявлял, что он посещал завод три раза в качестве части войска Сынов, а энграмма его воспоминаний о заводе была копией секретных файлов из Дворца Анарха. С тех пор детали могли измениться.

Дальнее сканирование уже идентифицировало три места на поверхности, заранее выбранные в качестве точек удара: Альфа, Бета и Гамма.

У капитана корабля возникал еще один вопрос. На самом деле, это был тот, который изводил его днями, и который он не хотел озвучивать.

Возможность проведения миссии опиралась на веру, что Маббон Этогор перешел обратно на Имперскую сторону; что, после принятия пути, с которого не должно было быть возврата, он переоткрыл свою верность Империиуму, и пришел к ним в качестве акта раскаяния и возмещения ущерба, со способами нанести урон и обезоружить их величайшего существующего врага.

Что если его дезертирство было просто возвращением в Кровавый Пакт, и сейчас он манипулировал Империиумом, чтобы тот сделал за Урлока Гора грязную работу по устранению его главного соперника?

Гаунт застегнул пояс, проверил свой болт-пистолет, и вложил его в кобуру. Он закончил застегивать на пуговицы свой мундир, а затем начал застегивать пояс для меча.

Маддалена вышла из спальни. Она была одета в какую-то дорогую, легкую и богато украшенную неполную броню.

«Ты не идешь,» сказал Гаунт.

«Я знаю, но если бой потечет в эту сторону, я хочу быть готовой.»

Он посмотрела на силовой меч Гаунта. Он висел над шкафчиком, готовый заполнить собой ножны: силовой меч Иеронимо Сондара, символ Улья Вербун и великой победы Вергхаста над Губительными Силами.

«Ты должен показать ему его,» сказала она.

«Феликсу?»

«Да. Ты должен показать ему этот меч. Объяснить, что ты сделал, чтобы получить его.»

«Он уже знает,» сказал Гаунт.

«Конечно, он знает,» сказала она, «но это не означает, что для него не важно услышать это от тебя.»

Гаунт взял меч, кратко активировал его поле, почувствовал пульсацию энергии, затем деактивировал его и убрал в ножны.

«Буду иметь в виду,» сказал он.

Послышался стук в дверь каюты. Гаунту начинало нравиться, как рука Маддалены по легчайшему сигналу тянется к оружию, инстинктивно собираясь сражаться и защищать.

«Иди в спальню,» сказал он ей.

Она подняла брови.

«Я, на самом деле, не думаю, что у нас есть время,» сказала она.

Он засмеялся, хотя на этот раз это ощущалось слишком серьезно. Она встала и исчезла.

Гол Колеа ожидал у двери, в полном снаряжении, с висящей на плече винтовкой. Его отдавание чести дало Гаунту понять, что это был официальный визит.

«Полк в состоянии боевой готовности, сэр,» сказал он. «Ударная Группа Альфа собралась на главной палубе. Ударная Группа Бета ожидает вас в боковом ангаре шестнадцать. Ударная Группа Гамма собралась в боковом ангаре тридцать девять.»

«Спасибо, майор. Время до цели?»

«Примерно пять часов шестнадцать минут, сэр.»

«Проинформируй капитана, что мы готовы.»

«Есть.»

«Есть еще что-нибудь, что доложить, Гол?»

Колеа помотал головой.

«Настроение хорошее,» сказала он. «Я имею в виду, все продумано. Все подготовлено. Я думаю, что Призраки не были в бою слишком долго. Для некоторых это было слишком долго, что они думали, что никогда снова не будут маршировать. Нам это нужно.»

«Нам нужно выиграть это,» сказал Гаунт.

«Конечно, сэр. Всегда так. В великой схеме вещей, нам нужно выиграть это. Но для нас, для полка, нам просто нужно это сделать, победить или проиграть. Нам снова нужно стать кровожадными или мы будем никчемными.»

Гаунт кивнул.

«Намек понят. Я думаю, что мы готовы стать кровожадными.»

Колеа кивнул в сторону меча Гаунта.

«Вы должны позволить мальчику когда-нибудь взглянуть на него.»

Гаунт резко нахмурился. Колеа поднял руки в примирительном жесте.

«Знаю, знаю,» сказал Колеа. «Я едва ли тот, кто должен раздавать советы, как быть прилежным отцом.»

«Это не то,» сказал Гаунт. «Ты с кем-нибудь говорил?»

«нет.»

«Ты не первый человек, который мне это говорит.»

Колеа пожал плечами.

«Призраки еще не привыкли к мальчику, сэр,» сказал он. «Если честно, это слегка странно для них. Но я думаю, что привыкнут. Я думаю, что они будут уважать его, потому что он ваш. Но я думаю, что вам нужно показать им, что вы тоже его уважаете.»

Гаунт не ответил. Он надел фуражку и взял свои перчатки.

«Я пойду вниз с тобой и проинспектирую сборы,» сказал он.

Колеа обернулся и посмотрел в предположительно пустую каюту, и указал подбородком.

«А вы не собираетесь сначала попрощаться?» спросил он.

Это заставило Гаунта полуулыбнуться.

«Не многое проходит мимо тебя, так ведь, Гол?»

Колеа засмеялся.

«Я не осуждаю, сэр. Не мое дело. И она красивая женщина.»

«И она, так же, будет здесь, когда я вернусь,» сказал Гаунт. Он закрыл дверь каюты за собой и пошел по коридору с Колеа.

«Вот это мне нравится слышать,» сказал Колеа. «Уверенность.»

«Что она все еще будет там?»

«Нет,» сказал он. «Что вы знаете, что вернетесь.»

Огромная масса обломков уменьшился, когда они приблизились. *Армадьюк* был, всего лишь, пятнышком, пятнышком среди миллиардов пятнышек, окружающих огромную шаровидную массу. Предел Спасения был планетоидом, настоящей

планетой, за исключением того, что он не был сферическим. Это был колоссальный комковатый слиток, сплюснутый до формы диска на концах из-за гравитации.

Смотря через внешние наблюдательные приборы, Спайка решил, что детали поверхности имеют сходство с некоторыми кораблями орков, с которыми он сталкивался. За исключением того, что они были соединены друг с другом с меньшей точностью. Он видел спрессованный беспорядок из механических материалов, как машины, которые перемешаны и исковерканы промышленным прессом. Здесь были каньоны и лощины, острые пики и плато, глубокие расщелины и почти гладкие равнины из материала корпуса. Плывая сквозь плотные кучи мусора, *Армадьюк* обнаружил себя скользящим сквозь плавающие пятна прометиума и других жидкостей, субстанций, которые просочились из основной массы и уплыли в космос.

Боковые ангары шестнадцать и тридцать девять были расположены, примерно, в двух третях километра по левому борту *Армадьюка*. У обоих были огромные бронированные внешние шлюзы, оснащенные генераторами атмосферного поля. Перед отправлением с Меназод Сигмы, края обеих шлюзов были усилены и заделаны вулканизированными буферными воротниками.

Спайка инициировал последнее приближение. Кроме сухих орбитальных доков, *Армадьюк* никогда не подходил так близко к более большому объекту. Ему это казалось противоречащим здравому смыслу, хотя все системы были зелеными. Корабль был построен для свободы открытой пустоты, не для уютного расположения на поверхности мегаструктуры, подобно клещу на коже грокса. Спайка был вынужден отключить все тревожные сигналы о сближении, и фундаментально отрегулировать инерционную устойчивость корабля для противодействия гравиметрической нагрузке. Казалось, что сам корабль чувствует, что маневр был ошибкой. Как и Спайка, *Армадьюк* вел себя с неохотой, как будто чувствовал, что его нарочно бросают на поверхность планеты. Корпус тревожно трещал и стонал. Коррекции двигателей стали едва уловимыми.

С глухим и продолжительным грохотом, и жутким визжанием царапающего корпуса, которое дрожью прошло по кораблю и, казалось, что появилось из какой-то безмерной, отдающей эхом полости, *Армадьюк* примостился на коже Предела.

Спайка выключил главные и корректирующие двигатели. Он активировал магнитные захваты и инерциальные якоря.

Он повернулся к Белтайну.

«Проинформируйте своего командира, что миссию можно начинать,» сказал он.

В боковых ангарах шестнадцать и тридцать девять команды техников пробирались к внешним шлюзам, поднимая защитные экраны и перегородки вокруг того, что будет их рабочим пространством. Некоторые из них ждали, когда индикаторы на контрольных панелях генераторов атмосферных щитов загорятся зеленым. Чтобы убедиться в результатах, они освятили панели и пробормотали соответствующие молитвы. Устройства жужжали и пульсировали. Машинное оборудование катилось вперед к шлюзам, и силовые кабели растягивались. Подошли команды сервиторов, и они стояли наготове со шлангами, в которые вода подавалась из внутренних резервуаров *Армадюка*, вода, которая была темной, грязной и со льдом.

Позади защитных барьеров в каждом ангаре собрались и ждали ударные команды со своим оружием и снаряжением. Некоторые тихо разговаривали, некоторые перепроверяли свое специальное снаряжение, некоторые бормотали себе благословения или курили сигареты с лху, некоторые дремали.

Некоторые наблюдали за техниками за работой. Призраки были подозрительными. Это не было их поле специализации. Время от времени по кораблю прокатывался какой-то болезненный металлический скрежет, перемалывающий визг с тех мест, где корпус крейсера покоился на громаде мира из металлолома, на который они примостились. Призраки вздрагивали, сотворяли символ аквилы и осматривались в поисках источника звука.

Через двадцать долгих, напряженных минут после того, как *Армадюк* прижался к Пределу, устройства в боковых ангарах шестнадцать и тридцать девять заморгали зеленым почти одновременно. Гаунт только что прибыл в шестнадцатый, где собралась Ударная Группа Бета. По кивку старшего техника, Гаунт взял трубку у ожидающего вокс-офицера и вызвал Майора Пашу в боковом ангаре тридцать девять.

«У нас здесь зеленый,» доложила она.

«Поля стабилизировались,» согласился Гаунт. «Отдавайте приказ открывать шлюз.»

«Император защищает,» ответила Петрушкевская.

Гаунт посмотрел на старшего техника.

«Открывайте,» сказал он.

Старший техник кивнул, повернулся и подал сигнал в аппаратную, где работники активировали управление шлюзом.

Раздался тихий стук. Гаунт повернулся и увидел, что Ударная Группа Бета целиком поднялась на ноги с приготовленным оружием.

Он отлично знал, что почти идентичная сцена происходит в боковом ангаре тридцать девять.

Раздались глухой удар, шипение поршней, жужжание моторов, и массивный внешний шлюз начал открываться. Фактически, боковая стенка корпуса сдвинулась в одну сторону.

Свет из ангара открыл то, что было за ней: еще одна стена, почерневшая и покрытая ржавчиной, изношенная веками и отмытая пустотой, бугорчатая и изъеденная, расплавленная и пузырчатая. Это была внешняя кожа Предела.

Сигнальные огни загорались и тухли, предупреждая о том, что атмосферное поле, окружающее стыковочные буферы, борется, чтобы поддерживать герметичность. Не было опасности взрывной декомпрессии в жесткий вакуум снаружи, но Гаунт мог ощущать резкие дуновения утечек: воздух вырывался наружу вокруг небрежно запечатанных мест.

«Вы можете стабилизировать?» спросил он.

Техники уже производили подстройки в форме и размере атмосферного поля посредством контрольных систем. Молитвы эффективности возносились духам машин. Медленно, сигнальные огни перестали моргать и утечки воздуха прекратились.

Тишина. Тишина, кроме очень отдаленного треска и скрежета металла, трущегося о металл.

Гаунт прошел мимо защитных экранов прямо к обнаженной коже Предела. Она была уродливой, как почерневшая металлическая сетка шрамов, вспаханная и деформированная рядом с влажным, но чистым ангаром *Армадюка*.

Гаунт снял перчатку, протянул руку и притронулся к чуждому металлу. Он только сейчас начинал нагреваться от тепла атмосфера ангара. Гаунт почувствовал вечность холода пустоты, наследие безвоздушной темноты. Он чувствовал холодные очертания угроз и обещаний.

Он посмотрел на старшего техника.

«Приготовьтесь резать,» приказал он.

Вокс-офицер стоял рядом. Гаунт передал тот же самый приказ Майору Паше, а затем переключил канал, чтобы говорить с Капитаном Спайкой.

«Мостик.»

«Капитан, пожалуйста, дайте сигнал Ударной Группе Альфа начинать. Приказ отдан.»

«Понял.»

Пусковой Техник Гудчайлд положил трубку вокса обратно на держатель, встал и пошел вниз по металлическому трапу в свою аппаратную. Медная контрольная доска была очищена и благословлена, а печати, исполненные по обету, исписанные бумажные ленты, прикрепленные воском и красными лентами, были убраны со шкал и рычагов.

Гудчайлду нужно было произнести всего лишь одно слово. Его сервиторы и техники приступили к работе. Смазанные поршни начали поднимать секции палубы. Выхлопные отверстия со стуком открылись. Главные и вторичные световые системы главной палубы переключились на холодный голубой и начали моргать предупреждающие об опасности огни. Давление упало, когда главные воздушные внешние шлюзы открылись, отодвинувшись наружу и в сторону, как лепестки цветка. Атмосферная оболочка подстроилась соответственно. Мощность поля вышла на пик.

Голоса бормотали повсюду вокруг него: аугментическое гудение сервиторов, бездумно произносящих потоки технических калибровочных цифр, и адептов пусковых команд, монотонно повторяющих катехизмы служения и долга.

На главной палубе внизу, толпы рядовых, большинство из которых были выращенными массивными нечеловеческими сервами, оттаскивали кабельные линии и швартовочные тросы, убирая их в подпалубные барабаны. Первые шесть кораблей на главной взлетной палубе были загружены и ждали. Межпалубные подъемники уже поднимали следующую волну кораблей из парковочного ангара. Было необычно, чтобы маленькие корабли, как лихтеры Арвус и Фалко, поднимали или перемещали с людьми на борту, но капитан корабля недвусмысленно донес до Гудчайлда важность быстрого запуска. Загруженные гвардейцами и штурмовым снаряжением, корабли загружались на пусковые платформы, как боеприпасы в орудие.

Первый поднятый корабль начал ускоряться в сторону шлюза. Это был тяжеловесный гигант, которого Гудчайлд видел на борту у Солнца Тависа, воинственный зверь в цветах Серебряной Гвардии. Обозначением его модели было *Честус*, штурмовой транспортник Адептус Астартес древнего образца, машина, построенная для абордажных действий. Его двигатели горели горячим желтым, когда он пролетал воздушный шлюз, а затем загорелись диким зеленым, когда он проскользнул сквозь неотчетливый край атмосферного поля в жесткий космос.

Позади него полетел первый из штурмовых транспортников: корабль типа Арвус, длинный и стандартный, за которым следовали четыре корабля типа Фалко. Они стартовали парами, их двигатели производили пронзительные, более низкие звуки, по сравнению с гортанной пульсацией Честуса. Звуки двигателей пропадали, как только маленькие корабли покидали атмосферное поле.

Вторая волна уже скользила по рампе.

Гудчайлд пошел обратно на свою станцию вокса и поднял трубку.

«Мы в состоянии запуска,» доложил он. «Запуск в процессе.»

Держа наготове микрофон вокса в руке, Белтайн смотрел, как капитан корабля и старшие офицеры мостика собрались вокруг светящейся консоли стратегиума. На

гололите, маленькие пятнышки света выплескивались из изображения Армадюка, и быстро двигались в боевых построениях вокруг структуры Предела. Спайка увеличил разрешение, так что было видно не весь Предел. Белтайн видел маленькие скопления быстрых световых точек, похожих на неоновые семена, несущихся вдоль неровной местности корпуса Предела прочь от *Армадюка*, летя очень низко, придерживаясь поверхности, чтобы избежать обнаружения. Белтайн отметил, что Спайка барабанит пальцами по ограждению стратегиума, пока смотрит. На мостике был слегка кислый запах, запах адреналина. Это было не только от напряженной команды: подключенные проводами к нейросистемам корабля, нечеловеческие существа и сервы тоже реагировали напряженно.

Корабль сам по себе нервничал.

«Ударная Группа Альфа в восьми минутах до цели,» нараспев произнес один из старших офицеров.

Спайка кивнул. Его пальца барабанили.

В кабине Честуса, пилот-сервитор Терек-8-10 поддерживал постоянный курс. Его биомеханические руки покоились на пульте управления, хотя он управлял тяжелой машиной через нейронно-импульсную связь аугментических подключений. Ручное управление было для непредвиденных случаев. Камеры его сердец вибрировали от выхода мощности двигателей по обе стороны от него. Видимость впереди через маленькое окошко была ограничена. Он следовал четкому курсу по изломанной географии поверхности цели по схеме, предоставляемой ауспексом и отображаемой на гололитическом маршрутизаторе. Честус возглавлял штурмовой отряд, огибая склоны из металлолома, пролетая над разорванными пилонами, прижимаясь к подножиям металлических ущелий и пропастей, даже пролетая под случайно созданными мостами из разрушенных машин.

Задний ауспекс показывал, что десантные корабли крепко сидят у него на хвосте, следуя за ним. Терек-8-10, так же, отслеживал устойчивые жизненные показатели трех людей, закрепленных в зажимах инерционных подавителей в бронированных отсеках двойного корпуса ниже и впереди него.

Жизненные показатели были невозможно медленными, как будто личности были настолько спокойными, что почти спали.

Терек-8-10 пробудил орудийных сервиторов и их хрупкие маленькие синусоидальные показатели загорелись рядом с тремя медленными, мощными сердечными ритмами.

«Четыре минуты,» нараспев произнес пилот-сервитор, каждое слово было четким и отдельным, каждое слово было важным.

В боковом ангаре шестнадцать, Гаунт наблюдал, как техники выкатили пробивную дрель Аид на позицию. Ее огромный режущий наконечник был, всего лишь, на расстоянии волоса от обнаженного корпуса Предела. Производились последние несколько благословений ее системам.

Старший техник бросил взгляд на Гаунта.

Гаунт поднял три пальца.

Осталось три минуты.

Арвус продвигался тяжело. Ненормальный электромагнетизм чумой поразил ущелья и каньоны металлической кожи Предела Спасения. Это была не самая приятная поездка, которую Гол Колеа когда-либо знал.

Грузовой трюм Арвуса не предоставлял никакого обзора и было весьма мало комфорта. Голая металлическая коробка была подготовлена, чтобы предоставить сидячие места для готовых к бою солдат и достаточно места для их снаряжения. Они были закреплены на смотрящих друг на друга рядах, спинами к корпусу, чувствуя позвоночниками каждый толчок и встряску. Здесь не было иллюминаторов, была всего лишь щель в крошечный отсек кабины. Арвус был рабочей лошадкой, спроектированный для загрузки и перетаскивания. Комфорт и роскошь никогда не были на рассмотрении.

Колеа поерзал на своем сидении. Его лазерная винтовка стояла вертикально между его коленей, а ремни дыхательной маски были застегнуты у него на шее. Из-за того, как были сложены абордажные щиты, для его ног едва хватало места.

Он был прямо рядом с задним люком, готовый вести наружу. Он оглядел трюм. Члены Роты С терпели поездку, большинство смотрели прямо перед собой или вниз на палубу: Каобер и Версун; Дерин; Нейт, Старк и огнеметчик Лайса; Бул и Мкан с орудием .30 калибра.

Напротив него, прислонившийся плечом к люку, был Рервал, адъютант роты Колеа.

«Две минуты,» сказал Рервал. «Мы почти там.»

«Да,» сказал Колеа. «Вещи станут намного лучше, как только они начнут стрелять по нам.»

Жидкость, капающая из приготовленных шлангов, воняла прометиумом и ржавчиной. Запах напомнил Бану Дауру о дожде, который падал на Западный Хасс и верхушки крепости Улья Вervун. Грязный дождь, загрязненный металлургическими и машиностроительными заводами.

Он прошел по боковому ангару тридцать девять, проверяя отряды Ударной Группы Гамма. Призраки собрались позади линии защитных барьеров. Была напряженность. Половина собравшихся была Вергхастцами, пополнением из роты Майора Петрушкевской. Несмотря на общее происхождение и узы, эти солдаты никогда раньше не сражались вместе с Призраками, и им еще стоило доказать, что они стоят этого имени.

Он кивнул Вивво, Ноа Вадиму, Полло и Нирриаму и Вагнеру. Он остановился, чтобы поговорить с Синой и Ариллой, стоящих со своим тяжелым орудием .30 калибра. Он остановился, чтобы обменяться шуткой со Спетнином, заместителем Майора Паши.

Маггс ждал с Халлером, Раглоном и первой волной стрелков, Мерртом, Куестой и Нессой. У снайперов на плечах были их лонглазы. Вся группа смотрела на адъютанта Даура, Мора, который стоял на коленях рядом со своим вокс-передатчиком, вслушаваясь.

«Все готовы?» спросил Даур.

«Уже месяцы, как,» ответил Халлер.

Даур улыбнулся. Он долгое время знал Халлера. Они вместе прошли через Защиту Улья Вербун. Халлер, без сомнения, тоже узнал запах дождя Западного Хасса. У Халлера никогда не было стремления и способности, чтобы выделяться, как Даур, но Даур знал, как сильно тренировался Халлер последние несколько месяцев, чтобы сохранить руководство одной из команд зачистки Гаммы.

К ним присоединилась Майор Паша, с Харком. Комиссар поправлял фуражку, чтобы она была строго прямо, готовый к делу. Даур отметил, что тяжелая кожаная кобура плазменного пистолета Харка была расстегнута.

«Одна минута,» сказал Мор.

Свет в передних отсеках Честуса загорелся красным. Закрепленные, Холофернэс, Сар Аф и Идвайн едва обратили внимание на уведомление.

Но закованные в сталь кулаки сжались вокруг рукоятей оружия.

Пилот-сервитор Терек-8-10 проверил экраны своих пиктеров. Последние несколько секунд данных передавались потоком, при этом фактические данные сканирования ауспекса и результаты обнаружения заменяли прогнозные данные и менее точные данные дальнего сканирования.

Главная Точка Внедрения, после тщательного анализа, была определена перед запуском. Это было место, которое при дальнем сканировании казалось главным воздушным шлюзом или стыковочным люком, одним из главных входов завода Предел Спасения. Сейчас, когда они приближались, системы показывали, что шлюз был практически несуществующими руинами, частью металлоломной архитектуры. Термальные и энергетические следы показывали намного меньшую структуру воздушного шлюза, все еще достаточно большую для погрузочно-разгрузочных работ, которую не так давно и регулярно использовали. Эти вторичные ворота были ниже и левее от того, что на плане показывалось, как Главная Точка Внедрения. Глубинное сканирование плотности показывало, что Главная Точка как усилена, так и заполнена с другой стороны обломками.

Терек-8-10 не делал осознанных решений. Пилот-сервитор обработал данные и подогнал характеристики своей миссии для оптимального эффекта. Ловкая ручная подстройка, в шестнадцать секунд от цели, направила Честус вниз и налево.

Вторичный воздушный шлюз зафиксировался в качестве новой выбранной цели, намертво закрепившись в перекрестиях мониторов. Он выглядел, как поверхность скалы, поверхность скалы, сделанной из темного, запятнанного и изрытого металла.

Терек-8-10 включил форсаж.

Короткие ракетные двигатели зажглись, и Честус рванул вперед, как будто сзади его пнул гигант. В восьми секундах от поверхности скалы ракетные батареи, прикрепленные к крыльям Честуса, выпустили блестящую массу микроракет. В тот же самый момент, мелта-пушка, расположенная внизу, выстрелила.

Сияющий заряд из тепловой пушки погнул металлическую поверхность скалы. Структура воздушного шлюза пошла пузырями и расплавилась, выбрасывая гейзеры раскаленных добела капель в пустоту, подобно илу, выброшенному со дна пруда. В эпицентре удара осталась сочащаяся белым горячим металлом рана, сияющий кратер, который почти пронизывал усиленный корпус.

Менее, чем через секунду, врезались микробоеголовки Огненная Ярость массивным ударом, который разнес уже надорванный материал воздушного шлюза.

Там была вспышка света, которая очень быстро пульсировала от множественных взрывов, и шлюз разлетелся: сначала внутрь, а затем, незамедлительно, наружу, когда избыточное давление внезапно спало. В последние несколько секунд Честус летел в кружащемся и расширяющемся огненном шаре и шторме из обломков, которые отскакивали от его передних щитов и бронированного корпуса, царапая и оставляя зарубки и вмятины. Терек-8-10 твердо держался курса, несмотря на грандиозную турбулентность. Как визуально ослепленный, так и с пустыми сканерами от экстремальной энергетической вспышки взрыва, Терек-8-10 все равно выстрелил из тепловой пушки дважды, послав разрушительную энергию в открытую рану вскрытого взрывом стыковочного отсека.

Истекли последние секунды. Время их полета закончилось, с погрешностью менее секунды между спрогнозированным временем полета и фактически прошедшим временем.

Честус был внутри Предела Спасения.

Он пролетел сквозь расширяющийся огненный шар, влетая в ангар на максимальной скорости. Территория стыковочного отсека была значительного размера. Взрывная декомпрессия превратила ее в полный беспорядок. Едва заметные сервиторы, погрузочные машины, ящики, даже обслуживающий персонал, летели, вращаясь, на них, несомые потоком утекающего воздуха. Некоторые из них были объаты огнем. Маленький лихтер летел на них, сорванный с крана, вверх дном, и встретился с правым бортом несущегося Честуса. Удар разорвал его пополам. Изувеченный корабль отлетел и отскочил от потолка ангара, куски крыльев и двигателей разрушились и разлетелись.

Выстрелы вслепую Терека-8-10 пронзили внутреннее пространство ангара, превратив еще два закрепленных шаттла в расплавленный шлак. Две или три микробоеголовки так же беспрепятственно попали в ангар. Они взорвались глубоко внутри, когда, в конце концов, встретились с твердыми объектами. Честус прорвался сквозь раму погрузочного крана, смяв балки и надев структуру на себя подобно гирлянде. Тащащийся каркас сорвал два маленьких корабля со своих полок под потолком.

Честус почти исчерпал пространство. Дальним концом причального ангара был еще один шлюз. Сработавшие автоматически, противовзрывные заслонки закрывались.

Терек-8-10 выстрелил из пушки, послав обжигающее копьё энергии перед Честусом. Форсажные двигатели раньше прекратили работать, но пилот-сервитор снова зажег их, используя резерв топлива, выхватывая последние куски импульса и силы.

Внутренние заслонки не взорвались. Они погнулись от выстрела из мелта-пушки, на них образовались пузыри и струпы из расплавленного хрома, которые отваливались металлическими хлопьями, как мертвая кожа. Все еще таща куски перекрученных балок за собой, подобно серпантину, Честус врезался во внутренние заслонки.

Вот *теперь* они взорвались.

Столкновение вбило заслонки внутрь. Оно согнуло одну до горизонтали и чисто сорвало с рамы шлюза. Другая заслонка, более значительно ослабленная, чем первая, от попадания мелта-заряда, порвалась, как мокрая бумага или поврежденная ткань, обдав Честус перегретым жидким металлом.

Честус пролетел сквозь заслонки во вторичный ангар, таща большую их часть вместе с собой. Он потерял значительную часть импульса. Часть левого крыла была оторвана от столкновения. Устойчивость ухудшилась. Дальнейшая взрывная декомпрессия привела к тому, что ветер с силой шторма стал бороться с тяжелым кораблем. Передние щиты, которые до этого защищали его, в конечном итоге выгорели и упали.

Корабль был скорее снарядом, чем машиной. Он пронзил, разрушая, один за другим, три легких шаттла, которые висели бок о бок над палубой ангара на швартовочных зажимах. Терек-8-10 увидел показания сенсоров, которые сообщили ему, что огромные атмосферные процессоры Предела работают на гиперактивных уровнях, пока пытаются компенсировать катастрофическую потерю давления. Генераторы поля боролись, чтобы установить кордон против жесткого космоса и запечатать глубокую, зияющую рану в структурной целостности Предела.

Это было хорошо. Архивраг был слишком увлечен восстановлением внутренней среды, чтобы обдумать последствия. Стабильность атмосферы означала, что части Имперской Гвардии, следующие за Честусом внутрь, смогут непосредственно высадиться.

Честус почти исчерпал место во вторичном ангаре. Терек-8-10 снова выстрелил из мелта-пушки и размягчил конец отсека достаточно, чтобы пробить его кораблем. Корабль пробил плиту, камень за ним и внутреннюю обшивку отсека. На этот раз, он оставил позади большую часть другого крыла. Сдавленный и поврежденный, с керамитовой броней, почерневшей от огня и расплавленного металла, он прорвался в следующий отсек, инженерный склад. Почти весь его эффективный импульс исчез.

Терек-8-10 стабилизировал содрогающийся корабль, врезавшийся боком в корпус массивного процессора, пока боролся, чтобы остановить его. Он потянул рычаг, который опустил абордажные рампы.

«За Императора,» провыл он усиленным аугментическим монотонным голосом.
«Убейте их!»

Контрольные огни на его главной консоли показали ему, что внизу, в транспортном отсеке, зажимы трех инерциальных подавителей расцепились.

СЕМНАДЦАТЬ

Абордаж

«Они внутри,» сказал по воксу Белтайн. «Сообщено о контакте.»

«Начать резать!» приказал Гаунт. Техники поблизости начали выполнять приказ. Благословенный двигатель уродливой пробивной дрели Аид с грохотом ожил, и покрытый маслом зверь, подобно гигантскому солнечному жуку из незнающих света глубин под каменной коркой некоторого мира, двинулся вперед. Его тяжелые траки застучали по палубе бокового ангара шестнадцать.

Аид был осадной машиной, буром, разработанным для траншейной войны. Гаунт видел, как инженеры Крига используют такие устройства с большим эффектом, когда еще был кадетом. Прорезаться через то, что являлось корпусом космического корабля, не было традиционным использованием, но это был самый быстрый и самый подходящий способ попасть внутрь, который смогли выдумать тактические планировщики. Массивный режущий наконечник Аида, пробивной четырехсекционный инструмент из соединенных, вращающихся силовых буров с алмазными наконечниками, был смонтирован в передней части танкового шасси и направлялся каркасом с мощными поршнями. Силовые буры вращались снаружи внутрь, так что искромсанный материал падал между резаками, вниз на конвейерную ленту, которая бежала в центре машины подобно пищеварительному тракту, и извлекался, подобно отходам жизнедеятельности, сзади. Спереди, Аид напоминал гротескную концентрическую пасть какой-то глубоководной рыбы с рядами зубов, окружающих глотку. Глубоко в этой глотке, над лентой, был мелта-резак, установленный, чтобы ослаблять твердые вещества до шлака.

Шасси выбросило черные выхлопные газы. Режущие головки вращались на максимальной скорости. Оператор задействовал механизм мелты и выстрелил несколько обжигающих зарядов в кожу Предела.

Кожа начала изгибаться и деформироваться, наполняя пространство ангара вонью смолы и жженого металла. Затем вонзились зубья резаков.

Шум был болезненно громким. Это был пронзительный визг высокоскоростной дрели, смешанный с глубокой пульсацией и ревом массивной индустриальной

машины. Тепловые заряды достаточно размягчили корпус, чтобы перемалывающие, разрывающие головки бура нашли точку опоры. Металл корпуса выл, когда его стирали. Мелкие металлические куски начали падать с ленты, стружки, отполированные почти до серебряного блеска вращающимися зубьями. Мелкая пыль и дым поднимались от силовых резаков, которые уже были сверхнагретыми от трения. Члены экипажа, стоящие рядом, открыли свои шланги и начали поливать режущую головку струями воды. Оператор Аида продолжал выпускать яростное тепло мелтой, потому что было важно, чтобы материал корпуса был достаточно мягким, чтобы зубья вгрызались. Но, так же, было важно держать силовые резаки достаточно холодными, чтобы они не оплавилась и, что еще более важно, не затупились и не превратили в эмульсию облака микроскопических, ультра-острых осколков, которые летели от места разреза облаками, похожими на пыль. Если это попадет в глаза или горло, если это попадет в легкие, это может убить человека от катастрофических микро-порезов. Жареная минеральная вонь уже было достаточно плохо. Время от времени, трещина или дефект в материале корпуса становились причиной того, что большой осколок металла откалывался и отлетал прочь из-за движущихся зубьев. Эти куски со свистом отскакивали от защитных экранов и перегородок. Гаунт знал, о чем Призраки позади него думают. Это звучало в точности похоже на огонь малокалиберного оружия, отскакивающего от досок в траншее.

В одного из операторов попал кусок летящего осколка. Он сбил его с ног, но оператор снова поднялся, раненый и трясущийся. Несколькими секундами позже, в еще одного оператора попал острый обломок, который чисто прошел сквозь его нательную броню и вошел в торс выше правого бедра. Коллеги оттащили его, но он истек кровью до того времени, как они доставили его до шлюза ангара, где ожидали команды медиков.

«Насколько толсто?» прокричал Гаунт сквозь вой бура.

«Сканирование плотности показывание, что немногим больше трех метров,» ответил старший техник.

«Время?»

«Если состав не изменится, восемнадцать минут.»

«Сколько?» спросил Даур, крича сквозь визг Аида в боковом ангаре тридцать девять.

«Двадцать восемь минут,» ответил начальник команды техников.

«Ударная Группа Бета сообщает о значительно меньшем ожидаемом времени,» сказала Майор Паша.

Лицо техника было закрыто запачканной защитной полумаской.

«Сплав в этом месте ощутимо плотнее,» объяснил он. «Я сравнил доклады о химическом составе из бокового шестнадцатого. В этом месте плотность на девять процентов больше.»

Майор Паша посмотрела на Даура.

«Пробьемся, когда пробьемся,» сказала она сквозь шум резака. Он угрюмо кивнул головой.

«О чем вы думаете?» спросила она.

«Альфа,» сказал Даур.

Они вышли из Честуса в разрушенную, нестабильную атмосферу объятые огнем. Несколько огромных пожаров полыхали в центре инженерного склада, а секции крыши обрушились из-за входной раны, проделанной тараном. Какой-то вид топлива выплеснулся из пробитого бака и покрыл палубу. Оно горело, похожее на поле яркой кукурузы: желтое пламя, и его отражение в черном зеркале топлива.

Идвайн, Холофернэс и Сар Аф шли быстрым шагом сквозь огонь, не обращая внимания. Их древние, украшенные гребнем шлемы заставляли их казаться особенно высокими; их богато украшенная и массивная броня придавала им даже большую неестественную массивность. Свет от огней блестел на позолоченных орлах на груди и на решетчатых лицевых пластинах, и сверкал на массивных абордажных щитах в виде полуаквилы. У всех троих были болтеры в правых кулаках, которые они держали покоящимися на правых верхних углах щитов.

Они начали стрелять, пока продвигались вперед, набирая скорость, переходя с большого шага на легкий бег. Болты вылетали, уничтожая сенсоры, единицы

автоматической защиты, потенциальные укрытия. Стреляные гильзы вылетали в воздух.

Позади них, Честус извергал остальную часть своего груза, орудийных сервиторов. Два были гусеничными единицами с мульти-лазерами, остальные четыре были шагающими единицами, сияющими серебром и хромом в цветах Ордена Идвайна. У них были лица из гравированного серебра, выполненными в виде черепов, или, по меньшей мере, черепов ангельских созданий. Их верхние конечности были орудиями: автопушками, тяжелыми болтерами, ракетными установками. Они шли через озера огня так же не обращая внимания, как и Космические Десантники, продвигаясь, как жатвенные машины сквозь высокие зерновые, стреляя, пока шли. Энергетические лучи прожигали пространство склада. Направленное сканирование Терека-8-10 уже идентифицировало три точки входа в дальнем конце зала, и он передал данные Космическим Десантникам на визоры.

«В активном сопротивлении нет человеческих био-следов,» доложил Терек-8-10 по воксу. «Несколько сотен обнаружены пытающимися сбежать из зала. Еще несколько дюжин обнаружены под обломками, угасающими.»

Почти в тот же момент, как будто доклад пилота-сервитора искусил судьбу, абордажная команда начала принимать обстрел. Он посыпался дождем вниз под крутым углом, отскакивая от абордажных щитов и полированного хрома орудийных сервиторов. Сар Аф принял один кинетический удар в бок шлема от скользящего выстрела, который был достаточно сильным, чтобы заставить его заворчать.

Терек-8-10 был в смятении.

«Ауспекс не считывает человеческие био-следы в сопротивлении,» объявил он.

«Не обязательно должно быть человеческое, чтобы хотеть нашей смерти,» ответил Идвайн.

Он поднял щит, как павезу, чтобы защититься от дождя из дротиков. Остальные Космические Десантники сделали то же самое.

Сар Аф отметил окружающую обстановку, отметины и зазубрины от шрапнели, мгновенно проанализировав.

«Флешеттные заряды,» сказал он.

Они начали высматривать нечеловеческие глаза, охотящиеся во тьме на вспышки из дула, наверху у крыши, в плотном переплетении каркасов машин и кранов.

Движение.

«Локсатль,» доложил Идвайн. Он отчетливо заметил одну из длинных, извивающихся ксено-рептилий. Остальные Космические Десантники не ответили. Они были слишком заняты, пытаясь убить существ.

Терек-8-10 подстроил параметры сканирования ауспекса, чтобы они включали ксенобиологический элемент.

«Святой Трон Терры,» выдохнул он.

Локсатли хлынули в склад через потолочные вентиляционные отверстия, сползая вниз по балкам и вертикальным опорам, используя свои цепкие конечности и хвосты, стреляя из смертоносных флешеттов, привязанных ремнями к их животам.

Ауспекс уже показывал шестьдесят восемь из них, и число росло с каждой проходящей секундой.

Десантные корабли Ударной Группы Альфа последовали за безрассудным полетом Честуса в сердце Предела. Внешний шлюз переназначенной Главной Точки был полностью уничтожен. Кораблям Арвус и Фалко приходилось сближаться и влетать по одному или по двое, чтобы избежать зазубренные края металлического обрамления входа выпотрошенного стыковочного отсека.

Декомпрессия прекратилась, так что воздух был чист от летающих обломков. Поля вновь установились, чтобы запечатать вход, и каждый десантный корабль содрогался, когда прокалывал край поля и влетал в атмосферу из жесткого космоса.

«Приготовиться!» выкрикнул лидирующий пилот.

Главный стыковочный отсек был зоной бедствия. Он выглядел так, как будто по нему пронеслось наводнение, смыв обломки ко входу. Эти обломки включали в себя целые транспортные корабли и шаттлы. За потоком следовал огненный шторм, который оставил большую часть пространства в огне.

Здесь не было места, чтобы приземлиться.

Пилоты Арвуса последовали за маячком Честуса. Он проделал дыру в следующий ангар.

«Трон, мы еще не там?» простонал Рервал.

Во внутреннем ангаре было немного лучше. Десантные корабли снова сбросили скорость, летя к другой стороне ангара. Честус пробился сквозь него в третий зал, но этот пролом был слишком маленьким и предательски острым для тонкошкурных лихтеров, чтобы можно было рискнуть пролететь.

«Садимся!» крикнул пилот по связи.

Первый Арвус стал опускаться, подстраивая форму крыльев для приземления. Он приземлился с грохотом на изогнутую, покрытую обломками палубу.

Задний люк упал. Колеа, с дыхательной маской на лице, повел первый взвод наружу. У него была лазерная винтовка и высокий продолговатый абордажный щит, который выглядел, как крышка гроба.

Ему понадобилась секунда, чтобы привыкнуть к окружению. В задней части лифтера было темно и тесно. Теперь было ярко, и пространство вокруг него было обширным, причальная станция значительного размера. Воздух был почти морозным, но жар от различных монументальных пожаров обжигал его кожу. Машины и погрузочное оборудование было уничтожено на пути атаки Честуса. Остальные корабли приближались сквозь дым и садились позади корабля Колеа.

Рервал крикнул и указал в сторону маячка Честуса. Впереди была еще одна дыра в стене, похожая на гигантскую дырку от пули, там, где Честус пробился в следующий отсек. Колеа побежал вперед. Под ногами были горящие обрывки, куски обломков и скопления органики, оставшиеся от персонала ангара, раздавленного в кашу давлением во время атаки Честуса.

Дыра была большой, но нижний край был в четырех метрах от уровня палубы, а края все еще светились горячим красным. Пробраться туда будет забавным. Колеа осмотрелся в поисках люка, который они могут взломать – противовзрывную дверь, воздушный шлюз...

«Штурмуем!» крикнул он. «Хватайте обломки для лестниц. Шевелите задницами. Жить вечно сегодня не вариант!»

Его отряд разбежался и собрал секции упавшего портала крана, таща их к дыре. Еще отряды присоединились к ним, привезенные следующей волной кораблей. Баскевиль был среди них. Колеа видел уверенность в его глазах сквозь линзы его дыхательной маски.

«У нас проблема,» сказал Баскевиль.

«Пролом?»

«Нахер его, высадка. Места нет!»

Колеа взвесил варианты. Сейчас на палубе было шесть лихтеров, и место для, возможно, еще трех. Приближающиеся Фалко и длинномеры, скоро будут толпиться из-за отсутствия места для приземления.

«Нам нужно отослать пустые,» крикнул Колеа Баскевилю.

«Согласен!»

«Отправь сообщение пилотам,» приказал Колеа. «Они должны освободить место на земле сразу, как только разгрузятся, а прибывающие должны предоставить место в воздухе, чтобы первые смогли улететь.»

«Мы не можем держать их на месте,» сказал Баскевиль.

«Нет, не можем,» согласился Колеа. «Хорошо, что мы планируем остаться здесь, а?»

Баскевиль направился назад к зоне высадки. Колеа присоединился к своему штурмовому отряду у дыры. Под присмотром Дерина и Каобера, секции теплого металлического металлолома были оттащены к стене и подняты в качестве самодельных рамп к дыре.

«Это безопасно?» спросил Колеа.

Дерин просто рассмеялся.

«Я знаю,» ответил Колеа. «Тупой вопрос.» Он поднял свой абордажный щит и вскарабкался по трубчатой раме. Как командующий штурмом, он не собирался позволять кому-либо еще показать ему, как это надо делать.

«Вперед!» крикнул он людям позади себя. Большинство из них, казалось, особенно стремились помогать держать обломки устойчиво.

«Вы слышали майора,» прокричала Комиссар Фейзкиель, бегом направляясь от своего транспортника. «Забирайтесь на эту рампу!»

Призраки начали толпой забираться по раме позади Колеа.

Колеа забрался наверх и пристально посмотрел сквозь огромную дыру в стене отсека. Он мог видеть пожары, пылающие на складе, ощущать поток тепла. Он мог видеть Космических Десантников. Он мог видеть, во что они стреляют.

«Ох, святой гак,» произнес он.

«Они, фес их, машут им улетать!» воскликнул Костин, его голос звучал глухо и глупо в дыхательной маске. «Посмотрите на них. Баскевиль просто машет им улетать!»

Мерин посмотрел. Он увидел, о чем говорит Костин. Рота Е только что начала высаживаться из своих Фалко, а зона высадки уже была забита так плотно, как кому-нибудь когда-нибудь хотелось бы. Он мог видеть, как Майор Баскевиль и другие офицеры сигналият пустым кораблям подниматься и очистить покрытую обломками палубу для остальных.

Это означало, что если им поспешно придется отступить, ожидающих транспортов не будет в достаточном количестве.

«Гак, просто великолепно,» резко сказал Гендлер.

«Я знаю! Фесово великолепно, да?» согласился Костин.

Гендлер не ответил. Мерин притворялся, что слишком занят кричанием на нескольких увальней, чтобы они спустились с рампы.

Правда была в том, что Костин не был их лучшим другом прямо сейчас. Прямо перед погрузкой и запуском, он пришел к ним, напуганный до усрачки тем, что ему сказал

Роун. Жалкий идиот просто вывалил это на них, прямо в середине подготовки к битве, вместе со стрессом. Костин был помехой. Он больше не мог ни с чем справиться, и меньше всего со своей выпивкой. Он был параноидальным и бредовым. Лучшим предположением было то, что Роун каким-то образом напал на след прелестного маленького дельца, которое они обдeldывали. Если это было правдой, тогда это тревожило, как рана на груди. Это не тревожило так, как штурм, в центре которого они находились, но в долгосрочной перспективе – если, конечно, будет эта долгосрочная перспектива – это будет, вероятно, тревожить даже хуже. Если 'они' узнали, вещи могут обернуться очень скверно для Мерина и его ближайших сообщников.

Так же скверно, как лицо Костина.

Что он сделал? Что пьющий придурок умудрился сделать? Как он выдал их? Проболтался за рюмкой сакры? Какой-нибудь тупой промах?

Что бы ни было, Мерин был уверен в единственной вещи. 'Они' взяли Костина. Роун бы не пришел к Костину, если бы с уверенностью не знал, что Костин был в этом. Иначе, это было, возможно, ловля на крючок. Костин был, возможно, *всем*, что у них было, потому что только Костин был достаточно тупым, чтобы выдать себя, но даже в этом случае, он не был достаточно туп, чтобы выдать все дело.

Роун закидывал удочку. Роун рассчитывал на то, что Костин будет так напуган, что сделает все, что сможет, чтобы спасти свою шею.

И он сделает. Костин *всегда* делает.

Поэтому, если они выберутся из Предела живыми, Мерину нужно будет справиться с серьезным обеспечением безопасности.

Дождь огня от ксеносов стал проливным. Флешеттные заряды уничтожали все вокруг наступающих Космических Десантников. Идвайн чувствовал, как ультраострые осколки разрезают его броню. Один, фактически, пробил керамит. Он почувствовал, как он зарывается в мясо его бедра. Чистая скорострельность и проникающий эффект бластеров локсатлей могут прикончить их. Даже трое из Адептус Астартес могут быть сбиты на колени, а тем убиты таким ливнем.

Его щит был все еще поднят. Смотри вдоль болтера, он начал стрелять в крышу, взрывая балки и помосты. Вниз посыпались обломки. Он увидел, как тело одной из извивающихся рептилий упало и разорвалось на палубе. Сканирование уже показывало почти сто восемьдесят локсатлей, нахлынувших в зал. Некоторые неслись вниз по стенам, чтобы атаковать с земли. Идвайн направлял огонь орудийных сервиторов, пока они шли вперед к резне.

Большой взрослый локсатль бросился с платформы над головой и упал на Холофернэса, вытянув когти, чтобы нанести режущий удар. Холофернэс поймал животное на щит и отбил его в сторону. Оно отскочило от палубы, вращаясь, сбруя его бластера порвалась, так что флешетт отлетел в сторону. Развернувшись, Сар Аф послал единственный болт в череп локсатля до того, как тот смог подняться. Это мозговое вещество разлетелось по палубе, а его массивное, серо-голубое туловище и хвост забились в мышечных спазмах.

Еще один бросился. Сар Аф разорвал его напополам в воздухе. Вниз полетел третий. Холофернэс пристегнул свой болтер и вытащил копье из-за спины. Он рванул вперед, чтобы сойтись в ближнем бою, обезглавив третьего локсатля клинком вращающегося копья.

«Итака!» крикнул Железный Змей.

Следующий локсатль, который кинулся на него, потерял свои передние конечности у локтевых суставов от одного текучего режущего удара. Следующий за ним умер от сквозной раны. У следующего, который атаковал, когда Холофернэс вытаскивал свое копье из предыдущей жертвы, сломался хребет от удара абордажного щита Железного Змея.

Это было что-то, но это было только начало. Ауспекс уже показывал двести семьдесят ксено-контактов в зале. Было так много спускающихся по пилонам с крыши, что они выталкивали передних за перила, заставляя их падать, с вытянутыми когтями, на Космических Десантников. Сар Аф убивал их в воздухе болтами, взрывая черепа и грудные клетки, отделяя хвосты, покрывая зону боя мясом и внутренностями. Затем два флешеттных заряда почти одновременно попали в его правый наплечник и заставили упасть на одно колено.

Терек-8-10 поднял Честус в воздух позади них, со все еще опущенными рампами. Он поднял поврежденный корабль почти на восемь метров, и подвинул его над головами наступающих Космических Десантников. Бронированная громада Честуса сформировала большой щит, впитывающий большую часть бластерного огня, который лился на Космических Десантников и их сервиторов. В его тени, Идвайн увидел, что палубные плиты были покрыты и разодраны флешеттным огнем до такой степени, что они напоминали лунную поверхность. Палуба, так же, была покрыта кровавым мясом ксеносов и скользкими, цвета сливы, органами.

Флешеттный огонь обрушился на Честус. Локсатли падали на него, хватаясь за изорванные крылья, скользя по корпусу. Некоторые упали. Другие удержались. Они роились на верхней поверхности. Терек-8-10 закрыл рампы, но несколько из них уже проскользнули внутрь, как ящерицы, скачущие по камням на солнце. Он мог слышать, как они скользят и стрекочут внутри пустых отсеков. Он мог чують вонь прокисшего молока и давленной мяты, которая исходила от их плоти и дыхания. Еще одно животное вскарабкалось на обтекатель перед ним, и начало стрелять из своего бластера в упор в маленький бронированный иллюминатор перед местом пилота. После восьми маниакальных выстрелов, бронированное стекло, как ни странно, начало трескаться.

Терек-8-10 переключился на ручное управление и начал раскачивать Честус. Увеличение тяги всосало воздух в атмосферные двигатели, и локсатль слетел с обтекателя. Он пролетел мимо него, царапая когтями металл, визжа нечеловеческим криком, когда его хвост и одна из задних ног исчезли в двигателе.

Терек-8-10 мог слышать, что локсатли на борту прорываются через люк отсека под его позицией. Болезненная вонь прокисшего молока становилась сильнее. Он снова подстроил позицию корабля, задрав его повыше, пытаясь направить мелту на мостки над головой.

Он получил приличный угол.

«В укрытие,» воксировал он.

Под кораблем, Космические Десантники попятись с поднятыми щитами.

У Терека-8-10 было достаточно энергии в тепловой пушке для еще трех приличных выстрелов. Он выстрелил. Часть балок над головой взорвалась, и капли расплавленного металла полились дождем вниз. Мелта-заряд сжег локсатлей до почерневших, иссохшихся останков, которые падали с балок, как обрывки горячей бумаги.

Он снова выстрелил. Огромная секция потолочной фермы, в огне и покрытая горящими локсатлями, упала, и мельком зацепила корабль на пути к полу зала.

Существа на борту были прямо под ним. Они сорвали люки отсека. Они стреляли в потолок грузового отсека, и острая шрапнель от флешеттных зарядов прорывалась через пол в месте пилота, шинкуя ноги и пах Терека-8-10. Он чувствовал ледяную боль от крошечных сверхскоростных металлических осколков, путешествующих по его торсу, разрывающих органы, разрезающих аугментику, и уничтожающих кровеносные сосуды. Он чувствовал их в своих сердцах. Он чувствовал, как разрушаются его легкие. Кровь наполнила его горло. Локсатли под его позицией, стрекоча и воя, продолжали стрелять, посылая выстрел за выстрелом в место пилота.

С последним ударом двух сердец, пилот-сервитор включил форсаж.

Глаза Колеа широко раскрылись. Это было одно из тех зрелищ, которое он никогда не забудет. Он повидал некоторые вещи будучи Гвардейцем, повидал некоторые вещи и до этого. Это стало новым отпечатком на его памяти.

Он видел штурмовой корабль Космических Десантников, Честус, поврежденный и почерневший, облепленный локсатлями. Он видел, как тот задрал нос, указывая на беспорядочную, сложную структуру потолка склада, структуру, которая сочилась ксеносами. Локсатли падали с крыши, как личинки из протухшего мяса.

Колеа был наверху импровизированной лестницы, расположившись у края дыры. Его люди были позади него, кричали ему идти дальше, освободить для них путь. Ему пришлось вытянуть руку, чтобы удержаться. Зазубренный металл края дыры был горячим.

«Что вы видите?» кричал Рервал на балке позади него. «Майор, что вы видите?»

Он мог видеть наклоненный Честус, пульсирующие двигатели, извивающуюся массу локсатлей на его корпусе, некоторые падали, хлестая хвостами. Он мог видеть Космических Десантников и их орудийных сервиторов на полу зала внизу, стреляющих в серых рептилий, пока те наступали со всех сторон.

Он мог чутать прокисшее молоко и давленную мятую.

«Майор?»

Колеа смотрел, когда Честус вздрогнул. Он выстрелил в потолок, обрушив вниз огромные куски машинного оборудования в дожде искр и пламени. Горящие локсатли падали, как кометы. Он снова выстрелил. Массивный цилиндрический пилон оторвался от потолочного крепления и рухнул вниз, потянув за собой сломанные балки и обреченных локсатлей. Огромная конструкция, испуская огонь и дым, едва не задела Честус, когда упала. Она ударилась о пол зала так сильно, что Колеа почувствовал, как ударная волна сотрясла балки, на которых он стоял. Она едва не раздавила одного из Космических Десантников, возвышающегося Серебряного Гвардейца Идвайна.

Идвайн изо всех сил бросился в сторону, чтобы избежать этого. Он приземлился в центр отпрянувших локсатлей, и тотчас ему пришлось убить их, чтобы защитить себя. Цилиндрический пилон опрокинулся после падения, и упал со вторым ударом, который выбил искры и поднял в воздух тучу горящих обломков. Он покатился, объятый огнем.

Честус был почти уничтожен. Его форсажные двигатели зажглись. Ракеты заревели с обжигающим белым пламенем. Облепленный локсатлями, корабль ускорился к крыше.

Вот, когда пришла настоящая ударная волна. Колеа почувствовал ее в своих легких. Он почувствовал ее удар грудной клеткой. Он почувствовал, как он молотом ударила по палубе и стенам отсека. Он почувствовал, как она выбила ноги из-под него.

Честус врезался в потолок, превратившись в огромный огненный шар, который рвался сквозь потолочные конструкции, уничтожая их. Горящие локсатли разлетались во все стороны. Расширяющийся огненный шар, катящаяся волна, накрывала потолок и стены. Падая, Колеа почувствовал его жар.

Погибший, но, по существу все еще целый, Честус упал с крыши, потащив потолок вместе с собой. Энергия потрескивала и искрилась, подобно молнии, вокруг одной из искривленных секций двигателя. Рампа откинулась. Воздух был полон огня.

Падающий погибший корабль с грохотом упал на пол склада.

Колеа тоже ударился о пол. Взрыв сбил его с балки в склад. Он вскочил, ошеломленный, уставившись на разруху перед собой.

«Майор. Майор Колеа. Ответьте!» кричал по связи Рервал.

«Внутри!» крикнул в ответ Колеа. «Рота С внутри! Давайте!»

Он поднял оружие и побежал вперед. Позади него Призраки спрыгивали с края дыры.

Идвайн поднялся, отбросив в сторону обломок. Локсатль встал перед ним, и он убил его выстрелом в голову.

«Статус!» потребовал он через связь в шлеме.

«Жив!» пришел резкий ответ Сар Афа.

Холофернэс не ответил, но Идвайн знал, что это потому, что у Железного Змея всегда было что-то получше, что нужно сделать. Идвайн мог его видеть, в тридцати метрах от горящей кучи обломков, сражающимся в ближнем бою с дюжиной выживших локсатлей. Копье Холофернэса крутилось и делало выпады, убивая их один за другим, оставляя арки из крови ксеносов в воздухе.

Согласно дисплею визора Идвайна, они потеряли одного из орудийных сервиторов, смятого падением. Прискорбная, но приемлемая потеря. Он активировал записывающее вокс-устройство в шлеме.

«Заметка для следующих поколений,» сказал он, повернувшись, чтобы прикончить еще одну пару стремительных рептилий. «Бескорыстное самопожертвование и внимание к долгу--»

Идвайн сделал паузу, разнеся выстрелом хребет прыгнувшего локсатля. Он не мог вспомнить, какой древний пилот-сервитор был назначен на Честус для этой миссии. Это должно быть в файле. Он внесет поправку в упоминание позже.

Идвайн пошел вперед. Два флешеттных заряда ударились в его щит. Он повернулся и выстрелил болтом, который разнес голову ксеноса.

Впереди, за разбросанными обломками, он видел, что Белый Шрам пробивает себе путь к выходу из склада. Хитрый и сообразительный, Сар Аф всегда был в движении, всегда высматривал путь.

Повсюду вокруг старого ублюдка были локсатли.

Идвайн пробежал пару шагов, и прыгнул с кучи дымящегося металлолома. Несмотря на дополнительный вес его почитаемой абордажной брони, прыжок покрыл значительное расстояние. Он приземлился, прыгнул снова, и оказался поблизости позади Сар Афа.

Когда он приземлился второй раз, Идвайн уничтожил три цели выстрелами в голову. Сар Аф повернулся, отбил локсатля в сторону щитом, и опустил его на шею локсатля, чтобы добить.

«Ты ушел вперед,» сказал Идвайн. «Мы не сможем прикрывать друг друга, если так широко разойдемся.»

«Есть вопросы, требующие внимания,» ответил Сар Аф. «Они не будут ждать.»

«Они будут ждать вечно, если ты мертв,» ответил Идвайн. «Существа, защищающие это место, отреагировали с удивительной скоростью на нашу атаку.»

«Если твоя глотка перерезана,» сказал Сар Аф, «не важно, как быстро ты реагируешь. Мы должны идти дальше и перерезать глотку.»

Иногда, с братьями из Пятого невозможно было спорить. Холофернэс, все еще занятый ближним боем позади них, казалось твердо решил методично убивать каждого Архиврага в Пределе Спасения одного за другим. Белый Шрам, тем не менее, показывал абсолютную уверенность оставить им всю славу, если он сможет уйти вперед и обезглавить их командную структуру.

Обе были заслуживающими уважения боевыми этиками. Они были полностью несовместимы. Вот почему у Идвайна было командование миссией.

«Мы пойдем вперед,» сказал он. «Мы останемся вместе.»

Сар Аф кивнул.

Идвайн активировал связь в шлеме.

«Лидер Ударной Группы Альфа Гвардии. Вы высадились?»

«Подтверждаю, лидер.»

«Кто говорит?»

«Майор Колеа, Танитский Первый.»

«Где вы, Колеа?»

«Пробираемся через пролом, наступаем по складу.»

«Вам нужно закрыть брешь. Мы идем вперед. Имейте в виду, что в наличии высокая плотность наемников-локсатлей. Вы знакомы с локсатлями, майор?»

«Да, лидер. Мы, всего лишь, в нескольких минутах позади вас и быстро приближаемся.»

«Очень хорошо. Лидер, отбой.»

Идвайн и Сар Аф повернулись к люку. Белый Шрам только что прикончил еще двух локсатлей. Кровь чужаков покрыла его жемчужно-белую броню.

Заряды вынесли люк. В тумане голубого дыма Сар Аф и Идвайн наступали с поднятыми щитами, с болтерами, покоящимися на правых углах. Холофернэс шел за ними по пятам.

Они вошли в коридор, главный проход. На полу были кровь и обломки, когда персонал убегал от атаки корабля и запечатал люк за собой. Структура и возраст стен и потолка, и компоненты машин, прикрепленные к ним, были такими, что это выглядело так, как будто коридор был сделан из металлолома, снятого с нескольких различных звездных кораблей.

К ним начали лететь выстрелы. Холофернэс присоединился к ним, с копьем на плече и болтером в кулаке. Они сформировали линии, трое в ряд, с поднятыми щитами. Движущейся стеной, гибкой и грозной, они наступали, почти заполнив коридор от края до края.

Оружейный огонь ударил по их неподвижным щитам. Это не был огонь ксеносов их экзотического флешеттного бластера. Это были лазерные выстрелы.

Впереди появились первые человеческие защитники, стреляющие в дымный коридор из лазганов и хеллганов.

С поднятыми щитами, Космические Десантники шли вперед, стреляя. Масс-реактивные снаряды летели от них и рвали коридор на куски. Тела падали. Настенные панели взрывались. Части потолка гнулись.

Перестрелка становилась все более интенсивной.

Космические Десантники не замедлялись ни на секунду.

Призраки из Ударной Группы Альфа продвигались вперед по складу через кучи горящих обломков. Жукова доложила, что ее отряд вступил в бой с несколькими локсатлями и был в процессе их уничтожения, хотя основную массу сил локсатлей уничтожили Космические Десантники.

Колеа размышлял, будут ли еще. Он размышлял, какие еще ужасные твари поджидают в мусорной среде обитания.

Он услышал, как щелкнул .30 и открыл огонь. Бул с Мканом занялись делом. Какого гака они увидели?

«Враги!» крикнул по связи Каобер. Разведчик ушел вперед в левой части склада. Колеа поднял щит и начал бежать. У щитов были разрезы для ствола в правом верхнем углу, так что носитель мог нести щит на левой руке и подпирать ствол лазерной винтовки. Фактически, он мог стрелять из-за укрытия. Колеа раньше не пользовался абордажным щитом в бою, но они тяжело тренировались по пути. Он все еще полагал, что они громоздкие и неэффективные.

Он бежал вперед с пятью или шестью Призраками, перепрыгивая горящие обломки. Покалеченный локсатль плюхнулся из укрытия на их пути и сделал два выстрела из флешетта. Щит Колеа остановил первый, а второй взорвался на палубе. Щит Дерина спас ему ноги и пах от срикошетивших кусков шрапнели. Стреляя из-за щита, Колеа убил локсатля залпом.

Его отношение к абордажному щиту слегка потеплело. В замкнутом пространстве абордажного боя, опасность от рикошетов значительно увеличивалась.

Еще больше оружейного огня полетело в их сторону. Колеа увидел то, что заметил Каобер. В дальнем конце склада открылись потайные люки: тяжелые откидные люки, спрятанные вдоль линии сварки там, где массивная стена соединяется с палубой. Солдаты Архиврага выбирались из них, стреляя, когда появлялись. Колеа не был уверен, были ли люки умышленно спроектированы для оборонительных действий, или враг умело использовал инженерные проходы.

Все, в чем он был уверен, это то, что их левый фланг внезапно оказался под мощным огнем.

Вражеские солдаты были большими людьми мужского пола. Их боевое облачение не было одинаковым, но это была все та же самая смесь богато украшенных бронепластин и желтых бриджей и плащей. Ботинки, перчатки, пояса, застежки брони, вместе с ранцами и ремешками, были сделаны из темной, дорогой кожи, полированной кофеино-коричневой, похожей на красное дерево. Кожаные изделия, особенно широкие и тяжелые пояса, были прошиты пурпурными шелковыми нитями и серебряной проволокой. Желтый цвет материала под коричневым боевым облачением был горячим и кислотным, похожим на термоядерный луч. У воинов были туго натянутые металлические шлемы на ремешках, покрытые коричневой кожей, комбинированные с визорами: узкими, прямоугольными однолинзовыми оправами, которые закрывали оба глаза и излучали темно-синий свет. Изогнутые пряжки подбородочных ремней, выполненные из той же самой темной коричневой кожи, как пояса и ремешки, были очень большими и выполненными в виде рук взрослого человека, которые закрывали всю зону рта под носом.

Колеа знал, на что он смотрит. Слуги ужасного анарха, чей голос 'заглушает все остальные', демонстрировали уважение к своему повелителю закрывая свои рты.

Эти воины были Сынами Сека.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Первый Разрез

Визг буров Аида становился невыносимым. Гаунт чувствовал себя так, как будто его зубы собираются раскрошиться. Атмосфера с боковым ангаре была туманной от выхлопных газов, дыма от горящего металла и маслянистой воды. Мелкая вибрация, передаваемая по палубе от бура, заставляла все трестись.

Он ушел ко входу в ангар, сразу за переборку, так что он мог слышать Белтайна по воксу.

«Майор Баскевиль докладывает, что шесть рот высадились в первостепенной зоне,» сказал Белтайн. «Прибывают остальные, но там плотно.»

«Они постучали в дверь и наделали шума?»

«Да, сэр.»

«Противник?»

«Локсатли. Сейчас Майор Колеа докладывает о контакте с тем, что он полагает, Сыны Сека.»

Гаунт сделал глубокий вдох. Локсатли заставляли его кожу покрываться мурашками, но Сыны Сека были кое-чем другим. Известный по слухам ответ анарха на Кровавый Пакт Гора. Присягнувшие солдаты, фанатики Губительных Сил, как тренированные, так и организованные. Фанатичные воины. Гаунт чувствовал особенный страх, когда оказывалось, что Архивраг действует с умыслом. Их непредсказуемое безумие уже было достаточно плохим. Если бы не Кровавый Пакт, Крестовый Поход в Миры Саббат уже бы давным-давно успешно закончился.

«Держи меня в курсе,» сказал он.

Внезапно, он осознал, что бур замолчал.

«Мы пробились,» сказал Мколл.

Гаунт пошел назад в ангар. Команды сервиторов убрали защитные экраны. Солдаты Ударной Группы Бета были на ногах.

Гаунт махнул первой команде продвигаться вперед. Мколл, Домор, Ларкин и Зеред. Каждый нес инструменты своего ремесла. Они надели дыхательные маски и подстроили фонарики.

Старший техник пристально смотрел на Гаунта, ожидая.

Гаунт взял трубку вокса у оператора.

«Это Ударная Группа Бета,» сказал он. «Имейте в виду, мы начинаем внедрение. Корпус взломан, повторяю, корпус взломан.»

«Император защити вас,» ответил голос Спайки по связи.

Гаунт кивнул старшему технику. Человек повернулся и сразу же махнул обеими руками. С механическим ворчанием, Аид попятился назад в ангар, стуча гусеницами по палубе. Его отступление открыло дыру, которую он просверлил, массивный туннель в корпусе Предела размером с приличный проход. Края прохода были из яркого серебристого металла, с завитками и прожилками, похожими на порванную фольгу. Подходя, Гаунт мог видеть, что проход был почти четырех метров в глубину. Холод и непо потревоженный воздух текли в его сторону из темноты впереди, подобно медленной утечке тепла из гробницы.

Техники и сервиторы суеились вокруг дыры с емкостями с герметиком.

«Что вы делаете?» спросил Гаунт.

«Местами края будут острыми, как бритва,» ответил старший техник, «опасными для прикосновения. Мы собираемся покрыть их--»

«Нет времени,» сказал Гаунт. «Мы просто будем осторожны.»

Команда техника отошла назад.

Мколл с Домором повели вперед, а Гаунт пошел позади них с Ларкиным. Зеред замыкал с включенным огнеметом.

Гаунт вытащил свой болт-пистолет. Ларкин нес старую пулевую винтовку, с которой он тренировался. Его лонг-лаз был в чехле у него на спине.

Мколл вошел в темноту с приготовленным лазганом. Позади него Домор подстроил свои наушники и раздвинул штангу детектора. Гаунт мог слышать, как маленький портативный ауспекс детектора тикает, как детектор радиации.

Они шли по проходу, по просверленной дыре, осторожно избегая острых сторон. Кожа каркаса была плотной. Свет из ангара мерцал на обработанных буром краях туннеля.

Дальше лежала темнота и тишина.

Они шли медленно. Даже по осторожным и выверенным стандартам Мколла, они были осторожны. Глаза Гаунта медленно начали подстраиваться к темноте.

Сероватый полусвет появился впереди от них, сумерками. Они шли сквозь туннель к полости, у которой были размеры ангара, но без правильных очертаний. Потолок в одном конце спускался к низу. Это не было то место, которое так спроектировали, это был зал, который частично обрушился и пришел к текущему состоянию: внутренний отсек одного из древних кораблей, который сплавился, чтобы сформировать Предел, деформировался под медленным гравитационным давлением.

Палуба была неровной. Панели лишились заклепок и располагались, как смещенные плиты мостовой. Кабели, древние и обесточенные, свисали с разрушенной крыши. Воздух был угрожающе сухим. Гаунт отметил, что огнемет Зереда начал тяжело всасывать, и рядовому пришлось подстроить уровень смеси, чтобы компенсировать бедную кислородом атмосферу.

Домор постоянно водил туда-сюда детектором, проводя им по стенам и низкому потолку. Гаунт мог видеть голубое сияние экрана детектора. Тикание было равномерным.

«Что-нибудь?» спросил он.

«Я калибрую,» сказал Домор. «Много прыжков. Слишком много различных плотностей и перемешанных сплавов.»

Гаунт не завидовал задаче Домора. Быстрый осмотр стен и потолка показывал экстраординарные уровни больших уплотнений, со структурными материалами и механизмами, которые вместе с энергетическими волокнами превратились в

металлолом. Получение какого-нибудь ясного распознавания посредством ауспекса собиралось стать проблемой.

«Приготовиться,» сказал Мколл. Они перелезли через упавшую балку и вприсядку прошли под сломанной металлической аркой, останками какого-то гигантского люка, который торчал из разбитой палубы, как сломанный зуб. Мколл ждал, пока Домор сканировал и то, и другое, и помечал их желтым мелком в качестве вещей, которые нужно убрать с дороги. За аркой стык отсека был разорван, как шрам. Металл выглядел расплавленным. В бреши пролегал сервисный проход.

Они прошли дальше. Сервисный проход был длинным и только слегка деформированным. Он был достаточно широким и высоким, чтобы по нему можно было проехать на транспортнике-6. Он был построен для гуманоидов, но ни каким-либо человеческим существом. Необычные узоры на стенах были затерты и поверх них были нанесены символы Архиврага.

«Эту зону используют,» сказал Мколл. «В пыли на палубе есть следы. Недавние. Я бы сказал шестимесячной давности, хотя окружающие условия настолько стабильны, что может быть и шестилетние.»

«Или шестьсотлетние,» сказал Ларкин.

«Они приходят сюда достаточно часто. Им не нравится смотреть на эти узоры,» сказал Домор, кивая на испорченные стены. «Они стерли их, изменили их.»

«Или переделали их так, чтобы оставить самим себе инструкции,» сказал Гаунт. «Например 'Не заходить'. Проверь палубу. Провода, что-нибудь.»

Маббон Этогор был совершенно конкретен насчет того, как защищается Предел. Никаких охранных символов или магии варпа, никаких адских устройств или демонических механизмов. Ничего такого, что бы могло очень легко запуститься от щепетильных и чувствительных разработок, которые проводятся на заводе.

В Пределе, Архивраг полагался на старые добрые механические ловушки: мины, взрывчатку, смертельную противопехотную защиту.

Домор просканировал впереди, подстроил настройки, и снова сделал это.

«Никому не дышать,» сказал он. «Я кое-что получаю. Пластины впереди пустые. Погодите... да, фес. Я вижу кабели, гидравлику с активной жидкостью и электрический заряд. У нас триггер на давление.»

Мколл вытащил прицел, который был точно таким же, как и на винтовке Ларкина. Старший разведчик приложил его к глазу, а Ларкин поднял свое оружие, высматривая.

«Кабель выходит в восьми метрах, слева,» сказал Домор.

«Я его вижу,» сказал Мколл. «Для тебя это выглядит, как складские емкости?»

«В нише?» спросил Ларкин, смотря прищурившись в прицел. «Да, именно так.»

«Детектор обнаружил фуцелин и прометиумный гель,» сказал Домор. «Масса около тонны.»

«Трон,» произнес Зеред, неподдельно шокированный.

«Детонатор?» спросил Гаунт.

«Ищу его,» сказал Мколл, водя прицелом. Ему пришлось переключить его в режим низкой освещенности. «Вижу. Я вижу контакт детонатора. Кабель идет вверх по стене по балке. Он подходит к верху емкости слева.»

«Да, я его вижу,» сказал Ларкин, прицеливаясь.

Гаунт задумался, стоит ли им повернуть назад. Цель была крошечной и освещенность была плохой, но восемь метров было уютным расстоянием в эффективной стрелковой дистанции Ларкина. Если выстрел провалится, и устройство сдетонирует, никакое укрытие не спасет их. Тонна фуцелина создаст давление в замкнутом пространстве, которое пройдет по узким границам отсеков, превратит их органы в кашу, а их кости в желе, и, вероятно, разорвет импровизированный стык между *Армадюком* и Пределом. Даже оставшаяся часть Ударной Группы Бета, ожидающая в ангаре, вероятно, будет убита сфокусированным атмосферным ударом.

Прятаться в укрытии, когда Ларкин сделает выстрел, может быть, и заставит и чувствовать себя увереннее, но практическое значение безопасности будет нулевым.

«Покончим с этим,» сказал Гаунт.

Ларкин опустился на колено, урегулировал позу, встряхнул плечи. Он вставил пулю с соевым раствором, закрыл затвор, а затем прицелился. Мколл присел рядом с ним и активировал пассивный маркер на своем прицеле, так что световой луч толщиной в карандаш точно указывал на ту же цель. В качестве разрешающего на выстрел, Мколл хотел убедиться, что как он, так и Ларкин, оба видят и соглашаются с одной и той же точкой для выстрела.

«Готов,» сказал Ларкин, смотря в прицел.

Домор опустил штангу детектора и шептал тихую молитву. Зеред прицепил конец огнемета к поясу и, к изумлению Гаунта, закрыл уши руками.

«Никто же из вас, на самом деле, не планирует жить вечно, так ведь?» спросил Ларкин.

Он выстрелил.

Был глухой, отдаленный удар. Он был приглушенным, но большим. Он отдался эхом по толстому, длинному корпусу *Армадюка*.

В подготовительном семнадцатом, грязном трюмном ангаре, его услышал Бленнер и посмотрел вверх. Некоторые из Призраков вокруг него так же заметили звук.

«Что это была за чертовщина?» спросил Вайлдер.

Бленнер посмотрел на Ри Пердэй. Она выглядела бледной с тех самых пор, как им выдавали снаряжения ранее этим днем.

«Можешь пойти, узнать?» спросить он.

Пердэй прыгнула с колесной арки Быка, на которой сидела, и побежала к главному люку.

Бленнер оглядел зал. Три роты полка, включая оркестр, были отданы в качестве боевого резерва под командование Капитана Обела, с Капитаном Вайлдером в качестве заместителя. С полным боевым снаряжением они оставались в ангаре, готовые выступить, как только потребуется. У них было восемнадцать

подготовленных и загруженных боеприпасами штурмовых машин Бык, с дополнительными боеприпасами, подготовленными на паллетах. Если придет команда, они смогут доставить боеприпасы по центру *Армадюка* в любой из боковых ангаров, и даже в Предел через пробуренные дыры, чтобы помочь Ударным Группам Бета или Гамма. В качестве альтернативы, они смогут доставить боеприпасы на главную палубу, чтобы перезарядить Арвусы и другие десантные корабли, если Альфе понадобится подкрепление или припасы.

Резервный отряд нервничал, в основном потому, что они были единственной частью полка, которую не использовали. Обел был кислым – он взял на себя обязанности по жребии, и он не был счастлив этим, потому что он надеялся вести Роту J в набеge Альфы.

Никто, особенно Бленнер, не был удивлен, что оркестр отправили в резерв. Хотя, Вайлдер еще больше бесился, чем Обел. Рота J вытянула несчастливый жребий. Банде Вайлдера даже не дали шанса в лотерее. Их отправили в резерв, с условием, что они вступят в битву если только это, действительно, потребуется.

Бленнеру было плевать. Ожидание боя было его способом вести войну, и у него не было никакого желания увидеть, что оркестр пытается показать себя, даже если он на самом деле это хотел. Результаты, вероятно, будут грязными и, окончательно, разочаровывающими.

Бленнер, так же, не был удивлен увидеть, что сын Гаунта, Часс, был отправлен в резерв. Это, должно быть, был чертовски сложный вызов для Гаунта. Он не хотел, чтобы видели, что он выказывает какую-либо благосклонность, но как он мог бросить своего сына на передовую, когда тот был так серьезно неподготовлен? Это была карта, которую Гаунт разыграл в конце, чтобы оправдать свое решение. Феликс еще не прошел основы. Его место должно быть в резерве.

Сидя в одиночку в дальнем конце зала на балке Быка, Феликс Часс выглядел даже еще более несчастным из-за назначения, чем Вайлдер. Магдалена скрывалась поблизости.

Пердэй вернулась.

«Это открывался главный воздушный шлюз на взлетной палубе,» сказала Пердэй. «Первый из лихтеров вернулся для пополнения запасов. Они хотят, чтобы мы начали доставлять боеприпасы вниз.»

Бленнер поднялся.

«Наконец-то у нас есть дело,» крикнул он. «Поживее!»

Выстрел Ларкина был великолепным. Хрупкая пуля с соевым раствором чисто прошла сквозь спусковой механизм, разрушившись в процессе и намочив петлю детонатора соленой водой. Маленькое облачко и брызги воды.

Мколл с Домором пошли вперед по палубе. Плиты механизма поднялись, и раздался щелчок, но триггер на давление больше не был присоединен. Они приближались к емкостям, Домор водил детектором на наличие вторичных спусковых механизмов.

Как только он дошел до емкостей, Домор положил свой детектор, надел пару кожаных перчаток, и снял уничтоженный спусковой механизм, осторожно вытащив его из отверстия наверху емкости. Он связал все оголенные провода, обмотал их изолентой, чтобы предотвратить контакт, оросил внутреннюю часть отверстия инертным гелем и разделил внутренние контакты нефтяным желе.

«Безопасно, как и должно быть,» сказал он.

Гаунт кивнул. Мколл отметил емкости и расположенные рядом напольные пластины красным мелком, чтобы обозначить, что бомба обезврежена, но все еще опасна. Они пошли вперед. Все они сняли свои неуклюжие дыхательные маски, предпочтя минеральную вонь сухой атмосферы Предела.

Сервисный проход расширился. Сканирование Домора обнаружило полость перед ними. Гаунт мог ощущать, как холодный воздух движется по его лицу.

Сервисный проход закончился люком, перед которым была короткая секция какого-то другого коридора, который был зверски отделен в какие-то древние времена. За ним, пол уходил в глубокое ущелье, металлическую пропасть, разлинованную спрессованным металлоломом. Неровный металлический мост с кусками перил пересекал провал.

На дальнем конце была площадка, и несколько ответвлений в коридоры или туннели.

«Погодите,» сказал Домор. Его ауспекс кудахтал каждый раз, как он проводил по мосту.

Мколл пригнулся и присмотрелся.

«Большой заряд,» доложил он. «На полпути, провода уходят вниз.»

«Ты видишь триггер?» спросил Ларкин.

Мколл посмотрел в прицел. «Да, но он, на самом деле, под плохим углом. Он расположен от нас. Я думаю, что он направлен на мост. Детектор движения.»

«Дай посмотреть,» сказал Ларкин. Он уже перезарядился. Он лег на живот у края расщелины и повернулся набок, чтобы посмотреть под нижней частью моста. Ему пришлось снять лонг-лаз и отдать оружие в чехле Зереду, потому что оно мешало.

«Отлично,» сказал он. «Хорошо, что я настолько хорош.»

Он начал готовить свою винтовку. Он распластался в позе, которая выглядела как некомфортной, так и меньше, чем идеальной для снайперства.

«Давай я отмечу это для тебя,» сказал Мколл.

«Не беспокойся,» сказал Ларкин. «Просто держи мои ноги и не давай мне перекатываться, или я упаду с этого фесового выступа.»

Мколл встал на колени и физически закрепил тело Ларкина. Снайперу пришлось лежать почти боком с винтовкой под подбородком и схватившись за ствол. Это была поза сценического акробата. Гаунт чувствовал, как его пульс снова растет.

Винтовка гроыхнула, звук выстрела отдался странным эхом от расщелины внизу, маленький звук в огромном пространстве. Гаунт увидел удар, брызги похожих на стекло осколков от оболочки пули, дымку из соленых капель.

«Чисто снес,» сказал Ларкин, поднимаясь и вытаскивая гильзу. Он собирал гильзы, лежа их в карман.

Водя детектором, пока шел, Домор шел по мосту, проверяя его на наличие вторичных триггеров. Из-за выражения его лица, металлическая конструкция ощущалась совсем небезопасной. Холодный воздух продолжал порывами подниматься снизу, как будто огромная и помятая структура Предела дышала. Каждый порыв холодного воздуха превращал их дыхание в пар.

Домор лег, потянулся под мост, и отсоединил болтающийся спусковой механизм. Он был мокрым от выстрела. Пока он поднимал его, тот выскользнул из его пальцев и упал в глубины.

Все осознали, что затаили дыхания.

«Все нормально,» скромно сказал Домор. «Нам это было не нужно.»

Снова потянувшись вниз, он распылил гель в держатель детонатора и на провода. Мколл пометил мост красным мелком.

Они пересекли мост. Он выглядел шатким, хотя Гаунт считал, что он, вероятно, выдержит легкую машину. Перед ними, за хаосом из металлолома, лежали три ответвления. Одно было еще одним сервисным проходом, второе вело в сырой склеп, который сейсмическая активность разделила на три уровня. Третье вело направо и соединялось с ржавой платформой, которая пересекала затопленный зал, полный гниющих и давно мертвых машин.

«Заряды на крыше там,» сказал Мколл, указывая на второй сервисный проход.

«Уберите их,» сказал Гаунт. «Я пойду назад, чтобы привести остальных. Если у нас альтернативные маршруты, нас нужно руководство.»

Он начал идти назад к просверленной дыре. Ларкин начал нацеливаться на третье устройство.

Гаунт воспользовался связью, чтобы подать сигнал Ударной Группе Бета. Несколько первых отрядов встретились с ним в служебном проходе.

Первую команду зачистки, которая должна была последовать за ними, вела Крийд, с Лейром, в качестве разведчика и разрешающего стрелять, Бэндой, в качестве снайпера и Мклаека, в качестве сапера. Их огнемет несла адъютант Домора Чирия.

Вторую команду вел Мктасс, с Придом, в качестве разведчика, Раессом, в качестве стрелка и Бреннаном, в качестве сапера. Сайрус поддерживал с огнеметом. Гаунт дал им инструкции для продвижения, и чтобы они связались с отрядом Мколла до того, как разделятся, чтобы разведать альтернативные точки входа. Он подчеркнул необходимость осторожности, дисциплины и постоянной бдительности.

Они внимательно слушали, а затем пошли вперед.

Следующим появился Сержант Эулер, ведущий первый боевой отряд из Рот А и К. С ними был Эзра, как и Колдинг, несущий медицинскую сумку. Керт, как действующий старший медик, настояла на высадке с Ударной Группой Альфа, где ожидалось высочайшее количество раненых.

За ними подошли Короли-Самоубийцы.

Роун позволил Маббону избавиться от всего, кроме наручников. Кандалы на ногах исчезли. Вокруг фегата стояли Варл, Бонин, Бростин и остальные.

«Как далеко вы продвинулись?» спросил Роун.

«Недалеко, но уже обезврежены три устройства,» ответил Гаунт.

«Это хорошо,» сказал Маббон.

Они посмотрели на него.

«Это то, что я ожидал,» объяснил он, «поэтому это предполагает, что вещи не так сильно изменились с тех пор, когда я тут бывал в последний раз. Так же, это предполагает, что они полагаются на противопехотную защиту на уровнях Предела.»

Гаунт кивнул. Таким все время было утверждение Маббона. Главные силы Архиврага, охраняющие Предел Спасения, были расположены рядом с главными стыковочными зонами и оборудованием. Второстепенные уровни колоссальной структуры, большинство из которых не были в использовании и большинство из которых не были отмечены на схемах, были заминированы и снабжены ловушками, и их оставили в качестве непатрулируемых мертвых зон. Архивраг ожидал значительное нападение с фронта, вот почему Гаунт послал Ударную Группу Альфа постучать в главную дверь и привлечь так много внимания, насколько возможно.

Архивраг даже отдаленно не предвидел, что у кого-то есть терпение, дисциплина, навыки или техника, чтобы пробиться через корпус Предела и попытаться проникнуть сквозь заминированные уровни. Даже с необходимыми уровнями навыков и дисциплины, такое предприятие все еще могло быть обречено на провал.

Если только у вас нет секретной информации. Если только у вас нет достаточно точных эмпирических данных, которые сообщили вам, где резать, где вторгаться, и чего ожидать, когда вы это сделаете.

Если только у вас нет этого ра из Сынов Сека.

«Идем вперед,» сказал Гаунт. «Покажите мне дорогу, которую бы выбрали.»

Они пошли назад, обгоняя продвигающиеся отряды и перейдя мост. Отряд Мколла уже начал зачищать значительное пространство вдоль второго служебного прохода, нейтрализовав еще три устройства за то время, что Гаунту понадобилось вернуться назад и привести остальных. Отряд Крийд начал разряжать бомбы в разделенном на уровни склепе. Отряд Мктасса пересекал ржавый мост, ведущий в зал, полный мертвых машин.

«Я думаю, что у вашего человека, Мколла, самая лучшая мысль,» сказал Маббон.

«Как обычно,» ответил Гаунт. «Это дар.»

Он повернулся к Роуну.

«Мы пойдем за отрядом Мколла, но остальные два пути могут быть жизнеспособными. Давай разделим силы здесь и разойдемся.»

«Чтобы максимизировать наши шансы?» спросил Роун.

«Чтобы минимизировать наши потери,» ответил Гаунт.

«Ударная Группа Бета развернулась,» сказал Белтайн по воксу. «Весть состав внутри структуры Предела, хотя продвигаются медленно.»

«Понял,» сказал Даур. Он ходил туда-сюда от разочарования. Дрели нужна была целая вечность, чтобы сделать второй проход.

«Могут они увеличить скорость?» спросил он Майора Пашу.

Она помотала головой.

«Они говорят, что это сожжет резак», ответила она.

«Это сожжет мое терпение.»

Она рассмеялась, но на ее лице было серьезное выражение.

«Пожалуйста, попытайтесь стабилизировать свое настроение, капитан,» сказала она. «Как только мы будем внутри, мы будем продвигаться по окружающей обстановке, наполненной импровизированными взрывными устройствами, большинство из которых на прерывателях или реле давления. Терпение будет нашей самой большой добродетелью.»

«Я знаю, я понимаю,» ответил Даур. «Но, если мы скоро не пробьемся, мы будем очень сильно отставать от расписания. Если Ударная Группа Бета зайдет в тупик или встретит противника, а мы не будем продвигаться в качестве альтернативы, тогда эта миссия будет обречена на провал.»

«Иногда миссии проваливаются,» сказала Паша. «Это природа войны.»

«Простите меня, нет,» сказал Даур. «Я не имею в виду неуважение, и я понимаю, что приличному офицеру нужно иметь в виду философский ракурс на такие вопросы. Но вы не служили с Гаунтом раньше. Вы должны уважать то, что он ожидает.»

Майор Паша нахмурилась и кивнула.

«Я, так же, верю,» сказал Даур, «что, когда миссия настолько критична, она не может быть провалена.»

Недалеко, за защитным экраном и донимаемый омерзительными грохотом и визгом работающего бура, Меррт потер шею.

«Что такое?» спросил Маггс.

«Это гн... гн... гн... перестает действовать,» сказал Меррт.

Он вколол седативное в линию челюсти, когда бур начал работать, так что он был готов стрелять сразу, как только они пробьются. Но бур резал уже почти сорок минут, и онемение отступало.

«У тебя есть еще?» спросил Раглон.

«Пара. Три я гн... гн... гн... думаю.»

«Не трать их впустую,» сказал Маггс.

Раздался внезапный грохот позади них.

«Какого--?» спросил Меррт.

«Я думаю, мы пробились,» сказала Несса.

«Ты уверена?» спросил Куеста.

«Мы пробились. Мы пробились!» выкрикнул Харк, подгоняя ударную группу на позицию. «Приготовиться. Первая команда вперед!»

Майор Петрушкевская должна была вести первую команду зачистки. Дни в разношерстном отряде многому научили ее о ловушках и расположении бомб. Несса, Зел, Маракоф и Раглон пошли вперед с ней. У Раглона уже был подготовленный тикающий детектор. Несса проверяла свою древнюю винтовку. Маракоф, один из новых Вергхастских разведчиков, сделал глубокий вдох и подмигнул Майору Паше. Они служили вместе в Зойканской Войне и знали, как оба работают. Зел был еще одним вливанием с Вергхаста, лично выбранным Пашей. Он побежал, чтобы присоединиться к ним с зажженным огнеметом.

«Приготовиться и ждать,» сказала Паша команде зачистки. Команды техников убирали защитные экраны и перегородки, пока команда бура готовилась убрать бур.

«Быстрее,» выкрикнул Даур. «По местам, пожалуйста! Майор Паша, вы идете первыми. Полло, вы идете за ними внутрь, когда я скажу. Халлер, потом твоя команда. Я повторяю, сначала команды зачистки! Комиссар Харк, если позволите. Я понимаю, что все мы в нетерпении, но держите отряды от прохода. Нам нужно место, чтобы развернуться!»

Харк рявкнул несколько приказов и заставил толпу ожидающих боевых отрядов отступить. Халлер обменялся ударами кулаков с членами своего отряда.

Даур повернулся, чтобы посмотреть на бур.

«Чего они так долго?» спросил он Пашу.

«Техники говорят, что режущие головки застряли, наткнулись на что-то,» сказала она. «Они как раз освобождают их.»

Бур пытался отойти из глубокой дыры, которую проделал. Что-то намертво заблокировало режущую головку. Двигатель тяжело ревел, выбрасывая хлопья черного дыма. Оператор на повышенных оборотах запускал режущую головку туда-сюда, пытаясь высвободить ее, чтобы могло начаться внедрение.

«Ох, ну же!» в гневе крикнул Даур.

Что бы ни держало намертво бур, или трещина, или дефект, или ультра-прочный сплав адамантия или керамика в корпусе, это, в конце концов, внезапно, поддалось. Аид дико отпрянул назад, его режущие головки завизжали по внутренней поверхности пробуренной дыры. Оператор только что переключил вращение головок в другую сторону.

Резкое переключение сбросило оператора бура со своего места на палубу. Набирая скорость, силовые резак болтались в пробуренной дыре и срезали большие куски сверхпрочного металла, которые они нарезали на сверхострые полоски и нити и выбрасывали назад в боковой ангар тридцать девять.

Летающие металлические куски летели назад с проникающей силой дюжины флешеттных бластеров локсатлей. Вокруг режущих головок больше не было защитных экранов.

Один летящий осколок обезглавил техника. Еще два чисто прошли сквозь тело сервитора. Некоторые, проносящиеся со свистом осколки, ударяли в палубу и крышу.

Остальные врезались в команды зачистки, ожидающие войти внутрь.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Кровотечение

«Ох, Святой Трон,» выдохнул Даур. «Медик!»

Тела усеяли палубу бокового тридцать девятого. Разорванные и окровавленные, они валялись повсюду, как сломанные куклы. Палуба покрылась кровью, как будто расплескались канистры с красной краской.

Мор побежал вперед.

«Вас порезало,» сказал он.

«Что?» Даур поднял руку и почувствовал кровь на лице. Осколок скользнул по его виску над ухом. Другой прошел сквозь рукав Мора. Его левая рука была покрыта кровью, которая капала с его манжета.

«Он, как, что за фесов беспорядок,» заикаясь, произнес Даур.

Лесп был медиком, прикрепленным к Гамме. Он уже пытался справиться с массой одновременных ранений, зовя на помощь солдат из Гаммы, у которых было обучение санитаров или любые другие навыки первой помощи. Солдаты бросали оружие, чтобы побежать вперед и помочь. Другие смотрели на опустошение в ужасе. Кровавые струи от раненых запятнали множество лиц из них. Один несчастливый гвардеец, новенький из пополнения по имени Горги, был убит фрагментом, попавшим прямо между глаз.

Все три команды зачистки были истреблены. Некоторые были живы и пытались подняться, оглушенные. Некоторые тихо лежали, вероятно, мертвые. Все они были пропитаны кровью.

«Ударная Группа Гамма, Ударная Группа Гамма!» кричал Даур, выхватив вокс у Мора. «У нас множество раненых в боковом тридцать девятом. Множество раненых!»

«Повторите, капитан,» ответил Белтайн. «Вы под огнем? Вы докладываете о контакте с врагом?»

«Отрицательно! Несчастный случай с буром. Множественные рваные раны. Нам нужны медики из команды корабля прямо сейчас!»

«Капитан, вы можете продолжать?»

«Оцениваю. Ждите.»

Даур в ужасе осматривался. Команда Майора Паши, главная, была нарезана на куски. Лесп пытался справиться с ранами на лице и горле Паши, пока санитар Фэйнер перевязывал раны на руках и ногах Нессы. Обе женщины обильно истекали кровью. Раглон свернулся калачиком, хватая воздух ртом, хотя на нем едва были царапины. Острый, как бритва, осколок чисто прошел сквозь его торс, пробив легкое. Зел и Макароф были мертвы. Голова Макарофа была разрезана по диагонали, от левого края челюсти до правого виска, подобно какому-то безупречному разрезу биологического образца. Отсутствующая часть его головы лежала в нескольких метрах позади него, внутренней стороной на палубе, так что она выглядела, как маленькая часть кого-то, выступающего из озера. Тело Зела была изорвано, а его левая рука была оторвана. Даур пошел вперед, ошеломленный, и выключил питание упавшего огнемета Зела.

Вторая команда, Полло, была в таком же плохом состоянии. Полло получил обширную рану черепа, которая обильно кровоточила, а, так же, у него были большие раны на руках. Яркая красная кровь запятнала его темную кожу. Куеста, снайпер, получил рваные раны рук и бедер. Тонкий кусок металла, длиной в человеческое предплечье, проткнул его бедро. Маггс вопил от ярости и разочарования, зажимая кровавую рану на животе. Сапер Полло, Бюрон, был разрезан напополам в талии. Ниторри, его огнеметчик, также был мертв, и так покрыт кровью, что было невозможно сказать, какая из его ран стала смертельной.

Третья команда, Халлера, была покрыта кровью первых двух. Халлер смотрел вниз на свою одежду, ошеломленный видом покрывшей его крови, изумленный тем, что, казалось, она не его. Меррта поцарапало, но он рванул на помощь Нессе. Вагнер, разведчик, был практически незапятнан. Его рот был открыт, как будто он не мог найти слов, чтобы произнести что-нибудь адекватное. Вадим положил штангу детектора, чтобы помочь Раглону, но тотчас упал. Летящий осколок перерезал его

Ахиллесово сухожилие. Беллок, обычно радостный новичок из пополнения из Улья Вервун, был мертвенно-бледным, пока пытался снять огнемет, чтобы помочь.

«Оставь,» прошипел Вадим.

«Что?» ответил Беллок.

«Он прав,» сказал Даур. «Третьей команде придется пойти первой. Халлер? Халлер!»

Халлер вздрогнул.

«Что? Да,» сказал он, моргая.

«Дверь открыта,» сказал Даур, бросив взгляд на Пашу. Несмотря на ее ужасные раны, она умудрилась кивнуть. «Нам нужно идти внутрь, пока это острое штурма окончательно не накрылось. Нам нужно продолжать. Халлер?»

«Да, хорошо,» сказал Халлер, пытаясь собраться с духом, выведенный из строя шоком. «Но... но Вадим выбыл. У меня нет сапера.»

Даур глубоко вдохнул, чтобы справиться с паническим откликом. «Мне нужен сапер на замену. Доброволец. Сейчас же!»

Большая часть Ударной Группы Бета выдвинулась вперед, чтобы помочь раненым. Те, кто не мог, фактически, помочь, просто смотрели с беспокойством. Они молча бросали взгляды друг на друга.

«Это приказ,» крикнул Харк, вставая рядом с Дауром. Пролетающий осколок царапнул его щеку, подобно порезу при бритье. «Император ожидает! Капитану Дауру нужен сапер. Ну же!»

«Хороший,» добавил Даур. Он уже мог видеть проблему. Гамма и Бета выбрали шесть лучших саперов под командованиями Раглона и Домора. Были и другие Призраки, которые знали основы, но наиболее опытные операторы в боковом ангаре, и наиболее тренированные, лежали мертвыми или ранеными на палубе перед ним.

«Я могу это сделать,» сказал Маггс, дрожа.

«Заткнись и жди медиков,» резко бросил Даур.

«Я это сделаю,» прорычал Харк. «Я знаю, как они работают.»

Халлер кашлянул. Он вытер капли чьей-то крови со своей бледной кожи.

«Нет, это должен быть я,» сказал он. «Я был в первом резерве в тренировочном листе.»

Даур кивнул. Халлер был прав. Когда они выбирали людей в команды зачистки, Халлер мог бы стать сапером, если бы он так сурово не работал, чтобы получить командование командой.

«Ты прав,» сказал Даур. «Возьми снаряжение Вадима. Проверь, что работает. Я поведу вас внутрь.»

Он повернулся к Харку.

«У вас и Спетнина действующее командование здесь, Харк. Посмотрите, сможете ли собрать вторую функциональную группу зачистки, и пошлите их внутрь. Затем отправляйте солдат, если я подам сигнал.»

Харк кивнул.

«И ради Трона, приведите еще медиков.»

«Приведу,» сказал Харк.

«Призраки, вперед!» произнес Даур.

Он повернулся и пошел к пробуренной дыре. За ним пошел Меррт, с Вагнером и Халлером. Беллок подтянул емкость своего огнемета и пошел за ними. Ауспекс Вадима был поврежден, поэтому Халлер взял детектор Раглona. Даур услышал, как Халлер тихо пообещал Раглону, что присмотрит за его драгоценным снаряжением и вернет его назад, хотя Раглон был, вероятно, слишком в глубоком забытии от боли и дезориентации, чтобы его услышать.

Даур дошел до пробуренной дыры. Он мельком осмотрел рваный шрам вокруг наружной части, серебряный скол на металле, который только что скомпрометировал эффективность Ударной Группы Гамма, возможно без надежды на восстановление.

Он включил свой фонарик.

Холофернэс накинулся на Сынов Сека. Он прикрепил свой болтер и, с копьем и щитом, выкашивал их. Части тел и фрагменты разрезанного оружия отлетали от его вращающегося клинка.

С поднятыми щитами, Сар Аф и Идвайн продолжали наступать под губительным вражеским огнем. Стреляя поверх щитов, они пытались сломить Сынов, удерживающих следующую секцию. Их абордажные щиты сотрясались под шквалом огня. Большая часть поверхностных украшений, раскраски и печатей чистоты исчезли.

Идвайн перезарядился. Он передал несколько быстрых команд по воксу, которые перевели орудийных сервиторов на их фланг.

«Штурмуем их?» предложил он Белому Шраму.

«Пока Змей держит наш левый фланг? Почему нет?» ответил Сар Аф.

«Нам нужна сила позади,» сказал Идвайн. «Чертова Гвардия медленная. Адекватный поддерживающий огонь позволил бы нам рвануть вперед.»

«Они доберутся сюда в свое время,» ответил Сар Аф.

«Их свое время – это совсем нехорошо,» сказал Идвайн.

Колеа был прижат за процессором, переживая один из самых худших перекрестных огней, которые он когда-либо знал. Вокруг него выло и трещало, стуча по металлической обшивке процессора, пронзая и сминая ее. Два Призрака уже погибли, пытаясь пересечь открытое пространство склада, чтобы присоединиться к нему. Сыны Сека намеревались задержать вторгнувшиеся силы во внешних отсеках, которые пробил Честус. Они занимали позиции, чтобы заблокировать их, остановить их, а затем выбить назад в жесткий вакуум. У Колеа были силы в несколько рот позади него, но никто не был в приличном положении, чтобы наступать или стрелять.

Что касается Космических Десантников, они рванули вперед не обращая ни на что внимания. Колеа физически не мог оказать им какую-нибудь поддержку. Неукротимые, какими они и являлись, Космические Десантники скоро будут отрезаны, окружены и, в конечном итоге, уничтожены. Они были наконечником

оружия, кончиком меча. Не важно, насколько острый, мечу все равно нужна была держащая его рука.

Колеа не сомневался, что Космические Десантники будут укладывать тела на тела до того, как окончательно падут.

Но, в конце концов, они все равно погибнут.

Электромагнитные искажения от шквального огня, особенно от хелганов и плазменного оружия Сынов Сека, затыкали все обмены по воксу. Колеа едва мог координировать действия с другим отрядом и командирами рот. Он потерял Рервала из виду во время особенно яростного обстрела, и не получал ответов от Идвайна или других Космических Десантников двадцать минут.

Фокус вражеского огня удалился от него, как ливень, прошедший над головой. Он посмотрел налево, за горящие обломки и разрушения опустошенного склада, и увидел роту Ферди Колосима, которую заставили отступить назад в укрытие, за ряд массивных стальных бункеров. Они оставляли погибших на палубе за собой.

«Колеа!» протрещал его вокс.

«Говорите!» ответил Колеа.

Вокс пробулькал что-то еще невнятное. Он посмотрел направо как раз в тот момент, чтобы увидеть, как пара ракет из наплечных установок пронеслась над линиями Гвардейцев к верхней части склада. Они взорвали ряд генераторных насосов и подбросили тела нескольких Сыновей в воздух. Мощный, трескучий огонь с трассирующими снарядами, вырывался из орудий .30 и .50 калибра. Рота Баскевиля, D, пыталась наступать из ангара. Они шли не через дыру, которую пробил таран. Они силой открыли внутренние люки и хлынули внутрь под прикрытием мостиков и сервисных площадок.

Линия Архиврага, принимающая огонь Роты D, слегка прогнулась и попыталась восстановиться. Колеа увидел, как Баскевиль поднялся и повел наступление в направлении каких-то тяжелых двигателей, которые стояли в ряд в центре склада.

К ним тотчас понесся плазменный огонь. Колеа вздрогнул, пригнув голову, когда увидел, как срезало трех или четырех Призраков. Затем упало еще несколько ракет, с визгом пролетев со стороны потолка, и ударная волна отбросила Колеа назад.

Последней вещью, которую он мельком заметил, было летящее, горящее, безголовое тело Баскевиля.

Моргая, испытывающий головокружение от удара, Колеа огляделся. Ярость наполняла его, гнев от потерь и беспомощного положения их ситуации. Он увидел Мерина и некоторых из его людей, прижатых вокруг еще одного ряда процессоров.

«Вперед. Вперед!» закричал он. «На фесов, капитан!»

Казалось, что Мерин не может расслышать его сквозь рев перестрелки. Его люди невнятно отстреливались, пригнув головы.

Что-то щелкнуло.

Будучи больше не в состоянии мыслить рационально, Колеа поднялся. Он поднял свой щит и побежал на позиции Архиврага, перепрыгивая тела и обломки, стреляя из лазгана на прорези в щите.

Каким-то образом, он не погиб.

Впоследствии, он не мог это объяснить. Это была история, которую он рассказывал, когда его соответствующим образом уговаривали и после пары амасеков, до конца своей жизни. Колеа было суждено прожить жизнь солдата, так что ужасно много времени не прошло, но прошло достаточно, чтобы сделать этот день, этот момент, старой историей. Остальные по очереди рассказывали это так, после его смерти: Колеа, бегущий на линию врагов, как безумец, с поднятым щитом, стреляющий из оружия. Он что-то кричал, пока бежал, и, в зависимости от того, кто историю рассказывал, то, что он кричал, различалось.

Некоторые говорили, что это был боевой клич Улья Вервун, другие, что Клятва Основания. Некоторые говорили, что он проклинал имена Даура и Роуна, и всех остальных, кто выбрал легкий путь внедрения в Группы Гамма и Бета.

Правда была в том, что он, вероятно, кричал имя своего друга Баскевиля.

Это была дикая атака, и чрезвычайно лишенная дисциплины, особенно исходя из того, что Колеа был полевым командиром и должен был подавать взвешенный и трезвый пример своим солдатам. Каобер говорил, что это был в точности такой же идиотский фесов трюк, которым пользовался Полковник Корбек.

Вот почему Каобер поднялся и последовал за ним. Дерин тоже, и Лайса, Нейт и Старк... и Ирвин, Беул, Веддекин, Версун и Ванетте. Ладд, который был готов вынести Колеа выговор за безрассудное поведение, поднялся и, так же, помчался вперед.

«Люди Танита!» закричал Ладд. «Серебряный клинок!»

Большинство из Роты С помчались за своим командующим офицером, и так же сделала приличная часть Роты D и Роты H Колосима. Рота Мерина была по большей части прижата, но от нее тоже откололся кусок и рванул за Колеа. Далин вел этих людей с прикрепленным штыком.

Некоторые версии истории, поздние, настаивали, что ни один Призрак, который принял участие в этой выдающейся безрассудной и импровизированной атаке – *Атаке Колеа* – не упал или получил только царапины. Это была неправда.

Множество погибли или были покалечены. Сыны Сека не были настолько ошеломлены, что забыли, как стрелять. Атака оставила после себя почти сорок человек убитыми или ранеными на полу склада.

Тем не менее, атака ударила по Сынам, как приливная волна и сломала их линию. Колеа был первым на баррикадах. В безумной спешке, он даже позабыл прикрепить свой клинок, поэтому вместо этого он стрелял во врага в упор, бил щитом и прикладом. Люди позади него были слегка более невозмутимы. Они подошли с прикрепленными штыками, делая выпады в сторону Сынов Сека из-за покрытых вмятинами щитов. Некоторые забрасывали гранаты за первые ряды в группы поддержки, сбивая с ног громил в униформе. Пара огнеметов посылала копыя жидкого огня в ряды Архиврага. Фигуры шатались, объятые огнем, как ритуальные соломенные куклы, тряслись, падали.

Колеа убил восемь вражеских солдат до того, как выбился из сил и упал на одно колено, тяжело дыша, ошеломленный внезапным осознанием своего безумия и, еще больше тем, что он все еще был жив. Наступающие Призраки роились вокруг него,

разбивая толпу врагов и отбрасывая их назад вдоль защитных баррикад в обоих направлениях. Колеа перекроил карту поля боя и сломал тупиковую ситуацию.

«Ты цел?» спросил Далин, помогая ему подняться.

Колеа кивнул.

«Я имел в виду, сэр,» добавил Далин.

Колеа рассмеялся.

«Это было безумие,» сказал Далин.

«Да, точно, это семейное, так что имей в виду,» ответил Колеа.

Призраки проносились мимо, забираясь глубже, захватывая позицию и стреляя по отступающим Сынам. Ладд и Колосим надзирали за новым развертыванием, выкрикивая приказы.

«Ты совершенно безумен,» сказал Баскевиль, хлопая Колеа по руке. «Хотя, возможно, получишь чертову медаль.»

Колеа уставился на него.

«Ты--» начал он.

«Что?»

«В тебя попали. Я видел тебя.»

«Не меня,» сказал Баскевиль.

«Ракеты! Они упали прямо среди D. Я видел тебя. Ты--»

Баскевиль состроил гримасу.

«Я потерял восемь человек. Гадлер был прямо рядом со мной. Ему голову оторвало.»

«Я думал, что это был ты.»

Баскевиль засмеялся.

«Черт возьми, Гол. Ты атаковал Сынов Сека потому что подумал, что я погиб?»

«Я был зол.»

«Он, вероятно, захочет на тебе жениться,» произнес Колосим, пробегая мимо.

«Майор Колеа!» крикнул Ладд. «Нам здесь нужно несколько приказов.»

Колеа подбежал к Ладду, размышляя, как лучше распределить Призраков с новых позиций, которые они только что взяли. Хотя враг и отступал быстро, он все еще поливал мощным огнем.

«Нам нужно найти точки выхода,» сказал Колеа Ладду. «Продвигаемся дальше. Космические Десантники ожидают, что мы поможем им, а мы сильно отстаем.»

Ладд кивнул.

«Может быть, мы можем использовать несколько фесовых труб,» предложил он, указывая. «Пробьем дыры там и там, у того бункера. Затем мы можем продвигаться под прикрытием щитов--»

Он замолчал. Прямо перед ними двигались Сыны Сека. Их дисциплина испарилась.

«Фес меня!» воскликнул Ладд. «Они контратакуют нас?»

«Нет,» сказал Колеа. «Они бегут.»

Целая секция отступающей линии Архиврага сломалась и побежала в сторону войска Колеа. Продвигающиеся Призраки начали отстреливать их, изумленные внезапным благоприятным стечением обстоятельств. Взрывы гнали Сынов в зону обстрела Танитцев. Это была краткая, но непрерывная резня.

«Смотрите!» крикнул Ладд.

Белый Шрам, Сар Аф, появился из дыма, гоня солдат Архиврага перед собой. Он стрелял из своего болтера, нарушая сплоченность их боевой единицы и отгоняя их линию, так что она изгибалась и истощалась под огнем Призраков.

Он заметил Колеа.

«Что вас задержало?» проревел Сар Аф.

«Мы были заняты,» крикнул в ответ Колеа.

«Чем?»

«Как обычно,» прокричал Колеа.

Сар Аф пожал массивными наплечниками. Он повернулся и выстрелил болтами по ослабленным вражеским позициям справа.

«Идем, если идете!» крикнул он. «Мы больше не будем ждать. Я сказал Идвайну, что вернусь назад, чтобы узнать, есть ли у вас хороший повод, чтобы не подойти.»

«Какой, например?»

«Например, быть мертвым! А теперь, идем, Император вас прокляни!»

Белый Шрам начал идти к главному заднему люку склада. Палуба была покрыта мертвыми врагами. Коридор был разрушен и покореблен. Дым тянулся в воздух плотными, ядовитыми стенами.

Колеа повернулся к наступающей ударной группе.

«Ускоряемся,» крикнул он. «Поднажмем. У нас есть битва, которую нужно выиграть, и я не собираюсь сражаться в одиночку!»

«Несмотря на свидетельство обратного,» сказал Баскевиль.

Глубинный интерьер Предела был темным и холодным. Команда Даура шла по сырым залам и ржавым туннелям, проходя по несколько метров за раз, выбирая путь. Дыхательная маска Меррта стала помехой, и он снял ее. Вскоре, остальные тоже сняли свои. Холодный, металлический воздух был бесконечно предпочтительней тяжелым, клаустрофобным ограничениям маски.

Халлер был на нервах. Он болезненно осознавал, сколько зависит от него, правильно считывающего показания детектора. Он водил штангой туда-сюда с бесконечной осторожностью.

«Просто делай правильно,» сказал Даур. «Не перестарайся.»

Халлер кивнул своему другу, ослабил воротничок и пошел дальше.

Зловещий ветерок шептал в древних, перекрученных туннелях. Огонек на огнемете Беллока дрожал и прыгал. Местами было так темно, что даже дрожащий свет огнемета отбрасывал их тени на ржавеющие стены.

«Погодите!» внезапно сказал Халлер. Его детектор начал кудахтать. Они остановились на местах, пока он водил штангой. Меррт осторожно зарядил патрон с соевым раствором в свою старую винтовку. Ранее он снова ввел мышечный релаксант в линию челюсти, и она была окоченелой, но вторая доза заставила мускулы в его шее и чуть ниже болеть.

«Там,» сказал Халлер, изучая детектор, пока указывал. «Слева, провода.»

«Слева, провода,» повторил Вагнер, смотря в свой прицел и водя пассивным целеуказателем.

«Воу, ты проскочил,» предупредил Халлер. «Там. За той переборкой.»

Они навели на нее фонарики. В двадцати метрах, четыре низких ящика для патронов были поставлены в стопку позади переборки. Кабели бежали под палубой к нажимным пластинам прямо перед ними.

«Еще один шаг был бы плохим,» сказал Халлер.

Даур кивнул.

Вагнер водил целеуказателем вокруг.

«Смотрите, там,» сказал он. Поблизости от устройства на уровне лодыжки была проволока, толщиной в волос, протянутая поперек. Если вы, каким-то образом, перешагнули ловушку на давление, вас ждал второй сюрприз. Вагнер поместил целеуказатель обратно на детонатор, вкрученный сверху ящиков.

«Двадцать метров, восемнадцать сантиметров,» сказал он.

Меррт приготовился и зафиксировал прицел на целеуказателе Вагнера. Двадцать метров, восемнадцать сантиметров. Им в лица дул легкий ветерок и вносил в это легкую поправку. Он хотел сглотнуть, но его челюсть и горло были слишком оцепеневшими.

Он прижался, держа винтовку крепко, но не слишком. Все в его жизни после того момента в джунглях Монтaksa, все было ради этого момента, этого выстрела. Ему стало плохо.

«Хорошо,» сказал Даур. «Хороший выстрел, Рен.»

Меррт заморгал. Дымок струился из его винтовки. Он сделал выстрел. Он был сосредоточен настолько полностью, что даже не заметил этого.

«Великолепный,» сказал Вагнер, проверяя через прицел. «Ты чисто снес детонатор.»

Халлер пошел вперед. Триггер плиты палубы был обезврежен. Он убрал проволоку, убрал триггер и распылил инертный гель в устройство. Затем он оставил предупреждение красным мелком.

«Думаешь, сможешь снова это сделать?» спросил Даур Меррта.

Меррт утвердительно показал жестами. Он хотел улюлюкать от удовлетворения, но его челюсть была слишком онемевшей.

«Давайте ускоримся,» сказал Даур.

«Здесь еще одно,» позвал Халлер, водя по перекрестку перед ними.

Меррт вставил свежий патрон.

«Это должно немного помочь против боли, пока мы доставляем тебя в лазарет,» сказал Дорден Нессе. Она кивнула и попыталась улыбнуться ему, пока он делал ей укол. Ее множественные резанные раны были перевязаны. Кровь уже показывалась сквозь бинты.

«Вас не должно быть здесь,» сказал Харк.

Дорден оторвался от своего пациента и встал, на мгновение зашатавшись. Он посмотрел на комиссара и сделал жест в сторону сцены, которая простиралась вокруг них в боковом ангаре тридцать девять.

«Мертвые и умирающие окружают нас, Виктор, и едва хватает медиков, чтобы справиться. Как еще лучше я должен провести свое время?»

«Вы понимаете, что я имею в виду,» сказал Харк.

«Нет, вообще-то,» сказал Дорден. «Мне куда-нибудь тихо уйти и ждать смерти, чтобы я не причинял лишних неудобств, или я могу воспользоваться оставшейся жизнью и навыками, что у меня остались, чтобы помочь полку?»

Харк покачал головой. Вокруг них происходила сортировка раненых и полевая хирургия. Лесп сражался за жизнь Раглона. Медики из команды Спайки работали с Маггсом и Вадимом.

«Я сидел в лазарете, Виктор,» сказал Дорден. «Я услышал тревогу. Старые привычки.»

«Мы высоко ценим ваши усилия,» сказал Харк.

«Дай ему работать,» сказал Цвейл. «Он меня до усрачки раздражает, когда ему нечего делать.»

Аятани наклонился, чтобы прошептать последний обряд Макарофу.

«Когда вы идете внутрь?» спросил Дорден.

Харк пожал плечами.

«Мы намного отстаем от графика благодаря этому беспорядку,» ответил он.

«Капитан Даур повел команду зачистки внутрь. Мы ждем, когда он даст сигнал нам последовать.»

Харк бросил взгляд на Мора и Капитана Спетнина. Оба помотали головами.

Дорден засунул руку в свою медицинскую сумку, чтобы достать несколько бинтов для Майора Паши.

«Ожидание – самая худшая часть, так ведь?» сказал он.

Харк согласился, но у него было тошнотворное ощущение, что он понимает, о чем, на самом деле, говорит старый полковой доктор.

Меррт сделал свой четвертый выстрел за пятнадцать минут. Пуля с соевым раствором чисто сбила триггер с подвешенной емкости со взрывчаткой. Идеально. Четыре из четырех.

Халлер пошел вперед, чтобы обезопасить устройство и пометить его.

«Главный туннель расширяется впереди,» сказал Вагнер.

«Мы довольно много зачистили,» сказал Беллок.

Даур кивнул. Может быть, они отыграли немного времени у Ударной Группы Бета после катастрофического старта.

«Я подам им сигнал заходить,» сказал он. Он подстроил связь.

«Даур Гамме, Даур Гамме.»

«Гамма здесь, капитан,» ответил Мор.

«Проинструктируй Харка и Спетнина начинать вести ударную группу внутрь,» сказал Даур. «Следуйте отмеченного пути и идите медленно.»

«Понял.»

«Проинформируй командование, что мы развертываемся.»

«Понял.»

Даур посмотрел на остальных.

«Давайте зачистим еще немного в этом направлении, ладно?» сказал он.

«Ударная Группа Гамма!» прокричал Спетнин своим тяжелым Вергхастским акцентом. «Поднимайтесь и готовьтесь выдвигаться!»

«Мы идем внутрь!» крикнул Харк, идя вдоль линии собравшихся Призраков. «По отрядам. Приготовиться!»

«Пусть Император будет с вами,» прохрипела Майор Паша с перевязанным горлом. Харк кивнул.

«Вперед!» крикнул Спетнин.

«Вы куда?» спросил Харк Дордена.

«Собираетесь наступать без медика?» спросил Дорден.

«Ох, Трон. Ну же, доктор, у меня нет на это времени.»

«Лесп не может оставить своего пациента,» поспешно сказал Дорден. «У него дел по горло. Я хорошо его учил, так что он не уйдет в середине операции. Я ваш единственный вариант. И должностные инструкции гласят--»

«Не цитируйте мне инструкции, доктор,» сказал Харк. «Вы недостаточно сильны, и вы недостаточно в форме.»

«Конечно, нет!» резко бросил Цвейл. «Он умирает, напыщенная ты задница. Посмотри на него, он исхудал. Его можно видеть почти насквозь, кожа да кости. Дай ему это сделать, ради феса.»

«Отец--» начал Харк.

«Ты что, не понял?» спросил Цвейл. «Он не хочет умереть бесполезно, и он не хочет умереть самостоятельно.»

«Выкажите ему некоторое уважение, отец!» прорычал Харк.

«Вообще-то, сам бы я лучше не сказал,» сказал Дорден. «Это все, чего я боюсь, Виктор. Умереть в кровати, думая, что было еще кое-что небольшое, что я мог бы сделать.»

Дорден пристально посмотрел на Харка.

Харк обнаружил, что в его бледные, яркие глаза тяжело смотреть.

«Я поклялся,» сказал Дорден, «на Полях Основания в Танит Магне, служить Имперской Гвардии и Танитскому Первому до конца своих дней. А ты, Имперский фесов комиссар, серьезно собираешься встать на пути осуществления мной этого клятвенного долга? Потому что если это так, это ошеломляющая ирония.»

«Берите свои вещи,» сказал Харк.

Дорден посмотрел на Цвейла.

«Император защищает,» сказал Цвейл. «Даже упрямых старых ублюдков.»

«Вот почему я никогда не беспокоился о тебе,» сказал Дорден. «Слушай, я... увидимся.»

«Конечно, увидимся,» сказал старый священник.

«Медик!» крикнул Колеа.

Керт побежала вдоль линии укрытия, пригнув голову в инстинктивной позе, которую любой, кто провел время на поле боя, быстро учился вырабатывать. Она упала рядом с ним. Практически непрерывный оружейный огонь проносился над их головами с позиций Сынов Сека в хранилище впереди. Обслуживаемые расчетами орудия громыхали в ответ по обе стороны от них. Ревели огнеметы.

«В тебя попали?» спросила она.

«Не в меня,» ответил Колеа. Он указал на Фейзкиель рядом с собой. Выстрел пробил ей плечо и запятнал лицо кровью.

«Это ничего,» сказала Фейзкиель.

«Ранение легкое, но сильное кровотечение,» сказала Керт, наклоняясь, чтобы перевязать. «Вы бесполезны для Гола, если ослабеете от потери крови.»

«Вот в точности, что я ей сказал,» сказал Колеа, вернувшись к своему прицелу.

«Да, ага, из того, что я слышала, ты едва ли демонстрируешь самое рациональное поведение сегодня,» сказала Керт. Она разорвала пакет с бинтом.

«Ты слышала об этом, так ведь?» спросил Колеа.

«Это была самая поразительная вещь, которую я когда-либо видела,» сказала Фейзкиель, вздрагивая, пока Керт перевязывала ей плечо. «Я собираюсь пристрелить его за это позже.»

«Мы побеждаем?» спросила Керт, пока работала.

Колеа пожал плечами. После атаки восстановился контакт с Космическими Десантниками и Ударная Группа Бета серьезно закрепились, прорвавшись через

серию обширных внутренних отсеков за складом и причальным ангаром. Эти огромные залы были ступенчатыми пространствами, как внутри огромных заводов. Огромные машины заполняли их полости. Колеа предполагал, что они как-то связаны с атмосферой или гравитацией.

Архивраг отступил, чтобы окопаться здесь. Сыны Сека, немного локсатлей, вместе с культистами и вооруженными сервиторами, держали линию вдоль трех залов, и совершали набеги на непреклонный штурм Имперцев посредством сети трубопроводов и служебных проходов. Локсатли, так же, использовали крыши и трубопроводы, чтобы получить выгодные стрелковые позиции.

Ответ Колеа был в систематическом подрыве или сжигании всех трубопроводов или люков, пока они наступали, и обработке потолочных шахт и труб огнеметами. Это замедляло все наступление, но это того стоило.

Тем не менее, за это была плата. Рота Н, под командованием Элама, была занята доставкой боеприпасов из ангара, куда десантные корабли и лихтеры, которые доставили войска для штурма, возвращались с боеприпасами, емкостями для огнеметов, зарядами и ракетами. Некоторые лихтеры возвращались уже третий раз в день.

Подбежал Ян Сломан.

«Брат-сержант хочет, чтобы вы знали, что он и его братья собираются сделать новый рывок,» сказал Сломан.

«Он мог бы мне сказать по связи,» сказал Колеа.

«Он пытался. Искажения даже хуже здесь.»

Колеа знал, что это правда. Ему пришлось отправить Рервала назад через склад, чтобы держать связь по воксу с *Армадюком* и другими ударными группами. Рервал организовал команду посыльных, чтобы сообщения передавались.

«Он дал как-нибудь понять, сколько времени осталось до того, как это произойдет?» спросил Колеа Сломана.

Слева от их позиции раздался рев орудийного огня. Колеа привстал на коленях, чтобы посмотреть из-за щита, и увидел троих Космических Десантников, несущихся вперед к самой толстой части вражеской линии. Их орудийные сервиторы шли с ними, сверкая орудиями. Гибельный огонь врывался в ряды Сынов.

«Это ответ на вопрос,» сказал Колеа. Он поднял свою лазерную винтовку.

«Четвертый! Девятый! Двенадцатый! Тринадцатый! Слева от меня!» прокричал он. «Восьмой! Пятнадцатый! Ванетте, твой отряд тоже! Приготовиться! Огонь на подавление по моему приказу! Ракеты, пожалуйста! Цель – тот процессорный хаб!»

«Вы слышали командира!» прокричала Фейзкиель, вставая и застегивая мундир. «Император смотрит на вас! Он смотрит на всех нас. Он рассчитывает на вас сегодня, так что не подведите его! Обозначенные отряды, как приказано. Зарядиться и приготовиться!»

«За Танит! За Вергхаст! И за ярость Белладона!» возопил Колеа. «На них!»

ДВАДЦАТЬ

Предел Спасения

«Погодите,» прошептал Мколл. *«Погодите.»*

«Было чисто,» запротестовал Ларкин, опуская винтовку.

«Да,» согласился Мколл. Он подстроил луч целеуказателя. «Ты попал, но смотри.»

Луч от прицела старшего разведчика осветил толстый черный кабель, примотанный изолентой сбоку устройства, которое только что испортил Ларкин.

«Вторичный триггер,» сказал он.

«Фес,» пробормотал Ларкин.

«К чему он приделан?» спросил Гаунт.

Домор был занят ауспексом.

«Я считываю что-то вроде мешка под покрытием пола там. Справа. Я думаю, что это компрессионный мешок. Поставьте свой вес на него, и он выдавит воздух или жидкость на кабель триггера. Трон, я почти пропустил его.»

«Вторичные триггеры предполагают более плотную защиту,» сказал Гаунт.

«Мы почти в полуторакилометрах внутри,» сказал Мколл. «Если планы и воспоминания нашего друга точны, мы близко.»

Ларкин перезарядился.

«Я могу разорвать кабель. Триггер частично закрыт.»

«Сделай это над триггером,» сказал Домор. «Даже если ты частично заденешь провод, давление будет вырываться из разрыва. Сделаешь это под триггером, и энергия выстрела в любом случае бросит жидкость или воздух на триггер.»

«Спасибо за подсказку,» сказал Ларкин, прицеливаясь.

«Должно сработать,» сказал Домор.

«'Должно'?» сказал Зеред.

«Мне нравится оставлять место для зависящих от обстоятельств неопределенностей,» сказал Домор.

«Да? Иди отфесай себя,» сказал Ларкин, прицеливаясь.

Мколл отозвал Гаунта в сторону.

«Ларкин устает,» сказал он тихо. «Его руки нестабильны.»

«Он в порядке,» сказал Гаунт. «Он родился нестабильным.»

Винтовка хлопнула. Послышался мощный шлепок из воды и стекла.

«Иииии мы все еще живы,» сказал Ларкин.

«Он уже убрал восемнадцать устройств,» сказал Мколл. «Постоянный стресс берет свое.»

«Мы все обучались этому,» ответил Гаунт.

«И часть этого обучения и планирования включала в себя соглашение на замену стрелков или саперов, если они начинают показывать признаки усталости.»

«Заменить их кем?» спросил Гаунт. «Ты слышал, что случилось с Гаммой. Пилар и Кюро были двумя резервистами со значками снайперов, и их отозвали на помощь Дауру.»

«У нас есть другие стрелки.»

«Никого, кто так тяжело тренировался. Никого, настолько хорошего. Вот почему у нас было так много отсеянных за время подготовки,» сказал Гаунт.

Мколл пометил устройство красным мелком. Они снова начали идти по ржавому склепу. Стены были настолько ржавыми, что выглядели так, как будто истекают зеленой и белой жидкостью. Они едва прошли сорок метров, когда Домор объявил об еще одном спрятанном заряде. Ларкин начал осматривать его.

Гаунт подал сигнал основным отрядам, продвигающимся позади них на расстоянии, остановиться и ждать.

«Потом Раесс, или Бэнда,» тихо сказал Мколл. «Прикажите Крийд или Мктассу остановиться и присоединиться к нам.»

«У Раесса и Бэнды уже по дюжине выстрелов или около того,» сказал Гаунт. «Они не свежее, чем Ларкс. У нас нет вариантов.»

Мколл втянул воздух носом.

«Выбор за вами. Но я не думаю, что у Ларкина осталось больше, чем три или четыре выстрела в пальце.»

Мколл повернулся, чтобы помочь Ларкину прицелиться. Гаунт пошел к основным силам.

«Фегат говорит, что мы близко,» сказал Роун.

«Насколько?» спросил Гаунт.

«Он узнает эту ржавчину. Он говорит, что через три или четыре зала мы достигнем прохода, который ведет прямо в комплекс.»

Гаунт посмотрел на этогора. Маббон был окружен по бокам Бростиным и Варлом. Остальная часть Роты S была поблизости. Маббону разрешили делать заметки на планшете. Он показал Гаунту набросанный план.

«Видите?» сказал Маббон. «Мы очень близко. Вы должны привести солдат в готовность.»

Гаунт пожевал губу.

«Насколько вы уверены?»

«На девяносто процентов, примерно,» сказал Маббон. «Это огромная структура, и мои воспоминания не идеальны. Но я провел здесь несколько лет, и все на этом пути выглядело знакомым. Было так, как я ожидал. Никаких сюрпризов.»

«Девяносто процентов?» спросил Гаунт.

«Да.»

«Если бы Ларкин был точен на девяносто процентов,» сказал Гаунт, «мы бы уже были мертвы.»

«Тогда это хорошо, что я не один из тех, кто отстреливает триггеры,» сказал Маббон.

Позади них раздался хлопок еще одной солевой пули. Мир не растворился в свете и взрыве. Они пережили еще один шаг.

Гаунт подождал вокс.

«Это Ударная Группа Бета, Ударная Группа Бета. Я хочу, чтобы транспорт был готов проследовать за нами внутрь. Путь отмечен, не отклоняться. Ждите моего приказа.»

«Понял,» ответил Белтайн. «Я передам Капитану Обелу.»

Гаунт повернулся к длинной линии ожидающих Призраков, которые составляли его боевую силу.

«Приготовиться, серебряные клинки,» сказал он. «Кажется, мы подходим.»

Призраки прикрепили свои боевые ножи.

В седьмом подготовительном ангаре *Армадьюка*, они ждали у Быков, когда пришел приказ. Обел вслушивался в вокс, кивнул несколько раз, и отдал трубку вокса своему оператору.

«Сгрузить боеприпасы,» приказал он. «Эти восемь машин. Загрузить их пустыми ящиками. Один водитель, один смотрящий в каждой. Выдвигаемся!»

Бленнер подошел к нему.

«Приказы?»

«Ударная Группа Бета вызывает транспорт. Они почти наложили руки на то, что мы искали.»

Бленнер кивнул.

«Значит, я поведу,» сказал он.

Обел нахмурился.

«Я весь день ждал шанс, чтобы--» начал он.

«Я знаю, что ждали. Но это просто перевозка. Туда и обратно, перевезти груз. Мой стиль работы. Я использую людей из оркестра, которые могут водить»

«Я... я бы хотел озвучить возражение,» сказал Обел.

«Я вас услышал,» сказал Бленнер. «Но я выше вас по званию в данных обстоятельствах. Слушайте, Обел, в любую минуту мы можем получить приказ послать резерв на главную палубу, чтобы помочь Ударной Группе Альфа. Десантирование, мужик. Это по тебе. Позволь мне взять оркестр, чтобы отвезти груз. Это, просто, работа для пехотинцев. Не трать свое время на это. Жди здесь свой шанс на то, что делают, на самом деле, настоящие герои.»

Обел собирался ответить, а затем остановился.

«Я только что сделал вам комплимент, капитан,» сказал Бленнер.

Обел помотал головой и рассмеялся.

«Удачи, сэр,» сказал он.

«Ох, мне это не нужно,» сказал Бленнер.

Бленнер подошел к Вайлдеру. Его сердце стучало тяжелее, чем он, на самом деле, предпочитал.

«Время поработать, капитан,» сказал он.

Вайлдер посмотрел на него.

«Серьезно? Еще одна доставка боеприпасов?»

«Нет, кое-что более стимулирующее. Мы собираемся помочь Гаунту. Выберите восемь водителей и пять наблюдателей.»

«Пять?» спросил Вайлдер.

«Остальными будут вы, я и тот мальчик.»

«Дерьмо, комиссар!» прошипел Вайлдер. «Сын Гаунта? Seriously?»

«Ему нужно сделать что-нибудь, пока его вера и убежденность не увянут окончательно,» сказал Бленнер.

«Идем, сейчас же!» крикнул он членам оркестра. «Выглядите так, как будто мы знаем, что делать. Пердэй? Ты будешь моим водителем.»

К ним подошел Феликс.

«Вы хотите, чтобы я был в этом?»

«Это просто маленькая поездка. Тебе понравится. Кое-какое занятие, Меритус.»

«Я тоже поеду,» сказала Маддалена.

«Мест нет, так что не поедешь. Прости и все такое. Я верну его в целости. Обещаю.»

«Нет,» сказала Маддалена.

«Да!» воскликнул Феликс.

«Ты связана законом Имперской Гвардии,» сказал ей Бленнер. «Это основное условие, по которому ты остаешься с полком. Я знаю это, как факт. Так что у меня есть власть и я применяю ее. Уходи. Позволь мальчику сделать что-нибудь сегодня, чтобы, когда это все закончится, он смог смотреть своему отцу в лицо не чувствуя стыда.»

Маддалена Дэрбилавд уставилась на него. Ее челюсти были сжаты.

«Вы мне не нравитесь, Вэйном Бленнер,» сказала она.

«Все так сначала говорят,» ответил он. Он пристально посмотрел на нее в ответ. «Моя дорогая мамзель, если бы я беспокоился о всех вещах в этой фесовой галактике, которым я не нравлюсь, я бы никогда не вылез из своей кровати этим утром.»

Она отвернулась.

«Мы можем продолжить?» спросил он.

Крийд осветила темноту над головой фонариком. Ее команда зачистки вошла в обширную полость, которая казалась естественным образованием, потому что время и сжатие очень сильно смяли стены и потолок. Слюда и сплавы блестели и

морщились, как камень. Палуба под их ногами была гниющими пластинами, сформировавшими путь на запятнанной нефтью рокритовой облицовкой.

«Стоп,» крикнул Мклаек. Он подстроил шкалу своего детектора. «Заминировано,» сказал он. «Под напольными пластинами.»

Бэнда вытерла пот со лба.

«Отлично,» сказала она. «И как, тогда, мне стрелять по триггеру?»

«Мы можем поднять пластины?» спросил Лейр. «Обезвредить мины вручную?»

«Это звучит, как охрененно плохая идея,» сказала Крийд.

«Тогда, обойдем,» сказал Лейр. «С дорожки, по рокриту.»

Мклаек помотал головой.

«Я совершенно ничего не получаю от рокрита. Слишком плотный для чистого отклика. Там могут быть заряды или дистанционные триггеры, которые я просто не могу уловить.»

Крийд глубоко вздохнула.

«Значит, мы найдем другой путь,» сказала Чирия, ослабляя вес огнемета. «Вернемся к последнему перекрестку, выберем другое ответвление.»

Бэнда положила свою винтовку и прислонилась к стене. Она пыталась справиться со стрессом.

«Слушайте,» сказала она. «Вы никогда не минируете зону, чтобы не обезвредить. Это основное правило разношерстных отрядов.»

«Это не всегда правда,» сказал Лейр.

Бэнда пожала плечами. «Ладно. Может быть, не в открытом мире, где у вас есть роскошь наличия пространства. Места, чтобы обойти. Места, чтобы взорвать удаленно. Но не здесь.»

Она посмотрела на Крийд.

«Обдумай это, Тона,» сказала она. «Они бы не заминировали главный путь, как этот, если бы не смогли разминировать его потом. На случай, если им понадобится. Это и понятно. Они не могли установить это без мер предосторожности. Взрыв пройдет прямо по туннелям.»

Крийд обдумала это.

«Что означает,» сказала Бэнда, «эти заряды *должны быть* разряжаемыми. Мы можем поднять пластины.»

Мклаек живо закивал. «Потому что у них нет срабатывания на уменьшение давления,» сказал он. «Они не сработают, если вес будет удаляться от них. Только от веса, который будет приложен.»

«Ты сможешь это сделать?» спросила Крийд.

Мклаек снова кивнул.

«Это будет отличаться от выстрелов,» сказала Бэнда.

Крийд посмотрела на Чирию. «Иди к поддержке и отведи их назад как минимум на пятьдесят метров,» сказала она.

«Это не поможет, если это взорвется,» запротестовала Чирия.

«Это заставит меня чувствовать себя спокойнее,» резко бросила Крийд. Она посмотрела на Бэнду и Мклаека.

«Приступайте,» сказала она.

Она надела перчатки и встали на четвереньки. Мклаек тащил детектор рядом с собой, пока они ползли, посматривая на ауспекс.

«Это первый,» сказал он, остановившись.

Крийд и Лейр стояли и смотрели, сконцентрированные.

Бэнда вытащила боевой нож и воткнула кончик клинка под край ржавой напольной пластины.

«Погоди,» сказал Мклаек.

«Серьезно?» ответила Бэнда. «Я просто собиралась поднять ее.»

Мклаек лег, чтобы его голова оказалась на полу. В тот момент, когда пластина поднимется, даже на толщину пальца или меньше, он сможет посмотреть под ней.

«Давай,» сказал он.

Бэнда начала поднимать край пластины. Она была толстой и очень тяжелой, а клинок ножа был настолько отполирован, что, казалось, была опасность того, что пластина соскользнет с него. Она подняла край пластины примерно на два сантиметра, и очень быстро подставила три пальца под нее до того, как она упадет на триггер давления.

«Трон живой,» прошептал Лейр Крийд. «Я не могу вынести это.»

Бэнда сглотнула, поправив хватку, и вытащила нож. Мклаек все еще прижимал голову к полу.

«Готов?» спросила она.

Он кивнул.

Она начала поднимать. Было тяжело. Она не могла держать пластину очень долго.

«Стоп,» сказал Мклаек.

«Что?» спросила Бэнда. Пластина поднялась едва ли на три сантиметра от пола.

«Дальше не поднимай,» сказал Мклаек.

«Ах, ну да, просто сидеть? Держать?»

«Нижняя сторона привязана,» тихо сказал Мклаек. «Она привязана к триггеру. Поднимешь выше, и срывается.»

«И ты только *сейчас* говоришь мне это,» сказала Бэнда.

Раесс сделал глоток воды из фляжки. Его глотка была сухой, как Яго. В его правой руке было болезненное ощущение, которое ему совсем не нравилось.

«Готов?» спросил Мктасс.

«Я это сделаю,» сказал Раесс. Он закрыл фляжку, убрал ее и поднялся. «Где это?»

Команда Мктасса вошла в еще одну комнату с машинами, гигантскую, ржавую металлическую коробку, полную ржавых металлических машин. Это была третья по очереди, по которой они медленно продвигались. Прид предполагал, что все они были частями корабля, космического корабля, который слился с Пределом Спасения века назад. Он напоминал им ржавые разваливающиеся громадины, которые использовали зеленокожие. Каждая поверхность была тусклого, отслаивающегося осеннего оттенка ржавчины.

Они шли по мостику наверху зала. Мостик стал металлическим мостом, который протянулся к люку на дальней стороне. Поддержка мостика была из стальных балок, которые спускались с потолка. Это был долгий путь вверх и долгий путь вниз.

Бреннан провел по залу и засек источник электричества на мосту, на полпути. Центральный пролет был подключен к триггеру давления под пролетом. Основной заряд скрывался под мостом, прикрепленный к бочке с топливом и обмотанный непромокаемой бумагой.

Раесс вставил патрон. Он формально потерял счет тому, как много выстрелов он сделал за этот день.

«Направь меня,» сказал он Приду.

Разведчик вытащил свой прицел и направил луч целеуказателя на механизм триггера, который торчал из узла под мостом, как пробка.

«Видишь?» спросил Прид.

«Да,» сказал Раесс, подстраивая прицел на винтовке.

Мктасс ждал позади них, с Сайрусом. Сайрус переключил свой огнемет на самый низкий уровень. Мктасс бросил взгляд назад на отряд солдат, ожидающих в сотне метров позади. Белладонский сержант, Горландер, во главе колонны, ответил Мктассу быстрым кивком.

Бреннан пошел вперед к стрелковой команде и снова провел детектором. Только его вес и движение на мостике заставили его шевелиться и трещать.

«Фес!» выдохнул Мктасс.

Маленькие стружья ржавчины полетели вниз с краев поддерживающих структурных балок. Большинство из них летели вниз и прочь, как мертвые листья. Прид осторожно поймал одну из самых больших, до того, как она смогла приземлиться на заминированный пролет моста. Он был совершенно уверен, что она должна быть слишком легкой, чтобы активировать нажимную пластину, но не было никакого смысла испытывать судьбу.

«Стреляй, пожалуйста,» сказал Мктасс.

Раесс прицелился.

«Погоди,» сказал Бреннан. Его прицел показывал что-то еще. «Там есть второй заряд, на дальнем конце моста. Он прикреплен к тем же самым пластинам, как и первый.»

«Фес,» прошептал Раесс.

«Что нам делать?» спросил Прид.

Бреннан сделал глубокий вдох, думая.

«Стреляй по первому, как и собирался,» сказал он. «Быстро перезарядись, стреляй по второму. Между этим, молись, чтобы удар от первого выстрела не заставил сработать второй триггер.»

Раесс вытащил вторую солевую полю и поставил ее между ног.

«Наводи на оба по очереди,» сказал он Приду. «Мы введем оба параметра дальности в наши прицелы, чтобы я сделал выстрел, перезарядился и переключился на второй.»

Прид кивнул.

Ладони Раесса вспотели.

Противовзрывной люк был с рубцами и покрыт пылью, но он был под энергией. Мколл прикоснулся механизму открытия и поднял оружие, когда люк с жужжанием открылся.

Тишина.

Он сделал шаг вперед, все еще нацеливая оружие. Бонин и Эзра были рядом с ним, с Бростиным прямо позади них.

Мколл почувствовал тепло на своем лице. Нагретый воздух, циркулирующий. Здесь были лампочки на проводах, свисающие с отчищенного металлического потолка коридора. Некоторый горели. Некоторые нет.

Он вошел в люк. Коридор был рифленным. Настенные панели, потертые старые металлические листы, были разукрашены грубыми желтыми символами, которые заставляли его чувствовать себя тревожно. Он мог чутать грязные биологические отходы жизнедеятельности, смазку и нагретый металл. Он мог слышать пыхтение генератора поблизости, и более глубокие звуки на большем отдалении главных машин за работой. Части полы были обожжены, как будто когда-то были разжены костры, которые оставили догорать. Кучи мусора, неидентифицируемые фрагменты резины и металла, лежали кучами по углам.

Бонин направился к первому перекрестку. Эзра проверял ближайшие двери. Металлические двери легко открывались в маленькие каменные камеры, как будто тюрьма без замков, спальня помещения, по-монашески простые и скромные. Их здесь были дюжины, и еще были другие над ними, с доступом туда по импровизированным металлическим лестницам, и другие над ними; ячеистые соты, которые простирались во тьму крыши.

Они продвинулись еще немного. Гаунт шел за ними, с Роуном, Варлом и фегатом по пятам.

Гаунт метнул взгляд на Маббон. Этогор кивнул и указал вперед.

Гаунт убрал в кобуру пистолет и вытащил меч. Он просигналил *тихое продвижение*. Призраки повесили свои винтовки на плечи и вытащили свои клинки.

В коридоре перед ними появились две фигуры. Это были солдаты в коричневой коже и желтых мундирах. Сыны Сека. Они остановились, чтобы поболтать друг с другом. Они повернулись, чтобы направиться в различных направлениях. Мколл убил одного ножом, удерживая труп на всем пути до пола. Эзра вонзил стрелу из рейнбоу в позвоночник другого.

Гаунт подошел и мельком посмотрел на тела, пока Бонин проверял люк, из которого появились вражеские солдаты.

Сыны были большими и покрытыми мускулами от изнурительных тренировок. Они воняли специями и пылью. Их униформы были поблекшими залатанными униформами Гвардии, окрашенными в желтый. Пояса и кожаные изделия, которые были на них, были отлично сделанными и полированными. Их оружием были свежештампованные винтовки, вероятно из захваченных поставок какого-нибудь мира-кузницы, направлявшихся на передовую.

Их маски были любопытными, подбородочные ремни шлема расширялись, чтобы закрыть их рты подобием рук взрослого человека.

Гаунт снова взглянул, ближе. У кожаной руки были ногти. Это не было подобием. Ботинки, пояса, ремни и прочие кожаные изделия, носимые Сынами, были выдублены из освежаванных жертв или врагов.

Гаунт встал, и они пошли дальше. Комнаты ощущались, как склепы. Краска на стенах отслаивалась, и только половина источников света работала. Мусор и признаки сжигания были везде. Гаунт представлял себе что-то более организованное, что-то менее похожее на трущобы или бесхозные здания улья, занятые бродягами.

Все металлические поверхности были покрыты ржавчиной, коркой из коричневого, черного и желтого. Старые медники на проволоках горели и колыхались. Проволока свисала с оцинкованного металлического потолка.

Они пересекли широкую территорию, похожую на открытый двор, который был покрыт почти по колено старыми, поношенными, поблекшими и брошенными дыхательными масками. Треснувшие прорези для глаз, казалось, пристально смотрят на них. Затем была следующая группа монашеских камер, поднимающихся, как поверхность склона к исковерканному потолку зала. Люк выходил в еще один зал. Место было заполнено огромными цинковыми ваннами, стеклянными раковинами, стеклянными бутылками и металлическими кастрюлями. Они стояли на полу рядом друг с другом, как будто их расставили, чтобы ловить капли с протекающей крыши. Все емкости, большие или маленькие, были наполнены, в большей или меньшей

степени, кровью. Вонь была ужасной. Большая часть крови была старой, разлагающейся, и покрытой плесенью. Какая-то ее часть казалась свежей.

За всем этим снова были монашеские камеры.

Ведя, Бонин, Мколл и Эзра заставили замолчать еще двух Сынов вместе с каким-то служащим в робе, который был одет, как иерофант. Это плохо питающееся мертвенно-бледное создание, изобилующее татуировками, была закутано в грубую арматуру из проволоки и металла под робой, в каркас, который, казалось, разработан, как поддерживать его, так и мучить. Сочленения натирали и резали его плоть. Каркас слегка напомнил Гаунту проволочных волков Гереона.

Гаунт бросил взгляд на Маббона с недоумением.

Оружекованый, написал Маббон на своем планшете. Маббон рассказывал Гаунту, что оружиекованные были братством техноадептов, которые управляли заводами Предела и служили злобному Херитору, Асфоделю. Теперь они должны были служить новому Херитору, действующему в качестве главного поставщика оружия Сека. Их искусство было похоже на работу техножрецов Адептус Механикус, хотя они намного меньше рассчитывали на модификации тела аугментикой и гораздо больше на эзотерическое и запрещенное знание.

Гаунт кивнул. Он проверил позади него. Боевой отряд входил в секцию у них по пятам. Мколл убедился, что тела жертв Призраков были оттащены из зоны видимости и брошены в камеры.

Мколл подал сигнал. Он и его разведчики разошлись веером.

«Эти камеры для отдыха и медитации оружиекованных,» прошептал Маббон Гаунту. «Мы практически поблизости к одной из коллегий. *Коллегии наследования.*»

«Заводу?» прошептал в ответ Гаунт.

«Да, но это скорее лаборатория,» сказал Маббон.

Вернулся Мколл.

«Впереди куча камер,» доложил он. «Протяженный комплекс. Там плохой свет, сверхъестественный свет. Там люди за работой, люди, как тот в робе. Сервиторы

тоже, но не такие, каких я видал. Там всякие вещи. Лабораторные столы, полки, альковы. Я видел артефакты, книги, схемы, планшеты с данными.»

«Это цель,» ответил Гаунт. «Обдумай план атаки. Нам нужно быть осмотрительными.»

«Мы никогда не сделаем это тихо,» сказал Мколл.

«Тогда бесшумно и быстро.» Он посмотрел на Маббона. «Там будет защита? Вещи, с которыми мы не сможем справиться?»

Маббон помотал головой.

«Некоторые вещи, которые здесь создают оружекованные, настолько неустойчивые, что их нужно держать в инертном состоянии из-за страха внутренней реакции. Главной защитой Предела всегда была его недоступность.»

Гаунт посмотрел на Мколла. Старший разведчик закончил инструктировать людей. Он кивнул Гаунту.

Гаунт жестами показал *выполнять*.

Три группы пошли вперед, быстро и тихо. Мколл вел одну, Роун – вторую, а Бонин – третью. Они бежали по длинному, мощеному коридору с возвышающимися стенами цвета грязи, и под разбитым, запачканным стеклянным куполом из больших секций, который дал бы фору многим храмам. Пол был усеян остатками от костров и почерневшего мусора. Эту зону Предела умышленно сконструировали. Отсеки и комнаты были вырезаны в камне, полы были вымощены или покрыты железом. На стенах были нарисованы странные фрески: ненормальные виды, которые едва ли были вразумительными и странно волновали. Казалось, что это были виды чуждых ландшафтов или записи жутких ритуальных церемоний. Гаунт чувствовал себя так, как будто они вторгались на территорию собора, территорию собора, которая пахла, как библиотека и автомобильный магазин и уборная и то, что было зарыто глубоко под землей, освещенное румяным светом кипящей лавы.

Коллегия наследования была тройкой длинных, высоких залов, соединенных своими концами, с серией боковых часовен и пристроек с обеих сторон. Ее пол был из кованной меди, а в стены были врезаны инкрустации из слоновой кости с

серебряными нитями и био-органическими механизмами. Странные объекты стояли в альковах или на консолях. Здесь были полки с книгами и планшеты с данными. Некоторые из них висели на цепях или были наглухо заварены. Широкие и витиевато вырезанные деревянные полки вдоль одной стены содержали миллионы пронумерованных вручную свитков. Большие устройства, некоторые частично разобранные, лежали в боковых комнатах, закрытые стеклянными экранами и шелковыми балдахинами. Медный пол был покрыт мусором и утилем, как мусорная свалка.

Призраки неслись вперед, заходя с трех сторон. Оружекованный, его голова была укреплена и болезненно торчала в каркасе из проволоки и меди, поднял взгляд от когитатора, который он разбирал на столе, и посмотрел на них. Его пальцы были ампутированы и на их месте торчали имплантированные инструменты. Машинное масло сочилось с уголка его рта.

«Вой шет жадхож'к?» спросил он, озадаченный появлением людей, которых он не узнавал.

Мколл пронзил кинжалом сердце бедняги.

Другие оружиекованные поблизости, оторвавшиеся от своего изучения или утонченных разработок, быстро были убиты клинками. Другие встали, и попытались побежать или закричать. Были сделаны первые выстрелы: быстрые залпы лазерного огня, которые срезали фигуры в робах. Бонин подстрелил одного и перевернул его рабочий стол. Тонкие изделия из проволоки, стеклянная посуда и медные инструменты свалились на медный пол. Аколиты и сервиторы, ассистирующие оружиекованым, были горестными соединениями машинного скелета и пересаженного человеческого мяса, соединенные посредством смеси аугментики и искусственной ткани. Призраки пристрелили их тоже. Они умерли с дрожащими визгами. Некоторые попытались поспешно убежать или поднять тревогу. Они спасались бегством во всех возможных направлениях по длинным, причудливым залам коллегии.

Ударная Группа Бета была везде.

В дальнем конце первого зала появились несколько Сынов Сека, потревоженные криками. Варл убил одного, а Кардасс срезал, а затем прикончил второго до того, как могла начаться серьезная перестрелка. Третий забежал в укрытие и начал отстреливаться. Его голова испарилась в розовой дымке.

Ларкин сделал выстрела от главного входа. У него даже не было времени вытащить свой лонг-лаз и убрать винтовку. Он просто вставил пулю в старое оружие. Сорок три метра, цель,двигающаяся в частичном укрытии.

«Кто говорит, что я устал?» прошептал он.

За пять минут Призраки обезопасили территорию коллегии.

«Теперь они знают, что мы здесь,» сказал Маббон.

«Конечно,» заметил Гаунт.

«Просто из-за прекращения активности и предоставления данных,» добавил Маббон. «Но, пока идет основная атака, я бы сказал, что у нас есть полчаса до того, как они, на самом деле, осознают, что у них второй критический момент.»

«Приступим к работе,» сказал Гаунт. «Мколл, приведи транспортники так близко, как только они смогут. Доставь пустые ящики. Два отряда. Роун, установи периметр. Этогор, скажи нам, что забирать, и как с этим корректно обращаться. Оставшееся мы сожжем. Потом уберемся отсюда нафес.»

«Но мы же сожжем?» спросил Бростин.

Гаунт кивнул.

«Просто спросил,» сказал Бростин.

Восемь Быков прогрохотали в боковой шестнадцатый и направились в дыру, пробуренную в Пределе.

Внутри, скорость была ниже. Они следовали пути, который обозначил Мколл, выхватывая его метки мелом фонариками. Корабельные техники пошли за войском и зачистили некоторые зоны, но местами пространство были тесным. Там, где были

обезврежены устройства, водителям приходилось проявлять особую осторожность, чтобы не потревожить взрывчатые устройства.

Бленнер ехал в первом Быке. Он чувствовал пот на спине, чуюл холодный воздух и выхлопные газы. Это было то время, думал он про себя, когда бутылочка с сахарными таблетками плацебо просто не сработает. Где была милая медик Керт, когда тебе она была нужна?

«Легче, легче,» увещевал он Пердэй. Ее руки сжимали руль, ее глаза были широкими от концентрации и напряжения.

В двух машинах позади, Феликс держался за кабину одной рукой и обнимал свою лазерную винтовку другой. Пустые ящики гремели в задней части машины.

Он, на самом деле, делал что-то, первый раз в своей жизни. Он был вовлечен в деятельность, которая могла привести к чему угодно, туда, где его мать не могла осуществлять абсолютный контроль со своей властью и деньгами.

И пока сейчас это происходило, он не был в точности уверен, что он об этом думает.

«Мои руки слишком большие,» сказал Мклаек.

«Фантастика,» ответил Бэнда сквозь стиснутые зубы. Пот каплями катился по ее лицу. Ее руки начинали трястись от напряжения. «Я больше не могу это держать, и я не могу это поднять выше.»

«Я просто не могу засунуть руки под пластину достаточно далеко, чтобы добраться до провода,» сказал Мклаек. Он посмотрел на Крийд. В его глазах была паника.

Крийд встала на колени рядом с Бэндой, сняли перчатки и закатала левый рукав. Ее руки была намного меньше, чем рука Мклаека. У нее были лучшие шансы, чем у Лейра или Чирии.

«Что мне делать?» спросила она, осторожно засовывая руку под тяжелую металлическую пластину.

«Найди провода,» сказал Мклаек, «не выдернув их. Осторожно.» Его пальцы были крепко сцеплены, как будто он все время молился, пока смотрел на нее.

«Продвигайся очень медленно,» умолял он ее.

«Я *и так* продвигаюсь очень медленно,» ответила Крийд, потянувшись дальше.

«Не слишком медленно,» прохрипела Бэнда. «Я не могу медленно.»

«Святой фес,» сказал Лейр Чирии.

«Не могу смотреть,» сказала Чирия.

«Я достала до них. Я добралась до проводов!» сказала Крийд. Не было никакого способа заглянуть вниз и посмотреть, что она делает, в одно и то же самое время. Она вслепую ощупывала металлическую плиту.

«Хорошо,» сказал Мклаек, кивая. «Отследи их до пластины. Вверх. Делай это очень осторожно. Ты не захочешь выдернуть что-нибудь случайно.»

«Хорошо,» сказала Крийд. Она прикусила нижнюю губу от концентрации.

«Не води по проводам вниз к триггеру,» сказал Мклаек. «Вверх.»

«Да, я понимаю, что значит 'вверх'!» сказала Крийд.

«Кто-нибудь из вас понимает, что значит 'побыстрее'?» выдохнула Бэнда.

«У меня есть провод,» сказала Крийд. «Я по нему дошла до пластины.»

«Он припаян?» спросил Мклаек.

«Нет, он намотан на металлический концевик.»

«Ладно. Хорошо. Значит, не дергая его, размотай провод и отсоедини его.»

Смотря на пол, с рукой в дыре, Крийд состроила гримасу. «Легче сказать, чем сделать. Я не могу ухватиться за конец.»

«Когда мы здесь закончим,» пробормотала Бэнда, «я решила убить всех.»

«Если мы не сделаем это правильно,» сказал Мклаек, «в этом не будет необходимости.»

«Нашла,» сказала Крийд. «Я нашла свободный конец провода. Погодите. Погодите...»

Он посмотрела на них.

«Есть,» сказала она.

«Там есть другие провода?» спросил Мклаек.

«Ох, что?» закричала Бэнда?

Крийд осторожно пощупала вокруг.

«Нет,» сказала она. «Нет, там—погодите. Нет. Других проводов нет.»

«Значит, поднимаем,» сказал Мклаек.

Крийд вытащила руку. Она с Мклаеком вставили пальцы под пластину рядом с Бэндой.

«Но три,» сказала Крийд.

«Три,» сказала Бэнда.

Они подняли.

Когда пластина поднялась, обнаружилась темно-серая противотанковая мина, закопанная в почву. Провод тянулся от триггера наверху.

Они положили пластину рядом с проемом.

«Мне нужно обезвредить ее,» сказал Мклаек, вытаскивая пару щипцов и вставая на колени рядом с миной.

«Я не хочу проделывать такое снова,» сказала Крийд.

Раесс выстрелил. Выстрел был великолепным. Солевая пуля снесла триггер с устройства под пролетом моста.

Но отдача, так же, заставила мостик неприятно трястись.

Прид быстро навел целеуказатель на второй триггер. Раесс схватил патрон с палубы и перезарядился.

Он посмотрел в прицел и навелся на точку, на которую указывал Прид. Его палец согнулся на спусковом крючке, готовый нажать.

Маленькие хлопья ржавого металла полетели сверху, потревоженные отдачей. Мктасс поймал один кусок до того, как он приземлилось.

Второй, не больше лепестка розы, приземлился на первую пластину моста.

«Ох, ф--» начал Мктасс.

Триггер на давление сработал. Второй заряд, в дальнем конце моста, взорвался.

Сила взрыва мгновенно порвала весь мост на ржавые частицы и воспламенила первый заряд. Их объединенный взрыв осветил зал, подобно сверхновой.

Мктасс, Прид, Сайрус, Бреннан и Раесс просто распались на атомы. Огромное давление раскололо стены зала и образовало титаническую ударную волну, которая понеслась к входному туннелю. Давление превратило в жидкость Сержанта Горландера и боевой отряд, ожидающий в проходе.

Огненный шар, который пронесся по туннелю, сжег останки миллисекундами позже.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Спасение Потеряно

Конвой Быков достиг внутреннего люка, который вел в оккупированную секцию Предела. Бленнер, Вайлдер и их команда стояли на страже у машин. Гаунт послал солдат из коллегии, чтобы забрать ящики и начать извлечение чувствительных материалов.

Вайлдер ходил туда-сюда.

«Успокойся,» сказал его Бленнер, но только потому, что хождение заставляло его самого напрягаться. Они были обнажены, буквально перед дверью на территорию, которую держал враг. Запахи гниения и разложения, вырывавшиеся из люка, были ужасающими.

Он посмотрел на Феликса. Мальчик стоял у задней части своей машины, всматриваясь в темные полости вокруг них на наличие движения. Он держал свое оружие слишком крепко.

Бленнер пытался придумать, что бы ободряющее произнести, но он использовал все свое добродушие на Пердэй во время поездки.

Взрыв заставил их подпрыгнуть. Земля задрожала. Перепад давления ударил по их ушам так сильно, что многие закричали и уронили свое оружие.

Секундой позже они почувствовали наплыв горячего воздуха, пришедшего к ним из туннеля, и почуяли запах земли и фуцелина.

«Проклятие,» сказал Бленнер. «Что только что произошло?»

Меррт нацеливался, чтобы выстрелить, когда земля сотряслась. Они все почувствовали это. Куски ржавчины посыпались сверху. Отдаленный взрыв пришел секундой позже, а затем, тревожным знаком, наплыв горячего воздуха.

Члены команды посмотрели друг на друга.

«Фес,» сказал Вагнер.

«Кому-то только что не повезло,» сказал Даур.

Это было похоже на то, как будто позади них взорвалась граната. Дикая тряска прошла по полу, и ударная волна из шума и тепла и сдавленного воздуха ворвалась в зал к ним. Крийд, Бэнда и Лейр были сбиты с ног. Каким-то образом, Чирия устояла.

Они все понимали, что это было. Мгновенно поняли. Одна из других команд зачистки нарвалась на что-то. Так же, это было недалеко. Кто? Отряд Мктасса? Мколла?

Это был звук, мгновение уничтожения, которого они боялись весь день, вещь, к которой они были подготовлены, вещь, которой, они сильно желали, не произойдет.

Это случилось не с ними. Кому-то еще не повезло. Это случилось не с ними.

Но это, с таким же успехом, могло приключиться с ними.

Мклаек был в процессе извлечения триггера из мины, которую они, в конечном итоге, обнажили. Держа свои руки в спокойствии, насколько мог, он поднимал детонатор, который вывентил из разъема, медленно и осторожно, убеждаясь, что больше не было прикреплено никаких проводов. Крийд заворачивала свой рукав назад и надевала перчатки. Бэнда пыталась расслабить пальцы и кисти рук от продолжительного держания напольной пластины.

Он был в миллиметре, или около того, от убирания детонатора прочь, когда по ним ударила ударная волна.

«Мклаек?» крикнула Крийд, поднимаясь.

Мклаек ничком лежал на полу, лицом на противотанковой мине. Его руки все еще держали детонатор. Взрыв заставил его прижать детонатор к краю углубления. Он не решался двинуться. Он не решался разорвать контакт.

«Мклаек?» повторила Крийд. Она и остальные пошли к нему.

«Не подходите,» прошипел он, пытаясь не двигаться. «Не подходите ближе. Бегите. Уведите отделение.»

«Фес это!» сказала Бэнда.

«Я не шучу!» прошептал Мклаек с широкими глазами. «Бегите, тупые ублюдки! Сейчас же. Я думаю, что это ожило! Я думаю, это активировалось и я не смогу держать вечно. Бегите!»

«Ни за что--» начала Крийд.

«Бегите!» проскрежетал Мклаек, почти в вопле отчаяния.

Они переглянулись.

«Мы не можем--» начала Крийд.

Лейр с Бэндой схватили ее и потащили к проходу. Они начали бежать. Чирия тоже, с трудом справляясь с весом огнемета. Отделение солдат увидело, что они приближаются, и им не понадобилось подстегивание, чтобы, так же, развернуться и побежать. Они неслись по туннелю на всей скорости. Лейру с Бэндой приходилось, практически, тащить Крийд.

Мклаек держал так долго, как мог. Когда его пальцы, в конце концов, начали сдаваться, он вытащил детонатор из разъема.

Ничего.

«Император защищает,» прошептал он со слезами облегчения в глазах.

Противотанковая мина взорвалась.

Они почувствовали детонацию раньше, чем слышали ее. Медный пол зала коллегии задрожал. Лампы задребезжали и зашевелились.

Гаунт повернулся, чтобы посмотреть на Мколл, и, пока он это делал, они оба почувствовали давление воздуха, пронесшееся по залу. Гаунт мог ощущать тепло и сухую вонь взрывчатки.

«Это был большой взрыв,» сказал он.

Мколл не ответил. Он знал, что они только что потеряли кого-то. Множество людей, вероятно. Возможно, это был звук того, что они проигрывают битву, миссию, и все, за чем пришли.

Подошел Бонин.

«Это пришло из туннеля,» сказал он. «Один из отрядов сделал ошибку.»

«Который?» спросил Роун.

Бонин помотал головой.

«Если мы почувствовали это здесь--» сказал Гаунт.

«Сэр?»

Гаунт повернулся. С охраняющим его Варлом, Маббон подошел к одной и контрольных панелей, прикрученных к стене зала коллегии. За тусклой стеклянной панелью, полоска грязной бумаги прокручивалась через регистратор, похожий на шесть когтей, подпружиненные рычаги оставляли неровные линии на графике.

«Это записыватель движения,» сказал Маббон. «Они повсюду. Магиры и этогоры комплекса заметят это.»

Они почувствовали еще один меньший, но ясный грохот сквозь пол. Графические рычаги записали внезапный и крутой всплеск.

«Еще один?» сказал Гаунт.

«Доступное время только что значительно уменьшилось,» сказал Маббон. «Не важно, что происходит на главном направлении, ваш враг сейчас пошлет отряды, чтобы расследовать.»

Гаунт быстро вернулся к Роуну и Мколлу.

«Усилить периметр,» сказал он. «Я хочу знать в тот же момент, когда они подойдут.»

Члены боевого отделения приносили внутрь первые пустые ящики.

«Давайте наполним их. Быстро,» сказал Гаунт. Он бросил взгляд на Маббона.

«Забирайте все, что сможете,» сказал Маббон. «Бумаги, книги, документы, тубы, планшеты. Пользуйтесь перчатками. Запечатайте ящики, когда они заполнятся.»

«Не сортируйте,» сказал Гаунт. «На самом деле, даже не смотрите на то, что берете. Инквизиция позаботится о записях и их понимании. Нам нужно просто доставить. Берите, несите наружу, возвращайтесь за следующим ящиком. Все, насчет чего вы не уверены, оставляйте или спрашивайте меня.»

«Пошли,» сказал Домор, хлопнув руками. «Хватаем и уходим.»

Гаунт взял пустой ящик, подошел к какой-то грязной металлической полке, и начал брать с нее памфлеты и книги. Он мог чутать плесень и сырость на книгах. Некоторые края страниц прилипли к металлу. Он брал сразу пачками и складывал их в ящик, наполняя его аккуратно и эффективно, так, как его отец научил его укладывать шкафчик для обуви.

Он никогда не представлял себе, что будет обращаться с таким типом материалов. Это было его воображение, без сомнения, но его плоть пощипывало, несмотря на перчатки. Что они потревожили? Как они были заражены? У вещей была сила. Это знание, это *учение*, у него было могущество само по себе. Книги, переплеты, использованные материалы, сами слова, надиктованные из варпа шелестящими, ликующими, нечеловеческими голосами. При других обстоятельствах, они должны были все сжечь.

Он пошел к другой полке. Тубы со свитками. Тубы были сделаны из той же самой блестящей коричневой кожи, как и пояса и ремни Сынов Сека. Он знал, чем это было. В любом случае, он продолжал паковать.

Ящик был наполнен. Он закрыл крышку, закрепил ее на ремнях, и повернулся, чтобы отдать его в обмен на пустой.

Феликс Часс держал для него пустой ящик.

«Что ты тут делаешь?» спросил Гаунт, подавляя тревогу и стараясь говорить спокойно.

«Следую приказам, сэр,» сказал Феликс.

«Каким приказам?»

«Приказам о перевозке, сэр,» сказал мальчик. Его лицо было бледным.

«Отнеси этот ящик к транспортнику. Загрузи его осторожно. Возвращайся за следующим,» сказал Гаунт.

«Да, сэр.»

«Ты в порядке?»

Феликс кивнул.

«Только в долге мы находим истинное свершение, сэр.»

«Это Рейвенор,» сказал Гаунт.

«Мне была предоставлена свобода прочесть кое-что,» сказал Феликс.

Гаунт отдал запечатанный ящик.

«Иди,» сказал он. «Нам нужно делать все быстро.»

Феликс поспешил к выходу с ящиком. Гаунт поднял пустой, который он оставил.

«Вы выглядите озабоченным,» сказал Маббон. Гаунт повернулся. Маббон брел к нему. Варл и остальные Короли-Самоубийцы были заняты упаковкой ящиков и присматриванием за другими выходами.

«Это непредвиденная ситуация,» сказал Гаунт. «Мы готовились очень долго, и вложили такие усилия, и сейчас мы здесь... я не уверен, что это того стоит. Мы крадем секреты, которые мы не хотим услышать, и перекладываем ответственность на других.»

«Ясно,» сказал Маббон. «Я просто подумал, что вы, должно быть, беспокоитесь о своем сыне.»

Гаунт сузил глаза.

«Оставь его в покое.»

Маббон поднял закованные в наручники руки.

«Я не в том положении, чтобы сделать что-нибудь кому-нибудь.»

«Откуда ты узнал?»

Лицо Маббона ничего не выражало.

«Я слышал. У меня немного благоприятных возможностей делать что-то, кроме как слушать. Меня не видят в роли человека, полковник-комиссар. Люди говорят вокруг меня, как будто меня нет. Они шепчутся, проходя мимо, когда охраняют меня. Я мог бы все рассказать о ваших Призраках. Я решил этого не делать, потому что это было бы дерзко и неподобающе, и у меня нет никакого желания нанести вред хрупким отношениям между нами. Поэтому я просто выразил беспокойство, потому что я уважаю вас.»

Гаунт был молчалив. Затем он кивнул и начал паковать второй ящик.

«Я беспокоюсь о том, что мы заразим себя. Просто держа этот материал, отнеся его на *Армадюк...*»

«Это просто паранойя, сэр,» сказал Маббон. «Совершенно понятно. Как я объяснял, материалы в коллегии инертны. Это просто данные. Ох, кое-что из этого довольно неприятно – записи о мерзостях, зверствах – но сами по себе они не токсичны. Их можно брать и перевозить совершенно безопасно.»

Гаунт начал складывать кипы старых планшетов в ящик.

«Хотите, чтобы я помог?» спросил Маббон.

«Я бы предпочел, чтобы вы ничего не трогали.»

Маббон кивнул.

«Есть,» сказал он, «другие зоны, крипты и подвалы, недалеко от коллегии наследия, но они отделены, и там рыскает настоящее зло. Они содержат артефакты. Устройства. Книги, которые нужно сдерживать в цепях, и которые можно прочитать только хирургически адаптированными глазами. Этих вещей вам нужно избегать. Даже оружекованные и слуги Херитора обращаются с ними с осторожностью. В них варп. Кроме того, Империиум слишком боится влияния Губительных Сил, что выбрал игнорировать огромное количество таких данных – данных, которые совершенно и верны и надежны – и, поэтому, он ослепляют себя перед врагом.»

«Я понял основное,» сказал Гаунт. «Вот, почему, я поддержал план. Вот, почему, я вызвал свой полк в добровольцы. Извлечение и рассмотрение этого материала даст нам взгляд изнутри на операции архиврага, что, скорее всего, изменит курс Крестового Похода. Если мы нанесем ущерб этому комплексу, мы, так же, лишим Архиврага жизненноважных шансов.»

«Даже эти две отличные причины вторичны для нашего достижения успеха,» ответил Маббон.

«Сэр!»

Гаунт обернулся. Сержант Эулер что-то нашел. Гаунт с Маббоном подошли к нему. Эулер и еще двое Призраков, все с наполовину набитыми ящиками, стояли в одном из дверных проемов, выходящим в примыкающую к коллегии пристройке, маленькой круглой комнате, уставленной деревянными полками. В центре был медный ящик с дисплеем и консолью.

«Это не книги, сэр,» сказал Эулер. «Это нам тоже забрать?»

Гаунт осмотрел полки. Там были маленькие объекты, помещенные в индивидуальные деревянные ящики, или закупоренные в колбы образцы, подобно вещам в музее: маленькие иконы, куски технологий, идолы, фигурки, амулеты, странные ювелирные изделия, ритуальные атамы, палочки и чаши, игральные карты, образцы порошков и смесей, фрагменты костей и окаменелостей, капли жидкостей. Гаунт увидел несколько старых Имперских медалей, разбитую аквилу, Инквизиторскую розетку, несколько кусков аугментики и Имперскую технологию, которую он не мог идентифицировать. Он видел предметы, которые выглядели, безошибочно, эльдарского происхождения, а, так же, тупые зубы и фетиши зеленокожих.

«Нам это забрать?» спросил он у заключенного.

«Заберите все, если это можно перенести,» сказал Маббон. «Большое количество материалов поступает в Предел от кораблекрушений. Оружекованные разоряют поле обломков, собирая материалы сотен культур и миллиардов лет. Есть еще несколько камер, таких, как эта. Обнесите их, вместе с письменными материалами.»

«Приступайте,» сказал Гаунт.

Эулер и его люди начали очищать полки.

Маббон подошел к центральной витрине.

«Посмотрите,» сказал он.

Гаунт подошел к нему.

Внутри стеклянной витрины лежали восемь поврежденных каменных табличек. Каждая была размером с планшет, и они были вырезаны из тяжелого, блестящего красного камня. Все таблички были со сколами, а у одной не хватало значительной части. Они были покрыты нацарапанными письменами, на языке, которого Гаунт никогда раньше не видел.

«Это важно,» сказал Маббон. «Мы должны забрать их.»

«Почему?»

«Я помню, как их принесли сюда, годы назад. Они были найдены в другом месте. На одном из Миров Хана, я полагаю. Письмена ксеносов, очень старые. Оружекованные были очень заинтересованы ими. Они считали их важными. Они описывали их, как Глифтотек. Библиотека в камне.»

«Тогда мы заберем их для Имперских ученых на изучение,» сказал Гаунт.

«Хорошо,» сказал Маббон. «Посмотрите, где они.»

«В этой витрине, имеешь в виду?»

«Их все еще изучают. Видите? Аналитические устройства. Транскрибер? Этот альков был рабочим местом старшего оружекованного. *Магир хаптека*. Он концентрировал свои исследования на этом.»

«К чему ты клонишь?»

«Подумайте над этим. Эти объекты были принесены годы назад, и считались тогда очень важными. Они все еще под плотным и детальным исследованием. Они важны.»

Маббон посмотрел на Гаунта. Его глаза были пылкими.

«Должно быть, ваш Император сегодня с нами. Ваш Император или ваша беати. В акте выполнения этой миссии, он привел нас к обнаружению особой ценности.»

«Может быть,» сказал Гаунт. «Я не убежден, но мы их тоже заберем.»

Он кивнул Эулери, которые открыл витрину и уложил камни в свой ящик один за другим. Гаунт мгновение смотрел, а затем пошел к аналитической консоли. Это был потрепанный, но узнаваемый Имперский когитатор. Гаунт вытащил свой планшет и присоединил его к разъему памяти консоли. Он начал скачивать архивные данные с консоли. Экран планшета мерцал, пока в него втекала информация.

Он почти закончил, когда в дальнем конце коллегии зазвенели первые выстрелы. Сначала несколько отдельных залпов, потом непрерывный огонь.

Мколл появился в дверном проеме.

«Сыны Сека. Целый отряд, восемь рот, идут сюда, чтобы отбить коллегию,» сказал он.

Гаунт вытащил свой болт-пистолет.

«Отбить их,» сказал он.

Баскевиль зашвырнул гранату за люк и отошел в сторону.

Раздался мощный взрыв, и два бойца-культиста вылетели наружу в обломках и дыму.

Баскевиль снова повернулся к дверному проему и выстрелил из лазерной винтовки в дым. Он пронзил еще двух культистов, оглушенных и окровавленных из-за гранаты, и убил их до того, как они смогли отреагировать.

На дальней стороне шлюза был машинный зал и погрузочная рампа. Баскевиль убил еще одного бойца на пути вниз, а затем попал под огонь огневой команды Сынов.

Отряд Гански двигался слева от него. Они накрыли огневую команду винтовочным огнем и отогнали их за ряд пробитых топливных емкостей. Баскевиль потянулся за еще одной гранатой, и осознал, что только что использовал последнюю.

«Огнеметчик!» крикнул он.

«Ждем заправки емкостей, сэр,» крикнул в ответ Карск.

«Черт,» прошептал Баскевиль. Они наступали, быстро и твердо, позади наступающих Космических Десантников, но у сил Архиврага было знание плана завода, и они продолжали ударять по ним с флангов, прокладывая свой путь через комплекс и беспорядочную географию складов и инженерных проходов. Сыны Сека украсили Предел Спасения потайными люками, фальшивыми стенами, незаметными люками и искусственными тупиками. Металлоломная архитектура обветшалого объекта работала на врага, позволяя им обходить, запутывать следы и устраивать засады.

Это стоило Танитскому Первому людей, а расход боеприпасов был колоссальным. Баскевиль даже не думал, что они израсходуют так много боеприпасов за столь короткое время. Лихтеры только недавно прилетели со вторым пополнением боеприпасов.

Огневая команда Сынов нашла новое укрытие и стреляла с неизменной скорострельностью. Баскевиль надеялся, что у них нет гранат.

Внезапный залп лазерного огня разорвал воздух сверху. Баскевиль бросил взгляд наверх, чтобы увидеть, что отряд Далина нашел путь наверх, на поднятый подъемный кран. У них был почти беспрепятственный вид на позицию Сынов, и они наилучшим образом это использовали. Девять Сынов Сека умерли там, где стояли. Еще двое повернулись и побежали, и отряд Баскевиля сбил их на землю.

На среднем расстоянии серия мощных взрывов пронеслась по отсеку, сбив на землю несколько кранов. Брат-Сержант Идвайн и его орудийные сервиторы, в конце концов, уничтожили гротескный и уродливый боевой конструктор, нечто, что двигалось из стороны в сторону на черном кабеле, подобно арахниду, пока стреляло из свисающих снизу лазерных пушек. Баскевиль слышал, что некоторые солдаты из Улья Вervун охарактеризовывали это, как «машина скорби.» Это была не первая, которую они увидели за этот день, и Вervунцы утверждали, что они были похожи на маленькие версии конструкторов, с которыми они сражались во время Зойканской Войны.

Огромное пламя поднималось от умирающей машины, опалая крышу отсека. Идвайн уже шел дальше. Со своей позиции, Баскевиль мог видеть Белого Шрама, пробивающего себе путь вперед, но он потерял след Железного Змея.

Рота Колеа начала идти вперед поблизости от него. Они несли свежие ракеты и гранаты с собой, и, по меньшей мере, четыре заправленных огнемета.

Раздался крик. Еще две большие машины скорби прогрохотали в зону видимости, с поддержкой из стелк-танков и отделения Сынов Сека. Они вышли из-за массивной переборки, из покинутого ангара, и ударили по Призракам, не снижая скорости.

Колеа и Баскевиль подозвали своих солдат с фесовыми трубами, и начали продвигаться по заваленным хламом площадкам машинного цеха, чтобы получить лучший угол для нанесения удара по смертельным конструктам. Баскевиль мог слышать резкий треск их тяжелых орудий. Что-то горело, создавая завесу из густого, черного дыма, на площадках. Отряд Далина переключился на вражеского снайпера, который стрелял над линией наступления.

Колеа с Баскевилем добрались до арочного прохода, надеясь, что он даст им хороший шанс на выстрел по машинам скорби, но звук тяжелого огня прекратился. Не было никаких признаков неуклюжих машин или их поддержки.

«Куда они делись?» спросил Колеа. Подбежали несколько посыльных, доставив доклады и значительном уменьшении вражеского сопротивления. Отряды Сынов Сека отступали.

«Могли их отвести назад умышленно?» спросил Баскевиль. «Передислоцировать?»

Колеа посмотрел на него. Ему не нравилось, к чему вел Баск.

«Я полагаю, что есть вероятность того, что они только что обнаружили, что у них есть более жизненно важная проблема,» сказал Баскевиль, пожав плечами.

«Как они могли это узнать?» спросил Колеа.

«Сенсоры? Детекторы? Простая неудача?» предположил Баскевиль. «Может быть, силы Гаунта забрались внутрь, и все началось? Мы не узнаем.»

«Если они знают, что мы делаем,» пробормотал Колеа, «они знают, что мы просто создаем шум и ярость. Они поймут, что, на самом деле, на кону.»

Он крикнул ближайшему посыльному.

«Доберись до вокса,» сказал он. «Пошлите сигнал *Армадюку*. Сообщение такое 'Враг, может быть, узнал о вторичных ударных отрядах. Ударные Группы Бета и Гамма должны, повторяю, должны ожидать серьезной атаки. Враг знает, какова цель.' Понял?»

«Да, майор.»

«Тогда, беги.»

Сыны Сека бросились в коллегия наследования. Они наступали отрядами в дюжину, вооруженные лазерными винтовками и хелганями. Офицеры несли длинные, изогнутые мечи. Они наступали из лабиринта внутренних туннелей и отсеков, которые составляли завод Предела, и стреляли винтовочными гранатами в двери и окна коллегии, чтобы сместить с позиций Имперские силы. Запачканные стекла взрывались блестящими осколками. Огонь охватил древние столы и стеллажи. Лампы раскачивались и гасли.

Под руководством Гаунта, отделение Ударной Группы Бета использовало укрытия, какие могла: перегородки и полки, пристройки, более тяжелые металлические столы и скамьи, и стало отвечать огнем.

Офицеры Сынов, крича с отрывистым, грубым акцентом, послали воюющих культистов вперед перед боевыми группами, чтобы впитать огонь. Тела этих бедняг начали образовывать кучи вокруг внешних лестниц и проходов коллегии. Далеко от линии боя, Маббон мрачно наблюдал.

Это была именно такая тактика, которую он бы применил.

«Сколько еще по времени?» спросил Гаунт Бленнера.

Его старый друг сделал паузу, волоча ящик, который он тащил назад к транспортникам.

«Сколько идет Крестовый Поход?» спросил он. «Мы очистили слегка больше половины комнат. Довольно много вещей. Если мы соберем слишком много, нам придется послать еще за транспортниками.»

«Пока продолжайте,» сказал Гаунт. «Забирайте столько, сколько сможете.»

«Может быть, дюжина или около того ящиков до того, как последний Бык заполнится,» сказал Вайлдер.

«Хорошо. Продолжайте,» сказал Гаунт.

«А мы не можем сейчас просто уйти?» спросил Бленнер. «Уход звучит, как мудрый тактический ход.»

«Такой же, как привести моего сына сюда?» спросил Гаунт.

Бленнер фыркнул, и начал опустошать еще одну полку в новый ящик.

Гаунт пошел вперед, в часть коллегии, где бой усиливался. Он прошел мимо Колдинга, который латал трех Призраков, подстреленных в открытой перестрелке.

Он увидел Эзру ап Нихта.

«Хистю,» сказал Гаунт. «Присмотри за моим сыном.»

Эзра кивнул и растворился в тенях.

Гаунт слышал мерзкие животные звуки над мощным оружейным огнем впереди. Он пригнулся рядом с Варлом.

«Что это?» спросил он.

«Фес знает,» ответил Варл, вставляя свежую ячейку. «Они притащили тварей. Животных. Похожих на собак на цепи, но--»

«Но что?»

«Я думаю, что они создали их, сэр. Я думаю, что они сшили этих тварей вместе, скроили из кусков различных созданий. И людей.»

Маббон упоминал об увлечении хирургическими и генетическими экспериментами среди оружекованных Предела.

Что-то скреблось в двери и люки. Гаунт мог слышать когти и копыта. Он мог слышать воющие голоса и пульсирующий рыки. Он мог слышать человеческие рты, производящие скорбные животные звуки.

Часть стены взорвалась внутрь. Сыны Сека рванули к ним сквозь дым, пробираясь по камням, пытаясь извлечь выгоду из дыры, которую проделали.

Гаунт поднялся, чтобы встретить их, нанес удар своим силовым мечом, снес голову. Он сбил с ног еще одного Сына болтом, украсив камни и потолок кровью от детонации. Варл был рядом с ним, стреляя в упор и делая выпады штыком. Через секунду, еще два Короля-Самоубийцы – Кардасс и Номис – добрались до них, стреляя одиночными выстрелами по выбранным целям. Гаунт вырезал солдат на своем пути, чтобы встретиться с офицером, массивным громилой с силовым топором.

«Отбросить их. Заткнуть дыру!» прокричал Гаунт.

Варл был слишком занят раздачей выстрелов в голову, чтобы сделать саркастический ответ.

Гаунт добрался до офицера. Топор устремился к нему, но он заблокировал его мечом и заставил воина Архиврага отступить назад на пару шагов. Гаунту пришлось пригнуться под следующим рубящим замахом. Он нанес удар мечом, разорвав левое бедро офицера. Затем, когда офицер прыгнул вперед с болью из-за травмы, он разрезал его торс сильным режущим ударом снизу вверх.

В двадцати метрах, сквозь дым, Эзра в охапку тащил Меритуса Феликса Часса прочь от пролома. Феликс пытался стряхнуть твердую хватку загадочного дикаря. Он мог видеть своего отца, легендарного Народного Героя, человека, о котором он слышал истории с тех пор, как был достаточно большим, чтобы понимать их. Он мог видеть его сражающимся, в меньшинстве, непоколебимое пятно с блестящим мечом, разбрызгивающим кровь на стены, режущим и рубящим.

Феликс наблюдал секунду, с широко раскрытыми глазами. Он осознал, что, когда все было сказано и сделано, было очень мало разницы между героем народа Империи и безжалостной, жестокой машиной для убийств. Чтобы быть первым, кому-то приходилось принимать на себя многое из роли второго.

«Идем, соул», прошептал Эзра.

«Мне нужно помочь», начал Феликс, отпрянув и пытаясь снять лазерную винтовку с плеча.

Эзра не ответил. Он подхватил Феликса, как будто он был одним из ящиков, готовых для переноски, и быстро пошел к выходу.

Варл переключился на полный автоматический огонь, выбив двух Сынов и двух культистов назад через пролом. Их тела упали на камни. Кардасс швырнул гранату в пролом, которая взорвалась среди вражеских отрядов, все еще пытающихся силой проложить себе путь внутрь. Гаунт присоединился к Варлу и Номису наверху обломков, стреляя в дым и темноту. С окровавленным штыком, Роун присоединился к ним.

«Наши варианты ограничены», сказал он. «Наша позиция здесь ограничена, только территория зала. Они наступают на нас с трех сторон. Мы не можем перестрелять их, или разместить кого-нибудь, чтобы защитить наш правый фланг.»

«Те окна?» спросил Гаунт.

«Слишком высоко», сказал Роун.

«Тогда, приготовиться отступать», сказал Гаунт. «Я не думаю, что мы тут долго продержимся.»

«Если мы останемся здесь еще, то это будет навсегда», сказал Роун.

Снаружи стены коллегии раздался вопль. Огромное количество Сынов со штыками появилось из главного прохода, стреляя на ходу. Призраки, защищающие главный проход и боковые пристройки, отступили, пригнув головы. Шторм лазерных зарядов вырвался из прохода и разнес на куски скамьи и консоли. Гаунт увидел, как срезало двух Призраков. Он выругался.

Их удержание коллегии, незначительное поначалу, полностью исчезло. Сыны Сека насели на них так сильно, что даже не было возможности отступить.

Вагнер подозвал их кивком. Сеть туннелей, в которую вошла команда зачистки Даура, была смесью камня и ржавого металла.

«Вы это слышите?» спросил Вагнер.

Они остановились и прислушались, с приготовленным оружием.

«Гн... гн... гн... бой,» сказал Меррт.

Даур кивнул. Сквозь толщину камня и спрессованного металлолома, они могли слышать звуки серьезной перестрелки. Залпы оружейного огня, лазерное оружие, взрывы гранат.

«Я думаю, что кто-то добрался туда первым,» сказал Халлер. Он оскалился.

«Протянем ли мы им руку?»

Даур вытер рот, усиленно думая. Харк и отделение солдат еще не подошли к его команде. Что хорошего могли сделать они впятером, даже с огнеметом?

Что-нибудь *хорошее*, решил он. Может быть *просто достаточное*. Самая большая битва часто переламывается при малейшем резерве. Они должны идти дальше. Харк не должен быть далеко позади.

Вагнер поднял свою винтовку. Что-то двигалось перед ними. Что-то быстро несло, появляясь и исчезая за обломками и кучами мусора, которые были у них на пути. Это приближалось.

Что-то появилось в поле видимости. Это прыгало в их сторону длинными прыжками. Это была собака, что-то типа большой гончей, ищейка, возможно. Ее желто-коричневый мех был подстриженным очень коротко, и у нее был толстый ошейник с шипами. Она остановилась и уставилась на них.

Она понюхала, слюни стекали с ее черных губ.

Ее мех не был коротким. У нее не было меха. Теперь, когда они видели ее отчетливо, они осознали, что это была просто голая плоть. Рядом с позвоночником и

некоторыми из главных мышечных групп были отметины от швов. По скелету, это была собака, но у нее был человеческий череп, с прикрепленным лицом, который был привит к толстой шее.

Ее глаза были белыми и мертвыми. Она завывала.

Вагнер убил ее.

«Святой фес, что это было?» спросил он Даура.

Кровь Вагнера оросила лицо Даура. Разведчик опрокинулся назад, мертвый, его голова была уничтожена лазерным зарядом.

Сыны Сека шли из темноты мимо тела их убитого создания. Их была дюжина, они стреляли из винтовок и пистолетов.

Халлер уронил свой детектор и потянулся к винтовке. Выстрел пронзил его плечо и бросил на стену. Даур начал отстреливаться, срезав двух атакующих яростными очередями. Меррт выстрелил почти инстинктивно, травмировав Сына солевой пулей, которую он зарядил. Секундой позже он почувствовал обжигающую боль. Кувалда импульса ударила его в грудь и сбила с ног.

«Назад!» закричал Беллок. «Оттащите его назад!»

Его огнемет послал копьё огня в проход, воспламенив одного из Сынов. Человек загорелся и побежал, объятый белым пламенем, в стену прохода. Беллок снова выстрелил, наполнив проход горячим оранжевым светом. Выстрел разнес его горло в струях крови. Он, шатаясь, попятился, и заряд вошел в его грудь, еще один в бедро, а последний в глаз. Он упал на спину, его огнемет выпускал струи неприрученного пламени.

Халлер поднялся, истекая кровью, стреляя из лазерного пистолета.

«К Меррту!» крикнул Даур. «Иди к Меррту! Оттащи его назад!»

Меррт пялился в потолок, широко раскрыв глаза, его аугментическая челюсть бесполезно открывалась и закрывалась. Его грудь была кровавым месивом.

«Забери его!» крикнул Даур. Он повернулся, чтобы снова выстрелить, и лазерный заряд тоже его нашел.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Отступление

«Бан! Бан!» кричал Халлер, дико стреляя. Он даже не мог добраться до Даура. Он мог видеть, что его друг сильно ранен. Даур не двигался.

Халлер, так же, понимал, что для него не было никакого способа сдержать атаку Сынов Сека только с пистолетом.

Враг надвигался на него. Луч из плазменного орудия разнес на куски идущего впереди офицера. Ворвался лазерный огонь, срезав еще нескольких. Оружейный огонь шел позади Халлера. Он пригнулся. Лазерный и плазменный огонь проносился у него над головой, карая Сынов, гоня их назад по туннелю.

Появился Харк с плазменным пистолетом в руке. Остальная часть отделения Ударной Группы Гамма шла за ним.

«Император прокляни это, Халлер,» сказал Харк, глядя в смятении на павших людей. «Решил начал без нас, да?»

«Они просто появились перед нами,» ответил Халлер.

«Медик!» крикнул Харк. Подошел Дорден. Он печально простонал при виде, который встретил его, и опустился на колени, чтобы проверить Даура с Мерртом. Вагнера и Беллока уже было поздно спасать.

«Мы можем слышать бой впереди,» сказал Халлер Харку. «Капитан Даур был совершенно уверен, что это Ударная Группа Бета. Звучит так, как будто они в самой гуще.»

«Мы пойдем вперед,» сказал Харк. Он посмотрел на Дордена. «Долго, доктор?»

«Идите,» сказал Дорден, занятый. «У меня здесь много дел.»

«Я не оставляю вас,» сказал Харк.

«Ну, я бы тоже предпочел не оставаться, если, конечно, ты не собираешься забрать двух критически раненых людей с собой в бой. Позволь я залатаю их. Если ты

можешь обойтись без Халлера, мы переместим их обратно по туннелю, как только они будут стабильны.»

Харк посмотрел на Халлера.

«Ты в порядке?»

Халлер кивнул.

«Доставь их в безопасное место,» сказал он. Он наклонился ближе к Халлеру. «Всех троих, хорошо?» прошептал он.

Он отступил.

«Ладно,» сказал он. «Вы открыли нам путь. Ударная Группа Гамма? Приготовить оружие. Не спать! Мы наступаем на противника.»

Раздался стук оружия.

«Вперед!» приказал Харк. Солдаты начали тянуться мимо. Харк обернулся к Халлеру.

«Заканчивай здесь и возвращайся. Увидимся на другой стороне.»

«Удачи, комиссар,» сказал Халлер.

«Император защищает.»

Халлер смотрел, как войско Харка исчезает из виду, затем с трудом подошел к Дордену.

«Мы можем их перемещать?» спросил он.

«Что не так с твоим плечом, Халлер?» спросил Дорден.

«Подстрелили. Нормально. Мы можем их перемещать?»

«Еще нет. Скоро, может быть.»

«Вы можете их спасти?»

Дорден посмотрел на Халлера. В тусклом, дергающемся свете, отбрасываемом упавшим огнеметом Беллока, его глаза казались бездонными. Он был истощен. Он больше не мог притворяться.

«Я не знаю, Халлер. Я даже себя не могу спасти. Рана Меррта тяжелая. Его сердце повреждено. Даур... кого я обманываю. Даур тоже в критическом состоянии. Лазарет их лучший шанс. Лазарет и лучший медик.»

«Вы самый лучший доктор, кот--»

Дорден покачал головой.

«Тсс, Халлер. Я едва могу говорить. Мои руки слабы и неуклюжи. Я так устал и одурманен подавляющими боль таблетками, что забыл основные техники. Нелепые сентименты и привязанность таких людей, как Гаунт и Харк, позволили мне продолжать службу намного дольше правомочности. Меня не должно быть здесь, Халлер. Харк должен был отрядить медика из команды корабля. Он потакал последним желаниям старого, умирающего дурака.»

«Это не правда,» ответил Халлер.

«Поверь мне, Халлер. Я пробил себе путь сюда, потому что я хотел принести пользу один последний раз. Я старик, и мне было бы лучше знать--»

«Это чепуха. Вы знаете, что делаете. Все время, пока вы изливали эту жалость к себе, вы работали. Вы знаете, что делаете. Скажите мне, что я могу сделать. Надавить или что-нибудь такое. Давайте залатаем их и унесем отсюда. *Сейчас же.*»

«Мы не сдержим их долго!» прокричал Мколл, стреляя в главный вход коллегии.

«Я вижу это,» ответил Гаунт, заряжая новую обойму в свой пистолет.

Роун появился рядом с ним, встав у края стены и стреляя из винтовки. Лазерные заряды с воем проносились мимо них или проделывали отверстия в ржавом металле.

«Нехорошо обернулось,» пробормотал он.

«Если мы сможем сломить их атаку, всего лишь на несколько минут, мы сможем отступить,» сказал Гаунт.

«Ты видел, сколько их там снаружи?» проворчал Роун. «Похоже, что все фесово место пытается убить нас!»

«Роун прав,» сказал Мколл. «Если мы собираемся отступить, кому-то из нас придется остаться здесь, чтобы прикрыть остальных.»

«Нет,» сказал Гаунт.

«Последний рубеж,» сказал Мколл.

«Короли-Самоубийцы,» сказал Роун.

«Нет. Вам обоим,» резко бросил Гаунт.

«Тогда эта миссия провалится,» сказал Роун.

Сыны Сека бросились в территорию коллегии с обновленной яростью. Они принесли ракеты и тяжелые, обслуживаемые расчетами орудия. Гаунт пытался оценить их количество сквозь дым. Все приближалось к концу, и очень быстро.

«Помните Танит!» громыхнул голос в вестибюле снаружи коллегии. Гаунт в неверии смотрел, как концентрированный оружейный огонь врезался в Сынов справа. Несмотря на их превосходящее число, Сыны, казалось, были ошеломлены контратакой. Половина их атакующих порядков внезапно оказалась незащищенной.

«Это Ударная Группа Гамма!» закричал Варл.

«Даур?» спросил Гаунт.

«Я его не вижу,» сказал Домор. «Я вижу Комиссара Харка. Они выбираются из вентиляционного канала там внизу.»

«Продолжайте стрелять!» крикнул Гаунт. «Воспользуемся этим! Ударьте по ним сильно, пока они колеблются.»

«Да, сэр,» сказал Роун.

Гаунт отошел назад от арочного прохода. Он посмотрел на Бленнера и Вайлдера.

«Последние транспортники загружены,» сказал Вайлдер. «Всем, что мы смогли унести.»

«Выдвигайтесь. Возвращайтесь на корабль. Мы последуем пешком.»

Вайлдер кивнул. Они с Бленнером повернулись.

«Сообщи на *Армадюк*,» крикнул Гаунт Бленнеру. «Начинаем отступление.»

«Понял,» сказал Бленнер.

Далин бежал по обломкам к точке, где в укрытии были Колеа с Фейзкиель.

«Мы готовы к следующему наступлению,» сказал Колеа. Он указал. «Через те люки, на площадки на дальней стороне, и--»

«Нет, сэр,» сказал Далин. Он вручил Колеа сложенную бумагу. «Рервал только что получил. Нам дали приказ отступать.»

Колеа изучил бумагу. Он отдал ее Фейзкиель.

«Подлинное,» сказала комиссар.

«Хорошо,» сказал Колеа. «Свяжись со всеми отрядами и командирами рот. Приказ — отступать. Систематически, как мы учились. Отступать отрядами, с прикрывающим огнем. Никаких ненужных рисков. Никому не ломиться к транспортам. Любые оставшиеся заряды, взрывчатку, гранаты, использовать для хорошего эффекта. Обрушивайте местность за собой, если сможете.»

Далин и Фейзкиель кивнули.

«Распространите приказ быстро,» сказал Колеа.

Баскевиль сделал пару выстрелов по культистам, окопавшимся впереди.

«Пришел приказ, Баск,» крикнул Колосим. «Отсупаем!»

«Потому, что нам надо или потому, что мы закончили?» спросил Баскевиль.

«Будем надеяться, что последнее,» крикнул Колосим.

«Время уходить,» сказал Гендлер.

Мерин откинул голову назад и глубоко вздохнул.

«Ты уверен?» спросил Костин.

Гендлер проигнорировал его.

«Ты уверен?» спросил Мерин.

«Только что по линии передали приказ,» сказал Гендлер. «Мы выбираемся из этого дерьма.»

«Мне подходит,» сказал Мерин. За последние полчаса силы врага немного уменьшились. Вещи не были такими адскими, какими они были сразу после высадки, но они, все равно, были довольно плохими. Постоянный поток оружейного огня неся в их сторону, а Колеа ранее приказал его роте взять особенно неприступную территорию склада.

Мерин мог чують прокисшее молоко и давленную мяту. У него не было никого желания брать какую-либо территорию склада. Рота Е сидела на задницах в укрытии последние десять минут, заявляя, что ожидает пополнение боеприпасов до того, как последует приказу атаковать.

«Тогда, пошли,» сказал Мерин. «Рота Е, уходим! Быстро! Направляемся к транспортам. Шевелите своими тощими задницами!»

«В приказе сказано о систематическом отступлении и прикрывающем огне,» сказал Гендлер. Он посмотрел на Мерина. Оба зафыркали от смеха.

Костин попытался тоже присоединиться с фальшивым смехом.

«Заткнись нафес,» сказал Мерин.

Они начали отступать, пробираясь через дымящиеся руины и кучи хлама в направлении причальных ангаров и зоне высадки.

Меррт мог идти, очень медленно, с Дорденом, поддерживающим его, и используя автоматическую винтовку, в качестве трости. Его кожа была землистого цвета от потери крови. Каждый шаг, который он делал, был огромным усилием. Даур все еще

был без сознания; Халлер был вынужден нести его. Каждые десять метров или около того, Халлер опускал своего друга, чтобы его руки отдохнули.

«Может быть, нам нужно подождать, когда отряд Харка будет возвращаться этим путем и поможет нам,» сказал Дорден.

«А что, если не будет?» спросил Халлер сквозь сжатые зубы. «Вы слышали бой. Прямо как у Западной Стены в Улье Вербун.»

«Ты прав, ты прав,» сказал Дорден. Он был позади Халлера, поэтому Халлер не мог видеть, насколько болен он был или насколько нетвердо он шел. Усилия, направленные на поддержку Меррта вытягивали последние капли жизненных сил из Дордена, уже уставшего и измотанного.

Меррт тоже был в плохом состоянии. Он резко прислонился к стене коридора, выронив винтовку. Дорден попытался помочь ему соскользнуть на землю, не навредив себе еще больше. Кровь стекала с губы его аугментической челюсти.

«Гн... гн... гн... не могу,» прошептал Меррт.

«Можешь,» сказал Дорден. «Ты можешь, Рен.»

Меррт потряс головой.

«Поднимите его, док!» подгонял Халлер.

«Ему нужно немного отдохнуть,» ответил Дорден. *Как и мне*, добавил он, сквозь выдох.

Халлер выругался и снова положил Даура. Он сел, потирая руки.

«Как думаете, далеко еще?» спросил он. Они уже миновали с полдюжины устройств, которые Халлер и Меррт обезвредили и пометили красным мелом.

«Недалеко,» сказал Дорден. Он сделал себе укол в бедро, который никто не увидел, огромное и отчаянное количество болеутоляющих.

«Слишком далеко,» прошептал Меррт, сидя прислонившись спиной к стене и закрыв глаза. «Скажите мне гн... гн... гн... правду, док. Мне конец, так ведь? У меня

внутреннее кровотечение. Мое сердце... чувствую себя так, как будто меня гн... гн... гн... разорвали.»

«Ты в порядке,» сказал Дорден. Он не мог избежать глаз Халлера. Халлер мог видеть, что Дорден лжет. У старого медика больше не было сил поддерживать уверенную прикроватную манеру поведения.

«Оставьте меня здесь,» сказал Меррт. «Вы будете гн... гн... гн... намного быстрее без меня.»

«Мы не оставим тебя,» сказал Халлер.

«Нет, не оставим,» согласился Дорден. Он посмотрел на Меррта. Еще больше крови просачивалось сквозь повязку на его груди. Медленно, болезненно, Дорден поднялся и подошел к Халлеру.

«Ты иди,» тихо сказал он.

«Нет, док.»

«Да. Я последую с Мерртом за тобой, когда отдышусь. Пожалуйста, Халлер. Доставь Даура назад на корабль.»

«Я никого не оставлю позади,» настаивал Халлер, нахмурившись.

«Халлер, Бан твой друг. Твой хороший друг. Ты знаешь его уже годы, задолго до Призраков. Его ждет только обретенная жена. Прекрасная, прекрасная девушка. Ей нужно, чтобы ты вернул ей Бана. Приличная хирургия на корабле спасет ему жизнь. Ты понимаешь, что я говорю, Халлер?»

«Я понесу вас,» сказал Халлер. В его глазах стояли слезы.

«Все нас?» улыбнулся Дорден. «Даур не может идти. Как и Меррт. А я не могу нести Меррта. Я едва могу стоять, Халлер. Иди. Сделай это ради меня, Халлер. Подними Бана и отнеси его домой.»

«Что насчет вас?» спросил Халлер.

«Я последую за тобой, с Мерртом. Как только мы оба отдохнем. Хорошо?»

Позади них в туннеле послышался шум. Что-то двигалось, отодвигая обломки.

«Это Комиссар Харк! Он идет этим путем!» закричал Халлер, вскакивая.

Меррт открыл глаза.

«Это не Харк,» сказал он. Он потянулся к винтовке, которая упала на пол рядом с ним. Его руки дрожали. Ему понадобилось много времени, чтобы схватить ее.

«Халлер,» сказал Дорден. «Тебе нужно уходить, сейчас же.»

«Все транспортники ушли!» крикнул Домор Гаунту.

Гаунт кивнул.

«Приготовиться следовать за ними,» крикнул он в ответ. Он посмотрел на Мколла и Роуна. «Нам нужно направить все, что у нас осталось на ту линию. Дать Харку шанс привести своих людей в коллегию, чтобы мы могли уйти.»

«Это будет трудно,» пробормотал Роун. «А мы не можем их просто оставить здесь? Я уже вырос, чтобы недолгобливать комиссара.»

«Это ложь,» сказал Гаунт.

Роун пожал плечами.

«Ты прав. Я не любил его с самого начала.»

«Откуда, черт возьми, идут эти выстрелы?» спросил Бонин.

Они повернулись, чтобы посмотреть. Второй слой оружейного огня врезался в Сынов Сека. Он шел с совершенно другого угла, объединяясь с усилиями сил Гаунта и отделения Харка, подобно интерференционной картине.

«Это Крийд!» крикнул Варл. Он заулюлюкал.

«Фес меня,» сказал Роун. «Здесь, на самом деле, присутствует Император.»

Ударная группа Крийд, меньшая по размеру, чем у Харка, но, тем не менее, мощная, вырывалась из воздушных шахт и туннелей на дальней стороне вестибюля. Огнемёт Чирии выжигал Сынов Сека со своих позиций, а стрелки Харка убивали большинство

из них. Меньше, чем через пять минут интенсивного обстрела, три группы Имперцев отбросили отряды Архиврага к дальней линии.

«Они не будут стоять там долго,» сказал Мколл. «Они приведут подкрепления и--»

«Достаточно долго,» сказал Гаунт. «Выдвигаемся. Подайте сигнал Крийд с Харком привести свои силы сюда.»

Группа Крийд была первой внутри расстрелянного, разрушенного зала коллегии. Они были грязными из-за своего перехода, и у многих были легкие ранения.

«Что с вами случилось?» спросил Гаунт.

«Противотанковая мина,» сказала Крийд. «Потеряла нескольких. Это не было приятно. Но была и другая сторона. Взрыв расчистил нам путь. Открыл те старые воздушные шахты, которые привели нас сюда. Мы последовали на звуки последнего отчаянного боя.»

«Твой выбор времени, как обычно, безупречен, Крийд,» сказал Гаунт. «Уходите. Домор, покажи им путь отсюда. Шевелитесь, Призраки. Пошли!»

Харк и его силы начали вливаться внутрь через передние проходы.

«Что, черт возьми, это за место?» спросил Харк, осматриваясь.

«Сможешь прочитать отчет позже,» сказал Гаунт. «Уводи своих людей туда. За Крийд. Так быстро, как можешь, Виктор.»

Войско Призраков быстро уходило. Разведчики держали передние проходы, постоянно стреляя, чтобы отговорить Сынов от еще одной атаки. Орудийные расчеты собирали свои орудия и уносили. По сигналу Гаунта, Домор начал расставлять проволочные ловушки с зарядами в сумках, которые каждый член Ударной Группы Бета принес с собой.

«Сожги остальное,» сказал Гаунт Бростину.

Бростин улыбнулся. «Вы слишком добры ко мне, сэр,» сказал он.

Бростин сначала обратил свой огнемет против пристроек. Пожары осветили залы коллегии. Краска хлопьями отслаивалась, как сухая кожа или мертвые листья.

Объекты, затронутые огнем, лопались, трещали и взрывались. Гаунт недолго смотрел на пожары, наслаждаясь жаром. Огонь был очищающим. Он отмечал конец, крещение, возвращение к войне. Но больше всего, казалось, что это отмечало успех, который, он надеялся, будет по-настоящему значимым.

Усилия для того, чтобы все случилось, пришли с ценой для его Призраков, ценой, которую он еще не посчитал.

Он повернулся, чтобы обнаружить, что Маббон Этогор смотрит на огонь.

«Мы сделали все, что могли,» сказал он. «Будем надеяться, что этого достаточно.»

Маббон кивнул.

«Капитан Спайка будет распространять подготовленные передачи в последние полчаса. Он продолжит делать это, пока мы не покинем систему. Все они были подготовлены согласно с кодами и языком, которые вы предоставили. Когда расстроенный анарх прибудет, чтобы обнаружить останки того, что мы оставили здесь, и когда он проиграет передачи, записанные во время атаки, будет похоже на то, что на это место напал Кровавый Пакт, и что его сокровища были конфискованы, чтобы предотвратить его чрезмерное возвеличивание.»

«Вы подожгли фитиль,» сказал Маббон. «Гор. Анарх. Никто из них не будет терпеть обвинения, который последуют за этим рейдом.»

«Если мы частично создали условия для междоусобной войны между Лордами Кровавых Миров, я думаю, что мы затратили усилия не напрасно.»

Гаунт посмотрел на Маббона.

«Время уходить.»

Маббон выглядел озадаченным.

«Серьезно?» спросил он.

«Конечно.»

«Я думал--» начал Маббон.

«Что?»

«Я полагал, что вы оставите меня здесь. Оставьте меня сгореть. Я полагал, что послужил своей цели.»

«Я решу, когда закончится ваш долг,» сказал Гаунт.

Маббон кивнул.

«Майор Роун!» крикнул Гаунт. «Сопроводите заключенного со своими Королями-Самоубийцами назад на корабль. Мколл! Приготовься отступить. Время уходить. Бростин! Я думаю, что этого вполне достаточно.»

«Что вы делаете?» закричал Ладд. «Мы отступаем к лихтерам. Приказ был отдан!»

Космические Десантники повернулись, чтобы посмотреть на него. Их древняя броня была покрыта вмятинами и царапинами, и они были покрыты кровью, которая им не принадлежала. Холофернэс потерял свой щит. Сар Аф стрелял в еще одну конструкцию склада, пока остальные забирали пригодную амуницию с последнего упавшего оружейного сервитора.

«Это следующая цель,» сказал Идвайн. «Атака продолжится. Возвращайся на свой корабль.»

«Майор Колеа лично послал меня найти вас,» сказал Ладд. «Приказ отступить был отдан командующим операцией.»

«Мы не подчиняемся приказам Имперской Гвардии,» сказал Сар Аф.

«Я заметил,» сказал Ладд. «Но мы должны скакать под ваши.»

«Я полагаю, что ты только что охарактеризовал неизменные законы Империиума,» сказал Сар Аф.

«Приказ – отступить,» сказал Ладд. «Пожалуйста, последуйте ему.»

Они повернулись к нему спинами.

«Что? Значит так? Вы просто собираетесь продолжать? Мы должны вас ждать?»

«Оставьте нас,» сказал Идвайн, не оборачиваясь. «Мы ожидали этого. Наши командиры ожидали этого, когда они санкционировали наше участие в этом деле. Гвардия может уйти, когда пожелает. Мы будем продолжать, пока это место не будет уничтожено.»

«Серьезно? А потом что?» спросил Ладд.

«Если к тому моменту мы выживем, мы будем в поле обломков, пока наш сигнал не обнаружит корабль.»

«Могут пройти годы,» сказал Ладд.

«Мы более терпеливы, чем ты,» сказал Идвайн.

«Иди,» сказал Сар Аф.

«Не пойду,» сказал Ладд. «Я – офицер Комиссариата, ответственный за дисциплину и наказания. Мы не хотим, чтобы это место было уничтожено. В этом вся цель. Мы *хотим*, чтобы здесь остались следы. Мы хотим оставить улики. Мы хотим, чтобы враг узнал. Если вы продолжите, вы испортите и подорвете всю цель этих усилий. Вы не подчинитесь приказам и власти Империи. Вы нарушите долг и свою священную обязанность, и--»

«Тихо,» сказал Холофернэс. Он посмотрел на своих братьев. Кровь врагов стекала по помятым золотым деталям его шлема.

«Мальчик говорит дело,» сказал он. «Логика железная. Продолжать будет контрпродуктивно.»

Остальные двое кивнули. Все трое повернулись и пошли назад, их массивные ботинки измельчали разбросанные обломки.

Плечом к плечу, они начали идти к отдаленным причальным ангарам.

Сар Аф повернулся и посмотрел на Ладда.

«Поспеши,» сказал он.

Десантные корабли прилетали так быстро, как могли. Проблема с пространством, которая влияла на высадку, осталась. Только несколько за раз могли сесть, и с

большинства пришлось выгружать боеприпасы, как только они приземлялись. Они все летели с припасами, когда приказы изменились.

Баскевиль и Колеа контролировали отход, посылая так много гвардейцев в каждый Арвус и Фалко, как могли.

Колеа увидел Далина.

«Где Мерин?» спросил он. «Где остальная часть Роты Е?»

«Они идут,» сказал Далин.

«Из того, как это выглядит, Мерин отступает слишком быстро,» сказал Баскевиль, проверяя тактический дисплей на передатчике вокса Рервала. «Он позволяет вражеским отрядам держаться позади себя. Они уходят со склада под вражеским огнем. Не самое искусное отступление, какое я когда-либо видел.»

«Мерин не самый искусный солдат,» сказал Колеа.

Колеа посмотрел на схему.

«Если мы силой откроем те люки, его отряд сможет выбраться без необходимости проходить через пролом.»

«Имеет смысл. Идем.»

«Поддерживай отход, Баск,» сказал Колеа. «Я это сделаю.»

Колеа взял с собой отряд к краю инженерного склада, где, в конечном итоге, остановился Честус. Последние группы рот F и H непрерывно и достойно отступали через массивную дыру, проделанную тараном в противовзрывных заслонках склада.

Отряд Колеа мог слышать оружейный огонь за заслонками. Вой лазерных выстрелов и грохот флешеттных бластеров. Рота Мерина попала в беду.

«Идем!» крикнул Колеа. «Сюда!»

Он повел свой отряд к группе пассажирских люков в дальнем конце широкой заслонки склада. Понадобилось несколько мгновений, чтобы обнаружить запорный механизм и прорезать его плазменным резак.

Колеа открыл люк.

«Мерин. Мерин! Зафиксируй мой сигнал и иди в эту сторону!» воксировал он. «У нас выход для вас. Быстрее!»

«Принял, Колеа. Отличная работа.»

Солдаты Мерина быстро появились, несясь по усеянному обломками полу склада к люку. Некоторые поворачивались и стреляли от бедра, пока бежали. Вражеский огонь преследовал их.

Отряд Колеа ненадолго открыл прикрывающий огонь, а затем отступил, когда люди Мерина начали добираться до дверного проема.

«Внутрь. Быстрее!» кричал Мерин. Его люди пробежали в проход по двое и трое. Оружейный огонь хлестал по заслонке. Мерин остался снаружи, чтобы видеть своих людей. Он крикнул в проход Колеа.

«Отведите их к посадочной зоне. Я приведу последних!»

Колеа кивнул и направился прочь.

«Ну же!» крикнул Мерин отставшим. «Это не хорошее место, чтобы оставаться!»

Он сделал несколько выстрелов. На отдалении появились несколько Сынов Сека, и он снова мог чують мяту и молоко.

Гендлер добрался до него, с красным лицом и задыхающийся.

«Там последние из нас,» сказал он, тяжело дыша.

Мерин посмотрел. Последние четверо или пятеро. Эклан. Мкгейн. Фозол. Роцци. Костин.

Мерин вытер рот рукавом.

«Нет, Диди,» сказал он. «Знаешь, что. Я думаю, что мы все здесь.»

Они вошли в люк.

«Капитан!» крикнул Эклан, ближайший из них, несущийся так быстро, как мог, чтобы достигнуть люка.

«Что ты делаешь?» закричал Костин. «Какого феса ты делаешь?»

«Ты прав,» сказал Гендлер Мерину. «Я больше не вижу отставших.»

Мерин с Гендлером закрыли люк и заперли его на засов.

Последние члены Роты Е достигли люка и начали молотить кулаками по нему.

«Что вы делаете?» вопил Костин. «Какого феса вы делаете? Откройте люк. Откройте! Откройте люк, ублюдки!»

Стучащие кулаки производили слабые звуки со стороны Мерина.

Костин пошатываясь отошел назад от неподатливого люка. Он был так напуган, что его вырвало. Эклан и остальные были охвачены слепой паникой.

«Ублюдки. Ублюдки!» кричал на люк Костин, сжимая кулаки.

Он медленно повернулся. К ним приближались локсатли. Он слышал их чуждый стрекот и щебет. Он почуял их молоко и мяту, и его снова вырвало. Роцци взвыл от ужаса. Эклан выстрелил в монстров ксеносов.

Рептилии приближались к ним со всех сторон, щебеча, скользя по палубе. Их когти были вытянуты.

Им не нужно было тратить заряды бластеров на эти жертвы.

Костин начал крик, который никогда не закончит.

Сыны Сека приближались. Меррт мог слышать их приближение по туннелю.

«Гн... гн... гн... встаньте позади меня, док,» прошептал он.

Дордену понадобилось много времени на ответ.

«Не глупи, Рен,» сказал он, таким же тонким голосом, как верхняя атмосфера.

«Вставай. Ты можешь идти. Иди за Халлером. Оставь меня.»

«Я могу сказать, когда вы лжете. док,» сказал Меррт. «Будьте честны сейчас. Эта гн... гн... гн... моя рана. С такой вы не встречались, так ведь?»

Дорден посмотрел на него. Он покачал головой.

«Нет,» признался он.

«Значит я гн... гн... гн... останусь здесь с вами, так ведь?» сказал Меррт. Он протянул окровавленную руку и повернул голову Дордена, чтобы посмотреть в старые глаза доктора.

«Все в порядке. Я знаю, что вы не можете сказать, но я улыбаюсь,» сказал Меррт.

Появились первые из Сынов. Их фонарики покачивались, пока они приближались. Их были дюжины.

Меррт вытащил патрон с солевой пулей из старой винтовки, и вместо нее вставил патрон с обычной. Он отвел Дордена рукой за себя к стене и сел, целясь из винтовки в приближающихся вражеских солдат.

«У тебя только один выстрел, Рен,» прошептал Дорден.

«Я гн... гн... гн... знаю,» сказал Меррт. Кровь капала с его металлической губы. «И я уже использовал последний из тех гн... гн... гн... мышечных релаксантов. Дерьмовый из меня сейчас стрелок.»

«Просто убедись, что зачтется,» сказал Дорден. Он сжимал четки, которые ему дал Цвейл.

Меррт прицелился. Сыны подняли свое оружие.

«Эй!» крикнул Меррт, удобно располагая винтовку. «Эй, ублюдки! Знаете, что? Я был гн... гн... гн... великим снайпером. У меня был фесов значок. Хотя, больше нет. В эти дни, когда я целюсь во что-нибудь, я всегда промахиваюсь! Вы понимаете? Я не слишком гн... гн... гн... хороший стрелок!»

Меррт выстрелил. Пуля миновала отряд Сынов Сека, не задев никого. Как и не попала в детонатор на огромной бочке в двадцати метрах позади них. Она пролетела на расстоянии среднего пальца от гнезда для детонатора, и попала в боковую часть

бочки прямо над отметкой, сделанной красным мелом, которую нанес Халлер, когда они раньше обезвредили бочку.

Пуля пробила металлический корпус бочки.

Появилась искра.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

Прочь от Предела

Капитан Спайка кивнул своему рулевому выполнять приказ. С перемалывающей дрожью, *Высочество Сир Армадюк* оторвался от поврежденной кожи Предела Спасения. Все лихтеры и десантные корабли были на борту, а шлюзы боковых ангаров были закрыты. Отход корабля разорвал атмосферные перемычки вокруг пробуренных бурами Аидов дыр. Взрывная декомпрессия прошла по нижним и ненанесенным на схемы полостям Предела, наполняя их вакуумом и сминая отсеки, как яичные скорлупы.

Части огромной структуры уже были объаты огнем там, где огромные взрывы прорвались сквозь них, взрывы от аккуратно размещенных зарядов, или от брошенных боеприпасов, воспламененных улетающими десантными кораблями.

Некоторые повреждения были результатом от спонтанных взрывов ловушек в нижних глубинах.

Крошечные полости в Пределе светились изнутри, подобно теплу внутри угля. Взрывы и огненные шторма продолжали проноситься по территории несколько дней.

Подняв щиты, *Армадюк* полетел прочь от целевой зоны, наметив жесткую линию ускорения сквозь плотные поля обломков к ближайшей Точке Мандевилля. Он продолжал передавать потоки переговоров, обвинений и оскорблений на боевом коде Кровавого Пакта до того момента, как перешел в варп.

В двух сотнях тысяч километров позади него, скрытый и спрятавшийся в мусорном поле Предела, монструозный и черный, как ночь, демонический корабль наблюдал за отходом *Армадюка*. Он слушал вокс-переговоры, которые Имперский корабль транслировал на своем пути.

Он запустил свое оружие и двигатели, и полетел вперед, отслеживая свою добычу.

Когда он начал двигаться, он прошептал свое имя, звуковой треск, похожий на тихое проклятие.

Тормаггедон Монструм Рекс!

«Я сделаю все, что смогу,» сказала Керт. «Прогноз хороший. Халлер вовремя принес его в лазарет.»

Элоди кивнула.

«Спасибо вам,» сказала она. Койки в лазарете был заполнены. Было так много раненых, что несколько лазаретов для экипажа корабля были, так же, заняты Призраками.

Элоди волновала только одна койка. На села рядом с койкой Даура и взяла его руку. Он был очень бледным на фоне старой простыни плохого качества. Он не пошевелился.

«С отдыхом и хорошей заботой, он поправится,» сказала Керт. Она была истощена и опустошена внутри, но она оставалась с Элоди до тех пор, пока не показалось, что женщина слегка успокоилась.

Керт вернулась в медицинский офис. Стол Дордена был в том состоянии, каким он его оставил, его инструменты лежали так, как он любил. Лесп это сделал, как он делал каждое утро. Знакомость рабочей зоны была почти невыносимой.

Она села в кресло, которое было Дордена с тех пор, как они направились на эту миссию. На столе, в старой, потертой рамке, был поблекший пикт молодого человека и его милой молодой жены. Она была беременна. Он был недавно аттестованным сельским доктором. Позади улыбающейся пары солнечный свет сиял сквозь великолепные наловые деревья.

Керт вытерла глаза.

Дверь открылась. Вошел Бленнер. Он закрыл дверь и посмотрел на нее.

«Я не знаю, что делать,» сказала она.

«Значит, нам есть, о чем подумать,» ответил он.

«Глупый старый фес,» сказала она. «Он никогда не собирался умереть в кровати, так ведь? В кровати, находясь под присмотром, там, где его место.»

«Я не думаю, что это было его место, а вы?» сказал Бленнер. Он поставил бутылку сакры и две маленьких стопки на стол, открыл бутылку и наполнил стопки.

Он дал одну ей и взял другую.

«Я не хороша в этом,» сказала она.

«В выпивке?» спросил он. «Клянусь Троном, леди, той ночью это, определенно, было не так.»

«В том, чтобы говорить 'прощай',» сказала она.

«А,» кивнул он. Он поднял свою стопку.

«За лучших из нас, которые покидают нас слишком рано,» сказал он, «и за худших, кто задерживается дольше, чем надо.»

«Ты выглядишь грустным,» сказал Феликс.

Гаунт не ответил. Медленно, осторожно, он очистил и покрыл маслом клинок своего силового меча.

«Я думал, что мы... победили. Мы победили, разве нет?» спросил Феликс.

«Миссия была закончена,» тихо сказал Гаунт. «Есть все шансы, что мы достигли чего-то долговременного.»

«Тогда, почему ты выглядишь грустным?» спросил Феликс.

«Я потерял людей. Множество людей. Они отдали свои жизни, чтобы стать Призраками. Это всегда тяжело выносить для командира, даже в победе. И некоторые из них... особенно один... были очень дороги мне.»

Гаунт посмотрел на Феликса. В жилище Гаунта было тихо. Маддалена сидела в другой комнате, читала. Казалось, что она изучает копию *Жаждающих Сфер* Гаунта. Гаунт смотрел, как она перевернула страницу.

«Есть причина, по которой она тебе нравится,» сказал Феликс.

«Уверен, что есть,» сказал Гаунт.

«Наиболее ценные телохранители Дома Часс получают очень сложные модификации тела. Лицо и голос Маддалены, они были сделаны, чтобы напоминать мою мать. Сходство должно успокаивать и ободрять меня. Полагаю, что на тебя это тоже произвело эффект.»

«Полагаю, что так.»

«Это меч Иеронимо Сондара?» спросил Феликс.

«Да. Хочешь, чтобы я тебе рассказал, как получил его?»

Феликс помотал головой.

«Я видел, ты использовал его сегодня,» сказал он. «Это все, что мне нужно знать.»

Роун проверил, что кандалы Маббона были на местах и присоединены к штырю в полу. Он бросил последний взгляд на заключенного и пошел к двери камеры.

«Хорошая работа, фегат,» сказал он и закрыл люк.

В свете единственной лампы, которую ему разрешили, Маббон откинулся на стуле и позволил напряжению соскользнуть с его мускулов.

Впервые за долгое время, он улыбнулся.

В парадной униформе, с силовым мечом на бедре, Гаунт вошел на главную палубу. Было тихо. Шеренги стояли по стойке смирно. Полковая свита смотрела, тихая и безмолвная. Снаружи, варп царапал корпус, но внутри была торжественная тишина.

Оркестр, в полных официальных нарядах, приготовился играть памятный марш Империи.

Гаунт поднялся на подиум. Здесь уже стоял Цвейл, готовый провести официальную службу. Аятани выглядел старым, уставшим и печальным.

У Гаунта был лист в кармане, но он ему был не нужен в качестве шпаргалки. Он знал это сердцем. Он посмотрел вниз на полк и на трех Космических Десантников впереди, стоящих плечом к плечу и невозмутимых. Они вернули свою потрепанную абордажную броню в хранилище и надели силовую броню, которая была на них, когда он впервые их встретил. Серебро, Змей и Шрам.

«Мы собрались, чтобы отметить окончание этого предприятия,» сказал Гаунт сильным, чистым голосом, «и почтить сделанные вклад и жертвы. По моему представлению, были рекомендованы награждения. Некоторые из них посмертно.»

Он снял фуражку и начал произносить список имен. Призраки склонили головы. Холофернэс поднял свое копье строго вертикально в честь павших.

Высоко, смотря вниз со своего насеста на подъемном кране, псайбер орел слушал список павших.

Он раскинул крылья в великолепной аквиле.